

РЕМАРК

Вильгельм
фон
Штернбург

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1944

(1744)

Вильгельм фон Штернбург

РЕМАРК

«КАК БУДТО ВСЁ
В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ»

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2018

УДК 821.112.2.0(092)
ББК 83.3(4Гем)
Ш 90

*Перевод с немецкого
А. С. Егоршева*

*Текст печатается по изданию:
Wilhelm von Sternburg. «Als wäre alles das letzte Mal»
ERICH MARIA REMARQUE. Eine Biographie.
Kiepenheuer & Witsch, 2009*

знак информационной
продукции **16+**

ISBN 978-5-235-04143-1

© Kiepenheuer & Witsch, 2009
© Егоршев А. С., перевод с немецкого, 2018
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2018

Глава первая

«Я ПОСТАРАЮСЬ ПИСАТЬ ПРАВДУ!»

Он любил приукрасить свою жизнь. Слава еще только собиралась прийти к нему, а он уже сумел придать своему земному бытию немного радужного блеска. Вполне обычные имена и фамилию, полученные им при рождении, он облагородил, заменив Пауля Марией, а заурядное «к» — загадочным «que», даром что у предков его были французские корни¹. Вернувшись с войны в смуту первых лет свежеепеченной республики, он обзавелся мундиром лейтенанта и, в монокле, с хлыстиком и овчаркой, фланировал по улицам родного Оснабрюка: такой вид его должен был импонировать замшелым провинциалам. Позднее, в брызжущем весельем Берлине — Golden Twenties² еще прикрывали гибнущую политическую и экономическую систему — он изображал из себя лихого автогонщика, бывалого солдата, элегантного денди и, будучи выходцем из среды мелкой вестфальской буржуазии, даже приобрел дворянский титул: звался теперь бароном фон Бухвальдом, хотя это могло вызывать лишь улыбку. Много лет спустя, 15 августа 1950 года, он запишет в дневник: «Пьянство; небывлицы об автогонках; дутые ратные дела; липовый Бухвальд, вся эта фантазмагория...»

А тогда, на тридцатом году своей жизни, он вдруг сотворил такую книгу, которая за пару месяцев стала мировым бестселлером, пронесла его имя по всему свету и обеспечила ему место в истории литературы XX века. В собственной, охваченной классовыми бурями стране роман «На Западном фронте без перемен» сделал его, наверное, самым по-

¹ Erich Maria Remark значился теперь в паспорте как Erich Maria Remarque. (Здесь и далее примечания переводчика.)

² Годы, вошедшие в историю Германии как «золотые двадцатые».

литически спорным автором. У него началась жизнь, полная противоречий. Он стал «публичной» фигурой и чуть было не сломался на этом. Каждая строчка давалась ему с огромным трудом, художника слова терзали сомнения, вид письменного стола обращал его в бегство, и это при том, что работа едва ли не над каждой книгой заканчивалась новым триумфом. Он стал исключительно зорким наблюдателем своего времени, радикальным, но не идейно пристрастным толкователем политики, другом человечества, держащим его от себя на дистанции. Он работал медленно, с большими интервалами, разрабатывал темы основательно, отсылал рукописи в издательства только после их тщательной отделки. Всю жизнь он был тружеником — серьезным и крайне требовательным к себе. Он редко испытывал удовлетворение от опубликованного, еще реже оно наполняло его ощущением счастья.

Мир вскоре потребует от него интервью и политических оценок. Позднее, когда он станет появляться рядом с дивами Голливуда, его именем запестрят не только страницы солидных газет и литературных журналов, но и колонки в бульварной прессе. Пока же он разъезжает по миру, влюбляется, пьет и, кажется, вполне доволен жизнью, в которой так много соблазнов и удовольствий. Но есть в этой жизни и обратная сторона — с мучительными сомнениями в своих творческих силах, с подверженностью депрессиям, с неспособностью связать себя с другим человеком крепкими узами. Так рождается в нем чувство одиночества, которое будет усиливаться год от года. На «шумиху» вокруг своей персоны он реагирует нервно. Говорить о личных делах отказывается и — в отличие от многих коллег по цеху — очень немногословен, если все-таки приходится отвечать на вопросы о творческих планах или его отношении к событиям в большом, беспокойном мире. Когда папарацци, шелкая затворами камер, окружают его знаменитых спутниц, он отворачивается или закрывает лицо руками. Пройдут годы, а «Оффенбах пост» будет все еще возмущаться и сетовать (в 1948-м, в подписи к одному из снимков): «Редакции пришлось сделать 14 телефонных звонков и отправить пять писем, чтобы заполучить у Эриха Марии Ремарка всего лишь одну фотографию...»

А он нуждается в том, чтобы его окружали люди, в первую очередь — близкие ему женщины. Одиночество рождает страхи, которые он ощущает как экзистенциальный ужас. «Потому что одиночество — настоящее, без всяких

иллюзий, — это уже ступень, за которой следуют отчаяние и самоубийство»³. И он спасается от него в кафе, барах, фешенебельных ресторанах, в питейных заведениях и публичных домах с более или менее сносной репутацией. По натуре он чувствен, сексуальные контакты будут много значить для него и в пожилом возрасте, но и в женщинах он ищет, пожалуй, прежде всего расположенность к дружбе, взаимному доверию, душевному разговору. Даже публичные дома — это не столько место, где можно удовлетворить плотское желание, сколько своего рода приют, куда можно бежать от одиночества в долгие ночные часы, омрачаемые к тому же обильным потреблением спиртных напитков. Он будет подолгу жить в апартаментах различных отелей, и три-четыре недели пребывания в доме над Лаго-Маджоре будут казаться ему каждый раз — об этом говорят бесчисленные письма и дневниковые записи — своего рода «тюремным заключением». «Мне надо быть одному. Иначе ничего не получится», — запишет он в дневник, когда ему придется делать выбор: между работой над новым романом («Триумфальная арка») и жизнью возле его тогдашней возлюбленной — Марлен Дитрих. И действительно, покоя в душе у него нет. Творя месяцами в тиши, он тоскует по шумной светской жизни и той женщине, которой увлечен и восхищен. Находясь в Париже, Нью-Йорке или Лос-Анджелесе, он снедаем «ленью», корит себя за впустую потраченные месяцы, дни, часы... Заметим, кстати, что колебания в его эмоциональном состоянии лишь изредка обусловлены политическими событиями, заставляющими «затворника» все же выходить в большой мир.

Богатство, столь неожиданно свалившееся на него, и ощущение некоторой свободы позволяют Ремарку удовлетворять любое свое желание: щедро одаривать красивых и зачастую столь же богатых женщин из своего окружения; питать любовь к ценным произведениям искусства, приобретать знаменитые картины французских импрессионистов, дорогие восточные ковры, китайские, греческие и римские терракотовые фигурки; оплачивать частую смену мест проживания, ведь ими тоже определяется ритм его жизни. Давос, Санкт-Мориц, Ривьера, Рим, Париж, Нью-Йорк, Голливуд — он в постоянном поиске общения с большим светом и, влекомый любопытством к любым проявлениям жизни, наслаждается тем, что тот может ему

³ Перевод Юрия Архипова.

предложить. Ювелиров, у которых его спутницы подбирают себе самые роскошные украшения; рестораны, где гурмана и его сотрапезников ожидает ужин с шампанским и изысканными винами и где можно забыть страдания, причиненные работой над только что начатым романом; атмосферу большого города с его ночной жизнью, в которой странным образом растворяется столь часто ощущаемая им пустота; галереи и музеи, по которым ценитель искусства способен бродить часами. И все же Ремарк остается сугубым индивидуалистом. И может поведи себя как грубоватый, иной раз даже вульгарный собутыльник и при этом быть на завтра умным, отзывчивым другом и советчиком для тех, кто его никогда не разочарует. Ибо он чрезвычайно чувствителен, обид не забывает, по надобности ироничен, а подчас и циничен. Смеется от души, в словесной пикировке аргументирует остроумно и уверенно, любит «веселую» болтовню и сплетни, а они смакуются и среди голливудских звезд, и в эмигрантских кругах Нью-Йорка, и в маленькой Асконе, где временами собирается немалое число знаменитостей. Он предпочитает избегать умных разговоров с не менее именитыми собратями по перу, хорошо чувствует себя среди «нормальных» людей. С ними он, щедрый и не пьянеющий, может говорить, шутить и забывать обо всем до рассвета. У него особое отношение к цветам. Ими он осыпает женщин, цветами убраны все его жилища в Старом и Новом Свете. Он обожает собак и кошек, они густо населяют дом и сад в Порто-Ронко.

Ремарк выглядел блестяще, одевался всегда с консервативной элегантностью. «Простой парень из нижнесаксонской деревни, с крепко посаженной головой, лоб изрезан морщинами, волосы белокурые, глаза голубые, брови светло-русые, — записал в свой дневник граф Гарри Кесслер после визита к писателю, только что вставшему в когорту самых успешных. — Взгляд твердый, с проблесками лирики». В нем явно было то, что очень нравится женщинам. «*Remarque was very elegant*»⁴, — мечтательно говорит Марта Фейхтвангер о человеке, с которым ей и Лиону Фейхтвангеру доводилось видеться в Берлине, Швейцарии и в американской эмиграции. «*He was very much an homme a femmes: the ladies liked him, he liked the ladies*»⁵. Руг Мартон, с кото-

⁴ Ремарк был очень элегантен (англ.).

⁵ Он был истинным ценителем всего женского: дамы любили его; он любил дам (англ.).

рой его связывали давние отношения и которую он охотно навещал, находясь в Нью-Йорке или Лос-Анджелесе, вспоминает в своей книге «Мой друг Бони» о своей первой встрече с Ремарком в 1939 году, и читателю не трудно представить себе, как он мог очаровывать женщин: «У мужчин, ставших знаменитыми, далеко не всегда привлекательный вид, Ремарк же в своей тихой, залитой солнцем гостиной выглядел просто потрясающе и не таким уж задумчивым, как на суперобложках его книг. Голубые глаза его под косматыми бровями смеялись, и он показался мне милым и открытым. В майке, с шейным платком под цвет глаз, в брюках синеватого оттенка, он производил впечатление человека, которому нравится жить в Калифорнии, так же, как и на Лазурном Берегу, откуда он, как я слышала, только что приехал. Он был полон обаяния, прекрасно эрудирован и, кроме того, любезен и предупредителен. Я влюбилась в него сразу и бесповоротно». Альма Малер-Верфель, нашедшая в нем, несмотря на свою страсть к коллекционированию знаменитых мужчин, всего лишь бравого собутыльника, тоже не скупится на комплименты: «У Эриха Марии Ремарка чудесное лицо. Он высок ростом и строен... Не верится, что у человека может быть такая живая мимика. Левая бровь, толстая, черная, поднимается и придает его улыбке и смеху дьявольское выражение. Говорит он мало, но с прекрасной жестикуляцией».

Он не играл с женщинами, сопровождавшими его жизнь, — он нуждался в них: в постели, на званом обеде или за завтраком после пьяной ночи, то есть обычно не ранее полудня; для душевного разговора в те несчетные часы, когда им овладевала меланхолия или угнетали депрессии; в качестве советчиц по обыденным вопросам или зеркала его мужской состоятельности. Его обаяние обладало магнетической силой. В счастливые для него минуты он мог веселиться до упаду, готов был обнять весь мир. Притом что часто прятал свою доброту за внешней резковатостью. Роняя себя как личность при сильном опьянении, он чувствовал неловкость, доходящую до морального самобичевания. Когда Марлен Дитрих настоятельно посоветовала ему прервать работу над романом «Возлюби ближнего своего» и взяться опять за «Триумфальную арку», Ремарк, находясь в мрачном настроении, записал в дневник: «Начало работы очень робкое. Не мелковата ли тема? Ничто не помогает; давлению извне надо противопоставить давление изнутри. Работать!.. Один мир против другого. Но можно

ли еще одуматься? Упущено бесконечно много. Сколько того, что могло бы держать в тонусе, растеклось! В каше из лени, пассивности и стояния в сторонке».

Но ведь женщины всегда занимали в его жизни главное место. Еще юношей он доверил дневнику следующую запись: «Считаю то, что я понимаю под любовью, недостаточным для брака — ни по силе чувства, ни по его постоянству». Женат он был трижды (дважды на одной и той же женщине), хотя возлюбленных всегда хватало. Были среди них и весьма знаменитые. Марлен Дитрих, годами его пленявшая, любившая, мучившая и ввергшая в длительный творческий кризис. «Божественная» Грета Гарбо, приводившая его в восторг. Лупе Велес, покончившая с собой в Голливуде. Наташа Палей, модель, актриса, племянница царя Александра Третьего, связь с которой в 1940-е годы и пьянила, и терзала Ремарка. И, в последние два десятилетия его жизни, Полетт Годдар, американская кинозвезда, в прошлом жена Чарли Чаплина. Другие, не стоявшие в огнях рампы, нередко питали к Ремарку самые нежные чувства до конца своих дней. Он возникал в их жизни, чтобы исчезнуть и появиться вновь, не забывал покинутых и, случалось, сильно страдал. Письма Ремарка возлюбленным, спутницам, утешительницам говорят о его тоске по сердечной близости и единению с женщиной, о его склонности к ревности, о его деятельном сочувствии одиноким и страждущим. В них он по-отечески заботлив и ласков, открыт, остроумен, заманчив, а то и кокетливо жалостлив к самому себе. «Зачастую мне кажется, что я обладаю дьявольским искусством взять да и вскружить бабе голову»⁶. Иногда он пользовался этим искусством и для того, чтобы посеять среди своих поклонниц рознь.

Дружеские отношения с мужчинами были гораздо менее тесными. Став знаменитым, он и встречал знаменитых. Таких как Томас Манн и Лион Фейхтвангер, Эмиль Людвиг и Бруно Франк, Карл Цукмайер и герои киноэкрана, великие режиссеры и продюсеры из Голливуда. В общении с большинством из них он соблюдал дистанцию. Дружба связывала его с писателями Фридрихом Торбергом и Хансом Хабе, с журналистом (и романистом) Хайнцем Липманом и, конечно же, не в последнюю очередь, с антикваром Вальтером Файльхенфельдом. Любил он провести вечерок-другой и с Францем Верфелем. Однако константой его

⁶ Дневник от 10 октября 1918 года.

жизни все же были одиночество и борьба с ним. «Люди отлива и прилива никогда не счастливы полностью, но никогда не бывают и полностью несчастливы. Можно быть и по ту сторону отчаяния... по ту сторону криков и воплей, по ту сторону тупого одиночества, которое называет себя таковым, потому что рядом нет того существа, которое тобой любимо, потому что оно ушло, исчезло. И ужас тебе внушает даже зеркало»⁷. Он был суеверен, и если гороскоп предвещал «плохие» дни, то он отрывался от письменного стола, бежал в ночь, пил.

За внешностью элегантного космополита, неутомимого любовника, гостя раутов, посетителя ресторанов и словоохотливого поклонника «зеленого змия» всегда и непобедимо таится печаль. Но одолеть его она не может. Воля к жизни (и страх смерти) — сильнее. «Благодари Бога за то, что Ты, брат, живешь». Именно в этом, а не в эскападах «бонвивана» сокрыта — если выразиться слегка патетически — истинная смелость этой писательской жизни. Он не сдался, упорно и в творческих муках, — страдая в последние годы тяжелым недугом, — пишет роман за романом.

Наркотиком его жизни был алкоголь. Он подорвал им свое физическое здоровье (будучи к тому же завзятым курильщиком), но не разрушил этим эликсиром ни своей психики, ни своих отношений с социумом. Даже при том, что сильно сопротивлялся болезненному влечению лишь от времени до времени. «Третий день, как не пью и не курю. Терпимо, но скучно. Когда-нибудь опять откажусь от воздержания». Более или менее серьезно это произошло уже на склоне лет, когда острые сердечные приступы усилили страх смерти. Йозеф Рот, чудесный рассказчик еврейско-галицийского происхождения, глушил тоску по утраченному миру рухнувшей габсбургской империи, гасил все усиливающееся нежелание жить непомерным употреблением алкоголя и, проживая в Париже эмигрантом, убивал себя планомерно и систематически. Его более молодой современник не захотел брести той же тропой. Ремарк пил регулярно и с наслаждением, иногда днями, а то и неделями, не зная меры, но гибели при этом не искал. Может быть, искал забвения. Страх перед безмолвием, перед оскудением творческих сил, перед старением и смертью гнал его в кабаки, снобистские бары и злачные места субкультур — к говорунам и к собутыльникам, малопривлекательным в интеллек-

⁷ Дневник от 12 апреля 1937 года.

туальном смысле. Он почти никогда не отправлялся туда в сопровождении женщин, с которыми в это время дружил. Пил он и в Порто-Ронко, где у него был богатый винный погреб, пил на океанских лайнерах и там, где задерживался надолго, пил в номерах гостиниц, ресторанах и кафе — с Дитрих, с Палей, с Юттой Цамбоной. Он был открытым и честным приверженцем спиртного, а не «пьянчугой», который жадно, дрожа всем телом, бросается к стакану. Проведя как-то вечер у Эмиля Людвига, он записал в дневник: «С испугу выдул чуть ли не полную бутылку вишневки». А февральским днем 1938 года, прослушав по радио новости о британской политике по отношению к территориальным претензиям Гитлера, записал в угнетенном состоянии духа: «Вечером выпил бутылку вормского монастырского марки “либфрауэнмильх”, урожая 34-го года. Обойтись без этого не мог». Он был романтиком, который уходил от ужасающей действительности в прекрасные винные дали.

Геи, лесбиянки, проститутки, сутенеры — этот совсем не буржуазный, сумеречный мир будил фантазию писателя и давал ему пищу для размышлений над героями будущих произведений. К этому миру принадлежали и его знаменитые спутницы. Они вращались в гомосексуальных кругах Парижа, Нью-Йорка, Лос-Анджелеса и наслаждались любовью с партнершами того же пола.

Он написал четырнадцать романов, по крайней мере три пьесы, несколько сценариев, сотни рассказов, стихотворений, статей и репортажей. Первые более или менее крупные прозаические произведения («Приют грёз», «Гэм» и «Станция на горизонте») виделись ему потом «грехами молодости». Его опусом номер один, с точки зрения литературной и политической общественности, стал роман «На Западном фронте без перемен». Его книги переведены на десятки языков, по сей день печатаются все новыми и новыми тиражами, выходят в новых переводах. Его захватывающие напряженным действием истории, сентиментальные, словно выхваченные из жизни, проникнутые глубоким скептицизмом и непоколебимым гуманизмом, давали материал, который с жадностью подхватывали боссы голливудских студий. Так его романы входили и в историю кинематографа. Знаменитые режиссеры и сценаристы брались за их экранизацию с участием знаменитых актеров и создавали фильмы, благодаря которым как имя Ремарка, так и то, что оставалось в них от его творений, приобретало всемирную известность.

Любовь и смерть — центральные и экзистенциальные моменты человеческого бытия — были темами этого автора. Многие из рецензентов просто не замечали, что его книги несут в себе еще и мощный политический заряд; что микрокосмос индивидуальных судеб встроено в макрокосмос современной истории и определяется им по крайней мере в основных чертах. Немецкая литературная критика ревниво и с подозрением следила за выдающимися успехами писателя, который не блуждал в метафизических потемках германской мистики спасения души или внутреннего мира, а рассказывал о жертвах кровожадного времени — о фронтовиках и вернувшихся с войны, о не питающих больше никаких иллюзий, о тех, кто был изгнан из родной страны, о потерявших себя, о потерпевших крах в любви. От его историй, конец которых густо окрашен меланхолией расставания, смерти и «одиначества», веет, однако, «необходимым оптимизмом пессимиста». Может быть, и в этом тоже секрет непреходящей популярности его книг. Читатель встречается в них с самим собой, воспринимает вымышленных героев как отражение собственных мечтаний, сомнений, страхов. Этот, по сути своей, немецкий романтик обратил свой взгляд к действительности — прежде всего политической — и, уже в конце жизни, выразил свое «наперекор всему-кредо» следующими словами: «Ведь что останется, если мы перестанем верить в возможность прогресса, — что останется? Я допускаю, что иногда очень трудно в него верить, но все же нельзя отказываться от веры, вместе с тем важно и нужно работать ради этого. Я бы даже пожертвовал какой-то долей художественности изображения, если бы таким образом мог содействовать прогрессу».

Он сам поспособствовал тому, чтобы можно было запросто игнорировать политическую заостренность его произведения. Едва роман «На Западном фронте без перемен» вышел в свет, как он тут же назвал себя аполитичным. Нелестный эпитет пристал к нему как репей, хотя в 1950-е и 1960-е годы он высказывался о тогдашних, в том числе взрывоопасных, событиях со всей определенностью. Пусть недоразумение и было оправданным, оно сопровождало его на протяжении всего творческого пути. «Эта книга не должна быть ни обвинением, ни исповедью», — написал он, предваряя рассказ о Пауле Боймере и о поколении, «которое погубила война». Критики Ремарка восприняли эти слова всерьез, отнесли его к разряду литературных

легковесов, посмеивались над «писателем, заточенным на успех» и старательно обходили своим вниманием те политические вопросы эпохального значения, которые он не напрямую, но вполне сознательно поднимал в своих книгах. В десяти из одиннадцати романов, написанных после самых ранних сочинений, действие не только развивается на конкретном историческом фоне; оно им и определяется. Ремарк вращивает в ткань этих романов темы и события, которые глубоко волнуют человечество именно в годы его собственной творческой жизни. Это и Первая мировая война («На Западном фронте без перемен»), и драма Веймарской республики («Возвращение», «Три товарища», «Черный обелиск»), и эмиграция («Возлюби ближнего своего», «Триумфальная арка», «Ночь в Лиссабоне», «Тени в раю»), и действительность в национал-социалистической Германии («Искра жизни», «Время жить и время умирать»).

Он писал романы о своем времени. Даже вглядываясь в прошлое, он видит перед собой настоящее и обращается именно к нему. Так, роман «На Западном фронте без перемен», действие в котором происходит за десять лет до его написания, стал бестселлером прежде всего потому, что Ремарку удалось затронуть в нем главный нерв жизни страны в ту пору, когда Веймарская республика уже неудержимо двигалась к своему закату. Поведать не столько о давно минувшей войне, сколько о ее воздействии на умы людей, проявившемся лишь с активизацией врагов республики и с упадком германской демократии, — вот какая задача решалась этой книгой, если говорить о ее глубинной сути. «И я знаю: все, что камнем оседает в наших душах сейчас, пока мы находимся на войне, всплывет в них потом, после войны, — говорится в романе, — и вот тогда-то и начнется большой разговор об этих вещах, от которого будет зависеть, жить нам дальше или не жить»⁸. В романах «Искра жизни» и «Время жить и время умирать», написанных в ранние, реставрационные годы Федеративной республики, Ремарк поднял темы, — судьбы узников нацистских концлагерей и преступления вермахта на Восточном фронте, — которые либо вытеснялись из сознания граждан аденауэровского государства, либо просто-напросто игнорировались. Лишь много позже, когда историки всерьез, без идеологических шор, начали исследовать причины катастроф в германской

⁸ Цитаты из романа «На Западном фронте без перемен» приводятся в переводе Юрия Афонькина.

и европейской истории XX столетия, проливая при этом свет на преступные заблуждения немецкого общества той поры, стало ясно, с каким безошибочным чутьем Ремарк зафиксировал и духовную нищету своего времени, и жалкие потуги палачей обелить себя, и невыносимые страдания их жертв, беспощадно и бесстрашно разоблачая попытки опорочить тех, кто подвергался арестам, пыткам, гонениям.

Все это, а также эстетика его творчества, свободная от германской «глубины», по праву сделали Ремарка одним из тех немногих немецкоязычных писателей, чьи романы быстро обрели в те годы и международную известность. Он был гражданином мира и писателем мира.

Сам он хотел в конце жизни значиться в одном ряду с такими писателями, как Эмиль Золя. Французский романист создал во второй половине XIX века грандиозную картину нравов того времени. Ремарк, несомненно, ощущал как личную художественную трагедию тот факт, что коллеги и критики никогда не давали его творчеству столь же высокой оценки. И оказались неправы: в романах Ремарка глазам читателя предстает панорама жизни общества в эпоху, которая, отойдя в историю, во многом определяет умонастроения людей и в наши дни.

Ремарк страдал оттого, что его вклад в литературу измерялся лишь сенсационным успехом романа «На Западном фронте без перемен», в то время как другие его романы оказывались в тени этой книги. Впрочем, и Гёте всю жизнь досадовал на то, что в салонных разговорах о его творениях первым делом почти всегда назывался «Вертер». Томас Манн оскорбился и возмутился, узнав, что он отмечен Нобелевской премией за «Будденброков», — роман, опубликованный 28 лет тому назад, а не за роман «Волшебная гора», который вышел в свет за пару лет до присуждения высокой награды и нравился автору гораздо больше — ввиду его художественных достоинств. Однако такие казусы литературно-исторического характера едва ли могли послужить Ремарку достаточным утешением.

Ремарка часто упрекали в том, что он — в отличие от многих интеллектуалов — не желал участвовать в схватках между сторонниками различных идейных течений, то и дело закипавших в послевоенной Германии и имевших как для страны, так и для отдельных поединщиков роковые последствия. Он долго хранил молчание, пока вопросы не коснулись его творчества, дистанцировался от бесконечных распри в среде немецких эмигрантов, крайне редко

ставил свое имя под политическими резолюциями, не посещал бесчисленных собраний, на которых страстно, но на весьма невысоком уровне велись дебаты о войне и мире, демократии и диктатуре, коммунизме и Народных фронтах, гражданской войне в Испании и фашизме, московских процессах и послевоенном устройстве. Томас, Генрих и Клаус Манны, Лион Фейхтвангер, Арнольд Цвейг, Альфред Дёблин, Бертольт Брехт, Франц Верфель, Леонгард Франк, Артур Кёстлер, Густав Реглер, Людвиг Маркузе, а также такие приверженцы коммунистических идеалов, как Анна Зегерс, Людвиг Ренн, Иоганнес Р. Бехер и Фридрих Вольф, выступали с эссе более или менее ярко выраженной политической направленности и участвовали в публичной полемике газетными статьями. Он не делал ни того ни другого. Все, что ему хотелось сказать, сказано в его романах — так говорил Ремарк тем, кто подступал к нему с требованием высказаться по тому или иному вопросу. От своей нерешительности он отказался лишь в конце Второй мировой войны и уже не испытывал колебаний в годы западногерманской эквилибристики с вытеснением позорного прошлого из сознания тамошних бюргеров. В его публичных выступлениях звучало немало критических формулировок, он обвинял немецкое общество в потере памяти, предупреждал землян об опасности глобального военного столкновения на фоне конфронтации между Западом и Востоком.

Его мировоззренческая позиция была неизменно четкой и ясной. Он всегда стоял на стороне униженных и оскорбленных, на стороне жертв кровавых войн, свирепых диктатур и всевластия капитала. Герои его произведений живут, мыслят и действуют не как агитаторы и не по плоским канонам их заидеологизированного времени, а как люди умные, не свободные от приступов отчаяния, но никогда не позволяющие ему убить в них волю к сопротивлению. Жизнь преподавала им горькие уроки, они догадываются или знают, что любовь и дружба могут быть тщетными, они посмеиваются над идеалами, которыми украшает себя буржуазное общество, чтобы придать реальности видимость нормальности. Его тема — потерянности человека, и он находит ее среди фронтовиков и людей, измотанных инфляцией, среди эмигрантов и аристократов, среди фашистов и коммунистов, среди пьющих и любящих, среди бедных и богатых. «В конце концов, ты все же всегда одинок», — записывает юноша двадцати лет в свой дневник,

определяя таким образом лейтмотив своей жизни и своего творчества.

Романы Ремарка автобиографичны лишь отчасти. Действие происходит в тех местах, где он жил (Оснабрюк, Берлин, Париж, Давос, Ривьера, Нью-Йорк, Калифорния), многие детали, которыми он окружает своих героев, указывают на пережитое им самим, на собственный жизненный опыт. Он рассказывает об участниках войны, о солдатах, возвращающихся в измененную поражением общественную реальность, об учителях, о продавцах надгробных памятников, о бывших журналистах, друзьях быстрых машин и эмигрантах, о влечении к женщинам и алкоголю, о жизни в ослепительной атмосфере Голливуда. Его героини обладают некоторой схожестью с его женой, Юттой Цамбоной, с Марлен Дитрих, Наташей Палей и другими любовницами и подругами. Но все это образует лишь своеобразный каркас широкого, яркого художественного полотна, на котором разворачивается действие, близкое к реальности, и живут герои, подкупающие своей достоверностью и потому понятные читателю. Однако как Томас Манн не был урожденным господином Будденброком, как Арнольд Цвейг, будучи солдатом на Восточном фронте, лично не пережил того, что произошло там с сержантом Гришей, как Генрих Манн, пылающий страстью к актрисе Труде Гестерберг, не разделил трагическую участь учителя Унрата, так и жизнь Эриха Марии Ремарка не протекала так, как складывались судьбы героев его романов.

Если же взглянуть на присутствующий в них биографический элемент с другой точки зрения, то становится очевидным, сколь велико его значение и для тематики романов, и для эстетических воззрений автора. Не увидев всех ужасов того, что творилось на фронте, он не смог бы написать свой «военный» роман так, как он это сделал десятью годами позже. Ремарк на собственной шкуре испытал тяготы жизни как в Веймарской республике, так и в эмиграции, и заложил свои ощущения в основу своих романов. Столь же интересны в этом отношении мысли и чувства его протагонистов мужского пола — Пауля Боймера, Эрнста Биркхольца, Роберта Локампа, Йозефа Штайнера, Равика, Людвига Бодмера, Роберта Росса. В них действительно отражается то, каким сотворивший их писатель видел мир и населяющих его людей. С их неприкаянностью и потерянностью, с борьбой за сохранение своего достоинства в эпоху порой запредельного унижения человека, с неиспол-

нимым стремлением к нерасторжимой дружбе и стойкому ощущению счастья, с отчаянным уходом в безмолвие и опьянение, с осознанием неотвратимого, ибо «смерть понять нельзя».

В этом — а не во множестве красивых легенд, которые он любил распространять о себе, и не в чередѣ поступков, взятых для романов из собственной жизни, но легко заменяемых подобными, — читатель может открыть для себя не такую уж малую толику внутреннего мира своего автора. Завышая образ художественными средствами и служа примером для той части своего поколения, которая близка ему ментально и душевно, описывает он своих антигероев, их действия, их чувства и мысли. Оказавшись между молотом и наковальней, они воплощают гуманизм Ремарка, жизнерадостного пессимиста с его верой в то, что можно выразить одним емким восклицанием: «И все же!..» — «Вчера я составил свое кредо из трех слов: независимость — толерантность — юмор...» Человек только тогда потерян, когда он сдается сам. «Пока человек не сдался, он сильнее своей судьбы» — таково, пожалуй, его главное послание, и Сизиф, вкатывающий камни в гору у Альбера Камю, мог бы столь же упорно делать свое дело и в историях, которые рассказывает Эрих Мария Ремарк. Но это не репортажи, основанные на фактах, а литературное описание своего времени и теряющих себя в нем людей. Поскольку, однако, он открывает в своих героях и антигероях собственный внутренний мир и мы узнаем себя в его любящих, пьющих, распутничающих, иронизирующих, рефлексирующих, гонимых, страдающих, то есть в борющихся за спасение своей неповторимой личности и гибнущих при этом людях, то нетрудно понять, почему романы Ремарка обрели огромную читательскую аудиторию.

Авторы десятка книг и критических статей, написанных об этом писателе и опубликованных в последние десятилетия, — их число не кажется таким уж большим на фоне его необыкновенной популярности — склонны были, однако, видеть в романах Ремарка путеводную нить его жизни. Соблазнившись тем, что он отказывался говорить о себе, просил не выходить за пределы чисто литературных вопросов и не вторгаться в его личную жизнь, они с легкостью переносили вымысел на реальность. К тому же он сам был мастером по заметанию следов. То и дело сжигал письма, — притом что писал их в несметных количествах, — играл в них зашифрованными именами, отправлял без указания

даты. Дневники оставались под замком до его смерти и не опубликованы до сих пор. Давая интервью, он неизменно отсылал к историям из своей жизни, а тайного в них было, конечно же, больше, чем явного.

У него не было особого интереса ни к тому, ни к другому. Ибо этот столь успешный, склонный к мазохизму и отнюдь не лишенный тщеславия автор всю жизнь сохранял по отношению к самому себе весьма симпатичную дистанцию. В апреле 1969 года он написал другу юности, просившему прояснить некоторые эпизоды из ранних лет его жизни: «По теме “Ремарк и Оснабрюк” мне тебе толком не помочь, потому что ко всему автобиографическому, а также к биографиям я питаю антипатию. По-прежнему воспринимаю их как переоценку собственной важности и, таким образом, как косвенный эгоизм, прикрытый чуточкой тщеславия. Некоторые писатели любят говорить о себе и о своей жизни, другие предпочитают, чтобы оценивались их работы. Я принадлежу к последним... То, чему я научился в жизни, и без того использовано в моих книгах, остальное — сугубо личное и для работы значения не имеет». К тому же он любил и знал то, что называл действительно большим искусством. Не только литературу, которой занимался сам, но и музыку, — она сопровождала и наполняла его, играющего на фортепьяно и органе, всю жизнь. И живопись — ее шедеврами он, плененный их немеркнущей красотой, окружал себя повсюду — где бы в то или иное время ни жил. И поэтому относился к собственным сочинениям с чрезмерной и, пожалуй, разумной скромностью. Свои издательства и почти всех своих редакторов он презирал, критика наводила на него тоску, сомнения в собственных способностях мучили его до конца жизни, их было не прогнать самыми высокими продажами. «Пришли газеты с нелестными рецензиями. Их немного. Но достаточно, чтобы убедить меня».

Томас Манн, самый знаменитый из пишущих современников, оставляет 28 мая 1939 года — после вечернего разговора в кругу семьи — следующую запись в дневнике: «О писателях Цвейге, Людвиге, Фейхтвангере, Ремарке. Коему надо отдать пальму неполноценности». Суждение хотя и продиктовано личной неприязнью и даже завистью к слишком уж успешному собрату по перу («Ремарк и Дитрих, неполноценны», — записывает однажды духовный лидер буржуазии после ланча в одной из студий компании «Уорнер Бразерс»), но ведь высказывания такого же рода —

отрицательные, высокомерные — можно найти в записках, воспоминаниях, письмах и других коллег Ремарка. Герман Кестен не без иронии говорит о «народном писателе столичного покроя». В одной из заметок частного характера Клаус Манн называет роман «Три товарища» «неграмотным, лишенным шарма, вульгарным» и видит в его героях «беспробудных пьяниц». По свидетельству одного из биографов Генриха Манна, старший из братьев объяснял успех Ремарка явным стремлением угодить «вкусам разношерстной публики». А в рабочем журнале Брехта имя Ремарка упоминается всего лишь один раз, и то без всякой связи с литературой: «новогодний вечер у бергнер. гранах. фейхтвангеры. вдруг возникает ремарк с лупе велес, мексиканской звездой из голливуда. р(емарк) в смокинге, выглядит как ханнс хайнц эверс, и мне чего-то не хватает на его лице, наверное, монокля». Граф Гарри Кесслер не без удовольствия рассказывает о светском ужине, состоявшемся в один из вечеров августа 1929 года с участием Арнольда Цвейга. Его «военный» роман о судьбе сержанта Гриши появился на книжных прилавках в 1927 году, принес ему славу, но никак не достигал, к вящему разочарованию автора, тиражей романа «На Западном фронте без перемен». «Цвейг прыскал из-под роз ядом в сторону Ремарка», — пишет Кесслер в своем дневнике. «Представив дело так, будто Ремарка кто-то атакует, хотя все его хвалили, он сказал: Нет, нет, книга хороша (“хороша” — с оттенком снисходительности); Ренн и Ремарк — это два “добротных” дилетантских романа. Ремарк мог бы даже сделать из своей книги великий роман; но дилетантизм тут в том, что он не увидел точки, с которой должен был бы начать создавать его, хотя точку эту он нашел».

Не так уж точен в своих воспоминаниях о нашем авторе и Роберт Нойман, живший в Швейцарии по соседству с Ремарком в более поздние годы: «Всякий раз в его вещах был ошутим неотесанный, но удивительный талант рассказчика, всегда имелся солидный реалистический фон, но эти плюсы сплошь и рядом компрометировались погоней за шумным успехом, — вовсе не в литературе, а уже в кинематографе, — и, как следствие, ценой потери художественной цельности...» Суждение, не применимое по крайней мере к самому знаменитому роману. Ведь когда пребывающий в неизвестности Ремарк писал «На Западном фронте без перемен», ему и присниться не могло, что его книга послужит когда-нибудь сценарием для фильма.

Правда, после смерти Ремарка Нойман напишет в своей (критической) рецензии на роман «Тени в раю» прекрасные, точные слова: «Мужественный человек и бескомпромиссный характер. Одинокий человек. Несчастливый человек. В то, что он якобы счастлив, я никогда и не верил». Йозеф Рот заканчивает свой «Саморазгром», опубликованный в ноябре 1929-го в журнале «Ди литерарише вельт», иронической фразой: «Измеряя эти числа (имеется в виду второй тираж его романа «Справа и слева». — В. Ш.) моими писательскими недостатками, я чувствую в вечерней тиши, как слегка теряю рассудок, и мне грезится, будто я маленький Ремарк, частица безбрежной Германии». Наконец Карл Цукмайер, опубликовавший в «Берлинер иллюстрирте» восторженную рецензию на военный роман Ремарка, почти не коснулся в своих мемуарах всего его творчества, зато подробно описывал долгие ночи в американской эмиграции, когда они пили «ром или водку и воображали, что сидят у господина Вайценблюта в старом “Нева Гриль” на Виттенбергплац в Берлине или у Генри Бендера в клубе художников и поэтов».

Успех Ремарка вызывал зависть. Прежде всего, конечно же, в годы, когда почти все эмигранты, пишущие на немецком, потеряли своего читателя, перебивались на чужбине с хлеба на воду, а книги их выходили — если вообще выходили — в одном из эмигрантских издательств, и то лишь малыми тиражами. Зато с какой охотой иные из них поносили Ремарка, Фейхтвангера, Стефана Цвейга и даже Томаса Манна, — ведь их произведения пользовались спросом и переводились на другие языки. Таких авторов можно было просто обругать или с издевкой назвать «великими». Альфред Дёблин, Бертольт Брехт, Роберт Музиль, Йозеф Рот, Генрих Манн — они и многие другие обретались вдали от родины без читателя и денег, борьба за элементарное выживание ставила их в зависимость от пожертвований и других видов помощи со стороны комитетов по делам беженцев и состоятельных литераторов. Некогда знаменитые немецкие писатели корпели в студиях Голливуда над сценариями, которые обычно оставались незаконченными. Ремарк и в эти годы был богат, его книги по-прежнему издавались большими тиражами, по ним снимали фильмы, их обсуждали в международном медийном пространстве. Подобно Лиону Фейхтвангеру, Стефану Цвейгу и Томасу Манну, он откликался на зовы о помощи разными способами: посылал обедневшим крупные суммы; защищал про-

изведения тех товарищей по перу, которые там, за океаном, лишились своей известности; добивался выдачи въездных виз, нередко спасая таким образом чью-нибудь жизнь; давал приют беженцам в своих апартаментах. Но завистникам этого было мало. Завистники не любят «счастливицев» — и тем сильнее, если сами попали в беду.

Каких только ярлыков не навешивали на произведения Ремарка, относя их и к массовой литературе, и к бульварному чтиву, а то и просто называя халтурой. Нельзя так обращаться с войной, с экономикой Веймарской республики, с узниками концлагерей — хором объясняли ему критики с полос германских газет и журналов. Негоже писать сентиментально, заполнять страницы романа не живыми героями, а манекенами, так грешить недостоверностью, так сильно отрываться от действительности. Критики не хотели вникать в суть его произведений, их суждения распространялись по стране, звучали на факультетах германистики — если наука вообще нисходила до того, чтобы заниматься этим автором. И, конечно же, за такими оценками легко угадывалось стремление принизить философское содержание его романов, упрекнуть их автора в пацифизме, а то и уличить в политической бесхребетности. Когда Ремарк, принявший американское гражданство, решительно заявил в одном из интервью, что больше не считает себя немцем, ибо не думает, не чувствует и не говорит по-немецки (*I am no more German for I do not think German or feel German or talk German*), то Людвиг Маркузе, например, так отреагировал на это в своих мемуарах: «Гордому немецкому писателю не пристало бояться замаранного немецкого имени. Он должен иметь мужество признать свой язык как данный ему на всю жизнь».

Проза Ремарка проста, его истории прямолинейны и увлекательны. Они рассказаны реалистом, в них нет ничего от экспериментальной литературы. По психологической нюансировке и языковому многообразию они, бесспорно, уступают сочинениям таких мастеров, как Томас Манн. Ремарк писал книги и очень хорошие, и не блистающие стилем. Но можно ли говорить о литературе на потребу читателя, о бульварном чтиве, если автор точными, беспощадными мазками рисует картину своего времени, рассказывает о переживаниях юношей, брошенных в пекло мировой войны, об узниках концлагеря, отважно отстаивающих свое человеческое достоинство, о кровавых преступлениях на Восточном фронте? Ремарк не нуждается в адвокатах,

его книги говорят сами за себя. Просто тем, кто позволяет себе давать им огульные оценки, следовало бы читать их внимательно и без пристрастия.

С миропониманием преуспевающего буржуа или университетского профессора никак к тому же не вяжется образ серьезного писателя, который появляется среди кинозвезд, любит автогонки, с умным видом рассуждает о коктейлях из дорогих вин, а в свои ранние годы сочинял рекламные тексточки («Чтоб увидеть света край, шины Конти покупай!») и строчит репортажи о боях на берлинских аренах. Коли на уме у тебя девки и алкоголь, то это еще не значит, что ты непризнанный гений!

Такие суждения и предвзятые мнения никогда не отпугивали читателя, но самым решительным образом сказывались на восприятии произведений Ремарка «профессиональными» критиками. Просматривая между тем рецензии и письма видных критиков и писателей тех лет, когда публиковались романы Ремарка, видишь картину хотя и пеструю, но отмеченную прежде всего данью уважения к его творчеству. «Ремарк рассказывает мастерски, — пишет Альфред Польшар в своей рецензии на роман «Три товарища», — рассказывает лаконичным, гибким языком, выявляющим суть вещей с точной обрисовкой их деталей. В нем уловлено дыхание мгновения». Посмотрев в Берлинском театре на Кёниггретцерштрассе спектакль по антивоенной драме «What Price Glory?» Максвелла Андерсона, переведенной Карлом Цукмайером под заголовком «Соперники» после ее сенсационной постановки на Бродвее, Альфред Керр писал в 1929 году: «Но разве именно драма выражает наши мысли и чувства наилучшим образом? Книга Ремарка с ее эпической широтой сильнее этой драмы». Не оставив романы веймарской поры без скептических замечаний, Курт Тухольский пишет после публикации «Возвращения»: «Это чистая, простая и ясная эпика». После того как автор романа «На Западном фронте без перемен» подвергся яростным атакам справа, о полемике вокруг книги и ее экранизации высказался — в нескольких статьях — Карл фон Осецкий, издатель и главный редактор знаменитого журнала «Вельтбюне». Он решительно встал на защиту Ремарка, прекрасно понимая политическую значимость его произведения. Веймарская республика шла навстречу своей гибели, и Осецкий с грустью писал: «Разве не минуло целых ста лет с тех пор, как триумф военного романа Ремарка был истолкован как стихийный поворот к миру? Признавая

за автором все его достоинства и благие намерения, мы возражали тогда против такой интерпретации. И что же? Мирный настрой растаял как прошлогодний снег». В письме от 28 июня 1929 года Стефан Цвейг сообщал Ромену Роллану: «Националисты в Германии в отчаянии. Своей книгой “На Западном фронте без перемен” — тираж 600 000 за 12 недель и приближается к миллиону — Ремарк просто сразил их. Это простая и честная книга принесла пользы больше, чем вся пацифистская пропаганда за десять лет...» Анализируя роман «Искра жизни» и давая книге весьма положительную оценку, Рудольф Кремер-Бадони писал в сентябре 1952 года: «Эрих Мария Ремарк — человек необычайно умный. При этом в нем нет ни капли той дипломатичности или готовности приспособиться к обстоятельствам, что так заметны в людях просто умных. Сравнивая, например, большевизм с фашизмом, а коммунизм с нацизмом, он никогда не выберет так называемое меньшее зло». Йоахим Кайзер не может скрыть своего восторга: «Ремарк умеет рассказывать. Более того, он может придумать сцену, умеет придать диалогу завершенность, выстроить эпизод так, что в нем непременно будет изюминка, а весь эпизод будет гармонировать как с целым, так и с каждой деталью. К тому же Ремарк совершенно непоколебим в своей самодовольной снисходительности! К тому же Ремарк с такой сногшибательной точностью знает, как чувствует себя человек в кольце из зияющих пропастей!»

Молодая американская литература — Хемингуэй, Фолкнер, Фицджеральд, Вулф, Синклер Льюис — с ее языком, свежим для старой, некогда образцовой Европы, приветствовала появление новой звезды. Хемингуэй, только что сам опубликовавший роман о Первой мировой войне («Прощай, оружие!») и наблюдавший за потрясающим успехом немецкого писателя в Соединенных Штатах с ревнивой опаской, сообщал в сентябре 1929 года в письме Фрэнсису Скотту Фицджеральду: «Странно, что поначалу я не мог войти в “На Западном и т. д.”, но когда-таки вошел, то посчитал, что роман этот чудовищно хорош...»

Уильям Фолкнер, книги которого Ремарк читал с восторгом, опубликовал в 1929 году роман «Шум и ярость», но успеха не имел. Зато утешением ему было видеть «На Западном фронте без перемен» в списке бестселлеров того сезона. Значит, хорошие романы тоже раскупались, и это ободряло писателя. Фрэнсис Скотт Фицджеральд написал в Голливуде сценарий по роману «Три товарища», и хотя

до съемок дело не дошло, об авторе и его произведении он говорил с большим воодушевлением. Английский писатель Герберт Джордж Уэллс называл этот роман чудесным («it is a wonderful book»).

Ремарк всегда стоял между фронтами литературной критики, хула и хвала равно сопровождали все его романы. Наверное, наиболее трезвую оценку этой ситуации дал Тухольский, высказавшись в ходе дискуссии вокруг романа «На Западном фронте без перемен» следующим образом: «Литературные успехи не являются поначалу весомым доказательством ценности произведения. Превысив, однако, некую меру, они уже становятся индикатором — не столько качества книги, сколько духовного состояния широких масс. И незаслуженных успехов — от Томаса Манна до Курц-Малер — не бывает». К аналогичному выводу приходит Фриц Ландсхоф, возглавлявший — до вторжения вермахта в Голландию — немецкоязычный отдел в амстердамском «Кверидо» и издавший там «Трех товарищей». Размышляя в своих мемуарах о сотрудничестве с Ремарком, он пишет: «У немалого числа критиков есть склонность недооценивать литературные достоинства успешного автора и рассматривать неудачу того или иного произведения как знак его литературной ценности. Именно многим немецким критикам свойственна привычка ставить авторов, трудных для понимания, умеющих сложно выразить даже простые мысли, над авторами, которые даже сложные мысли умеют выразить внятно, четко и ясно». Беседуя как-то с одним журналистом в 1940-е годы, когда на Бродвее с огромным успехом шли «Трехгрошовая опера» и «Возвышение и падение города Махагони», их автор Курт Вайль заметил: «Я никогда не признавал различия между “серьезной” и “легкой” музыкой. Музыка бывает либо хорошей, либо плохой».

Как почти каждый автор, чьи сочинения обрели в их совокупности определенный объем, так и Ремарк написал романы просто замечательные и ничем особо не примечательные. Могли ли мы, не зная имени автора, отнести роман Томаса Манна «Королевское высочество» или его повесть «Черный лебедь» к шедеврам немецкой литературы? Чем так уж значителен его «Феликс Круль», кроме веселой ироничности? (О недостатках романа прямо говорил и сам автор.) Не слишком ли слабыми оказались поздние сочинения Арнольда Цвейга после его великих романов о войне и ее воздействии на общественное сознание? Разве мы не

знаем, что среди выдающихся эпических творений Генриха Манна есть вещи, которые очень и очень далеки от уровня таких работ, как «Маленький город», «Верноподданный» и романы о Генрихе IV? Не оставил ли нам Лион Фейхтвангер, «мастер исторического романа», и творений весьма легковесных? И не по праву ли давно забыта проза драматурга Герхарта Гауптмана? А если вспомнить все, что написал Альфред Дёблин, разве не очевидна художественная неполноценность некоторых его романов?

В первые десятилетия после Второй мировой войны многие из именитых немецкоязычных писателей, ожидавших конца Третьего рейха в эмиграции, просто не существовали для западногерманских издательств. А значит, стали забываться их и читатели. Тем более что в другой Германии, в ГДР, их с самого начала печатали, почитали (а также использовали слегка в корыстных целях). К Эриху Марии Ремарку это не относилось. Его книги тоже поначалу лишь робко включались в программы западногерманских издательств, но имя того, кто написал «На Западном фронте без перемен», а затем и еще несколько замечательных романов, не утратило своей притягательной силы. Читающей публике не надо было открывать Ремарка для себя заново. Особенно после ошеломительного успеха «Триумфальной арки» — роман вышел в свет в 1945 году.

Но и в пору второй немецкой демократии германисты, критики и прочие участники и хозяева литературной жизни отказывались признать в Ремарке большого художника. В сравнении с другими знаменитыми и популярными писателями послевоенного времени число научных работ о его творчестве оставалось крайне незначительным. Несколько монографий написано англосаксонскими германистами, с десяток диссертаций, магистерских работ и литературно-эстетических текстов появились на немецкой почве, но и они посвящены в основном роману, прославившему Ремарка. По сей день нет биографии писателя. Существует небольшая книжка Франца Баумера, симпатичная по замыслу, но с массой белых пятен и ошибочных сведений, а также скудная монография Альфреда Антковяка, допущенная к изданию властями ГДР в конце 1970-х годов, — в строго идеологизированной серии «Писатели нашего времени». В рухнувшем государстве рабочих и крестьян романы Ремарка печатались и читались выборочно, бюрократы от культуры числили писателя по разряду «буржуазных симпатизантов» реально существующего социализма. Его

резкие высказывания о сталинизме, о коммунистическом режиме в Восточной Германии, о Берлинской стене упорно замалчивались. «Ремарк всегда был убежденным гуманистом. Однако субъективистское мировоззрение мешало ему понимать ход истории и ясно видеть те силы нашего времени, которые действуют в прогрессивном направлении. Ремарк по-прежнему довольтвуется ролью критически настроенного наблюдателя».

В 1990-е годы американка Джулия Гилберт решила объединить биографии Ремарка и Полетт Годдар, написав книгу, в которой при обилии цитат вместе с достойной порцией сплетен не нашлось, однако, подходящего места ни для характеристики произведений Ремарка, ни для обрисовки того времени, когда они создавались, оказывая на него мощное влияние. Кое-что о Ремарке можно узнать из воспоминаний людей, которые встречались ему, прошли вместе с ним тот или иной отрезок его жизненного пути. Это, например, прекрасный, очень личный взгляд Рут Мартон на ее «друза Бони». Немало интересного о творческих поисках и характере Ремарка можно узнать из книги Марии Ривы, рассказывающей о жизни своей матери, Марлен Дитрих. Нельзя не упомянуть и воспоминания актрисы Бригитты Хорни, мать которой психоаналитик Карен Хорни играла особую роль в жизни писателя в поздние годы. О знаменитом человеке рассказывают в своих мемуарах Карл Цукмайер, Альма Малер-Верфель, Лени Рифеншталь, Рут Липман, Курт Рисс, хотя, пожалуй, далеко не всё, что они сообщают о нем читателю, следует понимать буквально или принимать за чистую монету. Имя Ремарка встречается в бесчисленных письмах и дневниках его современников из мира литературы. Нередко это всего лишь крохотные камешки, но и они своей россыпью помогают яснее увидеть большую мозаичную картину. И всё же, всё же — глубокое, серьезное исследование жизни и творчества Ремарка только начинается.

Важной вехой на этом пути стало создание архива Ремарка в его родном городе — Оснабрюке. Под руководством Тильмана Вестфалена и Томаса Шнайдера, регулярно издающего ежегодники Ремарка, был создан — и в 1989 году открыт — исследовательский центр, без которого не обойтись никому из тех, кто занимается Ремарком и его книгами. В архиве уже собраны тысячи документов — оригиналы и копии писем, рукописей, первых изданий, научных публикаций, фотографий, рисунков, картин. В еже-

годниках публикуются статьи исследователей творчества Ремарка из других стран, библиографические данные, сообщения о новых открытиях, касающихся биографии писателя. В 1986 году было основано общество «Ремарк-Гезельшафт-Оснабрюк». Оно поддерживает выпуск ежегодников, организует лекции и доклады, и вообще чувствует себя обязанным всячески содействовать распространению произведений Ремарка и изучению его творчества.

Исследования, проведенные в архиве, позволили издать в книжном формате раннюю прозу Ремарка, не публиковавшийся до сих пор роман «Гэм», а также подборку стихотворений и писем. Переписка с Марлен Дитрих опубликована в 2001 году. Одиннадцать романов, составляющих главную часть творческого наследия Ремарка, уже давно появляются на немецком книжном рынке и по ценам вполне доступны массовому читателю.

Многое, однако, рассеяно по всему свету, кое-что, наверное, потеряно навсегда. Вдова Ремарка завещала все его наследство Нью-Йоркскому университету. Дневники ушли за океан, дом в Порто-Ронко пришлось продать с аукциона: налоговая задолженность Полетт Годдар исчислялась цифрой с шестью нулями. Письма пропали в несметном количестве, и если то или другое из них вдруг всплывает и его предлагают архивам, то не иначе как за бешеные деньги.

Таким образом, остается еще немало белых пятен, заполнить которые не в состоянии и эта биография. Ее автор может спокойно сказать, что к доступному материалу он подходил со всем тщанием, опрашивал современников Ремарка, изучал, как всегда, исторические обстоятельства, читал — что особенно важно в данном случае — эмигрантскую литературу. Тем не менее он отдает себе отчет в том, что многое остается еще недосказанным. Биография вообще никогда не является правдой в последней инстанции, это всегда лишь попытка приблизиться к ней. Факты внешнего порядка важны и интересны, представляя собой путеводную нить. В нашем случае, относительно длительных отрезков жизни Ремарка, они более или менее достоверны и понятны. Довольно четкое представление о мире мыслей и чувств Ремарка дают к тому же его произведения. Но уже рассказы современников, их воспоминания и суждения не свободны от субъективных трактовок. К этому примешиваются личные симпатии и антипатии, а также собственные воззрения политического, морального и эстетического характера. Даже письма и дневники самого героя полны мест

намеренно затуманенных, высказываний весьма спонтанных, продиктованных сиюминутным настроением. Толковать движения его души, его чаяния и надежды можно лишь с большой осторожностью. А кроме того, и у самого биографа есть собственный взгляд на мир, на историю, на предмет своих размышлений.

Биография способна на многое, и автор пытается это доказать, рисуя образ человека и показывая плоды его труда во всей их многогранности, рассказывая о жизни героя и вызывая в памяти приметы того времени, когда этому герою довелось жить и творить. Биография пишется для тех, кто прочитал хотя бы один роман Ремарка до конца и, захваченный им, потрясенный, возбужденный, смущенный, задумчиво спрашивает, что это был за писатель, как жил тот, который писал такие романы и чье имя возмущало или вдохновляло его современников. Если автору удалось показать жизнь Ремарка на этой земле такой, какой она была, — волнующей, беспокойной, богатой, успешной, зачастую наполненной сомнениями и страхами, — то можно считать, что этот рассказ об одном из наиболее читаемых писателей XX столетия свою задачу выполнил. Прочитавшем самого Ремарка: «Я постараюсь писать правду!»⁹

⁹ Девиз Ремарка, стоящий над его первой дневниковой записью — от 15 августа 1918 года.

Глава вторая

**«НЕВОЗМОЖНО БЫЛО ПРЕДСТАВИТЬ
СЕБЯ В БУДУЩЕМ...»
(1898—1917)**

Дождливым и серым был месяц июль, когда в Саксонском лесу умер человек, которого немцы считали создателем их империи. Горько жилось ему в последние годы: молодой напористый кайзер вынудил его уйти в отставку, а ведь превыше власти старик не знал ничего. Нервный от природы, мучимый явными и мнимыми недугами, готовый разрыдаться, если что-то вдруг шло вразрез с его желаниями, ежедневно ублажающий свою утробу обильными, пряными блюдами вкупе с шампанским, этот мизантроп правил Германией на протяжении целых двадцати пяти лет. Смерть Отто фон Бисмарка, наступившая 30 июля 1898 года, не была лишена символической силы. Первый в немецкой истории канцлер не стремился к сугубо мирной политике внутри страны. Добившись принятия законов против социалистов, развернув «культуркампф» — борьбу за гражданский брак и отделение школы от церкви, — и оттеснив таким образом как профсоюзы, так и закоснелых клерикалов на периферию общественной жизни, он прекрасно понимал, каким опасностям подвергается его детище на мировой арене. Даже в неотвязных кошмарных снах этот стратег от Бога видел свой рейх окруженным соседями, которые не упускали случая, чтобы напомнить ему: держава, возникшая в центре континента, должна знать свои границы.

Однако люди, сменившие «железного канцлера» у кормила правления, решили изменить маршрут, по которому он вел страну долгие годы. Все громче, все наглее они требовали, чтобы Германия тоже имела «место под солнцем». В год смерти Бисмарка рейхстаг принял Первый морской закон, которым закладывались основы для строительства мощного военного флота — при неизбежном росте налого-

вого бремени и все большей настороженности Великобритании с ее господством на морях и океанах. Тем временем на берега бухты Киао-Чао с германских кораблей был высажен десант, после чего далекому Китаю навязан договор — об аренде этой территории на 99 лет. Поздней осенью того же года Вильгельм II с большой помпой совершил вояж по Ближнему Востоку, взяв там под особое покровительство рейха ряд мусульманских народов. Правда, без какой-либо просьбы с их стороны. В конце года несколько кредитных институтов во главе с «Дойче банк» получили концессию на прокладку железной дороги до Багдада. Тональность всех разговоров в правительственном квартале германской столицы определялась теперь одним, но звонким словом — «геополитика». А еще весной речистый и очень охочий до смены парадных мундиров кайзер очертил ее направленность: «У меня такая же задача, что в свое время, после правления Генриха I, выпала Оттону Великому, — сделать так, чтобы рейх наш предстал в глазах всего мира во всем блеске своей неделимости и мощи. Немцам оказано огромное доверие, и они должны оправдать его — упорной работой на благо рейха». И они трудились в поте лица своего, но доверия так и не оправдали: через двадцать лет кредит его был исчерпан, а человеку, который так легко и патетически обещал отполировать имидж рейха до блеска, пришлось бежать из своей страны. В ноябре 1918-го, под покровом темноты, он пересек голландскую границу. Его рейх рухнул — после долгой, кровавой войны.

Но тогда, в 1898-м, такой исход могли предугадать лишь немногие. Кайзер был вовсе не одинок, вынашивая агрессивные, высокомерные планы с их опасной переоценкой сил и возможностей рейха. Его подданные приходили в восторг, внимая его речам о тевтонском величии, о славном прошлом их предков, о Священной Римской империи немецкой нации, и ликовали при виде его солдат, марширующих по улицам гарнизонных городов под бравурные звуки оркестров. Такие союзы, как Флотский, Колониальный, Общегерманский, Крестьянский, вскоре объединили в своих рядах миллионы соотечественников. Университетские профессора и школьные преподаватели требовали от своих учеников, чтобы они думали всегда по-германски, поступали всегда по-геройски и ощущали себя настоящими немцами. Офицер стал идеальным образцом для мелких и крупных буржуа, протестантских священников и более или менее милостивых служанок. В семейных гнездах с их

вильгельмовским духом, в учебных заведениях и на промышленных предприятиях отцы, учителя и начальники говорили так, будто они находились на казарменном плацу. Германцу было не занимать силы и храбрости. И с заклятым врагом, что обитал по ту сторону Рейна, и с заговорщиком иудейских кровей следовало поступать так, как это сделал белокурый Зигфрид, вонзив свой верный меч в свирепого дракона Фафнера. И вообще, оперы Рихарда Вагнера были немцам даже очень и очень по вкусу. (Целые общины единоверцев вскоре появились у него и в соседних странах, главным образом во Франции.) Такие карликовые фигуры, как коварный Миме, алчный Альберих или крикливый Бекмессер, подвергались в них осмеянию. Слушая их арии, можно было проникнуться презрением к евреям, ведь композитор сам писал либретто, а подражать хотелось, конечно же, главным героям, ведь они смело бросали вызов своим врагам, стойко переносили любые невзгоды и неизменно освобождались как от греховных страстей, так и от непатриотических заблуждений. Зритель, еще с утра приземленный тягой к деньгам и вещам, воспарял к чему-нибудь чистому, высокому и боготворил того, кто создал столь монументальные произведения, совершив в музыке настоящую революцию. Германскую землю и германскую честь, германские ремесла и германских богатырей теноры и басы воспевали, прямо-таки не переводя дыхания. И каждое лето к святилищу в Байройте устремлялись толпы аристократов и интеллектуалов со всей Европы. Человек по имени Гитлер возьмет его под свое крыло много позже.

Но атмосфера в стране в 1898 году от рождения Христа была вовсе не похожа на ту, что царила на сцене в «Сумерках богов», — это была атмосфера всеобщего подъема. В начале 1890-х конъюнктура достигла очень высокой отметки и, слегка ослабнув лишь пару раз, оставалась такой вплоть до 1913 года. Города росли бешеными темпами, по Германии катилась вторая волна индустриализации, повсюду возникали новые предприятия, химия, производство электроаппаратуры, машиностроение не только крепили экономическую мощь страны — они изменяли повседневную жизнь. Началось великое переселение — из сельского Востока на Запад, где люди добывали уголь и выплавляли сталь. Немцы становились мобильными, традиционная семья распадалась, церкви пустели, а богом молодых интеллектуалов был Ницше.

Вскоре Германия слыла уже первой державой на Европейском континенте, она перегнала французов в мировой торговле и, взирая с завистью на британцев, догоняла их как главных конкурентов в производстве промышленной продукции. Сильно изменился ее облик и как государства. Созданные в ней системы социального обеспечения и народного просвещения вызывали у соседей восхищение, в списке нобелевских лауреатов верхние строчки занимали немецкие натуралисты, сухопутная армия не знала себе равных в Европе — как по численному составу, так и по вооружениям. Росли не только прибыли, но и заработки, правда, в значительно меньшей степени. Германские социал-демократы играли ведущую роль в Социалистическом интернационале. В начале нового века они имели сильнейшую фракцию в рейхстаге, что, однако, никак не отразилось на расстановке классовых сил в стране. В политическом отношении рейх оставался отсталым. Рядовые граждане в большинстве своем не стремились к демократии, и уж тем более не стремились к ней ни кайзер, ни аристократия, ни Генеральный штаб. Это был рейх межвременья, беспокойный и нервный, норовистый в своей внешней политике и совершенно не склонный к реформам внутри страны. Бедность многих стояла рядом с богатством меньшинства, экономическая и технологическая модернизация — рядом с законодательно-политическим поворотом к прошлому.

Люди искусства и свободной мысли видели в политике безобразную суету сует, отворачивались от повседневности, погружались в эстетизм, грезили поздним романтизмом. Их миром были меланхолия Шопенгауэра и переоценка ценностей Ницше, партитуры Вагнера, «национальная» живопись Антона фон Вернера. Не совсем незамеченным, но еще и далеко не оцененным умер в 1898 году Теодор Фонтане, а за семь месяцев до этого, в один из дней холодного февраля, в Аугсбурге родился Бертольт Брехт. В тот же год Макс Либерман основал Берлинский сецессион, а его сподвижник Пауль Кассирер открыл на Николаиштрассе художественный салон, откуда, после долгих боев с кайзеровскими постулатами по части искусства, начал свое победное шествие по Германии французский импрессионизм. Густава Фрейтага к этому моменту уже три года как не было в живых, но его антисемитский роман «Приход и расход» все еще лежал на ночных столиках любознательных бюргеров.

Новые течения заявляют о себе в музыке и литературе. Арнольд Шёнберг создает в этом году песенные композиции, которые позже назовет опусами номер один и два. Густав Малер, только что занявший пост директора Венской оперы, пишет кантату «Жалобная песнь», а Рихард Штраус присутствует в Кёльне на премьере своей симфонической поэмы «Дон Кихот». 15 мая в Берлине впервые ставят спектакль по одной из драм Гуго фон Гофмансталя, за три месяца до этого Франк Ведекинд поражает лейпцигскую публику своей игрой на премьере его драмы «Дух земли», а Герхарт Гауптман уже давно пользуется репутацией не только всемирно известного, но и спорного драматурга, когда 5 ноября в Немецком театре играют спектакль по его драме «Кучер Геншель». Томас Манн работает в 1898-м редактором в мюнхенском «Симплициссимусе», а к поклонникам хорошей литературы приходит его рассказ «Маленький господин Фридеман», в котором уже угадывается почерк великого писателя. Франц Кафка учится в немецкой гимназии на Староместской площади в Праге, а Стефан Цвейг — в гимназии императора Максимилиана в Вене. Мучительно взрослея и раз за разом приходя в отчаяние от неуверенности в своем будущем, в Кальбе страдает Герман Гессе. В упоении от обилия солнца и рифм, по Италии путешествует Райнер Мария Рильке. Осваивая азы большого искусства, Василий Кандинский и Пауль Клее трудятся в 1898-м в мюнхенском ателье Франца Штука. Они еще только в поиске новых форм и красок, которыми лет через десять начнут удивлять мир в своих геометрических построениях, вызывая вокруг них страстные споры. Фридрих Ницше, который только теперь мог бы пожинать плоды своей славы, уже девять лет живет в бушующем мире своего безумия и умрет в Веймаре через два года. Натурализм празднует свои последние победы, а во врата искусства уже стучится экспрессионизм, чтобы с грохотом и блеском разорвать его академические оковы.

В бедноватой Вестфалии с ее прелестными ландшафтами жизнь хотя и двигалась, не очень-то торопясь, но застоя не было и здесь. Волна модернизации докатилась и до малых городов и сел. В квартирах, на улицах и площадях еще преобладало газовое освещение, а люди со средним и даже очень скромным достатком уже создавали предприятия. Для хлынувших в эти края рабочих строились поселки, — пусть по той поре и неказистые, и с минимумом удобств. Расширялись дороги, открывались универмаги, продвину-

тым представителям буржуазии, косо и с завистью поглядывавшим на уже отливающий свежими красками Берлин, хотелось, чтобы в их городах работал театр и стоял памятник Бисмарку. Публичные дома всегда имелись в провинции, но теперь эти заведения обновлялись, кабинеты обставлялись мягкой мебелью, тусклые красные керосиновые фонари заменялись заманчиво мигающими электрическими лампочками, а дамам полагалось проходить регулярный медицинский контроль.

Сладострастие тоже нуждалось в новом обрамлении, ведь амбиции в этом рейхе росли, и его зажиточные граждане полагали, что ни у прогресса вообще, ни у процветания Германии в частности границ быть не может.

К 1898 году Оснабрюк уже на протяжении 32 лет находился в составе прусского королевства. Его прежние правители, отпрыски ганноверской династии, просчитались, — и были среди мелких германских княжеств не одиноки, — сделав ставку на австрийскую монархию. Но армия Мольтке разбила габсбургские батальоны в сражении при Кёнигсгретце, и Бисмарк воспользовался благоприятным моментом, чтобы изменить соотношение политических сил на германских просторах самым кардинальным образом. Австрия, игравшая в Германском союзе первую скрипку, вынуждена была уступить эту роль властолюбивой Пруссии. Судьбы немцев решались отныне в Берлине. Ганноверские наследники лишились трона и потеряли изрядный кусок земли, в том числе и Оснабрюк.

Город словно застыл меж времен. Дыханием Средневековья овеяны тесные улочки и переулки, фахверковые дома по обеим их сторонам, просторная рыночная площадь с ратушей в стиле Ренессанса, готический храм Святой Девы Марии. В панораме города доминируют церковные башни, католиков тут издавна столько же, сколько и протестантов, настоящий епископ без приставки «архи» снова появился в 1857-м, Кафедральный собор спокойно пережил самые острые политические перипетии. За последними домами Нового города вдаль уходят луга, неторопливо течет река. Таким этот пейзаж запечатлели в своих картинах романтики, в таком виде им наслаждались художники с приходом бидермайера.

Жители привыкли работать усердно, были среди них и такие, что за долгие годы сумели разбогатеть или, по крайней мере, сколотить приличное состояние. Торговля льняным полотном и сукном в XIV веке приносит некото-

рым горожанам немалый доход. Ремесла и мануфактуры, а с XVI столетия и добыча каменного угля в штольнях горы Писберг неплохо кормят уже многих оснабрюкцев. Но, как и повсюду, пожары раз за разом уничтожают здесь целые улицы, и также нередко свирепствует чума, резко снижая численность населения. Здесь, как и повсюду в те темные времена, сжигают или обезглавливают ведьм, показывая всем и каждому, как на самом деле обстоят дела с пресловутым христианским милосердием. Ну и, конечно же, войны испокон веков не щадят и жителей Оснабрюка.

В 1171 году Фридрих Барбаросса наделяет их судебным правом, но у его могучего конкурента, герцога Генриха Льва Брауншвейгского, много сторонников и в Оснабрюке, что не может не вызывать в городе кровавых междоусобиц. Когда Реформация вносит раскол в германские земли, оснабрюкцы сражаются на стороне протестантского Шмалькальденского союза, отвергая призыв Карла V хранить верность старой конфессии. Тридцатилетняя война приносит страдания и смерть и в Оснабрюк. Как ни стараются депутаты городского совета соблюсти нейтралитет, сделать это в бойне, охватившей континент с севера до юга, просто невозможно. В город вступают войска Тилли, потом шведы. Чтобы ни те ни другие не оставались на постой, платить приходится не только деньгами, но и жизнями. Переговоры проходят в Мюнстере и Оснабрюке и выливаются в долгий и нудный торг за власть, за землю, за финансы. Решать вопрос веры лукавые полководцы и дипломаты предоставляют теологам и философам — авторам бесчисленных писаний, пытаясь таким образом снискать благосклонность Бога и обрести побольше сторонников. Условия мирного договора наконец согласованы, и 6 августа 1648 года в Оснабрюке его подписывают протестанты, а через пару дней, неподалеку, в Мюнстере, свою подпись под ним ставят и католики. В XVIII веке город старается идти в ногу с расцветом абсолютизма. В 1720-м здесь рождается Юстус Мёзер. А за пять лет до этого архиепископом-курфюрстом тут избирают представителя династии вельфов. Выходцы из брауншвейгской ветви этого старинного рода умели украшать себя все более высокими титулами: поначалу звались герцогами, затем курфюрстами, а потом и королями. Один из них, под именем Георга I, вступил даже на английский престол. Удержаться на британском троне удастся еще двоим, после чего их наследникам останется только германский Север. Георгу I не очень-то везет с Оснабрюком:

в 1727 году он умрет там, находясь в пути из Лондона в Ганновер. А Георг III лишится новой богатой колонии за океаном, потребовав от поселенцев и фермеров уплаты чересчур большого налога.

Времена выдались все-таки очень суровыми. В Семилетней войне город принимает сторону Австрии: местный архиепископ родом из дома Виттельсбахов, а те ненавидят прусских захватчиков ничуть не меньше, чем Мария-Терезия в далекой Вене. Затем приходят французы. Сперва эмигранты благородных кровей, а в 1803-м — солдаты Наполеона. Ну а тот усаживает на трон Вестфальского королевства своего брата Жерома, чему не могут помешать и пруссаки: выскочка-корсиканец наголову разбил их в сражениях при Йене и Ауэрштедте. Тем не менее в городской хронике вскоре появится следующая горделивая запись: «Батальон ополченцев из Оснабрюка отличился в битве при Ватерлоо особой храбростью». Наполеон уходит в анналы истории. Бал правит теперь князь Меттерних, а Ганновер вновь обретает короля. Оснабрюк обзаводится сберкассой, в годы с 1827-го по 1833-й здесь поет и играет на сцене, дирижирует оркестром и пишет музыку Альберт Лорцинг.

Когда простой люд Оснабрюка включился в революцию 1847—1848 годов, министром внутренних дел стал его бургомистр — Иоганн Карл Штюве. Еще в 1832-м он отважно выступил против принятия консервативно-реакционного «Ганноверского основного закона», чем привел короля в сильнейшее негодование. И не трудно представить себе, сколь неприятным казалось монарху его положение, когда он, видя на улицах бунтующих горожан и явно идя у них на поводу, вынужден был сделать первым человеком в своем кабинете именно Штюве. Но все кончилось, как известно, миром, а затем и приходом пруссаков.

Вскоре к Оснабрюку подводят железную дорогу, прокладывают 32 телефонные линии, в 1890-м начинает работать водокачка, и в честь 25-й годовщины формирования 78-го пехотного полка визит в город наносит рейхсканцлер Каприви. В 1899-м возле горы Вестерберг первых местных новобранцев принимают казармы, которым присвоено его имя, а 17 лет спустя там, разбуженный рыком фельдфебеля, проснется юный рекрут, стряхнет с себя ночные грезы, забудет рифмы, что являлись ему в полусне, и — двумя-тремя днями позже — отправится на войну. А еще в Оснабрюке открываются городские бани и бойня, начинает работать главный вокзал, и возле развалин городских ворот, через

которые можно было когда-то выйти на берег Хазе, оборудуется трамвайная остановка.

Многое приходит в движение, но в картине города все еще преобладают конные и гужевые повозки; вечер за вечером по улицам ходят люди с длинными шестами и зажигают с их помощью керосиновые фонари; блюстители нравов и порядка носят островерхие каски; на Соборной площади стоят длинные ряды лавок и ларьков, а на головах у школьников — разноцветные шапочки: так сразу видно, какому учебному заведению отдано предпочтение. Хазе течет между домов с тем же спокойствием, что и полтысячи лет тому назад, а по воскресеньям в город тянутся люди из окрестных деревень: после заутрени или обедни здесь можно от души повеселиться. Еще можно пройтись по крепостным валам, постоять у средневековых ворот, глядя на остатки городской стены. Тополиный ров на окраине города кажется местом почти нетронутым, даже идиллическим. И на все это ложится тень величественных храмов — собора Святого Петра, собора Святой Марии, церкви Святой Екатерины в Старом городе и церкви Святого Иоанна в Новом.

Но повсюду зрима и поступь модерна. Раздвигает свои границы Новый город, вырастают новые жилые кварталы, построена электростанция, в дома приходит электрический свет, по улицам грохочет трамвай, своими гудками пугают горожан и первые автомобили, и не забудем, что в 1909-м рядом с Кафедральным собором открывается новый театр. Перепись 1905 года показывает, что в городе проживают 59 580 человек. Одному из них суждено прославиться на всю страну: Иоганнес Микель, обер-бургомистр Оснабрюка, дважды избранный на этот пост, возглавил в 1890-м министерство финансов Пруссии. Своими реформами в системе налогообложения он закладывает основы финансовой политики, которые не утратят актуальности и в наши дни. Некогда либерал, затем приверженец Бисмарка и, наконец, архиконсерватор, он питает Оснабрюк своими идеями, тут же претворяя их в действия, чего не могут не заметить умные чиновники Франкфурта. Предложив неумному новатору кресло обер-бургомистра, они переманивают его на берега Майна.

Была в Оснабрюке на рубеже веков и небольшая еврейская община. В 1900 году она насчитывала 397 членов, что составляло всего лишь 0,8 процента тогдашнего населения города. Возле монастыря францисканцев стояла старая синагога, в 1906 году на Роландштрассе открыли новую. Ста-

рое еврейское кладбище находилось по соседству с Магдаленштрассе, в 1876 году оно было закрыто. Первые евреи поселились в городе в XIV веке, и призвал их сюда епископ, которому в очередной раз понадобились деньги. Жили они тихо и скромно, пока с христиан не был снят запрет на взимание процентов и нужда в них не отпала. И тогда иноверцев изгнали. В этом смысле Оснабрюк ничем не отличался от остальной христианской Европы: до наполеоновской оккупации город «не терпел в своих стенах евреев». Потом они появились здесь снова, их было мало, но презрения к ним не поубавилось. В истории о жизни евреев в Оснабрюке, опубликованной в 1862 году, говорилось: «...и по сей день город Оснабрюк отличается антипатией к евреям, вследствие чего здесь и сегодня проживает не более пяти еврейских семей». Это были мелкие торговцы и рабочие, в ходе растущей ассимиляции и с расширением свободы в выборе профессии из их рядов вышло несколько врачей и адвокатов. Последним директором театра перед приходом Гитлера к власти был немецкий еврей Фриц Беренд, и еще к открытию сезона 1932/33 газета «Оснабрюкер тагеблат» писала о нем: «Отсутствие каких-либо изменений в отношении к личности директора будет воспринято обществом с одобрением. Было бы глупо отказываться от использования испытанных кадров». Такого оптимизма хватило лишь на четыре месяца. В 1933-м немцы сделали антисемитизм официальной политикой своего государства, уважаемого директора театра уволили, оснабрюкских евреев лишили гражданских прав и имущества, изгнали из города, отправили в лагеря, предназначенные для их уничтожения. В ночь с 9 на 10 ноября 1938 года запылала синагога на Роландштрассе.

Расплата за наглую заносчивость оказалась ужасной. Ночными бомбовыми ударами в годы Второй мировой войны Оснабрюк был превращен в руины. Ничего не осталось ни от усердия его граждан, ни от самого города, выстроенного трудами многих поколений. Чудесные фахверковые постройки, мощные фасады домов, вобравшие в себя бюргерскую гордость, устремленный в небо ансамбль церковных башен и колоколен с неповторимым богатством их форм — все это исчезло с лица земли. Исчезло навсегда.

Посещая Оснабрюк в июле 1952 года, самый знаменитый его гражданин, писатель Эрих Мария Ремарк, не узнает город своей юности. Двадцать лет прошло с того дня, как он покинул родные пенаты, и вот он стоит, глубоко потря-

сенный тем, что видит перед собой: остовы домов с рваными ранами в стенах и пустыми глазницами окон, уходящие в даль улицы, все еще испещренные воронками от бомб и снарядов. В пыль превращены тенистые улочки, укромные уголки и некогда просторные площади. Он часто видел их во сне, живя в Берлине, на Лаго-Маджоре, в далекой Америке. Не поблекли, а с годами стали даже более светлыми воспоминания о молодости в Оснабрюке, о том времени, когда он открывал для себя жизнь, искусство, дружбу, любовь. И все это находило отражение в его романах, а теперь сожжено или повержено в прах. За два года до смерти он пишет Хансу-Герду Рабе, другу своей юности: «Странно, но с какой силой возникает каждый раз у меня перед глазами образ нашей родины, когда Ты шлешь мне Твои статьи, например, о Леденхофе¹⁰ или казино... и мгновенное желание увидеть все снова, хотя многое, наверно, живет только в моей памяти. Притом что здесь у меня терраса с видом на весь Рим, вокруг нее летают ласточки... Но это уже не те ласточки, что летали вокруг башен кафедрального собора, когда я, полный желаний, мечтаний и надежд, стоял там в крытой галерее... Это не ласточки нашей юности».

Когда он пишет эти строки, его давно уже ничто не связывает с местом, в котором он родился. Город словно растворился в тумане, это всего лишь образ, сентиментальное воспоминание старого больного человека о потерянной молодости. Правда, город раз за разом появляется в его книгах — как Меллерн, Верден и Верденбрюк или без названия, а дважды даже как Оснабрюк (в романах «Приют грёз» и «Ночь в Лиссабоне»). Но это всего лишь литературный материал: автор весьма произволен и в обрисовке места действия, и в выборе уличных названий. Город остался для него символом филистерства, под гнетом которого он так страдал и в котором германский фашизм сразу же нашел благодатную питательную среду. Оснабрюк теперь для Ремарка — антипод большим, открытым всему миру городам, жизнь в них бьет ключом, в них он будет жить долгие годы.

Личных контактов с Оснабрюком Ремарк практически не поддерживает. Он дружески реагирует на решение магистрата присвоить одной из улиц города имя его сестры Эльфриды, казненной по приговору гитлеровских судей. Таким образом, здесь, не без долгих колебаний и с явным

¹⁰ Памятник архитектуры в центре Оснабрюка. В Средние века — поместье патрицианского рода фон Леден.

чувством неловкости, сподобились-таки отдать должное сыну города, от которого в нацистские годы не просто отреклись: его предали анафеме. И потому Ремарк крайне сдержан в своем отношении к Оснабрюку, он решительно отклоняет любые официальные и частные приглашения, он не может и не хочет забыть того, что происходило в этом городе с 1933 года по 1945-й.

К тому же как преступники, так и их сообщники делали вид, что ничего особенного в те годы здесь не происходило, а если что-то и происходило, то без их участия. Хотя епископ Вильгельм Бернинг, например, приветствуя «фюрера», назвал его «принцем, разбудившим красавицу, слишком долго спавшую на берегах реки Эмс». «Всем, всем в нашей стране мы обязаны прозорливости нашего фюрера Адольфа Гитлера». Слуга Христов, позицию которого несомненно разделяли другие прихожане его епархии, оставался в своей должности до 1955 года. Еще раньше, в 1949-м, папа возвел его в ранг архиепископа, а в 1952-м отцы города присвоили ему звание почетного гражданина — «за многолетние труды на благо Оснабрюка и его жителей». И это не отдельный случай. Так в первые два десятилетия Федеративной республики из сознания ее граждан вытеснялось позорное прошлое. В интервью, которое Ремарк дает в 1962 году американскому журналисту Хайнцу Липману, он предельно ясно выражает свою глубокую антипатию к послевоенной германской реальности: «Я и сегодня отношусь к Германии так же позитивно, как это было всегда. Но это вовсе не означает, что я способен принять все происходящее там. Как раз наоборот, к стране, которую действительно любишь, хочется испытывать уважение. Тогда появляется желание ее критиковать, реформировать и совершенствовать. Поэтому мне не понять, почему старые нацистские преступники до сих пор занимают ведущие посты в экономике, политике и судебной системе. Промедление с изгнанием этих людей с их высоких постов глубоко задевает меня. Старое дерьмо нельзя закопать, оно снова и снова начинает испускать зловоние». Значит, и на свой родной город, который тоже старательно «закапывал старое дерьмо», живущий в заокеанской дали писатель не мог не смотреть с презрением.

Считается, что Ремарки родом из Франции, однако это верно лишь отчасти, ибо край, где, по достоверным сведениям, оставили первый след предки писателя, на протяжении столетий неоднократно менял своих правителей.

Низовья Рейна, провинция Лимбург, Валлония были пограничными землями, так что обладать ими стремились и французы, и немцы, и голландцы. В XIX веке часть этих земель досталась молодому государству под названием Бельгия. Имя Ремарк (Ремакль) встречалось там не так уж и редко, а одного из Ремаклей даже причислили к лику святых. Точно определить место, откуда произошли наши Ремарки, тем не менее до сих пор не удалось. Известно лишь, что в 1720 году появился на свет человек по фамилии Ремакль и по имени Туссен, взявший в жены некую Марию Лежен. Где они родились, неизвестно. Зато из ветхих от времени бумаг можно узнать, что их сын, родившийся в 1757 году и названный по отцу, жил в Ахене, сочетался браком с пряхой Катариной Курто и работал каменщиком. Потомок их, Иоганн Адам Ремарк, родился в революционном 1789-м, переехал из Ахена в Кайзерсверт (с 1929 года район Дюссельдорфа), женился там на Элизабет Френкен и добывал хлеб насущный изготовлением гвоздей. Наследником эту супружескую пару Бог наградил 13 марта 1840 года. Юноша счел Кайзерсверт вполне пригодным для обитания и тоже стал гвоздильщиком. В его метрике есть такое примечание: «После оглашения отец ребенка заявил, что из-за болезни глаз расписаться не может, и расписались свидетели».

Имя же в документе начертали так: Петер Алоиз Ремарк (Remark). Не исключено, что онемечивание фамилии¹¹ было реакцией на мощный всплеск движения, участники которого объединялись в хоры, дабы, в пику французам, сотнями хмельных голосов пропеть-прореветь в едином восторженном порыве: «Не видать им Рейна, вольного, германского, как своих ушей!» Вскоре Хофман фон Фаллерслебен сочинил стихотворение «Германия, Германия превыше всего», чем и стали руководствоваться его соотечественники. Что же до Петера Алоиза, то он выбрал себе спутницей жизни портниху по имени Адельхайд Боймер, и 12 июня 1867 года у них родился сын Петер Франц, которому было суждено стать отцом писателя Эриха Марии Ремарка.

Итак, имя — французского происхождения, а жизнь — по крайней мере со времен прапрапрадеда — протекает в Ахене и Кайзерсверте. Династия оседлых ремесленников скромного достатка. Подробных сведений нет. Немалая часть церковных книг пропала в результате войн и пожа-

¹¹ Первоначальное написание: Remarque.

ров, в уцелевших много пробелов, и Ремарки из поколения в поколение ничем не выделяются среди своих сограждан. Имелись ли у этого генеалогического древа ответвления, связаны ли родственными узами Ремарки с берегов Саара и Нижнего Рейна, были ли семьи предков многодетными, какими мыслями и чувствами жили прародители, милостиво ли относилась к ним судьба, принадлежали ли они к числу тех людей, что вынуждены были покинуть пределы Франции в XVI—XVII веках, — остается загадкой. Ничего не известно и о каких-либо художественных дарованиях или наклонностях давно усопших представителей рода.

В мае 1895-го Петер Франц Ремарк перебирается из Кайзерсверта в Оснабрюк, полная фамилия его заносится в адресную книгу города, он селится на Линденштрассе. Устраивается на работу печатником, в общении с людьми немногословен и сдержан. «Ладить с ним было нелегко, это могли бы подтвердить его ближайшие сотрудники, ученики, подмастерья, девушки-подсобницы, — вспоминал бывший коллега Петера Франца, — грубоватый и угрюмый по природе своей, он мало способствовал тому, чтобы климат на его участке можно было назвать нормальным. Но поработав рядом с ним, как я тогда, хотя бы чуть более года, невозможно было не обнаружить в П.Р. человека, пусть и одинокого, но, в сущности, доброго и чувствительного». Эта характеристика относится к тому времени, когда Петер Ремарк работал мастером переплетного цеха на Оснабрюкской фирме Прелле, где за десяток лет дослужился до звания механика, знающего толк в своем деле, старательного и ответственного. Он «любил заниматься оккультными вещами. Как сейчас вижу его, пытающегося с помощью карманных часов вдохнуть жизнь в предметы, зависшие между небом и землей. Стоило показать ему фотографию незнакомого человека, как он, слегка дернув свои часы за цепочку, заставлял их покачиваться над снимком и почти тут же сообщал нам, ошарашенным его прозорливостью, мертв этот человек или еще пребывает среди живых».

18 мая 1895 года он женится в Ванне-Айкеле¹² на Анне Марии Шталькнехт, родившейся 21 ноября 1871 года в Катернберге. Мы мало что знаем об этом браке, позже и о нем тоже не захочет говорить знаменитый сын. И все-таки с некоторой долей уверенности можем утверждать, что жилось

¹² Часть города Херне, в прошлом — городской округ в земле Северный Рейн — Вестфалия.

этой паре так, как это бывает, если заработка мужа хватает лишь на самое насущное; если число ртов за столом увеличивается за восемь лет до шести; если глава семейства молчалив, но именно за ним — в вильгельмовском мире всё строго — всегда остается последнее слово. Ханс-Герд Рабе, знавший писателя с юности и написавший книгу о его жизни в оснабрюкские годы, называет царившую в семье атмосферу гармоничной, и можно с ним, пожалуй, согласиться, хотя такие общие суждения скорее романтизируют, нежели проясняют реальное положение вещей. Анна Мария в документах почти не упоминается. Однако и о ней с известной долей уверенности можно сказать, что это была женщина жизнерадостная и приветливая. Свою любовь к музыке она перенесла на второго сына, брать уроки игры на фортепьяно он стал по ее желанию. Дети ее, несомненно, любили. Ремарки придерживались католической веры, но особого рвения при этом не проявляли. Хотя юному Паулю все же довелось послужить министрантом.

Круг частной жизни был узок. Ходили в гости к соседям и к тем товарищам мужа по работе, которых ценили за какие-нибудь достоинства, совершали прогулки по прелестным окрестностям города в сопровождении любимого белого шпица и с остановкой в одном из тенистых ресторанчиков, Петер посещал собрания различных объединений по интересам — вот, пожалуй, и все. В семье не пили. В пользу этого утверждения говорит членство Петера Ремарка в ложе «Добрых тамплиеров», что делало его сознательным противником употребления спиртного. «Действовал ли там отец Ремарка из чисто гуманистических убеждений или искал надежной защиты от алкоголя, я не знаю», — писал спустя более полувека один из членов этой ложи.

Все это заслуживает внимания лишь постольку, поскольку в жизни сына алкоголю предстояло приобрести огромное значение и, возможно, уже отец действительно испытывал такое же искушение, но успешно ему противился. Согласимся, однако, что мы имеем дело всего лишь с догадками. Необычным же является тот факт, что добрым тамплиерам пришелся ко двору католик, а это противоречило уставу Ордена. Во всяком случае Ремарк старался не пропускать заседаний ложи.

Вступил он и в местное общество друзей военно-морского флота — не столько потому, что тоже был захвачен вскипавшей волной воодушевления, которое испытыва-

ло население вильгельмовской Германии в связи со строительством такого флота, сколько по причинам личного порядка. «Он служил на флоте в Вильгельмсхафене и Киле», — сообщала своим читателям в ноябре 1929 года газета «Оснабрюкер тагеблат» об отце автора только что опубликованного, но уже вызвавшего повсеместные споры романа «На Западном фронте без перемен». «На тогдашних крейсерах он не раз ходил в далекие походы — к берегам Скандинавии, Англии, по всему Средиземному морю, дослужился до звания старшины и охотно рассказывал о том, что ему довелось видеть и пережить во время этих походов». Однако его манера рассказывать не всегда была по вкусу слушателям — из-за того, что свою речь он пересыпал ядреным моряцким словцом. «Этот слегка угловатый, чудакватый человек умел рассказывать о своих путешествиях очень увлекательно, — вспоминал один из добрых тамплиеров, — употребляя иногда выражения, которые не всегда нравились нам, молодым людям, — ведь нам внушали, что взрослеть надо, сберегая чистоту души и помыслов». А вот мнение еще одного слушателя: «Пусть иной раз он слегка и привирал, ощущение радости все равно нас не покидало». Значит, был Петер Франц еще и компанейским человеком. К запросам певческого кружка всегда относился со вниманием и был щедр, «без его содействия мы, наверное, не создали бы клуб любителей театра».

Образ жизни семьи — мелкобуржуазный, упорядоченный. Для буден характерны упорный труд и необходимая бережливость. Показательно число переездов, которые семья совершила в пределах Оснабрюка. В годы с 1896-го по 1917-й — двенадцать. Причину следует искать, пожалуй, прежде всего в ее материальном положении. Петер Ремарк селится с женой и детьми в росших тогда как грибы новостройках, в помещениях, которые требовали просушки. Прожив года два-три при мало-мальски доступной квартплате, они получали извещение о ее повышении и начинали вновь паковать чемоданы. В адресных книгах зафиксированы в эти годы номера нескольких домов на Янштрассе, за ними следуют Линден-, Шинкелер-, Херрентайх-, Гертруденштрассе, «Клингенсберг» и Луизенштрассе. Только в 1917-м семья обретает постоянную обитель — в доме номер 3 по Хакенштрассе. Здесь, на третьем этаже, отец будет жить до 1935 года. Дом принадлежал фирме Прелле, и ее хозяева, видимо, предпочитали не взимать с их ценного сотрудника квартплаты по ростовщическим расценкам.

Впрочем, многократные переезды не были для того времени таким уж необычным явлением. «Проживая в стесненных условиях, рабочие семьи часто переезжали с места на место. Некоторые делали это два-три раза в год, одни — добровольно, поскольку подыскивали более просторное и дешевое жилье, другие — вынужденно, поскольку числились у хозяина дома в должниках и в какой-то момент узнавали, что договор аренды с ними расторгнут. Рабочая семья со своим скарбом на тачке или телеге — до 1914 года такая картина была обыденной для многих крупных городов. Правда, в большинстве случаев переезжающие оставались в пределах родных кварталов»¹³. Ремарки в должниках никогда не числились, и переезды их наверняка не являли собой такое уж жалкое зрелище. В то же время можно с уверенностью сказать, что принадлежали они в кайзеровском рейхе к тем людям, которым приходилось считать каждый пфенниг. О приличной квартире со всеми удобствами, а тем более о роскошной вилле Ремарки не могли и мечтать.

Через год после свадьбы рождается первый ребенок — Теодор Артур Ремарк, в котором мать души не чает. Но проходят пять лет, и его уже нет в живых. Если верить скрупулезным дневниковым записям, которые писатель, оглядываясь в прошлое, отведет своим родным, то смерть брата была для трехлетнего Эриха первым в его жизни событием, разобраться в котором до конца так и не удалось. Уже на склоне лет, беседуя с одной журналисткой, он признается, что после похорон брата мать прямо-таки шокировала его, заметив будто ненароком: «Теперь тебе быть нашим любимцем!» В ответ он ударил ее по лицу. «Я до сих пор сожалею об этом. Реакция с моей стороны была очевидной глупостью. Причем ударил я изо всех силенок. В глубине же души, наверное, решил действительно стать всеобщим любимцем». Это признание соответствовало, быть может, не столько тому, что произошло на самом деле, сколько позднему ощущению утраты, всю тяжесть которой осознать в раннем возрасте было невозможно. Дочери Эрна и Эльфрида родились соответственно в 1900 и 1903 годах. Петер Ремарк должен был заботиться о пропитании большой семьи, по тем временам, правда, не такой уж и многодетной.

¹³ Цит. по книге Фолькера Ульриха «Великая нервная держава. Расцвет и крушение кайзеровской империи».

Отношения Эриха Марии Ремарка к родителям и сестрам будет отстраненным. Мать он, несомненно, любил, ее смерть (в 1917 году), вид умирающей от рака женщины потрясли его, вызвали приступы тяжелой депрессии, усиленной ранней кончиной учителя, к которому он питал глубокое уважение, и пережитым на фронте. Он предельно лаконичен, сообщая в те дни о случившемся одному из однопольчан: «Извини за долгое молчание. Умерла моя мать. Получив отпуск, был в Оснабрюке и писать не хотелось». И больше ни слова. В дневниковых записях разных лет он тоже почти не упоминает матери.

Отношение к отцу, который будет гордиться сыном, поначалу журналистом, а затем знаменитым писателем, не оставит в его жизни более или менее глубокого следа. В 1922 году Ремарк окончательно отвернется от Оснабрюка, и встречи с отцом станут редкими. После Второй мировой войны Петер Ремарк будет жить какое-то время у сына в Ронко, но и там они останутся чужды друг другу. Несколько визитов в Бад-Ротенфельде, где с 1935 года отец живет со своей второй женой (Ремарк не упоминает ее ни в дневниках, ни в письмах), затем похороны 87-летнего старика в июне 1954-го. Сын ограничится соблюдением приличий. В 1932 году, давая интервью одной из газет, он рисует портрет отца с сочувственно-прохладной отстраненностью: «Мой отец, например, — человек трезвых взглядов, как и я, он поездил по миру и повидал жизнь. “Я не читаю романов, — говорит он, — потому как правды-то в них нет”. Это мнение человека, который вырос в сиротском доме и шел по жизни тернистой дорогой». Между прочим, в его собственных романах матери почти всегда любящие, наивные, сердобольные, обнимающие сыновей, получивших отпуск или возвращающихся с войны. Отцов там как бы и нет.

Отношения с сестрами тоже не назовешь теплыми. В зрелые годы, разбогатев, он зачастую чувствует, что они его используют. Получая их послания с просьбами разного рода, знаменитый брат реагирует на них с нескрываемым раздражением. «Письмо от Эрны, — гласит, например, запись в дневнике от 3 и 4 ноября 1936 года. — Хотела приехать. Дело якобы серьезное. Ломал голову над тем, что бы там могло случиться... По телефону ничего сказать не хотела. Пелена таинственности... Встречал Эрну. Приехала с мужем. Беспokoился напрасно. Хотят получить деньги с моего счета, чтобы строить дом. Ну и парочка». Он, несомненно, глубоко потрясен, когда до него, живущего в

Америке, доходит весть о том, что нацисты злодейски казнили его сестру, Эльфриду. Однако в дневнике эта трагедия находит отражение лишь в виде двух очень коротких записей...

«Семья: приспособление, созданное природой для защиты от безбрежной тьмы; замкнутость перед лицом проблем, волнующих все человечество; приют и оплот посредственности». Эти слова, занесенные в дневник в 1936 году, многое говорят о характере его воззрений и ощущений. С другой стороны, в более поздние годы он все чаще упрекает себя в недостаточной заботе о своих родных. Как и в почти всех своих связях, так и здесь, он колеблется между нервным неприятием и жалобами на свою неспособность открыться близкому человеку. Когда Пауль Боймер¹⁴ приезжает на побывку домой, то при встрече с матерью в голове у него мелькает мысль, родственная опыту, приобретенному автором в ранней юности: «Мы в нашей семье никогда не были особенно нежны друг с другом, — это не принято у бедняков, чья жизнь проходит в труде и заботах».

Мелкобуржуазное происхождение довольно сильно сказалось на Ремарке — от его влияния, по сути, так и не удалось освободиться. В этой общественной прослойке — но, естественно, не только в ней — господствуют четко выраженные воззрения и предрассудки, миру даны ясные дефиниции, Верх и Низ, Порядок и Беспорядок принимаются как данности без особых сомнений. Подняться вверх, что является конечной целью, можно лишь, исповедуя трудолюбие и бережливость. Многие достигли этой цели, обретя в своих профессиях — в том числе в политике и литературе — общественное признание и растущее благосостояние. Но за «прыжок из одного класса в другой» надо платить. Неуверенность Ремарка в себе, постоянно сопровождающие его сомнения в значительности своего творчества и правильности образа жизни проистекают, возможно, и отсюда. Внезапно обретенные богатство и громкая слава, большой интерес, вдруг проявленный к нему политической и интеллектуальной элитой, — все это вытолкнуло его из привычного мира.

И потому он никогда не будет чувствовать себя совсем своим ни в кругах интеллектуалов, ни в сверкающем огнями Голливуде. Зато он любил общаться с «простыми смертными», с ними он мог, расслабившись душой и телом, бол-

¹⁴ Рассказчик в романе «На Западном фронте без перемен».

тать и веселиться ночи напролет. Он ценил те мгновения, когда его, прогуливающегося по Асконе, прямо на улице приветствовали кельнеры, торговцы книгами, антиквары и прочие незаметные люди; когда они подсаживались к нему в пивной, чтобы вдоволь «потолковать о политике». Именно в такие моменты он забывал о сложностях и превратностях жизни, смеялся, шутил, пребывал просто в хорошем настроении. А вот придя в гости к Эмилю Людвигу, оказавшись на званом ужине рядом с Томасом Манном, сидя с Марлен Дитрих и ее свитой в модном парижском ресторане под жадными до сенсаций взглядами окружающих, он чувствовал себя скованным, казался себе в такой ситуации лишним, страдал от всеобщего внимания.

Нет ничего важнее для мелкого немецкого буржуа, чем неукоснительное исполнение долга. Дневник Ремарка пе-стрит упреками в свой адрес. Он винит себя в недостатке рвения к работе, а то и вообще в нежелании братья за перо. «В моем возрасте нельзя быть таким усталым. Я не знаю, чего хочу. Я никогда не знал, чего мне хотелось». — «Заметил, какой у меня потрепанный вид. Ленив, нерешителен, небрежен, пассивен». — «Не жизнь, а гульба. Много чего и пропустил и упустил. Никогда не работал в полную силу. Мало что делал правильно». — «Я как-то измельчал. Стал слишком ленив. Покрылся жирком. Толстые печальные клоуны редко вызывают что-нибудь, кроме смеха и пожалтия плечами». Такие депрессивные интонации проистекали, конечно же, из конкретных жизненных обстоятельств, связаны были с кризисами в его отношениях с любимыми женщинами, с частыми перерывами в работе. Но главная причина самоедства и жалоб на расхлябанность, на «впустую потраченную» жизнь кроется в ранних годах его жизни, в том мире, который сформировал его. Алкоголь, явный избыток любовных связей, тяга к «антиммиру» геев, лесбиянок, сутенеров и проституток, а также к великосветскому лоску в кругу кинозвезд — разве все это не было попыткой стряхнуть с себя путы презренного «филистерства», которое с юных лет вызывало в нем протест и возмущение? «...на полках в гостиной — классики в красивых неразрезанных переплетах, в жилой комнате — романы здравствующих писателей в переплетах желтых, и те и другие призваны свидетельствовать о вольнолюбивых взглядах обитателей дома... Да, да, почтенные филистеры и прелестная дева, как в жизни, так и в любви вы привыкли к истертым никелевым и медным монетам, и если вдруг появляется человек,

который бросает вам горсть золотых дукатов, то вы таращите глаза от удивления и просите забрать их обратно, потому что не знаете им цены!» Эти дышащие высокомерием, обидой и наигранной гордостью строки доверяет своему дневнику двадцатилетний пациент лазарета. Они позволяют заглянуть в тайники его души.

Однако в отличие от некоторых из тех, кто, подобно Ремарку, был сформирован мелкобуржуазной средой, он станет в высшей степени скромным художником, добросердечным, неагрессивным другом, неизменно, вопреки всем размолвкам, отзывчивым любовником или мужем, абсолютно независимым публичным человеком. Одиночество не покинет его. Оно не редкость у людей, которые переросли свое окружение и живут между «классами». Останется и раздвоенность, ибо ведь это не только острое неприятие филистерства, но и поиск жизни и товарищей на пути к достижению целей, о которых мечталось в юные годы.

Эрих Пауль Ремарк появился на свет 22 июня 1898 года, «в 8 с четвертью пополудни», в родильном доме Оснабрюка. Вместе с матерью второй ее сын, здоровый и ладненький, возвращается в дом номер 15 по Янштрассе. Прожив здесь еще два года, семья вновь переедет: в один из соседних домов по той же улице. За ней начинается почти нетронутый уголок природы — с цветущим разнотравьем лугов, согретых летним солнцем, с прохладой в густой тени стройных тополей и пока еще чистой речушкой. Осенью и зимой дожди превращают ее в бурный поток, и она выходит из берегов, разливаясь широко и привольно. Здесь мальчику открывается мир, в котором порхают бабочки и резвятся рыбки, слышен птичий гай и будит фантазию тишина. «Луга напоены влагой, и с дорог, булькая, бегут ручьи. В кармане шинели у меня небольшая стеклянная баночка. Я иду по берегу канала. Мальчиком я удил здесь рыбу, ловил бабочек, лежал под деревьями и грезил. Весной канал зацвела лягушачьей икрой и водорослями. Светлые зеленые стебельки элодеи тихо покачивались под прозрачной рябью воды, между камышами зигзагами петляли длинноногие водяные паучки, и стаи колюшек, играя на солнце, бросали свои шустрые узкие тени на испещренный золотыми пятнами песок. Холодно и сыро. Длинными рядами тянутся по берегу канала тополя. Ветви их оголены, но как будто окутаны легкой голубой дымкой. Придет день, и они

опять зазеленеют и зашумят, и солнце вновь тепло и благодатно озарит этот уголок, с которым у меня связано столько юношеских воспоминаний»¹⁵.

Может ли быть беззаботным детство с играми на лоне природы в по-сельски идиллическом Оснабрюке? Ведь там умеют еще устраивать праздники, ритм жизни во многом определяется временами года, на соборной площади лоточники расхваливают медовые пряники, а бродячие музыканты и акробаты развлекают молодежь, собравшуюся у балагана. В первые годы жизни ребенка закладываются основы эмоционального восприятия окружающего мира, формируется его подсознание, он начинает постигать то, чего взрослым порой и объяснить невозможно. Но не стоит принимать на веру утверждение о беззаботном детстве и семейной гармонии. В зрелые годы Ремарк докажет неспособность связать себя с другим человеком тесными узами. Земное существование нередко будет казаться ему тогда ужасным и опасным, чувство неуверенности поселится в нем навсегда, принуждая его к бегству в алкоголь. При встречах с родными и близкими герои его романов ощущают внутреннюю пустоту, душевную глухоту, отрешенность от мирских забот. Мотив товарищества, крепить узы которого Ремарк призывает во многих из рассказанных им историй, — он звучит в своей пафосности как неумолчная мелодия тоски, как грустная кантилена поиска того, чего найти невозможно. Это говорит о наличии в душе ссадин, образовавшихся в детские годы. Он был мечтателем, вспоминали его ровесники и одноклассники. А это значит, что жил он напряженной внутренней жизнью, интенсивно перерабатывая в своем сознании отношение сомневающегося «я» к многообразному «ты». Нет сомнений, что будни у Ремарков были заполнены упорной, тяжелой работой. И, как следствие, психика мальчика, впечатлительного и чувствительного, оставалась без родительского пригляда. Что к тому же никак не соответствовало педагогическим постулатам эпохи. Мы слышали о своенравном отце. Деликатным в обращении с сотрудниками и подчиненными он не был. Приходится предположить, что и после работы Петер Ремарк не был совсем другим человеком. Но судить о детстве Ремарка мы можем лишь с осторожностью. И трактовать его поведение в последующие годы — лишь основываясь на предположениях и догадках.

¹⁵ Перевод Ирины Горкиной.

Эриха Пауля отдают в школу при соборе Святого Петра, после чего он четыре года ходит в школу при храме Святого Иоганна. Не гимназия, а вновь восьмилетняя народная школа. Честолюбивым родителям сын виделся вслед затем на более высокой ступени образования, но где было взять для этого денег? Судя по оценкам в старых классных журналах, учился он хорошо. «Учеба давалась Ремарку легко. Он многое схватывал на лету, дома себя особо не утруждал. Увлекался историей литературы, сделав ее своим любимым предметом. Что не мешало ему быть отличником по всем остальным». Охватывая лишь годы 1912—1915, эта характеристика со стороны бывшего одноклассника, пожалуй, вполне применима к успеваемости Ремарка в течение всего срока обучения. Сохранилось описание сценки из его школьной жизни, которое, даже будучи сильно приукрашенным, не утратило, пожалуй, своей ценности как симпатичный литературный анекдот: «Учитель зачитывает классу одно из сочинений о летних каникулах: “Гордо и величаво рассекает белый парусник Альбатрос сияющие волны безбрежного моря”. Учитель смотрит на учеников, тетрадка — в подрагивающей руке. Подходит к парте отличников, хватая Эриха за шею, наклоняет к себе, бьет его тетрадкой по ушам на глазах всего класса и, багровея от гнева, спрашивает, откуда сорванец это списал. Эрих отвечает не сразу, тупо смотрит перед собой, вопроса он не понял. Учитель сатанеет, Эрих сносит все удары спокойно и, наконец, также спокойно говорит, что ничего он не списывал, вот так это, дескать, было на море, вот так он проводил каникулы, четыре недели, и вот так он, мол, должен заполнить все двенадцать страниц».

Рядом со школой — гимнастический зал. Это, однако, не побудило Ремарка заняться спортом всерьез, хотя он любил ходить на автогонки и боксерские бои (главным образом в свои берлинские годы) и время от времени зарабатывал себе на хлеб, подвизаясь спортивным репортером. Юному Ремарку интересно петь в церковном хоре. Музыка притягивает его все сильнее, она станет спутницей его жизни, он будет наслаждаться ею и как слушатель, и как исполнитель. «Сам я часто пел в школьном хоре. Даже хотел стать музыкантом, пианистом... и стал бы, если бы не поранил руку». Наверняка это одна из тех легенд, которые Ремарк с охотой распространял о себе. Он любил играть на рояле и органе, а поскольку это получалось у него совсем недурно, то он, остро нуждаясь в деньгах, подрабатывал игрой

на органе и уроками игры на фортепьяно. Однако ничто не указывает до пресловутого ранения на какие-либо признаки особого музыкального таланта или, тем более, одаренности будущего концертного виртуоза. По музыкальной образованности он тоже остается любителем. Он не ходил в учениках у знаменитого педагога, он не вундеркинд, являющий себя трогательно-восторженной публике провинциального городка. Автор одной из биографий утверждает, что молодой Ремарк сочинил ряд композиций; сам он лишь мельком касается этой темы — в одном из писем и в дневниках. Мы же скажем так: если бы действительно получилось что-нибудь серьезное, мир бы об этом непременно узнал. А пока мы имеем то, что Ремарк записал в дневник в свои двадцать лет: «Музыка — это она единственная спасительница и утешительница!»

«Было время, когда я хотел стать художником». О такой стезе тоже мечтается в пору юности. Тем более если рисунки получаются и людям нравятся. Несколько рисунков сохранилось. Например, голова матери на смертном одре, башни собора, маленькие карикатурки в его любовных письмах. Но никогда он не занимался этим искусством всерьез, никогда не думал сделать живопись своей профессией. Высказывания такого рода были ностальгическими, возвышавшими его в собственных глазах как художника, и слетали они с уст писателя только в те моменты, когда его, ставшего в одночасье знаменитым, осаждали вездесущие репортеры. Писательский дар он ощутил в себе рано, воспринимая его поначалу лишь как забаву. Но вскоре, по счастью, отнесся к нему всерьез. На первых порах как поэт романтического склада, затем как автор романов, долго терпевший неудачу за неудачей, потом как журналист и, наконец, как замечательный рассказчик и зоркий свидетель своего времени. Вспоминая детские и отроческие годы, сам Ремарк скажет: «Мои мечты не встречали понимания ни дома, ни в школе, не нашлось и умного советчика, когда пробовал сориентироваться в мире книг. Невозможно было представить себя в будущем никем иным, кроме как почтмейстером, учителем или аптекарем». Он начинает читать — много и бессистемно. Предпочитает классиков, но попадают, видимо, уже и современники. Отец приносит книги, которые нужно переплести. На деньги от уроков отстающим ученикам он покупает дешевые собрания сочинений авторов, с которых честолюбивая буржуазия «делает жизнь». Он мечтает стать великим писателем. «Я чи-

тал много и без разбора. Пока в руки не попал “Зеленый Генрих” Келлера». Куда бы жизненная колея ни заводила его, книги всегда были рядом. «Вся немецкая литература эпохи классицизма и романтизма, например, воспринималась мною как чудо», — скажет Ремарк в телеинтервью в свои шестьдесят. «Все книги того периода я таскал с собой, за океан, куда бы то ни было. И все читал и перечитывал. Эйхендорф, например, был для меня, как ни странно, писателем, который прекрасно читался, если ты сидел перед аптекой-закусочной с ее голым светом, ее печальным светом, сидел, не зная толком английского, наконец понимая его на уровне семилетнего мальчугана. И тогда ты доставал из рюкзака томик Эйхендорфа, с романом “Из жизни бездельника”, либо с его стихами. Должен сказать, что всегда брал с собой много стихов. Это был экстракт, это было самое прекрасное из того, что можно было взять с собой от Германии». Ремарк никогда не пускался в рассуждения о литературе — он всегда наслаждался чтением. Литература была для него хлебом насущным в часы одиночества, и она не отпускала его от себя с тех пор, как он стал ее пленником в юные лета.

Ремарк растет живым, мечтательным мальчиком. «Он увлекался самыми разнообразными вещами, вспоминал друг его детства и юности Ханс-Герд Рабе, — одно время, например, фокусами и гипнозом. Ему важно было разыграть комедию, добиться, чтобы на него смотрели, раскрыв рот». Он любит чем-нибудь блеснуть. Взрослея, одевается по моде. Стремление выглядеть всегда элегантно в сочетании с безупречными манерами войдет у него в привычку. На сохранившемся снимке у тринадцатилетнего вид манерного денди: шляпа, галстук, макинтош, взгляд рассеянно-важный, рядом овчарка по кличке Вольф. Он смотрится просто здорово, и, судя по позе, можно предположить, что он это знает и этим наслаждается.

Но такой была лишь светлая сторона жизни. Через семнадцать лет граф Гарри Кесслер запишет в дневник: «О своем взрослении он рассказывал мне очень подробно, пожалуй, даже с упоением. Рос в мещанской среде, вскоре встал перед серьезными вопросами: как научиться мыслить? с кого брать пример? Очень страдал оттого, что никто ничего посоветовать ему не мог. В пятнадцать лет штудировал “Критику чистого разума”. Мало что в ней понял. Свое существование в этом мире считал величайшим чудом, спрашивал, как такое вообще могло произойти. Уны-

лая юность, мысли о самоубийстве. Потом война». Читал он в свои ранние годы и Ницше наряду с Шопенгауэром. И разобрался в их трудах, скорее всего, с таким же успехом, с каким осиливал книгу философа из Кенигсберга. Так что уже тогда жизнь была двойственной: любил находиться в центре внимания, острить, подавать себя с изяществом, и в то же время страдал от одиночества, впадал в меланхолию, знал приступы депрессии. Столь уж необычным все это для людей в фазе отрочества и юности не назовешь. Ремарк же был склонен приправлять все это изрядной порцией страдания к самому себе. И сохранял эту особенность на протяжении всей своей жизни. К ее описаниям относился с крайней щепетильностью. Очень переживал, полагая, что образованность его сильно хромает. Это черты ущербного самосознания, довольно типичные для выходцев из мелкобуржуазной среды. В случае с Ремарком, однако, они меркли на фоне замечательных достоинств — глубокого понимания искусства, громадной начитанности, пришедшей с годами зоркости взгляда на политические и социальные сдвиги в картине мира. Недюжинный ум и редкостная эрудиция будут отличать всемирно известного писателя. И все-таки сетования Ремарка на духовную изоляцию в годы его юности небезосновательны. Она наложила на его характер неизгладимый отпечаток, и в ней тоже может корениться чувство неполноценности и одиночества.

Осваивать словесность, музыку и живопись — как особо важные для него искусства — Ремарк начал в четырнадцать лет, поступив в Католическую препарандию¹⁶. Успешно сдав экзамен после трех лет обучения, можно было продолжить образование в семинарии, готовившей учителей для народных школ. Другого пути к кладезям знаний у сына ремесленника не было: семинария находилась под патронажем церкви, так что денег за обучение в ней не брали.

Школа вильгельмовских времен была яблоком раздора между государством и церковью. Обе ее ветви, особенно римско-католическая, цепко держались за вековые привилегии в сфере воспитания. Из рядов выпускников своих школ они рекрутировали молодое пополнение, приходских священников, профессионально связанных учителей. Страна же давно шла по пути секуляризации, в упорной политической борьбе проводила школьные реформы. Государство становилось в этом вопросе врагом Ватикана,

¹⁶ От лат. *praeparare* — готовить.

правители которого не могли не понимать, сколько реальной власти они теряли, если их влияние на духовное развитие молодежи ограничивалось. Схватки на этом ристалище происходили и в годы Веймарской республики.

Разногласия идейного порядка усугублялись заметной разницей между городом и деревней. На рубеже веков каждые четыре из пяти народных школ находились в сельской местности, сплошь и рядом на долю одного учителя приходилось от 120 до 200 детей. Ситуация в Оснабрюке не была столь острой, тем не менее Ремарк не имел тогда возможности получить качественное образование.

В 1908 году народные школы Оснабрюка вышли из-под церковной опеки и стали государственными. Католическая препарандия «располагалась тогда в окружении улочек и переулков Старого города, за церковью Св. Марии, в старом, невзрачном здании». Сдав выпускной экзамен, сын переплетчика стал в июле 1915 года студентом Католической учительской семинарии. Основанная в 1838 году по распоряжению епископа, она занимала здание старой школы при Кафедральном соборе. Когда бразды правления перешли в руки государства, пруссаки построили для нее на Бринкштрассе новое здание, куда, вернувшись с войны, стал ходить и Ремарк.

Обучение молодого человека, которое длилось как минимум три года и должно было сделать из него порядочного члена общества, происходило таким образом под сенью германского католицизма. Заметного влияния на Ремарка это не оказало. О сомнениях в выборе веры он никогда ничего не говорил, что не означает, что у него их в юности не было. Вопросы религии вообще и католицизма в частности в его романах почти не затрагиваются, если не считать, например, диспутов между викарием Бодендиком и Людвигом Бодмером в романе «Черный обелиск». Наслаждаясь обильной едой и питьем, священник излагает любознательному собеседнику незамысловато-жесткие принципы своего вероисповедания. Позднее, 1 февраля 1927 года, Ремарк как-то неприметно выйдет из церкви. (В тот же день его тогдашняя жена, Ютта Цамбона, покинет лоно лютеранской церкви.)

Доступ в гимназии города Ремарку был закрыт уже по финансовым причинам, к тому же у него не было даже среднего образования, так что оставался путь только в Католическую учительскую семинарию. Родители же были достаточно амбициозны, им, безусловно, хотелось сделать

все возможное, чтобы сын принадлежал к солидному среднему сословию. Он должен был стать учителем, с гарантированной в будущем пенсией, человеком, избежавшим участи простого рабочего.

Ремарк подчинился, о каком-либо сопротивлении родительской воле ничего не известно. Но литература, искусство, музыка заняли теперь в его жизни центральное место. В Оснабрюке жил художник, поэт, любитель песен Фриц Хёрстемайер. Хотя история искусств наказала его (и не совсем безосновательно) пренебрежением, для молодых сограждан он был в свои 33 года личностью явно харизматической. Хотя бы уже потому, что исходил пешком всю Германию и всю Италию, оставался в своих натюрмортах, портретах и пейзажах непреклонным романтиком и расхаживал по городу в мягкой широкополой шляпе с пышным бантом на груди. Собирались в его крохотной мансарде на Либихштрассе, читали там стихи, пели песни, философствовали о смысле жизни и назначении искусства, отгородившись и от уже начавшейся войны, и от модернистских веяний в литературе, музыке, живописи. «Как там было всегда по-домашнему тепло и уютно: золотисто-коричневые стены, мягкий свет лампы под красноватым абажуром, молодость, красота, веселое настроение — и витающая над всем этим грусть скорого расставания... Когда багровый закат догорал за тяжелыми тучами, ветер вокруг дома все громче пел свою песнь, а хлопья снега медленно падали в вечерних сумерках, постепенно завешивая оконце в покато́й крыше, тогда единственным источником света оставалась золотистая лампа, по углам тихо скользили тени, мы придвигались ближе друг к другу, и нас охватывал какой-то священный трепет. На плите с шипением подрумянивались яблоки, их дух растекался по мансарде, оведал замершего в углу бронзового Бетховена, разглаживал хмурые черты его лица. Чудесный офорт Фрица “Весенняя соната”, смуглый танцовщик, гипсовая маска, увитая вечнозеленым барвинком, цветы, как памяти дань и жертва, — Бетховен здесь присутствовал во всем». Ремарк явно не грешит против истины, описывая встречи молодых людей в мансарде у Хёрстемайера с ощущением «поэтической» боли и с тоской по утраченному времени — именно такой стиль был типичен тогда для тех, кто чувствовал в себе призвание творить высокое искусство.

Примкнув к этому кружку весной 1916-го, Ремарк открывает для себя то, к чему надо бы стремиться в жизни, —

искусство, красоту, эротику, неприятие мелкобуржуазной среды. Хёрстемайер поклоняется обнаженному телу, культура которого расцветает на рубеже веков, обретая черты сектантства. Свободная половая жизнь не только пропагандируется, но и, скорее всего, практикуется. Нет ничего выше эстетики, и тело, на которое в христианской Европе с окончанием Средних веков наложено табу, празднует свое воскрешение. Но Хёрстемайер не так уж и оригинален в своем увлечении природой и нудизмом. Свежестью и молодостью начинало дышать само время. Вокруг человека, странствующего по горам и долам, складывается целая идеология, с его фигурой связываются попытки отринуть мещанскую затхлость прошлого столетия. С рюкзаком за плечами, распевая песни, декламируя Шиллера, читая Ницше, молодые люди идут по свету, ища уединения в лесах и на берегах озер. Они восстали против якобы крепко сколоченного мира взрослых с их жизнью по неизменным правилам, с их культом материального, с их мечтами о «геополитике». «В нашем упорядоченном времени, — пишет Ремарк в дневник под конец этого яркого отрезка своей жизни, — когда любят по приказу и предписаниям; когда у государства, церкви и родственников нет никаких возражений; когда любовь практична и держит себя в ежовых рукавицах, ты был вечно чужим и ищущим».

Хёрстемайер и его конфиденты не участвуют в молодежном туристском движении, но духу времени они повинуются. Читать предпочитают журнал «Шёнхайт», который пишет о спортивных баталиях и гигиене тела, украшая свои страницы его изображениями в голом виде. Но пленены они при этом магией искусства, а не воинственным культом мужественности, который вскоре возобладает в молодежном движении, а спустя всего лишь пару лет подвигнет массу своих поклонников к тому, чтобы они с восторгом пошли на войну. Не свободны от этого поветрия и гости хёрстемайеровской мансарды. Ведь бездумное почитание нагого тела и природы оборачивается ощущением расового превосходства. Программа издательства, в котором выходит их любимый журнал, пестрит такими понятиями, как «расовая гигиена» и «выведение расово чистого человека из арийской крови и с арийским инстинктом». Можно почти с уверенностью сказать, что и молодой Ремарк не столь уж не восприимчив к такому способу осмысления действительности.

Наряду с будущим писателем только двое из посетителей мансарды посвятят себя искусству: Фриц Эрпенбек

станет актером и автором криминальных романов, а Фридрих Фордемберге приобретет широкую известность как художник и преподаватель живописи в Кёльнской школе изящных искусств, архитектуры и дизайна. Его дружба с Ремарком будет долгой, искренней и не знающей расстояний. Вспоминая «приют грёз», он напишет: «Мы были молоды и по уши влюблены в искусство, во все прекрасное и чудесное. Если были в Оснабрюке, то встречались чуть ли не каждый день».

6 марта 1918 года умер Фриц Хёрстемайер. Его раннюю кончину — он прожил всего лишь 35 лет — Ремарк переживает как личную трагедию. Известие о смерти учителя и друга застаёт его в дуйсбургском госпитале. Он видел массовую гибель людей на фронте, а незадолго до этого, в сентябре 1917-го, умерла и его мать. Смерть вошла в жизнь Ремарка, он всегда будет помнить о ее вездесущем присутствии. Смерть окопается в его подсознании и станет источником меланхолии у многих героев его романов. Уход Хёрстемайера означает потерю очень важного жизненного ориентира. Ремарк обожал и любил его, воспринимал стиль жизни и мир мыслей поэта как идеал, поклонялся ему с юношеской наивностью. На похоронах в Бремене он садится к органу, чтобы попрощаться со своим кумиром печально-торжественными аккордами. Невосполнимость утраты находит отражение и в дневнике. «Знай, Фриц: все так же жгуча боль, все так же свежа рана». «Тоска по тебе, Фриц, такая родная, и не знать ей ни конца и ни края. За последние два года я не видел тебя и пяти дней, к тому же камнем легла на душу весть о смерти моей матери. А как хотелось отплатить тебе, Фриц, за всю твою любовь и доброту — ведь ума у меня теперь больше!»

Ремарк всегда будет помнить мансарду с ее романтической атмосферой. Она станет местом действия его первого романа, а люди, которых он встречал там, героями этого произведения. То, что открылось ему в кружке Хёрстемайера, оставит в душе глубокий след. Дружба, искусство, любовь, потери и утраты — этими понятиями определяется тональность его произведения. Последующие романы Ремарка тематически далеки от «Приюта грёз», но романтизм автора и аутсайдерская позиция его героев с всплесками отчаяния, с приливами сентиментальности, с тоской по товарищеской близости и любимому человеку не могут не воскрешать в нашей памяти описание поэтической атмосферы, царившей в страшные годы войны в мансарде

на Либихштрассе. «Достигнув известной степени взаимопонимания, многие люди просто не в состоянии свободно воспарить еще выше — и умом, и сердцем». Ремарк заносит эти слова в дневник, все еще очарованный личностью Хёрстемайера. Тем не менее такое отношение к людям, в котором сочетаются боль, высокомерие и трудный, напряженный язык, останется ему и близким, и понятным. При том что соприкосновение с реальной жизнью нередко оборачивается для натур романтических, высоко воспаряющих суровой необходимостью сохранять душевное равновесие в весьма сложных ситуациях.

В эти годы он дает уроки игры на фортепьяно, встречает свою «первую любовь» — Эрика Хаазе тоже бывала гостьей в мансарде — и пробует сочинять стихи. «В 1915-м и 1916-м я брал у Ремарка уроки игры на рояле, — вспоминал его ученик. — Учеников у него было несколько, в том числе — девочки. Когда я приходил, они часто выходили из комнаты с зардевшимися лицами. Денег за уроки Ремарк брал мало, на занятиях у него было весело, и сам он был человеком живым и веселым».

Похоже, что школа на этом отрезке его жизни стала делом второстепенным. Учебный материал далек от того, что представляется ему важным. Но это мало его заботит, ведь учеба в семинарии дается ему легко. Не заботило его и то, что при поступлении в семинарию он, вместе с отцом, подписал реверс¹⁷, который обязывал его «заплатить за каждое проведенное в ее стенах полугодие тридцать марок» — в том случае, если он покидал заведение досрочно. Не утруждал он себя и еще одним пунктом этого обязательства. Ибо платить надо было и в том случае, «если бы я на протяжении первых пяти лет после сдачи первого выпускного экзамена отказался занять место, предназначенное мне на учительском поприще соответствующими органами провинциальной или центральной исполнительной власти». Экзамен он сдаст и больше года будет страдать на этом самом поприще, пока не порвет с нелюбимой профессией. И хотя рейх превратится тем временем в Веймарскую республику, власти ее так и не узнают, выплатил ли Ремарк неустойку за свое неповиновение.

Воспоминания об однокласснике, школьном товарище, друге юности, написанные, как правило, по прошествии нескольких десятилетий, не одинаковы. Некоторые нами так

¹⁷ Письменное обязательство о возмещении убытков.

или иначе уже цитировались. Он был мечтательным, жизнерадостным, сдержанным парнем. Таким он виделся в далекие годы большинству авторов воспоминаний о Ремарке. «Посещая семинарию, Эрих был человеком тихим, внешне неприметным, умственно же очень живым, уже тогда мыслящим самостоятельно... Много читал... Вращался в кругу молодых людей, объединенных интересом к искусству и музыке и собиравшихся под крышей мансарды — у художника Хёрстемайера». Он умел брать от всего понемногу, был подвержен частым переменам настроения, искал свой путь в туманной дали. Так продолжалось до ноября 1916-го. Пока его не настигла жизнь.

Уже давно шла война. Немцы, как известно, приветствовали ее начало громогласным и безрассудным «ура». Вскоре, однако, наступило отрезвление. В газетах все больше места занимали сжатые до нескольких строк некрологи, снабжение населения ухудшилось. Как реагировал шестнадцатилетний Ремарк на объявление войны Антанте, мы не знаем. По-видимому, без особого энтузиазма. Политика его не интересовала. Во всяком случае, добровольцем на фронт, чтобы защищать отечество, он не ушел — в отличие от трех одноклассников.

Правда, много позже, в 1930 году, он скажет в одном из интервью, что испытывал тогда «любовь к Отечеству» и на войну пошел «с энтузиазмом». Но в 1930 году ему, автору уже нашумевшего романа «На Западном фронте без перемен», приходилось защищаться от злобных атак своих противников.

В июне 1916-го в свет выходит его первое творение. На страницах «Краевода», «газеты для молодежи Оснабрюка», Ремарк рассказывает «О радостях и тяготах югендвера»¹⁸. Свою работу он написал, участвуя в конкурсе, задача которого была вполне очевидной: не дать ослабнуть боевому духу и патриотическому настрою оснабрюкской молодежи. Потери на фронте уже исчислялись такими цифрами, что армия срочно нуждалась в мощном пополнении. В противном случае Германии грозило фиаско. Призывники молодые и старели прямо на глазах. Кто еще не был солдатом, должен был, усердно упражняясь, подготовиться к тому, чтобы убивать или быть убитым. Членство в молодежном ополчении было обязательным для всех, кто не участвовал в

¹⁸ Югендвер — молодежная военизированная организация в Германии начала XX века.

туристском или скаутском движении. Тренировки проходили в выходные дни под руководством взрослых ополченцев.

Первенец Ремарка — об одном из «учебных боев» югендвера — интересен хотя бы потому, что эта зарисовка не содержит, несмотря на легко ощутимую в ней «жажду приключений», и намек на столь распространенный в те годы шовинизм апологетов войны. Все события описаны молодым автором и почитателем Карла Мая живо и без политических оценок. И в замысле, и в слоге, и в дистанцированности рассказчика от происходящего здесь уже ощутимо что-то от атмосферы того романа, который будет написан тринадцатью годами позже и придет к читателю под названием «На Западном фронте без перемен».

«Затаив дыхание, мы стоим, открыв рты, прислушиваемся и пытаемся что-нибудь разглядеть в темноте. Меж деревьев таинственно скользят тени, длинные, призрачные. Вот! Кхх!

— Тсс!

— Тихо!

Только ветер меланхолично насвистывает, целуя листья одинокой ивы у темного пруда.

— Вот!.. Опять.

— Шшш!

В лихорадочном возбуждении я стою, прислонившись к стволу дуба, впиваюсь глазами в темноту; вот снова — кхх! Он приближается. Господи. Где же остальные? Я что, совсем один? Где они? Я их больше не вижу, а тут совсем рядом снова трещит ветка... Неистовый порыв ветра сотрясает вершины деревьев. Может, мне показалось? Нет, вот опять, опять... А вон там — не отделилась ли от темного дерева фигура? Да! Тень приближается. Я берусь за свой пробочный пистолет и, дрожа от волнения, вжимаюсь в ствол. Ближе и ближе. Я хочу что-то крикнуть, но горло перехватило, на лбу выступил пот, я прыгаю вперед, издаю хриплый звук — и оказываюсь перед изумленно уставившейся на меня старушкой. Мною овладевает непонятная слабость, мне приходится прислониться к дереву»¹⁹.

Германские герои не показывают таких слабостей, а мы еще встретим в романах Ремарка подобные сцены. Несомненно, более отточенные по языку, но этот первенец,

¹⁹ Этот рассказ, а также все цитаты из сборника «Эпизоды за письменным столом» приводятся в переводе Елены Михелевич и Елены Зись.

объемом чуть более двух страничек, не свободный от романтических тонов при описании природы, неожиданно очень далек в своей безыскусности от той напыщенности, которой не избежит через три года молодой человек в романе под названием «Приют грёз».

В армию его призвали 21 ноября 1916 года. К этому моменту война давно проиграна. Впрочем, проиграна она была уже через несколько недель после ее начала. Взять французские войска в клещи молниеносным движением не получилось. Битва на Марне хотя и закончилась вничью, но немецкое наступление захлебнулось, натолкнувшись на упорное сопротивление не только французов, но и англичан. И вылилось таким образом для Германии в стратегическое поражение. А поскольку еще до этого, в ходе выполнения плана, разработанного начальником Генерального штаба графом Альфредом фон Шлиффеном, было совершено нападение на нейтральную Бельгию, битой оказалась еще одна карта заседавшего в Берлине военно-политического руководства: Англия выступила союзником Франции. Сбылось кошмарное видение Бисмарка, рейху пришлось вести войну на два фронта. На Западе она превратилась в позиционную, вязкую, отмеченную огромными потерями для обеих сторон. Ее кровавым символом вскоре станет Верден.

В марте 1917-го — Ремарк уже четыре месяца носил шинель — руководство рейха решило прибегнуть к тотальной подводной войне. Теперь германские подлодки атаковали без предупреждения и гражданские суда, что привело, как и ожидалось, к тому, что в войну незамедлительно вступили Соединенные Штаты. Отныне противники Германии могли рассчитывать на почти что неисчерпаемые ресурсы Америки, в то время как снабжение немецкого населения продовольствием непрерывно ухудшалось, а промышленность не поспевала восполнять колоссальные фронтовые потери. На фоне этого изменения в соотношении сил самым разумным решением немецкой стороны было бы прекратить войну, не откладывая это дело в долгий ящик. Произошло же все как раз наоборот: до глубокой осени 1918-го военные, политики, промышленники не переставали трубить о «победоносном мире», выставляя гигантские территориальные требования, без удовлетворения которых, по их мнению, о перемирии не могло быть и речи.

По мере того как все дальше отодвигалось окончание войны, изменялось и соотношение сил внутри страны.

Канцлер Бетман-Гольвег вынужден был подать в отставку, политическое руководство страной взяло на себя Верховное командование сухопутных войск во главе с Гинденбургом и Людендорфом. Хвастливый кайзер оказался не у дел фактически с самого начала войны. Германские элиты, внесшие весомый вклад в проведение высокомерной, но превышающей силы рейха «геополитики» и развязавшие, в конце концов, мировую войну, отправляли теперь в окопы дивизию за дивизией, обрекая сотни тысяч солдат на верную смерть, хотя выиграть что-либо было уже невозможно. Безответственные действия выливались в преступления с тягчайшими последствиями.

На этом фоне начинается солдатская жизнь Ремарка, этот фон решающим образом определяет настроение на фронте, и его, конечно же, ощущает молодой и очень чувствительный новобранец. В то время как доморощенные стратеги все еще мечтают в пивных о победе, солдаты в окопах охвачены отчаянием, на лицах их — печать обреченности. Они видят, что снабжение противника оружием, боеприпасами и продовольствием налажено неизмеримо лучше, и это вызывает в них чувство горечи и ожесточения. Боеспособность сохраняется еще и летом 1918-го, но уже так не хочется слышать ни воя бомб, ни посвиста пуль. Под ураганный огонь орудий генералы бездумно и беспощадно бросают действительно потерянное поколение. В своих романах о людях на этой войне и жизни тех, кто вышел из ее пекла живым, Ремарк нарисует картину психических и ментальных разрушений, приведших — наряду с другими факторами — к сползанию Германии в бездну следующей катастрофы. Как, пожалуй, никакому другому писателю того времени, ему удалось стать подлинным голосом своих ровесников, обманутых и использованных «хозяевами жизни» в своих целях. Исключительный успех романа «На Западном фронте без перемен» показал, с какой точностью его автор, обладая умом аналитика и даром слова, сумел передать дыхание времени, суть и последствия страшной войны. Всем своим настроением, всей своей тональностью роман задел главный нерв уходящей Веймарской республики, чем и объясняются громовые раскаты лютой ненависти к роману в стане правых националистов.

Лично Ремарк пережил лишь немного из того, что десятилетие спустя описал в своем самом знаменитом романе. Он не участвовал в рукопашных боях в траншеях, не ходил в атаки. Зато чинил разрушенные рельсовые пути, прокла-

дывал телефонные линии, устанавливал заграждения из колючей проволоки, разгружал вагоны с боеприпасами... Ни безопасным, ни легким это дело не назовешь. Значит, под обстрел не раз и не два попадали и те подразделения, в которых по воле начальства попеременно воевал Ремарк. Смерть находила свои жертвы и среди саперов.

Солдатская жизнь началась с обычной для рекрутов муштровки — в оснабрюкских казармах имени все того же Каприви²⁰. Продолжилась — так же абсурдистски — упражнениями в умении убивать и не быть убитым. Лагерь Целле находился в Люнебургской пустоши. Здесь Ремарку несколько раз предоставлялся отпуск, чтобы он мог навестить свою тяжело больную мать. 12 июня 1917 года его отправили на Западный фронт.

Судя по немногим сохранившимся воспоминаниям, солдаты уважали Ремарка и питали к нему симпатию — за то, что умел, применяя гипноз, показывать фокусы, за то, что играл им на рояле. За дружелюбие, открытость. «Мы числились в одном отделении внутренней службы при сборно-учебном пункте новобранцев. Ремарк был покладист и дружелюбен. Когда я заболел, мы вместе пролежали пару дней в медпункте. Его сильно мучил нарыв, но благодаря хорошему лечению он от него избавился». «На фронте Р. был моим лучшим товарищем, — рассказывал его однополчанин, — в любых ситуациях он сохранял спокойствие, вместе мы раскрутили и развесили не один моток колючей проволоки. Да что там говорить, он был всеобщим любимцем».

Ремарку, несомненно, повезло. Прошло всего лишь полтора месяца после его прибытия во Фландрию, в городок Хамленгет, а он уже получил ранение в боях на берегах Ипра и отправлен в тыл. На фронт ему уже не вернуться. Зато пока его перебрасывали из одной саперной роты в другую, он повидал нескольких однокашников по Оснабрюку. И был при этом не только очевидцем боевых действий, описание которых читатель встретит в его романе о войне, но и их непосредственным участником. На реальном событии основано, например, описание того, как Пауль Боймер несет на себе к перевязочному пункту своего товарища Станислава Катчинского (Ката). Ханс-Герд Рабе вспоминает в этой связи о их школьном товарище Троске,

²⁰ *Лео фон Каприви* — канцлер Германской империи с 20 марта 1890 года по 28 октября 1894 года.

которого, тяжело раненного, Ремарк вытащил с поля боя, но так и не смогли спасти врачи, хотя неделями боролись за жизнь простого солдата. Писатель заострит ситуацию, обрекая Ката на гибель еще на пути к перевязочному пункту. Пауль Боймер не замечает, как в голову Ката вонзается осколок, — «должно быть, совсем маленький, залетевший откуда-нибудь издалека». Некоторые солдаты из тех, с кем общается Ремарк, несомненно, побудили его к созданию аналогичных художественных образов, и он, внимательный наблюдатель, блестяще передаст настроение солдат — циничное, окрашенное гротескным юмором.

«Все ситуации, описанные в моей книге, достоверны, ибо были и в самом деле пережиты...» — заявляет он в своем первом интервью после сенсационного успеха романа «На Западном фронте без перемен». Утверждать такое, имея в виду самого себя, было бы лукавством, однако именно такое впечатление пытается создать издательство «Ульштейн», раздувая шумную кампанию вокруг «книги о войне» никому не известного автора и не встречая с его стороны никаких возражений. Почему издательство и автор творили эту легенду, мы еще расскажем. Но Ремарк видел войну со всеми ее ужасами своими глазами, что и предопределило его способность изобразить ее по прошествии десяти лет так, чтобы ему поверили читатели во всем мире.

В письмах, которые он пишет, находясь после ранения в дуйсбургском госпитале, как и в дневнике, начатом в августе 1918-го, о пережитом на фронте почти ни слова. Разговор с однополчанами ведется на солдатском жаргоне, возмущением или протестом там и не пахнет. В заметках личного характера — настроение времен «приюта грёз» и любовный лепет. Он начинает писать новый роман о войне, но уже вскоре о нем забывает.

Можно предположить, что смерть Фрица Хёрстемайера взволновала Ремарка так глубоко, что печаль и скорбь заслонили собой все остальное. Отложив в сторону кущую рукопись о войне, он берется за работу над романом «Приют грёз», который слагается в реквием по утраченному времени и безвременно ушедшему кумиру. Ремарк прощается со своей молодостью, прощается с неотделимыми от нее романтическими мечтами.

Убивая людей, разрушая города и села, войны награждают солдат тяжелыми психозами. Вспыхнув в сознании, страхи и ужасы не покидают вернувшихся с войны людей — они оседают в их подсознании. В одном из интервью после

выхода романа Ремарк скажет: «Не образы и не конкретные картины пережитого угнетали меня — угнетающим было общее состояние опустошенности, скепсиса, обеспокоенности. До этого я никогда и не помышлял написать книгу о войне... Теперь же меня одолевали довольно сильные приступы отчаяния. Пытаясь с этим справиться, я постепенно и вполне осознанно начал докапываться до причин моих депрессий. Таким вот образом и нащупал в конце концов корни тех моих переживаний, что были связаны с войной. В точно таком же состоянии находились многие из моих знакомых и друзей. Все мы были — и зачастую остаемся до сих пор — беспокойными, не видящими перед собой никакой цели, то экзальтированными, то равнодушными, в сущности же, утратившими всякий интерес к жизни. Сами того не замечая, мы так и не вышли из-под тени войны. В тот день, когда меня посетили эти мысли, я, без долгих раздумий, начал писать».

Этими словами Ремарк вновь тешит свое самолюбие, вольно или не вольно поддерживая рекламную кампанию издательства. Хотя всё было не так спонтанно и прямолинейно. Концепция романа складывалась постепенно, в деталях, и Ремарк не взялся за перо «без долгих раздумий». И все же он открыл, наверное, в этом высказывании важную истину и для себя, и для некоторой части своего поколения. Даже не принимая во внимание смерть Хёрстемайера, воспринятую Ремарком как личную трагедию, можно утверждать, что сразу после войны Ремарк не был способен хотя бы приблизиться к этой теме. Особенно отчетливо это прослеживается в только что начатом романе «Приют грёз». Его смысловые и стилистические слабости настолько очевидны, что фактически исключают мысль о способности Ремарка написать более или менее приемлемую книгу о войне в этот период.

Но как бы мы ни толковали вышеприведенные слова, все равно интересно заметить, что подобным же образом высказался другой знаменитый писатель веймарских времен. Свой роман «Спор о сержанте Грише» Арнольд Цвейг тоже начал писать спустя годы после войны. Его произведению не сопутствовал успех, равный успеху книги Ремарка, появившейся несколько позже, но широкую известность Цвейгу он принес. Как и Ремарка, писателя-еврея бросили на Западный фронт минировать поля и рыть окопы, и на родину он вернулся через четыре года, страдая тяжкими депрессиями. Цвейг неоднократно подчеркивал,

что взяться за роман он смог лишь по прошествии ряда лет и после лечения своего психического недуга. Параллелей к высказываниям Ремарка — великое множество. С другой стороны, в дневниковых записях, сделанных в конце 1950-х во время бесед с психоаналитиком Карен Хорни, Ремарк вспомнит о, казалось бы, давно забытых травмах ранних лет жизни, но ни словом не обмолвится о войне. И это может свидетельствовать о том, что картины массовой гибели людей на фронте производили на него впечатление гораздо менее сильное, чем то, общие черты которого обозначились в наших рассуждениях.

Летом 1917 года началось наступление англичан во Фландрии. Ему предшествовала длительная артподготовка. Ураганный огонь обрушивался и на позиции, где находился Ремарк. Он был ранен 31 июля, в день, когда солдаты противника, прикрываемые огнем своих орудий, пошли в атаку. Осколки снаряда попали в левую ногу и правую руку, задели шею. Его однополчанин Георг Миддендорф зафиксировал это в своем дневнике: «Находясь под обстрелом на пути к Хандзаме (местечко во Фландрии близ железной дороги Ипр — Брюгге. — *В. Ш.*), где нам предстояло работать, шестеро из нас получили ранения, в том числе и друг мой, Ремарк... Я его перевязал, посчитав ранение не тяжелым. Позже, вместе с тремя тяжело ранеными, его отправили в кузове грузовика на сборный пункт Сент-Джозеф...» Ранение оказалось достаточно серьезным, требовалось длительное лечение. Смерти девятнадцатилетний солдат избежал, однако мир, в который он возвращался, стал иным.

Глава третья
«ЖИЗНЬ — ЭТО ВСЁ»
(1917—1924)

Пережитое на фронте он старается позабыть, придавая себе вид бывалого солдата и ободряя соседей по палате шуточками и остротами. Около трех недель пролежит он в полевом лазарете, что устроен во фламандском городке Торхаут. Затем, во второй половине августа, его переводят в Дуйсбург, делая пациентом военного госпиталя Святого Винсента. И тут времени у него в избытке, чтобы строить планы на будущее, каким бы туманным оно ни казалось. Раны меж тем заживают, и раздумьям с мечтами они не помеха. Он может даже поехать в Оснабрюк — на похороны своей матери. И вспомнить по пути туда о своем земляке, Георге Миддендорфе, которого порадовал письмецом на следующий день после ранения: «Попал в торхаутский лазарет, но долго здесь не задержусь. Толком мне ничего не досталось, ранение легкое, можно сказать, царапины, болей нет, до скорого».

Но встрече под грохот канонады не бывать, Фортуна снова улыбается Ремарку. Его оставляют в городе, на фронт возвращаться не надо. Он наслаждается вновь обретенной свободой и в чем-то даже легкомысленной жизнью. Работает в канцелярии, играет для раненых на рояле, флиртует с медсестрами, а в амурных делах с дочерью начальника госпиталя и некоторыми другими барышнями даже весьма преуспевает. «Живется мне тут очень хорошо. Гуляю по саду, могу уйти, когда захочу, сытно кормят, в общем, предел мечтаний!.. Приписан к запасному батальону 78-го пехотного полка в Оснабрюке. Явлюсь туда как-нибудь попозже! Получил пока должность писаря. Быстро расставаться с нею не собираюсь. Немножко везения, немножко ловкости...»

Мыслями он с теми, кто все еще на передовой, в окопах. «Клацаете затворами — и ничего нового? Они вас

уже шкворили в траншее? Кого еще покалечили? Что поделяет наш любимый капрал?» Месяц спустя он пишет Миддендорфу о тех общих знакомых, которые умерли в госпитале или лежат там с тяжелыми ранениями. Язык его писем грубоват и выглядит деланным, будто ему важно не дать вырваться наружу внутреннему напряжению. Подписывается кличкой «мазила», которую заслужил у друзей за небрежный почерк. «Большущее спасибо за открыточку. Ранки мои заживать не хотят. Позаботился, однако, о том, чтоб задержаться в госпитале сём лазареточном. Шашни завел с дочкой инспектора всемогущего и писарем хитрым заделался при унтере от полиции. И коль не упасть кирпичу на главу его расчудесную и не стать ему годным к воинской службе иным образом мерзопакостным, то провел бы он здесь и всю зимушку морозную. Может в город выходить, когда хочется, девушек себе заводит с Рейна поадрёнестей, на концертах бьет по клавишам рояля с виртуозностью, сестрами Креста Красного обожаем, их до дома отчего провожая, всеми горячо любим, человек сей человечнейший. Палата у него отдельная, с постельюшкой мягкой. Музыку сочиняет, книжки читает разные и о собрате Доппе милом своем думает! Подражать он мне должен камраду хитрому. Приходит он в канцелярию, любезничает с дочкой инспекторской и ребят докторских учит музыке. И остается, как и я, в лазарете чудном нашем удивительном при жратве столь пользительной. О жаркое чудное из свиньи откормленной! Только ноют все еще раны его гнойные».

В письмах он хочет казаться веселым, таков он и есть, но увиденное на фронте постоянно перед глазами. «Примерзкое это занятие — в такой собачий холод ползать по воронкам. Стоять на посту, коченея на ледяном ветру, и вообще не чувствовать себя человеком. На днях сюда прибыл санитарный эшелон из Камбре. Ребята тоже очень жаловались на лютую стужу в окопах. Немало страшно изувеченных, с ампутированными конечностями, у некоторых раздроблены кости... Сидеть тут в тиши и тепле кажется мне порой преступлением».

Рождество он празднует в Дуйсбурге. «На Рождество и Новый год в отпуске не был, из-за запрета на отпуски. Но и здесь праздник был прекрасным. Сестры милосердия заезжали в каждую палату с ангелочками и сверкающей огоньками елочкой, с подаваниями и подарками. Бедняги в своих койках были тронуты до глубины души и потому

не смогли спеть ни одной старинной песенки. Иной проводил рукой по глазам. А “старики” плакали как дети и топили в белых подушках сердечную боль и тоску по родному дому. Я все это видел. Потому что помогал сестрам, вручая каждому раненому три марки как подарок от жителей города».

В эти первые дуйсбургские недели он начинает писать. «А пиши-ка ты о жизни, какая она теперь есть. Интерес большой, потому как пишется роман», — сообщает он Георгу Миддендорфу вскоре после поступления в госпиталь. Судя по этому письмецу, можно, пожалуй, сказать, что тема, развернутая потом в романе «На Западном фронте без перемен», рождается и начинает зреть в нем сразу же после пережитого на фронте. Заводя разговоры с товарищами по госпиталю, он слушает их рассказы, а в письмах Миддендорфу все больше вопросов о ситуации на фронте и настроении солдат, сражающихся на передовой. Мы знаем, что вскоре он оставит эту работу. 6 марта 1918 года умрет Фриц Хёрстемайер, и Ремарк возьмется за совсем другие вещи — стихи и роман, который опубликует в 1920 году под названием «Приют грёз». Эти первые более или менее серьезные поэтические и эпические опыты выдают в нем романтически настроенного мечтателя и умного не по годам «философа». Любимый учитель ушел в мир иной, навсегда оставшись в памяти ученика. Он и «оттуда» будет оказывать влияние на его творчество. Для романа о войне Ремарку не хватает пока ни отдаленности от нее во времени, ни художественной зрелости.

В госпитале города Дуйсбурга Ремарк пробыл до конца октября 1918 года. А в апреле было напечатано его первое стихотворение. Оно появилось в «Шёнхайт», любимом журнале мечтателей-мансардовцев, называлось «Я и Ты» и обращено было к покойному Фрицу. О мрачном пути и юном горящем сердце шла в нем речь. А смерть, которой автор еще совсем недавно, можно сказать, смотрел в глаза, обретала неоромантический ореол. Одиноким путником, бредущим в ночи и смиренно принимающим удары судьбы, еще не раз встретится нам в творчестве Ремарка. Читатель напрасно станет искать в его стихах признаки того нового, волнующего языка, которым пользовались такие лирики-экспрессионисты и — дадаисты, как Август Штрамм, Эльза Ласкер-Шюлер, молодой Готфрид Бенн или юный гений Георг Гейм, утонувший в реке Хафель во время катания на коньках. Нет ничего похожего на элитарно-отточенные

гимны Стефана Георге или меланхолически-печальные песнопения Гуго фон Гофманстала. Чужда Ремарку и от-важно-насмешливая лирика Ведекинда и Моргенштерна.

Я и Ты

Иду своим немym путем
Сквозь ночи мрак, сквозь ночи мрак.
Не плачу я, лишь молча я
Бреду один сквозь ночи мрак.

Пусть путь мой — боль, пусть мрачен путь,
Но юным сердцем весь горя,
Я молча лишь склоню главу —
И снова в путь, ведь знаю я:

Когда-то путь я свой свершу,
Когда-то день я воскрешу,
И вспыхнут розы под ногой —
И я помилован тобой.
Когда-то утолится страсть,
Утихомятся мечты —
Великий миг, глубокий сон —
Вдруг явь:
едины Я и Ты!²¹

Когда он пишет эти строки, ему нет и двадцати. В такой же тональности выдержано и то, что затем публикуют «Шёнхайт» и «Оснабрюкер тагеблат». Из газеты родного города его стихи перепечатывает журнал «Югенд». Бывает, рифмуются и названия: «Abschied», «Nocturne», «Abendlied»²².

О мировой скорби, конечно же, высоким слогом: «Я с вами был, к вам сердцем прирастая, / И по ночам так нежно догорал / Огонь свечи, на женской коже тая, / Но никогда я вам не доверял. / Сидел с друзьями часто я всю ночь, / Смеясь под звон стекла и отблеск вин, / И танцевать, и петь я был не прочь, / Но я всегда, поверьте, был один».

Порой строки полнятся любовным шепотом: «Близкое — вдали. И лишь / Горизонт проходит твой сквозь сердце. / Руки твои так далеки, / Забыт твой рот, / Твое дыханье — лишь ветер вокруг».

Встретится читатель и с отказом от земных благ: «Звезда влечет меня сильнее женщин, / А над порывами встают

²¹ Перевод Романа Чайковского.

²² Прощание, Ноктюрн, Вечерняя песня.

вопросы. / *Бог умер бы, о, окажись вдруг вечен / Дух сладострастья, а не путь в торосах*».

Насмешливое высказывание Ремарка о своем романе «Приют грёз» можно с уверенностью отнести и к его стихам: «Книга поистине ужасная... Не напиши я впоследствии чего-нибудь получше, она могла бы спровоцировать и на самоубийство».

Меж тем именно тональностью своих опусов он хочет потрафить вкусам бравого бюргера. Читая его «Прощание», напечатанное в городской газете, поклонники трогательно-наивных виршей узнают, что сам Карл Хенкель ставит «стихотворение молодого и многообещающего автора в один ряд с самыми проникновенными песнями о любви». Могла ли такая оценка не польстить самолюбию молодого поэта? Ведь Карл Хенкель известен всей стране — как поэт с воззрениями эсера и как один из поборников натурализма. И потому наряду с Герритом Энгельке, пролетарским поэтом, умершим в конце войны в британском плену, его можно считать мастером, который служит юному Ремарку образцом и примером. Позже редакция оснабрюкской газеты объяснит повторную публикацию «Я и Ты» «множеством просьб со стороны читателей». Такая публичная поддержка не могла не окрылить порывистого, хотя и очень еще неуверенного в себе пиита. При всей их эксцентричности письма Ремарка более или менее знаменитым собратьям той поры показывают, что значит ему поэзия и каково его отношение к жизни. «У Вас я нахожу то, что так люблю, — настроение!» — сообщает он Людвигу Бэте²³. «Стихотворение мыслится мне всегда картиной. Живописец стремится к абсолютной гармонии линий и красок, он не нарушит ее лишним цветом, он скрупулезен в работе с палитрой. Вот так же обстоит дело и с стихосложением. Красками служат слова, линиями — их звучание... Человек чего-то стоит лишь как идеалист. Люблю людей, готовых отдать жизнь за идею. Безоглядных! Неистовых! Мы молоды, и это прекрасно! — говорит Гёте». Его захлестывает чувство восхищения: «Духовной жаждою томим, я иду к Вам, чтоб утолить ее из Вашего источника», — пишет он Карлу Хенкелю. Ремарк ищет свой путь, на других взирает снизу вверх, сам себя еще не обрел — вот в чем суть этих его высказываний.

²³ Немецкий писатель, поэт, культуролог (1892—1977). В память о Вестфальском мире по его предложению в Оснабрюке была заложена традиция скакания на деревянной лошадке.

Гуго фон Гофмансталь, Георг Тракль и Георг Гейм напечатали свои великолепные стихи в неполные двадцать лет. Гёте в двадцать четыре года написал первый вариант «Фауста», а в двадцать пять «Вертера», Георг Бюхнер, ушедший из жизни в двадцать четыре года, оставил нам «Дантона» и «Войцек», Томас Манн в двадцать один год начал писать «Будденброков», Роберт Музиль в двадцать пять лет создал «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса». В ранних же произведениях Ремарка, будь то стихи, рассказы или романы, не найти сколько-нибудь заметных признаков мастерства будущего писателя. Меланхолия, мировая скорбь, склонность к философским размышлениям, общая тональность с нотками романтики, мечтательности и грусти — всем этим тоже будет пронизана ткань его больших романов. Но Ремарк не принадлежал к числу тех, чей талант раскрылся в молодости. Ему понадобились годы, чтобы заговорить своим языком и найти свои темы.

Об этом свидетельствуют и записи в дневниках, которые Ремарк вел — с большими перерывами — с осени 1918-го до 1955 года включительно. Записи на первых страницах очень интимны, повествуя о любовных страданиях, об упоении любовью, о приступах отчаяния, которые испытывает человек, постепенно мужая и задумываясь о своей судьбе. Он боготворит дочь начальника госпиталя Марту, актрису Люцию, девушку по имени Хедвиг, именно они в эти месяцы у него явно в фаворе, им он пишет пространственные письма, скорее всего, вовсе не отправляя их, вновь и вновь и с горечью в сердце вспоминает Фрица Хёрстемайера. Если в переписке с товарищами по фронту он небрежно-ироничен, то в дневниках это человек колеблющийся, а то и нерешительный, отводящий взгляд от повседневной реальности еще не окончившейся войны.

Однако уже в ранний период в нем рождается мелодия, которая, звуча пока не очень ясно, будет потом возникать вновь и вновь и определит его отношение ко многим женщинам, встреченным им на жизненном пути. Так, 15 августа он записывает: «Я не требую платонической любви! Но не желаю и любви только чувственной!.. Неверности нет, как нет ни греха, ни добра и зла... Эти мысли навеяны сегодня тобой, Люция, ибо, обрученная с другим, ты была моей возлюбленной три часа, полных блаженства... Будь эти прожитые нами вместе часы лишь экстазом плоти, обратная реакция не замедлила бы последовать: отвращение и обоюдное презрение!.. Любовь — это высшая гармония,

созвучие умов и сердец, рожденное плотью. То, что нужно для брака, я назвал бы дружбой. Любовь — это упоение!.. И значит, нельзя обвинить в измене женщину, которая любит другого!» Чувство вины мучает неугомонного любовника. Оно не оставит его до конца и в зрелом возрасте. «О, как бы мне не стать преступником во второй раз! Я вырвал Хедвиг из ее в муках завоеванного и столь желанного ею покоя, увлек в омут моей беспокойной жизни и сделал ее несчастной. Чтобы теперь, получив скоротечное удовольствие, повергнуть в горькое разочарование еще одну женщину? Порой я страшусь самого себя, страшусь тех сил, которые играют мною, скрываясь в какой-то черноте». Порой записи на этих страницах звучат так, будто сделаны рукой самого Рихарда Вагнера: «Вопреки всем желаниям и всем страстям. Финалом может быть только отречение!»

Людам в его возрасте свойственно выражаться именно так, и, ведя в эту пору дневники, Ремарк вовсе не думает о том, что когда-нибудь их опубликует. Это попытки обрести в себе уверенность, преодолеть страхи, избавиться от меланхолии, от угнетенного состояния духа. Не следует поэтому переоценивать написанное на этих страницах. Они лишь бросают свет на тогдашнее мироощущение Ремарка и дают некоторое представление о содержании его первых опусов и языке, которым они написаны.

Ранние дневниковые записи, первые стихотворения и появившийся вскоре роман — все это вместе ясно свидетельствует о душевном кризисе Ремарка, его действительных и вымышленных страданиях, беспокойной фантазии, попытках нащупать дорогу в воображаемый писательский мир. Он несчастлив — даже когда восторженно славит счастье. Месяцы пребывания на фронте вырвали его из идиллии довоенного времени. Ремарк еще не осознает, что приключившееся с ним — это не только его судьба, а судьба целого поколения. Драма молодых людей, вернувшихся с полей войны в мирную жизнь и не находящих в ней смысла, участь «потерянного поколения» («lost generation» — впервые его так назвала Гертруда Стайн) взволнует во второй половине 1920-х годов Эрнеста Хемингуэя, Фицджеральда и других, прежде всего американских, писателей. Время вырвалось из проторенной колеи, после войны многое перестанет быть тем, чем было...

С политической точки зрения, в эти недели завершается существование кайзеровского рейха. Именно тогда происходят события, которые определяют расстановку сил

в стране в ближайшие годы и станут историческим фоном действия в нескольких романах Ремарка. Германский фронт летом 1918-го вот-вот рухнет. Гинденбург и Людендорф попытались предотвратить неизбежное поражение, бросив войска в отчаянное наступление. Но во Францию уже прибыли первые американские полки, да и арсеналы противников рейха пополнились вооружением и снаряжением, переброшенным с другой стороны Атлантики. 28 сентября рейхсканцлера Гертлинга вызывают в ставку Верховного командования и, к его неопишуемому ужасу, требуют немедленно начать переговоры о перемирии. Социал-демократы и — отчасти — либералы добивались парламентской демократии на протяжении десятилетий, а Людендорфу ее экстренно подавай. Но архиреакционер Савл не стал демократом Павлом. Цель у коварного стратега совсем иная: возложить вину за поражение на ненавистную СДПГ. Разглагольствуя о «долге» и прусских добродетелях, господа из вильгельмовской элиты самым позорным образом уходят от ответственности за свое легкомысленное поведение. «Они заварили кашу, пусть они ее и расхлебывают», — говорит Людендорф. «Немецкий народ — это банда мерзавцев, пусть в день возмездия ни одна пуля не пройдет мимо цели», — говорит кайзер. И оба бегут за границу. Гинденбург становится автором тезиса об «ударе ножом в спину», и даже Фридрих Эберт способствует сокрытию правды, приветствуя возвращающихся с фронта возгласом: «На поле брани — не побеждены!» «Ноябрьские преступники» названы, и ничто не будет будоражить умы немцев в трудные годы становления республики сильнее, чем мнимое предательство социал- и прочих демократов, «сдавших страну Антанте» и подписавших в Версале мирный договор. Именно консерваторы, развязавшие и проигравшие войну, ложью и клеветой подтачивают опоры республики — первой в тысячелетней истории германских земель.

За предложением о перемирии следует восстание матросов в Киле, служа примером для таких же революционных действий по всей стране. Образуются Советы солдатских и рабочих депутатов, вспыхивают уличные бои, в рабочем движении намечается раскол, задача, стоящая перед социал-демократами с их большинством в парламенте, — невыполнима. Внести в хаос порядок действительно не получается. Свирепствуют офицеры добровольческого корпуса. Подавлены восстания коммунистов и их приверженцев в Баварии, Гамбурге и других местах молодой ре-

спублики. Страна охвачена стачками, капповский путч сорван всеобщей забастовкой. В Баварии, Рейнской области и Саксонии сепаратисты пытаются разрушить целостность государства. В Верхней Силезии идут кровавые бои с польским населением, а в ноябре 1923-го в Мюнхене, близ Зала баварских полководцев, полным провалом заканчивается путч дилетантов: верные правительству солдаты встречают их оружейным огнем. Во главе колонны шли два господина: Гитлер и Людендорф.

Можно сказать, что события на фронтах не находят сколько-нибудь серьезного отражения в дневнике Ремарка. Но он с растущим беспокойством следит за развитием общей ситуации. И это, заметим, при всей его увлеченности поэзией и женской красотой. Мысли о войне и будущем Германии он зафиксировал лишь в одной записи — после «долгого разговора с товарищем, вице-фельдфебелем Лейглом», — но они предельно ясны. Конечно, в первую очередь он хотел бы «избавить не только искусство, но и жизнь от всего прогнившего, застойного и наносного, очистить оперетты и водевили от пошлости», но ему важны и политические требования. И он формулирует их с отвагой мятежника: «Устаревшие методы воспитания — на свалку, в случае необходимости бойкотировать всю работу школ, решительно улучшить условия жизни народа, провести земельную реформу, отвести от молодежи угрозу ее милитаризации, объявить войну милитаризму в любых формах его проявления. Сплоченными действиями препятствовать принятию законов, фактически поощряющих издевательства и угнетение... Не думайте, что молодежь Германии умирает и страдает из любви к кайзеру и Отечеству! Выбросьте такие мысли из ваших черепных коробок! Патриотизм — это для тех, кто на войне наживается или имеет броню!»

Совсем скоро ему предстоит вернуться на фронт. Он ждет этого момента с чувством неизбежности и в настроении, близком к отчаянию. «На днях меня выпишут из госпиталя, — записывает он в дневник 4 октября, — снова на передовую. А я так радовался возможности ходить в театр, на концерты, работать зимними вечерами в уюте, при свете лампы. Вместо этого придется стоять на посту в траншее, коченея от холода. Так или иначе! В конце концов это всего лишь прогулка. Ты совершаешь ее раз за разом. Пока од-

нажды с нее не вернешься. И тогда какой-нибудь пастор прочтет тот или иной псалом, а дома они облачатся в черное, немного поплачут, немного повздыхают, — и вечный, не знающий покоя поток жизни понесется дальше, как будто никогда и не было этого сердца и этих страстных желаний... И ничего с этим не поделать». Минет девять дней, и он запишет: «Мир! Большой радости это не вызывает. Похоже, все успели привыкнуть к войне... Я тоже не испытываю настоящей радости. Почему, не знаю. Смирился с мыслью о возвращении на фронт».

31 октября Ремарк выписывают из госпиталя и направляют в первый запасной батальон 78-го пехотного полка, расквартированного в Оснабрюке. А через полторы недели война заканчивается, и 5 января 1919-го он покидает армию. 15 ноября того же года он получает от Оснабрюкского совета рабочих и солдатских депутатов подтверждение о том, что он награжден Железным крестом первого класса, врученным ему еще в Дуйсбурге. По крайней мере, 26 ноября об этом сообщает «Оснабрюкер тагеблат». (Позже эта газетная строчка будет использована противниками Ремарка для злобных высказываний в его адрес.) Пожалуй, так оно и было: представители новой власти не чурались на первых порах украсить горделиво выпяченную грудь солдата боевой наградой. Заслуги перед Отечеством во все времена были очень широким понятием, и потому вопрос: был Ремарк орденосцем или не был, остается открытым. Ясно одно: на его жизни это никак не отразилось.

Ремарк снова дома, но ситуация радикально изменилась во всех отношениях. Место матери в доме номер 3 по Хакенштрассе заняла другая женщина. Овдовевший Петер Ремарк женился в феврале на Марии Хенрике Бальман, и вернувшийся с войны сын не склонен раскрывать свою душу перед мачехой. На площадях и улицах Оснабрюка та же картина, что и во всей Германии: пахнет гражданской войной, гремят выстрелы, есть убитые, народ взбудоражен, требует демократии и социализма, на многих фабриках забастовки, перед магазинами — длинные очереди. Вагоны поездов полны горожан, едущих в села обменять столовое серебро на картошку, рейхсмарка начнет вскоре обесцениваться с головокружительной быстротой. Кризис во всем, и он затянется на годы. Еще 13 октября Ремарк записывает в дневник: «Все теперь как-то иначе, Фрица нет и не будет, поговорить по душам не с кем. Все вкривь и вкось, смещено, разбито. Вот в такой обстановке возвращаешься

к жизни, с которой расстался веселым и счастливым. Возвращаясь одиноким и в душевном разладе. Кругом сестры и мать».

Вернувшись домой, Ремарк возобновляет учебу в Католической учительской семинарии. Выбора нет — писательством не проживешь. Картина весьма странная: за партами много бывших офицеров и рядовых, прошедших огонь и воду, а уму-разуму их учат педанты старого закала... Учащиеся возмущаются, протестуют, требуют перемен. Семинаристы католического вероисповедания доверяют представлять их интересы Ремарку. Вместе с пресс-секретарем евангелической стороны (Хансом-Гердом Рабе, другом юности и его будущим биографом) он едет в Ганновер и ведет там переговоры с чиновниками из отдела народного просвещения. «Только что узнал, как продвигается наше дело, — пишет один из семинаристов, — переговоры с тайным советником Эльтьеном прошли с блеском, получено добро по четырем пунктам: а) признан наш военный комитет; б) директор Вес должен немедленно снова зачислить нас в состав учащихся; в) два раза в неделю после обеда сами распоряжаемся своим временем; г) занятия начинаются в ближайшую среду. По вопросу продолжительности курсов единства мнений достигнуть не удалось...»

Общий результат переговоров блестящим не получился. Поэтому Ремарк и его сподвижник отправляются, к удивлению соучеников и преподавателей, в Берлин, чтобы выложить свои требования министру культуры Хоффману. Тот обещает проветрить мозги в семинарии, и довольные просители едут обратно, в свою прусско-вестфальскую провинцию.

В свои двадцать лет Ремарк все еще живет жизнью мечтателя, грезит о любви, пессимистичен, когда задумывается о своем будущем. И в то же время он политически активен, зорко всматривается в окружающую жизнь. В смутные годы молодые люди не выберут выразителем своих интересов тихоню, просиживающего штаны за партой или на студенческой скамье. Выходит, что Ремарк опять — как и всегда в своей жизни — раздвоен и, в хорошем смысле, двуличен.

На столике в комнатухе под крышей родительского дома перед ним томики Гёльдерлина и Гофмансталя, он пишет стихи, любовные письма и первый роман, играет на рояле, рисует, дает уроки музыки и занимается с отстающими учениками, на заработанные деньги ходит в театр и на концерты. Много читает, слушает лекции в народном

университете. В то же время выступает в иной ипостаси, словно его попутал бес тщеславия. В лейтенантской форме, с орденами на груди, хлыстиком в руке и собакой на поводке фланирует по улицам Оснабрюка, сидит по вечерам в кафе и пивных, пьет, шутит, разглагольствует о политике, рассказывает небылицы. Меняет потертый солдатский мундир на элегантный костюм. «Одевался он броско, со вкусом, носил настоящую панаму и вел статную овчарку так, что прохожие невольно замедляли шаг», — вспоминал Ханс-Герд Рабе. И далее: «Я часто встречал Ремарка на концертах в саду известного кафе “Германия”. Его манеры и отличный костюм вызывали у меня восхищение; заметив это, он сказал: “Хочешь добиться успеха в жизни, обращай больше внимания на одежду”. Носил он и широкие, развевающиеся на ветру галстуки — те, что так любят художники».

Учеба дается ему легко. Выпускной экзамен его не волнует. В свободное время лучше погрузиться в чтение любимых и новых книг и окунуться в «бурную» светскую жизнь скромного Оснабрюка. В июне он берется организовать традиционный бал в рамках «праздника роз» пред воротами города, в «Писбергском общественном доме». Украшает зал морем цветов, открывает торжество речью, от которой гости приходят в восторг, ухаживает за дамами, рассыпаясь в изысканных комплиментах. Но вот музыка отгремела, и он напивается, чтобы закончить ночь в объятиях какой-нибудь красавицы. Игра, бражничество как средство забыть о любых неприятностях, задор и озорство, чувственные желания — вот что движет им в эти месяцы. Это настроение он передаст в романе «Возвращение», сделав местом действия фиктивный Оснабрюк. В книге, написанной в начале 1930-х, найдут отражение и темные стороны жизни немцев в первые месяцы после войны. Он ясно видел их в свои двадцать с небольшим лет.

«Приют грёз»

И пишет тем не менее о принципиально иных вещах. Книга выйдет в дрезденском издательстве «Шёнхайт», которое уже публиковало его стихи и рассказы. Произведение, надо сказать, удивительное. В то время как юный автор корпит над рукописью, Германию сотрясают взрывы социального недовольства. В столице зверски убиты Карл

Либкнехт и Роза Люксембург, в потоках крови гибнет Баварская советская республика. Ожесточенный спор вокруг подписания Версальского договора приводит к расколу общества и к отставке правительства во главе с Шейдеманом. Капповский путч в марте 1920-го лишний раз показывает, что рейхсвер и прочие враги республики не приемлют новую конституцию. На июньских выборах «веймарская коалиция» утрачивает большинство в рейхстаге. Череду сменяющих друг друга правительств обременяет молодую демократию. Шовинисты раздувают спор о принадлежности «восточных земель» до вопроса о выживании самой Германии.

И вот в это политически наэлектризованное время Ремарк пишет роман, очевидно, полагая, что на дворе еще мирная весна четырнадцатого года. К тому же роман ему не удался. Сентиментальная история, за гранью слезливого китча, по красоте стиля столь же безыскусная, как романы Хедвиг Курц-Малер. Ничто не указывает в этом первенце на то, что на писательскую стезю ступает человек, который вскоре поставит свое время со всеми его ужасами в центр своего творчества. Нет в этом романе о жизни богемы ни проникновенно-прохладного, репортажного стиля более поздних произведений, ни столь близкой широкому читателю трезвой, отстраненной характеристики героев (или антигероев). В «Приюте грёз» обитают и действуют как дилетанты от искусства и философии, с умным видом рассуждающие о смыслах жизни и творчества, так и благородные, сердобольные люди из сказочного мира грошовых романов. «Люди хороши, жизнь хороша, весь мир хорош»²⁴.

Фриц Шрамм, художник и поэт, живущий в провинциальном городке вильгельмовских времен, — уже в первом своем романе Ремарк выбирает в качестве места действия родной Оснабрюк, — заменяет юным почитателям его талантов отца, советчика и проводника, ведущего их по пути в жизнь, полную тревог, сомнений, соблазнов. Самый любимый из его питомцев, пианист по имени Эрнст Винтер, изучающий композицию и искусство дирижирования в Лейпциге, не может устоять там перед красотой оперной певицы Ланны Райнер. Вечерами он с нею в театре, ночами в ее страстных объятиях. И это в то время, как дома его ждет Элизабет — девушка чистая, невинная, «одухотворенная».

²⁴ Цитаты из «Приюта грёз» приводятся в переводе Елены Михелевич.

Конец исканиям и метаниям Винтера приходит вместе с кончиной обожаемого учителя. Раскаявшись и осознав свою вину, Винтер возвращается домой, где объятиями его встречает уже Элизабет.

Герои романа мечтают, любят, грустят и взрослеют, пытаясь разгадать в сумерках уютной мансарды загадки окружающей их жизни. Задушевными беседами Фрицу Шрамму удается к тому же обратить на путь праведный «падшую» девушку.

Чуть ли не в каждой главе на небе появляется луна — полная или выглядывающая из-за облаков; мерцают звезды, цветут липы и сирень, трепещут и колышутся по надобности и без оной язычки свечей; дамы поют берущие за душу песни; приводя публику в восторг, «герой» терзает рояль; умирающий Фриц Шрамм видит в свой последний час, конечно же, «черную птицу»; красавица, обольстившая юного музыкального гения, возлежит на кушетке так, что «ее обнаженное тело лишь слегка прикрыто зеленой шелковой накидкой». И улыбается она «удивительно милой улыбкой, в которой смешались греховность, томление и грусть». Чувства протагонистов вздымаются пенными волнами, кровь их кипит... «Разве жизнь — это не спектакль?» — задаются они глубокомысленным вопросом, в то время как «на улицы городка спускается весенний вечер, позеленевшая от времени башня собора возвышается над людской суетой недвижимым символом вечности, а под мостом тихо бормочет река». И о чем же она бормочет? О людях, конечно же, о людях...

Обитатели «приюта грёз» размышляют у Ремарка о любви: «У мужчины она в большей степени вожделение, у женщины — жертвенность. У мужчины к ней примешано много тщеславия, у женщины — потребности в защите. Я имею в виду женщину, не самку». И о жизни вообще: «Юность должна жить в женском сердце»... И служить становлению человека. «Чтобы из людей получилось человечество. Ведь на свете много людей, но как мало среди них человек». Думается, читателям «Приюта грёз» было по сердцу и то, что мирозерцание автора вполне соответствовало вильгельмовскому канону. Вот как, например, Эрнст Винтер смотрит на положение женщины в обществе: «Фриц, “образованная” женщина — это чудовище. У нас есть все мыслимые законы, но нет такого, который обязывал бы, чтобы всех девиц, ударяющихся в политику или сочинительство, немедленно отдавали замуж». Можно предполо-

жить, что Эрих Ремарк и не думал иронизировать, вкладывая в уста Винтера эти слова, хотя республика уже успела наделить женщин избирательным правом.

Впрочем, при взгляде на общую композицию романа вновь вспоминается Рихард Вагнер. Очень уж похож кружок, собираемый Фрицем Шраммом в его жилище под крышей, на собрание рыцарей вокруг святого Грааля с их элитарной, напыщенной отрешенностью от мирских забот. (Отметим, между прочим, гомоэротические черты в отношении Шрамма к Эрнсту Винтеру.) Да и обе женщины, оспаривающие друг у друга душу и любовь Эрнста, под стать главным героиням в «Тангейзере»: обитающая в волшебном гроте обольстительница (Ланна Райнер в «Приюте грёз») и по-неземному все понимающая спасительница Элизабет в образе дочери ландграфа (девушка с тем же именем у Ремарка). Только вот если своенравный, а затем раскаявшийся миннезингер вступает у Вагнера в «селения рая», — «отверзлась дверь милосердия благая», — а дочка голубых кровей, отрекшись от земных радостей испускает дух на сцене, то долгое странствие Эрнста Винтера по будуару певицы заканчивается бракосочетанием с Элизабет: «Скажи мне, любимая, почему ты смилостивилась надо мной, нищим грешником? — Твои поступки — не грех, а блуждание. Просто путь, по которому тебе пришлось идти, был путем во мраке. Но теперь ты вновь обрел самого себя. — В тебе, любимая. — Пройдя путь от Я к Ты, — задумчиво заключила Элизабет».

У гроба с телом Фрица Шрамма пианист бормочет слова прощания прозой, будто взяв кусочек из либретто «Тристана»: «Верный друг, ты лишь однажды нарушил обет верности, не взяв меня с собой в иной мир. Выслушай меня в последний раз: клянусь тебе хранить верность — верность самому себе, как этого требовал именно ты... Ах, верный мой друг... Нет, ты не будешь одинок и там».

Нельзя не заметить, что в этом овеянном романтикой произведении мы вдруг встречаем высказывание политического характера, бросающее свет на тогдашнюю консервативную позицию автора, поскольку оно вложено в уста Фрица Шрамма, положительного героя романа. Речь в этом пассаже идет о германском чувстве родины, которое вошло «в плоть и кровь каждого настоящего немца, — я имею в виду не тех, кто породнился с евреями или славянами». Слова эти пишутся, когда антисемитизм в Германии грозит стать популярным с новой силой; когда националисты и

правые радикалы уже успели навесить на русскую революцию и польский вопрос ярлык «большевистско-еврейской опасности». Правда, молодой автор употребляет здесь весьма модное тогда выражение, не вникнув в его смысл. Он не антисемит. Осенью 1921-го он публикует заметку о концерте, в которой отзывается об исполнении Четвертой симфонии Густава Малера: «Этот добрый человек улыбается в финале с такой покоряющей сердце печалью, как может улыбаться только еврей, впитавший в себя беспокойный дух и глубинную боль своего народа. — Эй вы, свастикосцы, не вздумайте сожрать меня! — И выдает затем сопрано — соло, от которого так и веет волшебством и уютом. Ты — мятущийся дух, Густав Малер. Ты — символ нашего времени!»

«Приют грёз» — литературный продукт, абсолютно далекий от реальностей своего времени, написанный в типичной для тех вильгельмовских лет манере, когда многие интеллектуалы не считали для себя зазорным уходить от соприкосновения с грубой действительностью. Лион Фейхтвангер публикует в 1908 году свой первый роман — «Глиняный бог», Арнольд Цвейг в 1912-м — «Новеллы о Клавдии». На тот момент оба автора лишь немного старше Ремарка, и по своему замыслу, художественным интенциям, а также эстетике языка их произведения весьма схожи с его дебютом. Но в отличие от «Приюта грёз» в них уже угадывается высокая одаренность авторов. Однако создавались они в ту пору, когда мировая война казалась еще чем-то почти невыносимым, а писатели, композиторы и художники в большинстве своем считали политику «грязным делом», не имеющим к ним никакого отношения. Темой их творчества было искусство. Жизнь не будила их фантазию.

Сказанное явно применимо и к участнику войны, жителю Веймарской республики по имени Ремарк. Молодому человеку идет двадцать первый год, и он пишет роман о вчерашнем дне. «Приют грёз» — это прощание с миром юности, это гимн жизни ради искусства, преображенной радужными воспоминаниями, это хвалебная песнь нерушимым узам дружбы. По сути читатель знакомится с мелкобуржуазными идеалами юноши, взрослеющего в кругу ровесников, объединенных фигурой поэта и художника Фрица Хёрстемейера. Смерть своего кумира автор переживает как личную трагедию, он включает в роман четыре стихотворения любимого учителя, своей книгой он намерен воздвигнуть ему настоящий памятник, и, конечно же, в

ней находят отражение мучительные поиски своего пути в жизни. Сомнения в собственных творческих способностях остаются, а впереди — жалкое существование в роли сельского учителя.

Позднее Ремарк сам будет с легким ужасом взирать на своего первенца, хотя для покрытия типографских расходов ему пришлось расстаться с любимым роялем. Более того, вкусив мировой славы и став одной из самых спорных фигур на веймарской литературной сцене, он одобрит решение издательства «Ульштейн» скупить все еще оставшиеся в продаже экземпляры «Приюта грёз».

Не обойдем вниманием и маленький литературно-исторический курьез. С приходом к Ремарку всемирной известности «Приют грёз» пережил мини-ренессанс за пределами Германии. Появились русский, латышский и голландский переводы этого романа. По-видимому, издатели полагали, что на имени «Ремарк» можно теперь автоматически неплохо заработать. Еще удивительнее тот факт, что в 1991 году роман был издан и в болгарском переводе.

Роман, ранние стихи и первые тексты в прозе пишутся в годы, когда самому автору живется совсем не сладко. Духовно Ремарк изолирован, ни рядовой вестфальский городок, ни круг друзей не дают пищи его интеллекту. Отдельные эпизоды «Приюта грёз» ложатся на бумагу в сельской глуши, куда он отправлен на работу учителем. Он по-прежнему много читает, тривиальное и занимательное, ценя при этом Ведекинда, Гофмансталя, лирику Франца Верфеля, а также книги француза, язык которого тоже будет формировать его как писателя. Жорис Карл Гюисманс, друг Эмиля Золя и поначалу убежденный приверженец натурализма, резко мутировал, войдя в число лидеров европейского декаданса. «Природа отжила свое!» — гласил его повелительный лозунг, а его книга «Наоборот» (1884) стала настольной — для усталых символистов и декадентов с их уходом в мистику, с их тягой к пышности и великолепию. Эмиль Верхарн, Макс Эльскамп, Жорж Роденбах, Морис Метерлинк были поэтами рубежа веков, Форе и Дебюсси — его композиторами, Морис Дени и Пьер Боннар — его живописцами. Далеким образцом для них служил баварский король и строитель замков Людвиг II, их храм с Граалем находился в Байройте. Оскар Уайльд сформулировал их иронический лозунг: «Первая заповедь бытия в том, чтоб жить

предельно искусственным образом. Вторая пока не открыта». Ремарк принадлежал, судя по его ранним опусам, к когорте приверженцев декаданса.

Их время давно прошло свой апогей. Но Ремарк живет вдали от Берлина, Мюнхена, Вены, Гамбурга, Кёльна, Франкфурта-на-Майне, Дрездена и Лейпцига, где к ожесточенным спорам приводят уже новые течения в искусстве, где общественную атмосферу начинает определять новый, лихорадочный, быстро озолотившийся стиль жизни, а в бесконечных рядах густонаселенных «казарм» надолго поселяется бедность. Постановка пьесы Брехта «Барабаны в ночи» воспринимается в Мюнхене как сенсация, обозначая начало блестящей театральной карьеры. «Преображение» Эрнста Толлера играется в Берлине 114 раз, а заключенный в крепость автор пишет свою вторую пьесу — под названием «Человек-масса». Жители Вены спешат на премьеру спектакля по пьесе Артура Шницлера «Профессор Бернхарди». Проблема антисемитизма поставлена в ней известным драматургом еще до начала мировой войны; вскоре она обретет особую актуальность. Во Франкфурте ставят оперу Франца Шрецера «Кладоискатели», на сценах Гамбурга и Кёльна — премьеры оперы Эриха Вольфганга Корнгольда «Мертвый город». Арнольд Шёнберг переиздает в Вене свое «Учение о гармонии», а посетителей баров и бальных залов, избежавших смерти на войне и томимых теперь жаждой жизни, тоже пленяет незнакомый звук: через Атлантику, с чужими, темными ритмами и ошеломляющими инструментовками приходит джаз. Блаженное кружение в вальсе и великолепии локонов уступают место квикстепу, танго и женским прическам под мальчишка. Немецкая женщина курит и не обязательно сохраняет невинность до бракосочетания. Всеобъемлющим девизом вскоре становится «американизм», за ним позднее последует «новая деловитость»; торжествуя, правда, совсем недолго.

Семинариста и молодого учителя все это, похоже, обходит стороной. Оснабрюкский театр в то же время недостатка в зрителях не испытывает. На его афише имена от Шиллера до Гёте, у оперетты там тоже надежное пристанище. Вестфальские меломаны по-прежнему любят «Вольного стрелка», а если здесь вдруг решают поставить что-нибудь из Зудермана, то публика на берегах Хазе уже чувствует себя посвященной в модерн. Моцарт, Бетховен, Шуберт с Малером в придачу — такие концертные вечера чрезвычайно приятны. «Оснабрюк» имелся тогда почти во всех

немецких провинциях. (А по части театров и концертных залов имеется и в наши дни.) Скупые заметки о культурной жизни Оснабрюка важны, ибо они, пожалуй, объясняют, почему в первых литературных опытах Ремарка не ощутим пульс времени, а их автор пребывает в те годы под влиянием того, что ему дали произведения веймарской классики, позднего романтизма и вильгельмовского классицизма, а также часы, проведенные в мансарде Фрица Хёрстемайера, — вдали от мирских забот и тревог. Лишь оказавшись в Берлине, Ремарк начнет впитывать и пропускать через себя жгучие токи времени, а оно — наряду с другими факторами — станет формировать его литературный стиль и тематику его произведений.

Все это пока еще в туманной дымке, будущее не вселяет никаких надежд. Он не знает, где он находится, «зависнув» между своим мелкобуржуазным существованием и эстетизирующей декадентской литературой, которую он читает и старается копировать в собственных текстах. В июне 1919-го Ремарк сдает экзамен на звание учителя. Среди специальных тем по предмету «немецкий язык» он выбирает «лирику» и рассуждает о стихах Гёте и Гердера, после чего экзаменаторы выносят свой вердикт: «К сожалению, без проявления каких-либо чувств». И посему тоже оценка за все про все получается не слишком лестная: «удовлетворительно». Что ж, и он наверняка составил себе мнение о чиновниках, оценивавших его понимание немецкой лирики и других вопросов, на которые ему пришлось отвечать.

1 августа он вступает в Лоне, одной из деревень неподалеку от Лингена, в свою первую должность и проучительствует там восемь месяцев. Затем немногим более полугода — в Кляйн-Берсене и в Нане под Оснабрюком. И везде — в переполненных классах. Находится в угнетенном состоянии духа, в том числе и по этой причине. Ни в одном из трех мест не числится в штате, замещая коллег — больных или еще не вернувшихся из плена. Живет, снимая комнату у других учителей или у пожилых супружеских пар. Он попал в косный мир, где бесчинствуют бюрократы от педагогики, а осанистые мужчины в сутанах стараются преподать молодому человеку, один вид которого внушает подозрения, свои, «освященные веками», представления о нравственном поведении. Мы мало что знаем об этом отрезке его жизни. Сохранившиеся документы не содержат важных или интересных деталей. С достаточной долей уверенности можно утверждать одно: Ремарк не ощущал

эйфории от пребывания в сельской «диаспоре». По берегам реки Эмс и вокруг Папенбурга²⁵ люди жили бедновато, небо часто проливалось дождем, делая все вокруг сырым и серым. Еды, напротив, в отличие от города, хватало, а прелесть ландшафта с его неоглядной ширью, зарослями вереска и синими озерами, скорее всего, несколько утешала Ремарка.

В своем отношении к новому окружению он был удивительно дружелюбен и спокоен. «В нашем доме Р. бывал, можно сказать, ежедневно, — вспоминал позднее сын одного из его коллег. — Случалось, что, к моей радости и радости моих братьев и сестер, он заходил к нам несколько раз на дню, и все тогда в доме вдруг оживало. Нас вдохновляла его игра на рояле, а в моде тогда были новые, прелестные песенки из оперетт. Прекрасно помню, как вместе с ним мы оказались на деревенской свадьбе и как от души там веселились... На охоту здесь Ремарк еще не ходил, но прежде чем заступить в должность, привез с собой красивую овчарку, которая почти всегда сопровождала его во время прогулок... В школе Р. трудностей явно не испытывал, — ни в общении с коллегами, ни в обращении с детьми... Хотя до его назначения сюда моему отцу было сказано, что он якобы “вольнодумнее”, чем нормальный молодой учитель... На службе Р. был вполне корректен. Бывая, например, с детьми в церкви, он добросовестно следил за тем, чтобы они вели себя там правильно. Мне Р. при случае как-то раз сказал, что он усиленно читал Ницше, взгляды которого ему симпатичны».

Столь идиллически безмятежной картина, конечно же, не была. Наряду с тягостным ощущением личного одиночества, с отдаленностью театров, концертов, оснабрюкских собутельников и интересных ему на тот момент дам сердца — Лолот (актрисы Лотты Пройс), фрейлейн Мими и других, — имелись и серьезные неурядицы. Уже в начале его учительской деятельности, в декабре 1919-го, в кабинете оснабрюкского правительства поступил донос, согласно которому «работающий в Лоне учителем Р., будучи в свое время семинаристом, участвовал в спартакистском заговоре, вследствие чего коллегия учителей (Оснабрюкской учительской семинарии. — *В. Ш.*), исходя из высказываний самого Ремарка, считает его спартакистом». Говорилось в

²⁵ Город в земле Нижняя Саксония. Впервые упоминается в «Хронике фризов», написанной в XVI веке.

доносе и о том, что он, не имея на то никаких оснований, носил офицерскую форму, а также не присвоенные ему ордена. Так директор Вес, хоть и задним числом, мстил Ремарку. Он явно не мог забыть, что Ремарк, будучи избранным представителем учеников, обратился к вышестоящему начальству с требованием урезонить не в меру ретивых руководителей училища.

Веймарские госчиновники, плоть от плоти кайзеровской Германии, воспринимали политические упреки такого рода со зверской серьезностью. И смельчакам приходилось платить за них своей жизнью, свободой, в лучшем случае потерей рабочего места. Ремарк легко отделался, но запугать себя не дал. «Ни в каком спартакистском заговоре я не участвовал, — сообщает он чиновникам, перепуганным призраком новой революции, — и должен просить представить доказательства моего участия». Таковых, конечно же, не было, однако это не помогло обвиняемому. Чиновники известили подозрительного «молодого учителя» о том, что его «поведение во время учебы после демобилизации было совершенно недопустимым». Кроме того, он ведь и сам признал на допросе: «Офицерскую форму я носил, не будучи офицером». Нетрудно представить себе, как такой чиновничий произвол действовал на молодого человека.

Кляйн-Берсен затерялся среди лесов и лугов в окрестностях Меппена. В эту деревеньку он прибыл по распоряжению властей в мае 1920-го, целый месяц побыв безработным. Здесь и в самом деле был край света. Отрезанный от всех средств сообщения, он жил в комнатухе за стенами школы, вокруг царила неприкрытая бедность, и утешиться тут было нечем. Неудивительно, что один из будущих бургомистров местечка напишет: «Остается лишь заметить, что учителю Ремарку трудно было вписаться в тогдашние условия сельского быта». Замечание, которое кроме как дружелюбным приукрашиванием действительности не назовешь.

К тому же в Кляйн-Берсене жил и трудился декан Бранд, надзиравший и над местной школой. (Католический клир в этой местности еще успешно цеплялся за свои властные привилегии.) Приветливый молодой горожанин ему явно не нравился. С детьми чуть ли не запанибрата, пожалуй, слишком дерзок, а главное — не в меру либерален в своих воззрениях. Декан же привык заботиться в своем приходе о дисциплине и порядке. И тогда завязалась оживленная переписка — с подачи человека церкви. Оказавшись актером

в комедии уездного масштаба, Ремарк обнаружил — как это уже было при столкновении с оснабрюкскими чиновниками из-за его якобы спартакистских амбиций — черту характера, которая, как известно, не отличает его соотечественников в их отношениях с начальством в лучшую сторону, — гражданское мужество. Его ответ был четким и даже, пожалуй, воинственным: «У Вас есть церковь, у меня — школа. Я не вмешиваюсь в Ваши дела и потому требую, чтобы Вы не вмешивались в мои». Но декан Бранд не думал отступить. Обмен письмами приобретал все большую остроту, так что пришлось вмешаться земельному советнику. Ну а тот сделал то, что так любят делать чиновники: назначил комиссию для расследования инцидента. Но и ей не удалось установить, из-за чего разгорелся сыр-бор. Хотя хитрости тут не было никакой. На кону стояла репутация деятеля церкви, который решил научить слишком светского молодого человека католическому послушанию. Ходить в церковь надо, мол, регулярно, своей лепты в религию он не вносит, молодежи подает такой дурной пример, что хуже некуда. К сожалению, спор велся и о выплатах содержания, что не могло не вызывать раздражения в материально зависимом от этих выплат учителе. Ремарк получал 1120 рейхсмарок в месяц, что всего лишь хорошо звучит: инфляция быстро сжирала большую часть оклада. «Называя сумму, Вы забыли о плате за жильё», — жалуется он, когда Бранд требует вернуть излишек, считая, что учителю было переплачено. «Деньги я уже истратил и вернуть ничего не могу... Замечу, кстати, еще раз, что Вам как председателю попечительского совета полагалось бы знать, сколько Вы должны были заплатить и что я не получил “слишком много”, а получил деньги по узаконенной высшей ставке, выплата которых не только признается нормой, но властями даже и приветствуется». Письмо заканчивается едкой насмешкой над мелочностью человека, который старается отравить ему жизнь: «Отвечая на Ваш вопрос, могу ли я теперь читать Ваш почерк, вкуче с похвалой сообщаю, что Ваш почерк стал гораздо разборчивее и что если Вы продолжите прилежно упражняться, то сможете явить миру нечто совсем прекрасное. Эрих Ремарк учитель».

Очень злое письмо приходит и в районный отдел народного образования. «Поскольку господин декан позволяет себе доводить до сведения правительства и дела сугубо личные, чего я не приемлю в принципе, и поскольку я считаю, что человек должен иметь достаточно мужества, чтобы ре-

шать личные дела самому, а не прятаться за властными спинами и не клеветать таким коварным способом (выражение выбрано в спокойном состоянии и по зрелом размышлении), то должен вкратце сказать следующее: честность г-на декана вызывает у меня сильные сомнения... Убедительно прошу срочно разобраться в нашем деле... Ручаюсь в своем письме за каждую букву». Бодрый тон заявления оборачивается, однако, строгим выговором по служебной линии. А его противник в этой дуэли — декан затеет потом серьезный конфликт с властями и родительским советом и поплатится за это своей должностью — услышит, с кем он тут имеет дело: «Вам не удастся меня напугать; мне доводилось побеждать и не таких противников». Ремарк не сдрейфил — ни в этой баталии, ни годами позже, когда атаки на него были совсем другого качества.

Это время тоже найдет отражение в его романе «Возвращение». Эрнст Биркхольц, альтер эго писателя, посещает, так же как и его создатель, учительскую семинарию в провинциальном городке, после чего отправляется на работу в сельскую глушь. Ремарк вносит в роман немало из пережитого в Лоне, Кляйн-Берсене и окрестностях. Отражение жизненных коллизий не зеркально, в нем много ума и чувствуется ностальгия. Эрнст Биркхольц тоже потерпит крушение на учительском поприще.

Дав декану отпор, Ремарк просит начальство перевести его поближе к Оснабрюку, что оно и делает. В Нане он учительствует около трех месяцев, после чего этот этап его жизни заканчивается. 20 ноября 1920 года он заявляет о своем желании уйти в длительный отпуск, и, наверно, чиновники охотно его удовлетворили. С точки зрения отцов народного просвещения, Ремарк действительно не был образцовым учителем начальной школы.

Примерно через три года, окончательно порвав с Оснабрюком и живя в Ганновере, он напишет своему другу, каменотесу Карлу Фогту, письмо, в котором подытожит свое отношение к чиновному люду и к профессиональной деятельности человека: «Чиновник — раб своей профессии. Он втиснут в ставки своего оклада и в свои обязанности, у него всегда была возможность рассчитать, сколько он будет зарабатывать через десять лет и кем он через десять лет будет. Свободная профессия все еще остается самой комфортной. Под ней я понимаю такую профессию, которая предоставляет неограниченные возможности для развития... По сути же, любая профессия, сколь свободной она бы ни была, —

это оковы... Ты прав, именно неопределенность в жизни имеет особую прелесть».

В конце 1920-го перед ним два года ожиданий и поисков. Он — не единственный, кто в это время обречен на отчаянную борьбу за выживание. Республике грозит раскол. В марте 1921-го французские и английские войска оккупируют Дюссельдорф и Дуйсбург. В центральной части страны и в Гамбурге дело доходит до вооруженных столкновений с силами правопорядка под коммунистическими лозунгами, бои идут в Верхней Силезии. В мае 1921-го правительство Ференбаха уходит в отставку, новым рейхсканцлером назначен Йозеф Вирт. 26 августа убит Маттиас Эрцбергер²⁶, в стране объявлено чрезвычайное положение, что приводит к затяжному конфликту между рейхом и Баварией. 22 июня 1922 года правые радикалы совершают покушение на Вальтера Ратенау, министра иностранных дел и еврея по национальности. В августе начинает набирать обороты инфляция, что приводит к массовому разорению среднего сословия. Не выдерживают ее натиска и оклады чиновников. Брожение охватывает крестьян. Их хозяйства страдают от скачков цен, на грабежи и продажу их дворов с молотка они отвечают актами насилия. К концу 1922 года кризис еще не достиг своей верхней точки. Лишь с оккупацией Рурской области в январе 1923-го инфляция переходит в гиперинфляцию, уничтожая состояния бесчисленного числа людей, обрекая их на нищету и безработицу. Именно в эти годы республика упускает свой шанс. Все большее число немцев теряет веру в демократию и ее институты. В своем стремлении похоронить республику поддержку у избирателей находят радикальные партии левого и правого толка. Демagogическими речами и несбыточными идеями они сеют то, что обернется кровавым урожаем в 1930-е годы.

Решив расстаться с профессией учителя, Ремарк теряет хоть и очень скромный, но верный источник дохода. В следующие 22 месяца он перебивается случайными заработками. Снова живет в родительском доме. «Был я и учителем в начальной школе, ведь имел на то право, сдав экзамен. Счастливая была пора, с детьми я ладил очень неплохо, но учительствовать всю жизнь не хотелось, в 21 год мечтаешь о чем-то большем. И кем потом я только не был: некоторое время — коробейником, продавал платки и материю... аген-

²⁶ Немецкий писатель и политик, руководитель Комиссии по репарациям, рейхсминистр финансов Веймарской республики.

том по продаже надгробных памятников, коммерсантом... и даже играл на органе в психиатрической лечебнице». Так он выскажется в ноябре 1929-го, когда вокруг его военного романа и самого автора будут вестись ожесточенные споры. Поэтому его слова о «счастливой поре» в сельских школах не следует принимать на веру. От надежного заработка в су-ровые времена с кондачка не отказываются.

Другие данные о себе верны. Он действительно «перебивается». И пишет. Первый блин вышел комом. Роман не приносит ему ни пфеннига. Выручки от продаж не хватает на доплату, которая потребовалась к типографским расходам. Неудача задевает самолюбие и повергает в уныние. Но разрушить мечту о писательской карьере ей не дано.

Ремарк становится театральным и музыкальным критиком «Оснабрюкер тагес-цайтунг» и продолжает публиковать в «Шёнхайт» стихи и то, что можно назвать малой прозой. Пишет о событиях в культурной жизни родного города и делает это хорошо, солидно, порой с энтузиазмом. Пишет об опереттах и операх, гастролях танцевальных групп и вечерах камерной музыки, поэтических чтениях и архитектурных достопримечательностях Оснабрюка. Это добротная снедь журналиста, не меткие уколы эспадроном матерого рецензента и не разящие удары саблей рьяного полемиста. «Такова жизнь: ты растешь в золотых утренних лучах, делаешь пару робких шагов к полудню, смелеешь, бежишь, рвешься вперед в кольце радужных красок, пока постепенно не отстаешь на закате дня и, наконец, почти не дорожишь собой, уходя в заботы о других молодых людях». Не следует корить автора этих и многих столь же взволнованных строк за то, что он с таким по-буржуазному бодрим настроем отвечал в те дни и недели желаниям своих читателей. Поденщина в журналистике всегда была и остается горьким как редька занятием, по сей день оплачивается центами и копейками, и каждое следующее задание по-прежнему зависит от всемогущего господина редактора, который — увы! — не всегда пребывает в добром расположении духа. То, что Ремарк имеет сказать о литературных вечерах, постановке «Фауста», музыке Бетховена, «Грёзах о вальсе» всеми обожаемого Оскара Штрауса или песенно-балладном вечере Оснабрюкской школы пения, которой руководит Мария-Анна Бюргер, не хуже того, что пишут его коллеги в Бохуме, Аугсбурге или Шверине. Как критик он конкретен и не тщеславен — в отличие от некоторых авторитетов, которые, рассуждая в «Берлинер тагеблат»,

«Фоссише цайтунг», «Франкфуртер цайтунг» или в венской «Нойе прессе» о натурализме и экспрессионизме, о пролетарском театре, Брехте и Гауптмане, Эрвине Пискаторе и Максе Рейнхардте, об интрижках за кулисами оперных театров, где Отто Клемперер исповедует модерн, а Бруно Вальтер — классику, опускаются до сведения счетов друг с другом, не брезгуя случаем оскорбить собрата по перу даже грубым словом.

Когда на склоне лет он будет говорить об отдельных фазах своей жизни, она увидится ему преображенной светлыми моментами и меланхолией. Это относится и ко времени его работы критиком. В январе 1966-го к Хансу-Герду Рабе придут из Рима следующие строки: «Твои театральные рецензии напоминают мне о моих первых опытах в этом жанре... и должен тебе сказать, что вспоминаю я о том времени с нежностью, хотя я был просто незрел, чтоб заниматься критикой по-настоящему. Это была наша молодость; и, наверное, именно поэтому мне никогда не забыть те годы».

Его рассказы, миниатюры, стихи — а некоторые из них появляются в «Шёнхайт» и «Оснабрюкер тагес-цайтунг» — стилистически на уровне «Приюта грёз». Мы видим, как к измученной тоской героине одного из рассказов приходит «час освобождения», сопровождаемый сильным и сладким запахом сирени и пением соловья в саду, а в другом рассказе «из юношеских мечтаний» героя возникает образ «женщины с обворожительными золотистыми глазами». Читая вещицы Ремарка той поры, ощущаешь, с какой силой влечет его художественная подмена. Сам он живет в бедности и среди заурядных обывателей, герои же его — сплошь и рядом в роскоши, овеванные флером большого света, среди «прекрасной и вездесущей природы», с «токами жизни» в благородной крови. Некоторые сценки в его рассказах могли бы вдохновить Обри Бёрдслея и Франца фон Штука, их автор все еще в плену «модерна», хотя стиль этот давно прошел точку невозврата: «В бронзовых канделябрах горели свечи. Ковры приглушали звук шагов. Ступени сияли, перила поблескивали. Открылась дверь, я сделал несколько шагов и оказался один в комнате, бывшей, очевидно, музыкальным салоном. В углах таились синие тени... Через огромные окна струился призрачный серебристый свет звезд, он скользил по комнате и ложился на белые клавиши рояля».

Тексты выходят из-под пера так, будто скроены по одному образцу, в натужном стремлении подражать люби-

мым поэтам его юности: «Природа! Мать и сестра! Тоска и осуществление! Жизнь! Блеск полуночных солнц, сияние дневных звезд! Смерть! Ты, синева! О, твоя глубина! Темный бархат на светлых одеждах! Ты, жизнь, — и есть смерть! Ты, смерть, — и есть жизнь! Всё — природа! Я — это Я! Я — куст, дерево! Ветер и волна! Шторм и штиль! И во мне кровь миров! Эти звезды во мне! Часть меня! А я — в звездах! Часть звезд!» Называя себя в общении с чиновниками, друзьями и любовницами писателем и ничуть при этом не смущаясь, он внутренне не уверен в себе, не находит ни в чем удовлетворения и остается в творческом плане всего лишь эпигоном.

Письмо, которое Ремарк в конце июня 1921 года отправляет на гору Капуцинов в Зальцбурге уже обретшему известность Стефану Цвейгу, — куда более достоверное свидетельство его тогдашнего душевного состояния, нежели реминисценции в интервью и письмах более позднего периода: «Господин Стефан Цвейг, пишу Вам с решимостью человека, для которого “быть или не быть” стало главным вопросом, а также по праву любого что-либо создающего человека. Мне 23 года, у родителей я был “мальчиком для битья”, бродил по стране, пас овец, работал на фабрике, служил в армии, самоучкой набирался знаний, учительствовал, писал. В настоящий момент в моей судьбе все так переплелось и запуталось, идет такая ужасная творческая борьба (ибо творчество для меня не литературная забава и не академическое занятие, но кровное дело, вопрос жизни и смерти), что я остро нуждаюсь в добрых советчиках. Гордыня мешает мне излить душу, но бывают часы и минуты, когда требуется дружеское участие, когда пройти какой-то отрезок пути в одиночку невозможно. Сегодня мне нужен человек, которому бы я внимал, безусловно доверял, верил и за кем бы *следовал*. Кроме Вас, я не вижу другого такого человека! Вы исключительно тонко чувствуете людей, проникаетесь их мыслями и заботами. Итак, вот моя просьба: Вы должны сказать мне, по правильному ли пути я иду. Хотел бы послать Вам несколько осколков, отлетевших от камня при мучительной работе резцом, и услышать Ваш приговор... Для меня это вопрос жизни и смерти. Или я сломаюсь, или прорвусь. Жизнь и творчество слились во мне с такой чудовищной силой, что разъединить их пока не удалось. Страдаю же от этого сплава неимоверно. Словно

затравленный зверь, несся я бог весть куда под градом вопросов, ощущая свою особую миссию и страшно мучаясь от этого, и вот теперь стою над бездной: это действительно миссия или нечто такое, что судорожно пожирает самое себя в мареве галлюцинаций? Если так, то лучше — в бездну, в мягкое, как лебяжий пух, Ничто. Пишу Вам, господин Цвейг, и прошу как человек человека: сообщите мне, могу ли я послать на суд Вам несколько стихотворений, несколько осколков моей неистовой работы над “великим” произведением. Впрочем, осмелюсь приложить их уже к этому письму».

Ключевой документ данного этапа жизни. И значительно более правдивый, чем взгляд на эти годы в романах «Возвращение» и «Черный обелиск». Письмо пишет человек отчаявшийся, мятущийся. Не патетический тон, не ницшеанское желание представить себя в привлекательном виде, а крик о помощи срывает покров с тех условий, в которых живет Ремарк: творческий тупик, уязвленное самолюбие, прозябание в провинциальной глуши... Есть, правда, боготворимая им и всегда готовая выслушать его актриса Лотта Пройс, да и дружеские пирушки делятся иной раз далеко за полночь, есть возможность «профессионально» насладиться искусством, о молодом талантливом авторе, случается, упоминает газета родного города. Но все это способно лишь приглушить приступы тоски, идущей от неудач в личном и творческом плане.

Ответ Цвейга был, очевидно, доброжелательным и ободряющим. Доказательство тому — письмо, отправленное Ремарком австрийскому коллеге в июне 1929 года вместе с экземпляром «На Западном фронте без перемен»: «Когда я уже почти не верил, что человек может быть добр к другому человеку, Вы написали мне очень теплое письмо. Я хранил его все годы среди тех немногих вещей, расстаться с которыми был просто не в силах. Оно служило мне утешением в дни продолжительных депрессий».

Заметим, что знаменитый писатель никогда не отказывал молодым талантам в советах и ободряющем слове, ходатайствовал за них в издательствах, а позднее, находясь в эмиграции, не скупился на финансовую помощь тем собратьям по перу, которые оказались без куска хлеба. Человек, получивший в 1921 году письмо из Оснабрюка, был, следовательно, прирожденным гуманистом.

Меж тем Ремарк торгует в Оснабрюке надгробными памятниками от гранильной мастерской братьев Фогт, что

располагалась на Зюстерштрассе. О своей недолгой коммерческой карьере он скажет позже с нескрываемой иронией: «Я стоил тех денег, что мне платили. С необыкновенной легкостью (счастливая рука!) сбывал самый залежалый товар, даже стилия модерн. Способствовал обезображиванию местности памятниками павшим воинам. Мы придумывали, делали и продавали уродливые изваяния в виде страдающих от зубной боли львов и бронзовых орлов с подбитыми крыльями. Последние особенно хорошо шли, если их головы были украшены золотыми коронами».

На органе Ремарк играл в часовне Святого Михаэля Оснабрюкской краевой больницы. Для этого каждое воскресенье поднимался по склону холма на городской окраине к психиатрическому отделению. Наградой были бесплатный обед и возможность заглянуть в скрытый от посторонних глаз мир людей, мучимых страхами и навязчивыми идеями.

Всех этих заработков едва хватало, чтобы сводить концы с концами. Такая жизнь его, конечно же, не устраивала. Пережитое в последние оснабрюкские годы найдет свое отражение по прошествии трех десятилетий — в романе «Черный обелиск». Ремарк поселит в нем людей, с которыми имел дело или встречался в ту далекую пору. За фигурой Людвиг Бодмера он скроет самого себя, многие эпизоды перейдут в роман из реальной жизни тех лет: торговля надгробиями будет идти ни шатко ни валко, «сумасшедший дом» наполнят аккорды органа... Но вот главная мысль произведения, выраженная в первую очередь ироничными высказываниями Людвиг Бодмера и его отстраненно-насмешливым поведением, будет не всегда созвучна суровой обстановке, в которой жил автор. Книга почти весело расскажет о разрухе, царившей в быту и головах граждан молодой республики.

Развернув однажды родную газету, оснабрюкцы увидят рядом со стихотворением Ремарка сообщение о том, что «молодой талантливый поэт» пишет пьесу. В библиографии ранних произведений Ремарка она значится под заголовком «Буби». Сохранились лишь небольшие фрагменты и наброски. Сам Ремарк об этой вещице никогда ничего не говорил. Зато Пауль Боймер, рассказчик в «На Западном фронте без перемен», находит среди своих бумаг, проводя отпуск дома, незаконченную пьесу о библейском царе Сауле, что может, пожалуй, служить намеком на один из фактов биографии писателя.

В 1921 году Ремарк устанавливает контакт с ганноверской фирмой резиновых изделий «Континенталь — каучук и гуттаперча» и пишет для издаваемого ею журнала несколько рекламных статей. Сотрудничество с «Эхо Континенталь» быстро крепнет. В марте того же года он — видимо, впервые — подписывается под письмом в редакцию именем Эрих Мария Ремарк. Почему вдруг он назвал себя «Марией»? На эту тему он никогда не высказывался. Может быть, в память о матери? Или это дань уважения, оказанного молодым человеком, мечтающим стать известным писателем, такому мэтру, как Райнер Мария Рильке? «Мелодия любви и смерти корнета Кристофа Рильке» была встречена поколением Ремарка с восторгом!..

В Ганновере он снимает квартиру на Николаиштрассе и становится штатным сотрудником «Эхо Континенталь». Рекламные тексты неплохо оплачиваются, журналистский маркетинг, пожалуй, даже доставляет ему удовольствие, к тому же в печати по-прежнему появляются его рассказы. И потому на вопрос оснабрюкских чиновников, не желает ли он возвратиться из отпуска и вновь пойти в школу учителем, он отвечает в ноябре с нескрываемой гордостью: «В настоящее время имею честь быть начальником отдела рекламы и главным редактором ганноверской Континенталь К&Г.П. *Срок подачи заявления об уходе с работы трехмесячный — к первому числу квартала. О каком-либо временном замещении и не задумываюсь.* Заинтересовать могло бы только долговременное; но все это мне не к спеху, поскольку у меня здесь приличный заработок и потому охотно пропущу вперед безработного, терпящего нужду товарища». Оставляя дверь за собой неприкрытой, он тем не менее откровенно наслаждается возможностью указать чиновникам, с которыми так сильно рассорился, на свою свежеобретенную независимость, хотя отчасти и поступает при этом правдой. Ведь никакой он не начальник отдела и тем более не главный редактор. И все же в середине следующего года поле его деятельности расширяется — до «ответственности за все содержание» журнала.

Не имея, как известно, отношения к литературе, отраслевые журналы трактуют жизнь с дружеским оптимизмом. Их хозяева далеки от альтруизма. Им важно, чтобы продукция находила сбыт и репутация завода повышалась. Так оно и было уже в те годы, когда не существовало ни понятия «паблик рилейшнз», ни обозначающей его аббревиатуры. А так как в цехах фабрики «Континенталь» делали не

только резину, но и шины, то рекламная кампания фирмы строилась, главным образом, вокруг автомобиля и самых различных к нему принадлежностей.

В начале 1920-х автомобиль — еще роскошь, по карману лишь состоятельным людям. Владельцы горделивы и не без снобизма, ведь с машиной связываются такие понятия, как досуг, спорт, дальние страны, экзотические путешествия. Поэтому мансарда с ее грезами для молодого и энергичного составителя рекламных текстов отходит на задний план; техника, скорость, непринужденность суждений, великосветская обстановка — вот что все сильнее увлекает Ремарка. И, естественно, отражается на стиле тех рассказов, которые он пишет и — частично — публикует в эти годы.

За свой оклад он пишет и редактирует тексты, которыми можно подвигнуть людей к покупке велосипедных и автомобильных шин. И стихи приходится сочинять, только не о цветении маков и ромашек и не о влюбленных, для которых разлука смерти подобна, а всего лишь о проказах «континенталцев». В каждом номере журнала одна из полос заполнена забавными рисунками с виршами от Ремарка. Сегодня такие комбинации мы называем комиксами, а тогда их любили и без этого английского названия. Вот как начиналась одна из маленьких безобидных историй.

Сжатый воздух из баллона/фирмы Континенталь — чудеса! — / должен был беспрекословно/оживить два колеса.

Потому шагают важно/континенталцы Франц и Фриц./ Вдруг из-за угла вальяжно/хвостиком виляет шпиц.

Меж мальцами и собакой/сроду миру не бывать./Потому — скорей в атаку./План созрел: пса напугать²⁷.

Важно на этом заработать, художественные достоинства — дело второстепенное.

Пишет Ремарк для своего журнала и мини-эссе. О разнообразных видах досуга и спорта, о тенденциях в моде, об автомобилях и лодках, о косметике и прочих средствах ухода за телом, особенно женским. Поэт в роли агитатора на рынке! Он восхищается административным зданием фирмы, построенным по проекту архитектора Петера Беренса («спокойные плоскости в благородной архитектонике»), и славит ни с чем несравнимые изделия своего работодателя: «...образ действительно элегантного, стильного автомобиля немислим без черно-белых кордовых шин фирмы “Континенталь”»: ведь именно они, сработанные в расчете на

²⁷ Перевод Романа Чайковского.

максимальную целесообразность и износостойкость, придают автомобилю в конечном итоге великолепный внешний вид». Не менее красноречив он и в восхвалении крупногабаритных и массивных шин из эластика. «И не забудем: водителю уличный костюм, в сущности, не нужен. И вообще: разве не режет нам глаз вид человека, несущегося на своем бензиновом коне в визитке с развевающимися фалдами? Зато вы не пожалеете, купив одежду фирмы “Континенталь”! Мы изготавливаем ее для самых разных случаев: от тончайших пылезащитных костюмов до очень плотных кожаных курток». Не хуже опытного диалектика он доказывает всем, кто считает рекламу делом в принципе убыточным, как глубоко они заблуждаются: «Не раз и не два доказано, что благодаря рекламе товар становится не дороже, а, наоборот, дешевле. Дилетанты полагают, что затраты на рекламу прибавляются к издержкам производства и делают товар дороже, но в их суждениях верна только предпосылка, вывод же ошибочен. Целенаправленная реклама всегда рождает повышенный спрос, а значит, и повышенный оборот. В результате накладные расходы предприятий торговли и торговые издержки распределяются на большее количество товара, и издержки производства снижаются». Коммерсантам, важной рекламной аудитории «Эха Континенталь», он объясняет, какую выгоду они имеют, покупая продукт, достоинства которого он раскрывает в своих текстах: «С другой стороны, хорошо разрекламированный фабрикат укрепляет доверие публики к продавцу». Господин редактор явно стоит своих денег.

Перед ним открывается большой мир: фирма командировует его в Италию, Англию, Бельгию, на Балканы, в Турцию и Швейцарию. Но выход за пределы провинциальной Вестфалии влечет за собой и фатальные последствия: Ремарк начинает пить. Быть может, чтобы преодолеть неуверенность, скорее приспособиться к жизни в новых условиях. Джулия Гилберт, американская исследовательница жизни Ремарка, рассказывая об этих командировках, замечает: «Молва о нем постепенно распространяется в известных районах, домах и увеселительных заведениях многих европейских городов. К “ночным бабочкам” он питал искреннюю симпатию». Подобные пассажи охотно проглатываются читателем и легко дополняют образ прожигателя жизни. Однако едва ли эротические эскапады рядового коммивояжера могли стать притчей во языцех в масштабах континента.

Важнее, безусловно, другое: пока Ремарк разъезжает по Европе, в газетах и журналах появляются его рассказы, зарисовки, рецензии. Среди изданий, предоставляющих ему свои страницы, такие известные, как «Югенд», «Берлинер лебен», авангардистский «Штёртебекер», «Ганноверше курир», «Тюрингер альгемайне цайтунг», «Гамбургер фремденблат». Несколько его вещей публикует даже амбициозный «Берлинер тагеблат». Это, несомненно, вдохновляет Ремарка. Но говорить о журналистской, тем более писательской карьере можно лишь с большой натяжкой. Ситуация не скоро изменится и в Берлине. Ремарк уже в состоянии зарабатывать себе на хлеб писательским трудом. Но его не отнесешь к корифеям немецкой публицистики веймарского периода.

До нас дошло около ста ремарковских работ той поры. Они неоспоримо свидетельствуют о переломе в его творчестве. Неоромантические мечтания уступают место реалистическим сюжетам. Заметны проблески здравого цинизма, его герои уже не умирают красиво, они расстаются с жизнью деловито. «Тоший не мог понять, ирония это или что-то другое. Он выстрелил, и Клерфейт медленно упал. Лицом в песок. Там он и остался». Его фразы теряют сконструированную обстоятельность, их нередко фальшивую, искусственную тональность. Ремарк находит новые, модные темы, действие часто происходит в дальних странах, он рассказывает о драме ревности, разыгравшейся в пустыне, о путешественниках, курящих опиум в Китае, о мошенниках-инкассаторах, об отчаянно смелых исследователях Арктики. Герои его историй уже не скроены на одно лицо, они отправляются на поиски своей идентичности, своего места в большом, зачастую враждебном мире. Их встретишь и в Бейруте, и в Рио-де-Жанейро. Автор, выросший в тесноте маленького городка, пером компенсирует свою тягу к заморским просторам и приключениям. В коротких новеллах ему иногда удается создать атмосферу напряженного ожидания, которая станет характерной чертой его больших романов и обеспечит им успех. В Ганновере он пытается примкнуть к литературным течениям послевоенных лет, в его прозе тоже повеяло «новой деловитостью». «Американизм», наложивший мощный отпечаток на «золотые двадцатые», оставляет свой след и в текстах молодого честолюбивого автора, в философских диалогах и отступлениях у него теперь больше живой конкретики.

«Романтизм умер», — возвещает Ремарк в одном из эссе для «Эхо Континенталь», хотя в голосе его явственно чувствуется ностальгия. «Мы еще любим давно знакомый нам звук почтового рожка, слегка грустим, вспоминая о золотых днях юности и легкокрылых мечтаний; мы еще можем вместе с Эйхендорфом почувствовать очарование тихой лунной ночи с плеском воды в фонтане и шепотом влюбленных в укромной беседке; вместе со Штурмом и Раабе мы еще можем вернуться в тот маленький городок, где жизнь течет спокойно и неторопливо, где поэты обитают в мансардах, а шпицвеговские²⁸ оригиналы в цветастых шлафроках мирно покуривают табак, поливают фуксии и ухаживают за кактусами; где во дворах и старых домах еще есть живописные уголки с мерцающей аурой покоя и ясности. Но все это создано прошедшим временем, это его прощальный отзвук, а не знак новой эпохи».

Завсегдатай оснабрюкского «приюта грёз» оказался в кружке постадаистов, которые регулярно собираются в главном городе Нижней Саксонии, чтобы скрестить шпаги в словесных баталиях. К каталогу «Группы К», устраивающей художественные выставки в залах Общества имени Кестнера²⁹, он пишет предисловие. Издатель-авангардист Пауль Штегеман ценит его как рецензента, давая возможность публиковаться в «Штёртебекере». Ганновер переживает расцвет самых разных видов искусства, провинцией его никак не назовешь.

Бухгалтер Йозеф Детеринг, герой одного из рассказов Ремарка, на протяжении двадцати восьми лет исправно ходил на работу по одной и той же длинной, пыльной улице, пока однажды, замедлив шаг, не сделал вдруг для себя поразительное открытие: а ведь он никогда и не жил на этом свете. И тогда он бросается в объятия природы, вдыхает запах цветов, слышит взволнованный шум леса, встречает вечером людей, отмечающих какой-то праздник, склоняется над девичьим ртом, сам не понимая, как это вышло, видит у своих ног освещенный луной тихий лесной пруд, а затем и отражение своего лица в нем — отражение такой неумолимой силы, что рука не может не отделиться от последней опоры... И нет у Ремарка в этой истории ни спа-

²⁸ *Карл Шпицвег* (1805—1885) — немецкий художник, один из ярчайших представителей стиля бидермайер.

²⁹ *Август Кестнер* (1777—1853) — юрист, дипломат, коллекционер, уроженец Ганновера.

сительного преображения, ни парения в небесах, а есть злое обвинение, предъявленное бездушной, разрушающей нас действительности. «Йозеф Детеринг осознал, что видел мир по утрам только в воскресные дни. Никогда он не видел мир в понедельник в девять утра или в четверг — в одиннадцать. У него появилось чувство, что он упустил что-то очень важное».

Зарисовка в пол-листа под названием «Натюрморт», напечатанная 2 июня 1923 года в «Берлинер тагеблат», начинается словами: «На моем письменном столе стоит череп. Темный, пожелтевший, нескольких зубов не хватает, нижняя челюсть в плохом состоянии. То есть это не салонный ухоженный череп, полированный, с безупречными зубами, а, так сказать, совершенно обычный череп». Не без иронии проходит он и по «декадансу», которому совсем недавно поклонялся сам, и заключает уже с сарказмом: «Разум — неудавшийся инстинкт... Только совершенная безответственность по-настоящему возвращает инстинкты... Пусть наслаждение будет твоей наградой... Это ощущение превращается в экстаз в крайнем проявлении инстинкта — в женщине».

Эти цитаты — не свидетельство высокого мастерства молодого автора, они лишь показывают, что как художник на месте он не стоит. В других вещах, написанных в то же время, порвать со старой манерой письма и преклонением перед идиллией и уютom он не может. Что-то влечет его назад, в богемно-обывательскую атмосферу мансарды с мятежным Хёрстемайером. «Жизнь бессмысленна и полна лжи, darling! И единственный ее смысл заключается в искрящемся вине, в этом голубом дыме, в твоих еще более голубых глазах и в твоём шелковистом девичьем теле». Впрочем, журнал «Берлинер лебен» и в 1923 году, очевидно, еще полагает, что столь глубокие мысли вполне доступны его читателям.

Примерно в это же время Ремарк пишет эссе под названием «О смешивании изысканных крепких напитков», давая своим будущим недругам повод поносить и порочить его как серьезного писателя. Отголоски этой кампании слышны и сегодня. А тогда, в самом конце 1920-х, она в самом разгаре. Без язвительных тирад в адрес Ремарка не проходит и дня. Замысел завистников абсолютно ясен, ведь исходной позицией для атак служит всего лишь небольшое эссе, легкое, игривое, ироничное, да еще с приметами ушедшей в прошлое, снобистской, декадентской литературы. Пауль Штегеман публикует его в 1924 году

в своем «Штёртебекере», с которым, между прочим, сотрудничают Франц Блай и Теодор Лессинг, а берлинский журнал «Юнггезелле» перепечатает эссе с незначительными изменениями и под другим заголовком в том же году. «Люди приобрели варварскую привычку пить шнапс, ни с чем его не смешивая», — предупреждает своих читателей закаленный в питии автор и рекомендует им сочинять из крепких напитков «симфонии», ибо то, как их смешивают в барах, получая какую-то муть, ничего общего с настоящим смешиванием не имеет». От желающих у него учиться он требует предельной самоотдачи: «Начинать смешивание следует с не менее чем тридцати различных ингредиентов. Необходима тренировка. Одно неловкое движение руки — и все испорчено. Крепкий напиток любит умелое с ним обращение. Он покорно подчиняется мастеру, если тот, играючи балансируя с учетом его родовых свойств и флиртуя с конечным результатом, роднит себя в своей творческой грациозности с космосом». Каким отсутствием юмора и густопсовой германской образованщиной надо обладать, чтобы возвести такой текст в ранг главного свидетеля в процессе над всемирно известным писателем, любящим порой разыграть из себя светского человека. «Я мог бы вооружить их в этом отношении и более хлестким материалом, — гневно заявляет он в ответ на нападки со стороны СМИ и политических партий, — ибо написал множество статей о резиновых шинах, автомобилях, байдарках, моторах и черт знает еще о чем просто потому, что на что-то надо было жить». К тому же озлобленность критиков мешала им видеть, что журналист доказывает свою профпригодность еще и тем, что настраивается на ту газету и тот журнал, для которых он пишет. Проза и стихи шли в журнал «Югенд», размышления о коктейлях — в «Штёртебекер». Ремарк обретает в своем ремесле все большую уверенность, потому что знает, кому и что он может предложить.

«Гэм»

В Ганновере Ремарк пишет второй роман. При его жизни это произведение не публиковалось, сам писатель о нем никогда не высказывался. Рукопись была обнаружена в архиве Ремарка, что само по себе примечательно: в отличие от многих заметок литературного и личного характера, а также значительной части корреспонденции, он ее не уничтожил.

Ремарк писал «Гэм» на обратной стороне гранок своего журнала, что позволило Томасу Шнайдеру датировать роман периодом весна 1923-го — лето 1924 года. На время написания «Гэм» указывает и небольшой рассказ Ремарка, опубликованный в журнале «Югенд». Гроза в нем бушует так, словно копирует тропический ливень в романе. Хотя порядок действий автора мог быть и прямо противоположным.

Почему нам так важно знать, когда был написан роман? Потому что «Гэм» как единственная крупная вещь в прозе, созданная в ганноверские годы, показывает, к какому броску в своем творчестве готовится Ремарк. Художественными достоинствами «Гэм» не отличается, в биографии же Эриха Марии это чуть ли не веха. Ремарк прозревает тематику и нащупывает свой стиль. Главная героиня рождена пеной «ревущих и золотых» 1920-х годов. Места действия экзотичны и рассеяны по всему миру. Герои романа сражаются, любят, ищут смысл своего существования в Каире и Париже, в Коломбо и Сингапуре, на аннамских берегах и в Гонконге. Уже в «Гэм» — как и позднее во всех больших романах Ремарка — они задаются «вечными» вопросами, пытаются разгадать загадки, задаваемые нам жизнью, любовью, смертью... Уже в «Гэм» тон повествования меланхоличен, экстатические приливы счастья сменяются смутным ощущением катастрофичности земного бытия. Однако повествуется обо всем об этом уже иным языком; с ним мы уже знакомы по двум-трем зарисовкам той поры. Рассказывая о странствиях и приключениях Гэм, автор не углубляется в психологию своей героини, зато не скупится на краски в размашистом описании ландшафтов, пускается в пространные размышления о смыслах жизни, с упоением живописует детали быта восточных народов.

Напрасно читатель будет искать в «Гэм» тематически стройную, законченную композицию. Он не найдет ее, и этим роман разительно отличается от крупных произведений Ремарка, контуры которых начнут возникать в его воображении года через три-четыре. Фабула не блещет неожиданными поворотами, более того, местами ее можно назвать пошловатой. То, что было задумано, скорее всего, как роман становления молодой, ищущей себя женщины, теряется в описании сомнительных эротических переживаний. Роману явно не хватает весомости, автор пока отказывается рассказать о своем видении глубоких потрясений в жизни общества, еще не решается преодолеть в себе запрет

на изображение того, что пришлось пережить на кровопролитной войне и в первые веймарские годы. Отсюда очевидная неуверенность в построении сюжета, а благостный финал, как и некоторые другие эпизоды, слишком красив, чтобы его можно было воспринимать как фрагмент реальной жизни.

Прелестен и заманчив экзотический мир, в который рассказчик решил повести своих читателей. Тогда, в 1920-е, такое решение прямо-таки напрашивалось. Свен Годин путешествовал по Северной Америке, Японии, Монголии и Сибири, вызывая своими репортажами мощный приток писем на страницы веймарских газет. Сенсацией стали исследования Нансена, Амундсена и Нобиле в ледовых пустынях Арктики. Фантазию европейцев будоражили Африка и далекая, чужая Азия. Не подлежит сомнению, что Ремарк следил за этими событиями с самым живым интересом. Сомерсет Моэм и Джозеф Конрад уже успели привести в восхищение англосаксонскую публику, и некоторые из их романов уже лежали на книжных полках в немецком переводе. Альфред Дёблин («Три прыжка Ван Луны», 1915), Герман Гессе («Демиан», 1919, и «Сиддхартха», 1922), Лион Фейхтвангер («Еврей Зюс», 1924) и, не в последнюю очередь, Клаунд («Меловой круг», 1925) противопоставили интеллектуалам Старого Света, ввергнутым мировой войной в глубокий душевный кризис, кодекс нравственных заповедей и философских принципов Азии. По сравнению с «Гэм» это были, конечно же, шедевры мировой литературы, и Ремарк, безусловно, читал некоторые из названных книг. Правда, вздохи европейских пессимистов от культуры, повернувших спиной к гуманистическим традициям собственного континента, можно было расслышать в ремарковских текстах и раньше.

Неудивительно, что интерес к жизни и культуре других народов сопровождался оживлением расистских взглядов. В то время как философское понимание мира неграми, китайцами, индусами, арабами излагалось на теоретическом уровне с восторгом, описание быта народных масс, их жизни в портовых и больших городах редко обходилось без ноток высокомерия. Без ссылок на зовы крови, врожденное чувство мести, дикие инстинкты не обошелся и автор «Гэм». В 1920-е годы Европа и не думала отказываться от своих колониальных замашек. Призывы антисемитского характера, псевдонаучные объяснения «странностей» в сексуальном поведении, интерпретация культурных осо-

бенностей как обусловленных биологическими причинами — все это находило у населения многих стран нашего континента широкое одобрение.

Пересказать содержание романа нетрудно. Молодая женщина по имени Гэм кочует по континентам, колеблясь в своих чувствах между тремя (и более) мужчинами, в поисках женской идентичности и счастья. Мы ничего не узнаем о ее происхождении и социальном окружении, зато для нас абсолютно открыты ее мысли о предназначении женщины, о любви, о жизни вообще. Гэм скачет верхом по пустыням, пересекает моря, бродит по базарам и портовым городам, беседует с индусами, арабами и метисами, выходит целой и невредимой из нештучных переделок и вызывает у всех появляющихся в романе существ мужского пола страстное желание обладать ею. Ибо повсюду «бунтует кровь». Гэм красива и эротична, беспокойна и подвижна жаждой жизни. Свистят пули, разыгрывается немудреная детективная история. Последний из любимых мужчин гибнет, спасаясь от погони. В конце романа мы находим Гэм в швейцарском монастыре хоть и одинокой, но глубоко умиротворенной: «Жизнь — это всё. Гэм ни о чем не думала, она просто шла и жила этим. Жизнь — это всё... Я ощущаю... божественное чувство... мир молод, как я... И пока я ощущаю себя, мир существует... Пока я живу собой, я живу всеми...»³⁰

При всей сумбурности сюжета в романе встречаются удачные пассажи, а описания природы и отдельных эпизодов куда как лучше, чем в первом его романе. «Бедуины в бурнусах кофейного цвета торопливо проскакали мимо. От них пахло верблюжьим навозом и пустыней. За мавзолеями мамлюков кавалькада вытянулась длинной вереницей на фоне невероятно чистого неба и помчалась во весь опор, будто намереваясь взять небо штурмом». Не было в «Приюте грез» и характерного для экспрессионистов соединения в одном ряду «разноликих» глаголов и прилагательных, что нередко делает действие гораздо более динамичным: «Огромное ночное небо *хлынуло* внутрь, *захлестнуло* комнату волнами синевы и серебра, следом *влетел* ветер, *залепетал*, *запел*, *порывисто дыша*, небо — словно узкая, твердая ладонка, а ветер — *смуглый*, *жаркий* шепот». Уже в «Гэм» Ремарк использует метафоры и сравнения, которые станут его «фирменными» в более поздних романах: «Затем к до-

³⁰ Цитаты из романа «Гэм» приводятся в переводе Н. Федоровой и А. Егоршева.

роге подступили джунгли, побежали по сторонам тысячами гибких бамбуковых стволов. Вначале они перемежались рисовыми полями и чайными плантациями, но скоро автомобиль очутился в мрачном лесном туннеле, который зверем напрыгнул на него и накрыл своим тяжелым черным брюхом». «Конусы огня летели впереди точно гончие псы, оплескивая дорогу блеклым коварным заревом».

Отметим, что эпизодически Ремарк побуждает читателя взглянуть на окружающую его суровую социальную действительность: «Без самообмана структура общества распалась, ведь все колеса и колесики прилежно вертелись и жужжали лишь по причине всеобщего самовнушения, всеобщей убежденности, что в этом кое-что есть, что без колесиков не обойтись. Вот так все эти существа — директора, чиновники, рабочие и продавцы — вплетались в сети деятельной жизни. Мерилом их ценности было прилежание, а прилежание — это такой пустяк!»

Но прежде всего роман «Гэм» любопытен тем, что в нем возникают те основные мотивы в мироощущении героев, которые Ремарк будет постоянно варьировать в своих более поздних произведениях: одиночество («А потому любая встреча — приветствие, посланное из тьмы во тьму, медленное движение мимо другого человека...»), тщетность любви («Ничто не было столь беспощадно, как любовь; утративший свободу чувств терял и того, кому он приносил их в жертву»), фатализм гуманиста («Простейшая из истин, оказывается, гласила: все хорошо и правильно. Кто остается верен себе, не ошибается. Тот, кто теряет себя, обретает мир. Обретший мир находит себя»).

Ранний, неопубликованный роман навсегда останется близок и дорог его создателю. Об этом свидетельствуют, в частности, имена, которые Ремарк присваивал своим героям. В романе «Жизнь взаимы» — это Клерфэ, в «Триумфальной арке» — Равик; этим именем он часто будет подписывать свои письма к Марлен Дитрих в 1930-е и 1940-е годы. Наконец, имя Лавалетт — таково оно у третьего возлюбленного красавицы Гэм — он поставит под рядом своих рецензий и личных писем. Ремарк любил игру с именами не только в личной переписке, но и тогда, когда выбирал их для своих произведений, делая это с особым тщанием. Поэтому не случайно во втором его романе появляются имена, которые он будет использовать потом в своем творчестве, а также в очень интимной переписке. Романом «Гэм» он ступает на путь, по которому пойдет как художник слова.

Почему главное действующее лицо романа — женщина? Во всех последующих произведениях это будут мужчины. В двух первых опубликованных больших романах — «На Западном фронте без перемен» и «Возвращение» — изредка фигурируют солдатские матери, остальные женщины — и их немного — обрисованы как объект эротических переживаний фронтовиков и солдат, которые вернулись домой с войны. В других романах героиням хотя и отведена важная роль в развитии сюжета, однако и Рут Холланд («Возлюби ближнего своего»), и Патриция Хольман («Три товарища»), и Жоан Маду («Триумфальная арка»), и Элизабет Крузе («Время жить и время умирать»), и Лилиан Дюнкерк («Небеса не знают любимчиков»), и неизлечимо больная Элен («Ночь в Лиссабоне») — в конечном счете всего лишь мощное эхо любовных страстей, испытываемых героями мужского пола. А вот почти на все, что происходит в «Гэм», читатель смотрит глазами женщины.

Возможно — но это чисто умозрительное предположение, — необычный для Ремарка угол зрения подсказала ему встреча с женщиной, пришедшаяся на ганноверскую пору его жизни. Именно тогда он познакомился с Ильзой Юттой Цамбой, горячую сердечную привязанность к которой он испытывал долгие годы. В письмах и дневниках он называет ее *Йоханнесом* или *Петером*, для друзей она — *Жанна*. Цамба была красива, как с картинки, одевалась элегантно, она холодновато-эротична. Внешне выглядела так, как многие ремарковские героини, например, Патриция Хольман, более других похожая на Ютту Цамбу: узкий овал лица, большие глаза, высокая, стройная. Тип женщины, действовавший на Ремарка магнетически. Когда он познакомился с двадцатидвухлетней танцовщицей и актрисой, та уже была разведена.

Письменных свидетельств о их первой встрече не сохранилось, тем не менее точно известно, что она состоялась в 1923 году, в те дни и недели, когда уже писался роман «Гэм». 14 октября 1925 года они поженились в Берлине. Первое время, несомненно, были очень привязаны друг к другу, однако буржуазно-идиллическим этот брак не назовешь. Ремарк продолжает встречаться с другими женщинами, Ютта Цамба — с другими мужчинами. Через три недели после бракосочетания в письме своей подруге Эдит Дёрри, дочери человека, под началом которого он работает в журнале «Шпорт им бильд», Ремарк так писал о мотивах, подвигнувших его на женитьбу: «Это был все-

таки странный шаг. Я лишний раз убедился, что все писатели врут. В моем поступке было куда больше просто человеческого, нежели эгоистического желания насладиться счастьем... Понятие счастья для меня так изменилось с течением лет: вместо юношеского стремления утолить жажду и пр. — теперь радостная готовность бросить вызов безумствам бытия. Даже брак, кульминационный момент в жизни каждого нормального гражданина, не повлиял на этот мой настрой. Рядом со мной теперь человек, который, может быть, души во мне не чаает, и я постараюсь убрать с его пути все мерзкое и безобразное...» Ремарк оставался верен своему обету на протяжении десятилетий — и после того как брак распался.

Некоторое представление о том, как складывались отношения в этом браке, можно получить, читая мемуары Лени Рифеншталь. В своих заметках она касается той поры, когда слава еще не пришла к Ремарку и не изменила стиль его жизни. О встрече с молодой четой в берлинские годы рассказывается тоном добродетельной дамы, не скрывающей своего возмущения увиденным, и оно, надо сказать, никак не свидетельствует о гармонии в этом браке. Писатель и его жена пришли к Рифеншталь — она еще поставит себя на службу нацистскому режиму и удостоится обожания со стороны самого «фюрера», — чтобы познакомиться с кинорежиссером Вальтером Руттманом. «Поначалу настроение у всех было приподнятое, мы пили вино и шампанское, веселились, в общем, от души. Фрау Ремарк была так заманчиво обаятельна, что вскружила Руттману голову. Что ж, пусть немножко пофлиртуют, думала я. Меж тем чувства явно брали верх над рассудком, в какой-то момент Руттман и фрау Ремарк поднялись из-за стола и, оставив меня наедине с ее мужем, удалились в другой, менее освещенный угол комнаты. Сидя рядом с Эрихом, я видела, как он пытался заглушить ревность вином. Я не знала, что мне делать. Своим поведением парочка поставила меня в тупик... Неожиданно “отщепенцы” появились перед нами, и фрау Ремарк сказала мужу:

“Ты выпил слишком много. Домой меня проводит господин Руттман. Увидимся позже”. ...Возвратившись в комнату, я увидела рыдающего человека. Постаралась утешить Эриха — нервы у него совсем сдали. “Я люблю свою жену, люблю до безумия. Мне нельзя ее терять, жить без нее я не смогу”. ...В свете раннего утра он выглядел развалиной с человеческим лицом». По словам Рифеншталь,

Ремарк приходил к ней в поисках жены недели две подряд, чуть ли не каждый день, верил в чудо, говорил, что готов ее простить, лишь бы она вернулась... заливал свое горе коньяком.

Схожую картину из тех лет, что предшествовали публикации знаменитого романа Ремарка, рисует Аксель Эггебрехт, молодой сотрудник журнала «Вельтбюне». Повстречав однажды — в 1928 году — чету Ремарк в одном из питейных заведений на Шверинерштрассе, он получил приглашение продолжить возлияние у Ремарков на квартире. «Дома он священнодействовал, смешивая изысканные напитки. Мы сидели перед очень большим аквариумом, всех своих рыбок он называл их зоологическими именами... Когда ближе к утру я собрался уходить, она одна проводила меня до дверей. Так начался длительный адюльтер с Жанной, женой Эриха Марии Ремарка. У него была, как я вскоре понял, связь с другой женщиной. К нам он относился с невероятной толерантностью».

В таких упрощенных, с креном в мелодраматизм, описаниях, созданных много лет спустя и не без самолюбования их авторов, есть, наверное, своя доля правды. Следует, однако, признать, что этот брак не был моногамным, а также предположить, что Ремарк, человек крайне чувствительный и склонный к ревности, сильно страдал, зная о любовных интрижках своей жены. К тому же Джулия Гилберт приводит в своей книге сногшибательное заявление Ютты Цамбоны о том, что «Ремарк зачастую оказывался в их браке импотентом». Что ж, при тех количествах алкоголя, которые употреблял Ремарк, не следует удивляться, что его мужская потенция подчас давала сбой. Если, однако, допустить, что «сбой» и в самом деле были достаточно серьезной проблемой, то тогда придется сказать, что брак распался вовсе не по этой причине.

Еще до брака, а также во время брака с Юттой, время от времени рядом с ним появляется еще одна женщина, о которой мы узнаем из писем: Бригитта Нойнер. Ремарк познакомился с ней в Берлине. Письма к Бригитте написаны рукой жизнерадостного, несентиментального, остроумного человека. Очевидно, эта связь не сопровождалась душевными муками, не носила разрушительного характера. Такие эротически игривые связи действуют на него даже благотворно. Это — другая сторона любви и симпатий, более открытая и простая, нежели жизнь бок о бок с капризной светской красавицей.

Ганновер помогает Ремарку шагнуть вверх и по карьерной лестнице. В 1924 году он устанавливает контакт с Берлином, где выходит элегантный и интеллигентный журнал «Шпорт им бильд». На рубеже веков его основал и возглавил Курт Дёрри, участник первых Олимпийских игр современности. Первенец немецкой спортивной журналистики принадлежит теперь издательству «Шерль», но редактирует его по-прежнему Дёрри, успевая еще и писать блестящие репортажи. В канун Нового года, узнаем мы от Томаса Шнайдера, на традиционном балу берлинских журналистов Дёрри рассказывает представителю заводов Конти о желании своей дочери пойти по его стопам. В ответ тот предлагает сотрудничество с «Эхо Континенталь». А там трудится Эрих Мария Ремарк.

«Глубокоуважаемая сударыня, узнав от г-на Хольцхойера Ваш адрес, прошу Вас взяться за перо и прислать мне статью с размышлениями о теннисе, хоккее, а также, пожалуй, о плавании, поскольку испытываю здесь, в “Эхо Континенталь”, недостаток в таких материалах». На безукоризненном немецком завязывается переписка с девушкой из почтенной семьи. Статьи из Берлина поступают одна за другой, обмен дружескими посланиями продолжается, и Ремарк показывает себя не менее дельным и умелым, чем его будущий работодатель: «Премного благодарен за материал о хоккее, журналу он весьма кстати, ибо хорош как по содержанию, так и по форме... Могу ли просить Вас оказать мне любезность и переслать прилагаемое сочинение Вашему досточтимому родителю для оценки его на предмет публикации в “Шпорт им бильд”?» По мнению Томаса Шнайдера, «сочинением» в письме назван небольшой рассказ под названием «Трофей Вандервельде».

Врата в Берлин открыты. Эдит Дёрри увлечена галантным ганноверцем не на шутку, и, скорее всего, не без ее содействия столичный журнал публикует несколько репортажей и заметок Ремарка. А вскоре и сам Курт Дёрри делает ему предложение стать его заместителем. И Ремарк им становится — в самом начале 1925 года.

В отношениях с дочкой главного редактора все больше теплоты и участия, коллеги посматривают на это с ехидцей, «глубокоуважаемая фрейлейн» теперь уже «милая Эдит», а с переездом Ремарка на берега Шпрее они видятся чуть ли не каждый день. Перешло ли столь близкое знакомство в любовную связь? На этот вопрос уже никто не ответит. А вот по мнению матери юной Эдит, дружба с Эрихом Марией

зашла слишком далеко и чревата эротическими осложнениями. В то время как ее дитя заслуживает гораздо более солидного жениха. У нового сотрудника газеты ее мужа вид вполне респектабельный, но чего он добьется на этой стезе и в общественной жизни? Годится ли он в зятя, коли будущее его туманно? И мама отправляет дочку на Капри, подальше от журналиста с его заманчивой внешностью.

Письма летят с севера на юг и в обратном направлении. Но жизнь богата на курьезы, и под жарким итальянским солнцем Эдит неожиданно выходит замуж за какого-то бравого британца. Известие об этом действует на новоявленного берлинца подобно холодному душу, и уже месяцем позже он предлагает руку и сердце Ютте Цамбоне. После возвращения Эдит с юга переписка возобновляется, но длится совсем недолго. В конце 1928-го они встречаются в Берлине, затем Эдит уезжает на Британские острова. Десятилетия спустя она напишет Ремарку, он ответит с дружеской сдержанностью. В его личной жизни эта дружба не оставит заметного следа, ее роль в профессиональном плане окажется значительнее.

Находящиеся в архиве писателя, письма Ремарка к Эдит Дёрри помогают получить представление о его редакторской работе в «Эхо Континенталь», и это в них самое интересное. Мы видим Ремарка как компетентным, серьезным журналистом, так и сотрудником фирмы, отстаивающим ее интересы с реалистических позиций. «Объем работы здесь не уменьшается, *au contraire*³¹, он возрастает по мере того, как шины дешевеют...» — «Если Вас привлекает футбол, гандбол или водное поло, тогда, пожалуй, что-нибудь об этих видах. Или: о воспитательном значении легкой атлетики или спорта вообще — или: о влиянии телесных упражнений на течение модных ныне болезней... — или: женские и неженские виды спорта (перегрузки и т. п.), женский футбол (Англия, Америка), хоккей, женщина и состязание, должна ли женщина воспринимать спорт скорее как физкультуру (да!) или как состязание... Дама за рулем автомобиля (костюм, что понадобится ей в пути, провиант, оружие для защиты в случае нападения), минимальные знания об устройстве автомобиля, как ей нужно ездить...» — «Я могу, наверное, попросить Вас следить за тем, чтоб мы не делали рекламы другим фирмам...» Здесь уже не место рифмованным мечтам, здесь делается серьезная газета.

³¹ Напротив, наоборот (*фр.*).

Ганновер — это полустанок, разрыв с узким мирком Оснабрюка, творческий поиск, шанс неплохо зарабатывать. Учительская профессия, рифмоплетство, провальный роман, культ Хёрстемайера, вытесненные в подсознание, но не осмысленные картины войны — от всего этого Ремарк освободился. Два года, прожитые в городе на берегах Лайне, открыли перед ним новые творческие и личностные перспективы. Как журналист он успешен, как писатель приблизился к авангарду, живет отчасти в его среде. Он стоит на собственных ногах, угроза заживо похоронить себя в школе миновала, рядом с ним красавица Ютта Цамбона. Более того, теперь он живет и работает в Берлине — со всем богатством его соблазнов и возможностей.

Глава четвертая

**«ПРОПОВЕДОВАТЬ КАКОЕ-ЛИБО
УЧЕНИЕ Я НЕ НАМЕРЕН»
(1925—1928)**

Ганновер крупнее и оживленнее Оснабрюка, но в 1920-е годы городом, словно Эльдorado, притягивающим к себе творческую интеллигенцию, становится Берлин. На газетных полосах здесь скрещивают шпаги выдающиеся театральные критики Альфред Керр и Герберт Иеринг; тут ставят сенсационные спектакли Макс Рейнхардт и Эрвин Пискатор; здесь выступают самые знаменитые актеры и певцы; неподалеку, в Бабельсберге, находится киностудия УФА. Сюда потянулись многие известные писатели. В Берлин переезжают Генрих Манн, затем Арнольд Цвейг, Лион Фейхтвангер и Бруно Франк, здесь постоянно бывают Бертольт Брехт и Карл Цукмайер. Альфред Дёблин врачует берлинцев и пишет большой роман «Берлин. Александерплац». Дети Манна, Клаус и Эрика, кочуют по заведениям, облюбованным гомосексуалистами и трансвеститами. Отто Клемперер дирижирует в Кроль-опере, Курт Вайль кладет на музыку историю жизни Мекки-Ножа, сочиняет «Расцвет и падение города Махагони», основоположник атональной музыки Арнольд Шёнберг возглавляет мастер-класс по композиции в Прусской академии искусств, а Франц Шрекер руководит Высшей музыкальной школой. В Берлине находятся крупнейшие художественные галереи, Пауль Кассирер покровительствует модернистам, Георг Гросс изображает в острогротесковой манере сановников и нуворишей, Оскар Кокошка регулярно наведывается сюда в перерывах между своими продолжительными путешествиями.

Правда, некоторые весьма известные деятели культуры предпочитают оставаться вдали от шумной столичной жизни, не общаться с теми собратями по искусству, которые склонны к истерическим порывам или снедаемы

тщеславием. Макс Бекман отправляется преподавать в Штеделевский художественный институт во Франкфурте, Герхарт Гауптман приезжает в Берлин только на премьеры спектаклей по своим пьесам, Бруно Вальтер занят в Баварской государственной опере, Томас Манн не любит покидать свою виллу в Герцогском парке, хотя климат в городе на Изаре давно уже не пронизан флюидами безмятежной, южнокатолической либеральности довоенных лет; более того, он стал суровым, со всеми признаками нетерпимости. После разгрома Баварской советской республики и провала гитлеровского путча правые клеймят позором «вырожденцев и лжепатриотов» от искусства, стремясь завоевать на свою сторону демократически настроенных депутатов городского совета. С неприятными последствиями для театров и газет в главном городе Вольного государства Бавария. Берлин же от этого только выигрывает.

Тут расположились издательские концерны «Ульштейн», «Моссе» и «Шерль», здесь выходят самые влиятельные газеты Веймарской республики: «Берлинер тагеблат», руководимый Теодором Вольфом, почтенная «Фоссише цайтунг» во главе с Георгом Бернхардом и «Бёрзенкурир». А также десятки утренних, дневных и вечерних газет с громадными заголовками на первых полосах и, конечно же, иллюстрированные журналы; их читатель всегда в курсе спортивных событий и всегда найдет в них что-нибудь «для души». Редакция «Вельтбюне» разместилась на тихой и тенистой улице Кёнигсвег, а печатается журнальчик кирпичного цвета в Потсдаме. Карл фон Осецкий и Курт Тухольский сплотили вокруг него левых литераторов. Их статьи и комментарии вызывают в правом лагере приступы бешеной злобы, одноглазая веймарская юстиция заводит против авторов одно дело за другим. Судилище над Осецким заканчивается заключением блистательного публициста в тюрьму. Но и дни республики сочтены. Лион Фейхтвангер предрекает ее близкий конец уже в январе 1931-го: «Встречаясь со столичными интеллектуалами, ты не можешь не думать, что Берлин это город будущих эмигрантов».

В середине 1920-х представить себе такую картину не мог бы, пожалуй, и сам писатель. Тогда она рисуется иными красками. Худшие времена у республики позади. Уличные бои вспыхивают лишь эпизодически, забастовочное движение идет на спад, инфляция побеждена рентной маркой.

Рынок труда может принять практически всех и каждого, слегка поднялся уровень зарплаты, растут прибыли, поток кредитов из-за океана не иссякает. Правая буржуазия начинает — хоть и очень неохотно — мириться с демократией, Немецкая национальная народная партия представлена в правительстве. У Гитлера еще нет массы рьяных приспешников, коммунисты по-прежнему послушны Москве и тоже не играют существенной роли. 1 марта 1924 года народ узнает об отмене чрезвычайного положения, Густав Штретземан непреклонен, исповедуя умеренность во внешней политике, среди рейхсканцлеров этих лет Маркс, Лютер и Мюллер. Правда, немцев думающих и обладающих хорошей памятью сильно смущает тот факт, что на пост рейхспрезидента избран Вильгельм Гинденбург. Первым лицом в государстве становится человек архиконсервативных, откровенно антидемократических взглядов. Только неисправимые смутьяны, критиканы и пасквилянты, окопавшиеся в «Вельтбюне», стремятся испортить людям настроение, хотя прекрасно знают, что кандидатуру Гинденбурга поддерживали социал-демократы. В подавляющем своем большинстве немцы хотят вновь наслаждаться жизнью, хотят наконец забыть войну и хаос послевоенных лет. И желанием этим объаты как обитатели провинции, так и жители залитой огнями столицы.

Итак, Ремарк теперь в огромном городе с его кипучей, суетной, безжалостной жизнью. С новыми шансами проявить свой талант, с доступом в редакции газет и кабинеты издательств, с возможностью наблюдать автогонки и бои на ринге, слушать поэтов в литературных кафе, кейфовать в ночных клубах. С 1 января 1925 года он числится сотрудником популярного спортивного еженедельника «Шпорт им бильд». Его явно не смущает, что теперь он работает на издательство «Шерль», во главе которого стоит ярый антидемократ Альфред Гутенберг, всей мощью своей газетно-журнальной империи подрывающий устои республики. Вскоре этот медиамагнат станет одним из ее могильщиков, поможет Гитлеру овладеть всеми рычагами власти. Но Ремарк далек от большой политики, как журналиста его интересуют спорт и светская жизнь.

Приход в «Шпорт им бильд» — это шаг вверх по карьерной лестнице. Ремарк сбросил с себя тесный корсет отраслевого издания, ему не надо больше лоббировать своим пером интересы каучуковой компании, у прекрасно иллюстрированного журнала с отличным реноме иные

задачи. Серьезные изменения происходят и в его личной жизни. Он женат, с улицы Кайзердамм переезжает на Гогенцоллерндамм, улицу с не менее величавым названием, заводит знакомство с интересными людьми, любит бывать в «Романском кафе», двери которого открыты как мэтрам литературы и искусства, так и юным талантам, а в театрах и на концертах появляется рядом с прелестной женщиной, что, разумеется, льстит его самолюбию. «Жюри ночного конкурса красоты присудило главный приз обаятельной фрау Ремарк, поразившей всех еще и платьем на редкость изысканного фасона с глубоким вырезом на спине», — сообщает своим читателям один из литературных журналов, когда к Ремарку уже придет мировая слава.

О жизни Ремарка в Берлине известно не так уж и много. Судя по отдельным замечаниям в мемуарах людей, с которыми он общался, а также в некоторых письмах, ни аскетом, ни затворником он не был. Закончив работу в редакции, не спешит домой к письменному столу, а предается разнообразным столичным удовольствиям. Бетти Штерн, открывшая салон в своей маленькой квартирке на Барбароссаштрассе, часто приглашает его и даже делает своим доверенным лицом. Конечно, сюда не заглядывают ни светила науки, ни звезды театра и кино, они бывают или у эстрадного импресарио Рудольфа Нельсона, или на виллах крупных промышленников в Далеме и Груневальде. У Бетти Штерн появляются певцы, танцоры и актеры второго ряда. Бывала там, судя по всему, и молодая актриса, которой суждено сыграть в жизни Ремарка весьма значительную роль: Марлен Дитрих.

Ремарк превосходно чувствует себя в новом окружении. Он одевается теперь еще элегантнее, дополняя костюм котелком и тростью, носит монокль, хотя тот выглядит как нелепый фирменный знак. Визитную карточку украшает титул барона, приобретенный за несколько сот марок у прежнего обладателя — обедневшего господина Бухвальда. Так, считает Ремарк, тоже можно повысить свой социальный статус. Он по-прежнему стремится обращать на себя внимание, выделяться на общем фоне. Это напоминает о его «художествах» в Оснабрюке: либо у сына ремесленника все еще смутное представление о том, что отличает настоящего джентльмена от простого смертного, либо он начитался Оскара Уайльда. «Вы же знаете, — говорится в одном из его рассказов, написанных в 1924 году, — что женщин всегда впечатляет поведение мужчины, который,

оказавшись на высоте в исключительно трудной ситуации, говорит об этом как о чем-то само собой разумеющемся, почти будничном. И, конечно же, настоящему джентльмену чуждо желание прослыть победителем в какой-нибудь ординарной разборке». Однако в тех кругах, где он теперь вращается, такое пижонство не в диковинку и цели своей достигает. И в Берлине 1920-х годов преобладает мнение, что «казаться» — это в любом случае важнее и выгоднее, чем просто «быть».

Причуды молодого сноба из провинции не остроумны и вызывают у его знакомых чувство неловкости. Некоторые видят этого «денди» насквозь. «Мы не любили его, еще не знаменитого, в Берлине поздних 20-х годов, — пишет Курт Рисс в «Воспоминаниях» о своих лучших друзьях. — Говоря “мы”, я имею в виду спортивных журналистов, к которым принадлежал я сам и, в известном смысле, он тоже. Мы считали его “франтом”, задавакой, всегда одетым с иголочки, всегда подававшим себя так, будто он лучше других, не зря ведь он носил монокль. Выглядел он блестяще. Но констатировать это было скорее уделом женщин». Читая эти строки, нельзя не почувствовать, с каким скепсисом конкуренты Ремарка, колеблясь между завистью и честной антипатией, наблюдают за причудливым поведением «господина Бухвальда». Но журнал, на который он работает, все-таки называет себя в подзаголовке «изданием для светского общества» и описывает его так, как, по мнению Ремарка, ему, теперь жителю главного города страны, и положено вести себя в этом обществе.

Однако есть в тогдашней жизни Ремарка и другая сторона. Он исключительно прилежен в работе. Среди столичных журналистов царит жесткая конкуренция: кто не вкалывает, оказывается на обочине. В поисках захватывающих дух историй и горячих новостей надо проявлять завидную прыть. В Берлине почти полторы сотни ежедневных газет и еженедельников, в борьбе за читателей выживает сильнейший. Редакции работают, находясь зачастую в цейтноте. В таких условиях поневоле приходится быть борзописцем. Кроме того, Ремарку не дает покоя его писательское честолюбие. Он по-прежнему публикует небольшие тексты, по большей части развлекательного характера с иллюстрациями, а в 1927 году — новый роман. Называется он «Станция на горизонте» и публикуется в «Шпорт им бильд» с продолжением. Что само по себе говорит о многом, ведь в таком виде на страницах журнала увидел свет один из романов

Эрнста Вайса³². Издатели взыскательны, решающее значение придают качеству текстов, оно и в жанре развлекательного романа может быть, как известно, различным. Журнал высоко держит планку, познакомив своих читателей с произведениями Роберта Вальзера, Франца Блейя, Густава Майринка, Казимира Эдшмида, Роберта Музиля, Роберта Ноймана, Жана Жироду, Франка Тисса. Придя в журнал со «спортивным названием», Ремарк застаёт ещё то время, когда здесь находят удовлетворение высокие литературные амбиции. И вот «Шпорт им бильд» публикует его роман, подтверждая тем самым, что за без малого три года Ремарк снискал в «своем доме» уважение и авторитет.

«Станция на горизонте»

Еженедельник «Шпорт им бильд» начинает публиковать роман 25 ноября 1927 года. И в семи продолжениях, до 17 февраля 1928 года, знакомит читателя с богемной жизнью автогонщика Кая, владельца поместья, которое обеспечивает ему финансовую независимость, а значит, и свободу действий. Роман получился модным, отвечающим интересам как самого автора, так и его читателей: женщины, автогонки, казино, солнечное побережье Средиземного моря — Монте-Карло, Канн, Ницца, Сицилия, рестораны, ночные бары. На первых страницах романа Кай покидает свое имение, бросив грустный взгляд на юную, невинную Барбару, и выбирает в конце его из трех женщин «среднюю»: «Только тот, кто рассматривал среднее как прочное и постоянно к нему возвращался, мог устоять перед стихиями»³³. Ну а на десятках страниц между мечтательным началом и финальным умозаключением Ремарк превращает своего героя в бесстрашного участника стремительных гонок, ведет его на яхту пленительно красивой и холодноватой Лилиан Дюнкерк, — она уже появлялась в его рассказе «Трофей Вандервельде», — живописует плетение тонких любовных интриг вокруг американки Мод Филби, — именно на ней остановит свой выбор Кай, — и заставляет читателя следить за кружением шарика рулетки, не позволяя при этом алкоголю

³² Имеется в виду роман, фигурирующий сегодня в собрании сочинений этого автора под названием «Аристократ».

³³ Цитаты из романа «Станция на горизонте» приводятся в переводе Серафимы Шлапоберской.

течь сверх меры. Борьба за победу на гоночных трассах и за благосклонность женщин разворачивается между Каем и американцем Мэрфи. Рисковать жизнью для них — дело привычное. Итак, это роман о мужчинах, и он, несомненно, нравится читателям, увлекающимся спортом, более или менее воспитанным и образованным, мечтающим о вольной ночной жизни с игорными домами и любовными приключениями под теплым южным небом.

Явлением в литературе роман, разумеется, не стал — ни в день его публикации, ни с течением времени. Но в истории об отчаянных автогонщиках нашло свое продолжение то, что уже отчетливо обозначилось во второй попытке писать серьезную прозу, то есть в романе «Гэм». И здесь ничто не напоминает о душной атмосфере, царившей в «Приюте грёз». При всей легкости сюжета и сознательно популярной манере описания его линий и коллизий нельзя не заметить, как меняется не только стилистика Ремарка, но и его взгляд на мир. Его герои стремятся к уединению, жизнь кажется им шаткой штукой, любовь заканчивается отречением от нее, упоение игрой, скоростью, встречей с женщинами лишь на какие-то моменты скрывает от глаза те уступы, с которых можно сорваться в бездну душевных метаний и тревог. Но сформулировано все это в «Станции на горизонте» пока еще поверхностно и достаточно наивно. Преобладает интерес к жизни, нет еще того, что вскоре зазвучит лейтмотивом в романах Ремарка, темы неизбежности гибели на фоне живой истории. За людей, читающих «Шпорт им бильд», в романе не умирают, не найти в нем ни слова и о политике. С женщинами не спят (в «Гэм» чувственности был все-таки предоставлен некий простор) и никто не просыпается после пьяной ночи в заурядном борделе. Постоянному спутнику многих, более поздних, героев Ремарка и его собственной жизни по имени Алкоголь отведена второстепенная роль. Ремарк знает, для какой публики и в каком журнале он пишет. Фабула должна быть волнующей, сентиментальной, трагическому моменту если и дозволено иметь место, то лишь в мужском решении выбрать «среднее». Не пресловутый хеппи-энд в садовой беседке, но и не отчаянный отказ главного героя от уютной семейной жизни с Барбарой в сельской тиши — слишком мучительным он, думается, не покажется по крайней мере читавшим роман мужчинам.

Журналы и газеты той поры охотно печатают романы с продолжением — не в последнюю очередь ради коммер-

ческой выгоды. Люди любят такое чтение, оно привязывает их и к ведущим политическим изданиям. Растет как число подписчиков, так и число тех, кто покупает газету в киоске. С публикацией романа «На Западном фронте без перемен» тираж «Фоссише цайтунг» подскочит вверх, и ей не будет грозить банкротство. А за год до того такую же услугу Ремарк оказывает издательству «Шерль». Ведь роман «Станция на горизонте» содержит все элементы, необходимые для его публикации в таком журнале, как «Шпорт им бильд». Спорт, конкуренция, мужественность, любовь, немного житейской мудрости, флюиды страсти, разлитые в воздухе юга... Не только в немецкой провинции — прежде всего в столице мужчина желает жить, как Кай: «Он любил после ароматизированной ванны полежать в толстом махровом халате — любил этот час полной расслабленности, недодуманных мыслей, светлых виргинских сигарет, час, проведенный в шезлонге, в кресле у окна, среди газет и книг, в которых разрезаны первые четыре страницы, в непритязательных мечтаниях и за подпиливанием ногтей. Потом неторопливо одеться. Делать это нарочито неспешно. Повязывая галстук, набрести на интересную идею. Попытаться ее осуществить, вдруг увидеть в зеркале собственную любопытную улыбку на склоненном к плечу лице и удивиться, что мог так забыться. Завязать узел, снять сетку для волос. Внизу уже сигналила машина...» С образом такого джентльмена не идентифицировал себя ни один рабочий Веймарской республики. Зато он был по вкусу читателям журнала «Шпорт им бильд», особенно тем из них, кто причислял себя к снобам.

Годы журналистской работы, жизнь в Берлине, поездки за пределы Германии, близкие отношения с красавицей Цамбоной осовременили и эстетические взгляды Ремарка. В его прозе все заметнее черты репортажа. Не описанием лунных ночей, цветущих немецких лип, загадочных действий арабов, тамиллов, креолов и китайцев в их пропахших опиумом жилищах заполнены страницы романа, — нет, читая его, мы слышим гул и рев моторов, слышим цинично-насмешливый голос поколения, играющего в рулетку и любовь. Впрочем, образы, к которым нередко прибегает автор, слишком смелы и рискованны, чтобы можно было назвать их удачными. «Мотор заворчал и зафырчал, потом одним прыжком сорвался с места и устремился к горизонту — опасный волк, который неудержимо несясь вперед как безумный». Поступки главного героя, напротив, всегда об-

думанны, он не помчится к заветной цели сломя голову, к жизни подходит с трезвой меркой. «Жизнь дарила сильные впечатления и потрясения лишь мимоходом». Или: «Живешь и живешь — это пугает. Почему нельзя перестать жить, на некоторое время исчезнуть, а потом вернуться?» (Заметим в скобках, что вскоре у Кая будет много последователей — в новых романах Ремарка.) Ремарковские контуры начинают обретать — вслед за Гэм — и женские фигуры. Его героини красивы, смотрят на жизнь с дистанции своего интеллекта или раскованны и непринужденны в своей близости к ней.

Роман не выходит отдельной книгой. Мало пищи для ума, есть то, что развлекает и даже «зажигает», но напрягаться читателю не надо. «Станция на горизонте» создана из материала, из которого массовая литература делается и сегодня, хотя роман печатается в журнале для публики с повышенными духовными запросами. Интересен же он тем, что дает нам возможность следить за развитием писателя по имени Эрих Мария Ремарк, который, между прочим, не намерен забывать поднятую в романе тему автогонок и красивых женщин в мире гламура. Спустя тридцать лет он снова обратится к ней в романе «Небеса не знают любимчиков» или — в другом русском переводе — «Жизнь взаймы». Кая заменит Клерфэ, под слегка измененным именем возникнет и Лилиан Дюнкерк. Теперь же, в году 1927-м, едва ли кто догадывается, что автор занятого, приятного, но мало что говорящего романа склоняется над совсем иной рукописью. В ней нет и следа от того светского, безмятежного, слегка снобистского общества, в котором только что жили и даже какое-то время любили друг друга Кай и Лилиан Дюнкерк.

В рассказах и эссе, написанных незадолго до этого, тоже нет и намека на тот выброс художественной лавы, который вскоре случится на творческом пути Ремарка. Пока же он пишет, естественно, прежде всего для того издательского дома, в котором получает плату за свою работу. В том числе и за те мозаичные камешки в прозе, что предназначены в первую голову для читателей, которые влюблены в автомобиль и круг которых становится все шире. «Автомобиль — это упаковка современной дамы», — сообщает им сотрудник журнала «Шпорт им бильд». От властей он требует, чтобы в городском пространстве этому чуду техники

было обеспечено достойное место, чем наверняка привел бы в ужас нынешних экологов. «Цифра 100 обладает роковой притягательной силой», — предупреждает он лихачей и прочих любителей быстрой езды. Он возмущен безответственностью устроителей гонок на знаменитой Авус: запущенность трассы привела к тяжелым авариям с увечьями и даже смертельным исходом. Он пишет мини-рецензии на книги, размышляет над «женскими журналами давно минувших дней», высказывается о женщинах-мастерицах писать и публиковать путевые заметки. Под заголовком «Рекорд Йозефа» он рассказывает историю о том, как толстый человек, опустошая корзинку с сэндвичами, гонит сквозь ночь и туман машину, чтобы доставить врача к постели своей больной жены. Спустя годы читатель встретится с похожим эпизодом в романе «Три товарища».

Опубликовав «Станцию на горизонте», Ремарк чувствует прилив честолюбия. Он не робеет, завязывая контакты с конкурентами. Разрабатывает для издательства «Ульштейн» обширный проект создания журнала «Автомобиль с иллюстрациями»: «Небывалый рост дорожного движения породил легион мужчин, не мыслящих своей жизни без автомобиля, не говоря уже о мотоциклистах, а также просто восторженных поклонниках этого чуда на колесах... Но трое из каждых четырех водителей плохо знают свою машину. Чтобы снять эту проблему, нам *всем* нужен журнал...»

Мы видим, что Ремарк очень активен, успешен как журналист и хорошо зарабатывает. С 3 августа 1928 года он в должности «ответственного за содержание» журнала «Шпорт им бильд». Вверх по карьерной лестнице сделан еще один шаг.

Между тем работа в редакции его явно не удовлетворяет. Встречаясь с известными журналистами и писателями, он ведет с ними переговоры, предлагает писать для журнала и, тем не менее, сетует в письме конструктивисту Фридриху Фордемберге-Гильдеарту, своему другу с ганноверской поры, приславшему ему несколько фотографий: «Общий характер журнала в последнее время так изменился, что о публикации столь радикальных работ не может быть и речи».

Прежде всего, однако, не удовлетворены литературные амбиции Ремарка: быть только одним из многих журналистов, пробавляющихся еще и писательством, — эта роль его не устраивает. Автобиографических заметок той поры нет, есть лишь несколько писем, а более поздние выска-

звания окрашены ностальгией. Человек, обремененный редакционными обязанностями, написавший три неудачных романа, снова, не заключив договора с издательством, принимается за большую вещь в прозе. Он должен видеть перед собой ясную цель и обладать сильной волей, чтобы решиться на тяжкий ночной труд и отринуть всякие страхи относительно возможного провала. Ремарк честолюбив и рассчитывает на успех, начиная в конце лета (или осенью) 1927 года свой новый роман.

«На Западном фронте без перемен»

Ни один немецкоязычный роман не имел в XX столетии такого успеха, как «На Западном фронте без перемен». Лишь немногие литературные произведения — не считая великих творений религиозного характера — достигали за всю историю культуры такого тиража. Точную цифру назвать затруднительно, по разным подсчетам она колеблется между 15 и 20 миллионами проданных экземпляров. Книга переведена на 49 языков, причем не только на языки мирового значения, но и, к примеру, на африкаанс, бирманский, казахский и зулу. И по сей день в разных странах роман переводят заново, а в Германии и по прошествии семидесяти лет читатели ежегодно покупали от 40 до 50 тысяч экземпляров.

Об интересе к роману, возникшем сразу после его рассылки, говорят следующие цифры: за пять недель «Ульштейн» продал 200 тысяч экземпляров, в июне 1930-го был достигнут и превзойден миллионный тираж. «В конце 1930-го в концерне пришли к выводу, что каждый немец, которого можно было бы считать потенциальным читателем *На Западном фронте без перемен*, книгу купил или прочитал».

Ни один роман, когда-либо опубликованный в Германии, не имел и такого политического резонанса. Едва появившись на книжных прилавках, он сразу же вызвал бурную дискуссию в самых широких слоях общества — среди читателей и критиков, в политических партиях и государственных учреждениях, в различных национальных, культурных и военных организациях. Не было газеты, которая бы не откликнулась на роман рецензией, редкий публицист не занимал по отношению к нему ту или иную позицию, страсти кипели на митингах, в рейхстаге, в журналах со-

юзов и объединений, на читательских полосах газет. Свою точку зрения высказывали не только политики, люди в погонах и литературоведы, но и юристы, врачи, священнослужители, служащие, ремесленники, рабочие (последние, правда, довольно сдержанно). Военное ведомство Австрии запретило приобретать книгу для солдатских библиотек. Муссолини пресек ее распространение в Италии. Горячее одобрение соседствовало с беспрецедентной травлей романа и самого писателя.

На книжный рынок хлынула масса «трудов», авторы которых исследовали роман на предмет достоверности изображенного в нем, повествовали о жизни автора, оценивали его политические пристрастия и устремления, излагали историю возникновения рукописи, вступались за «поруганную честь» немецкого солдата-фронтовика. В основном это были весьма скверные поделки: сочинителей мало интересовали факты, они просто пытались оклеветать Ремарка или, по крайней мере, выставить на всеобщее осмеяние. Чего стоили одни заголовки! «А был ли Эрих Мария Ремарк?» — вопрошал писатель Саломон Фридендер на обложке своего 250-страничного опуса. «Пред вратами Трои без перемен», — утверждал, напрягая все свое остроумие, некий Эмиль Мариус Рекварк. Над «подлинным смыслом» романа задумывался в своей брошюре антисемит и нацистский приспешник Готтфрид Никль.

В итоге пасквилянты добились, по сути, только одного: Ремарк и его и без того известная книга приобрели еще большую популярность. Каждый читающий немец просто не мог обойти книгу своим вниманием. Не успели волнения вокруг романа несколько поутихнуть, как в декабре 1930 года в кинотеатрах начал демонстрироваться снятый по роману американский фильм. Йозеф Геббельс, лидер берлинских нацистов, и националистически настроенные правые почуяли возможность использовать новое массовое искусство в своих целях. Они развернули против фильма бешеную кампанию, переходившую порой в насильственные действия. Срывали сеансы, устраивали шумные шествия. И власти сдались. Фильм временно запретили. Газеты, журналы, радио широко освещали и эти баталии. Ремарк и его роман снова оказались у всех на устах, тираж непрерывно рос.

Неудивительно, что в таких условиях вокруг имени писателя и самого произведения стали быстро возникать всевозможные мифы. Взрыв эмоций, вызванный романом,

не способствовал изучению источников и исторического фона. Серьезных работ о жизни и творчестве Ремарка и сегодня еще очень мало. А тогда за факты многими читателями, журналистами и рецензентами принимались домыслы, измышления, а также высказывания самого автора, которыми он, вольно или не вольно, приукрашивал свою биографию.

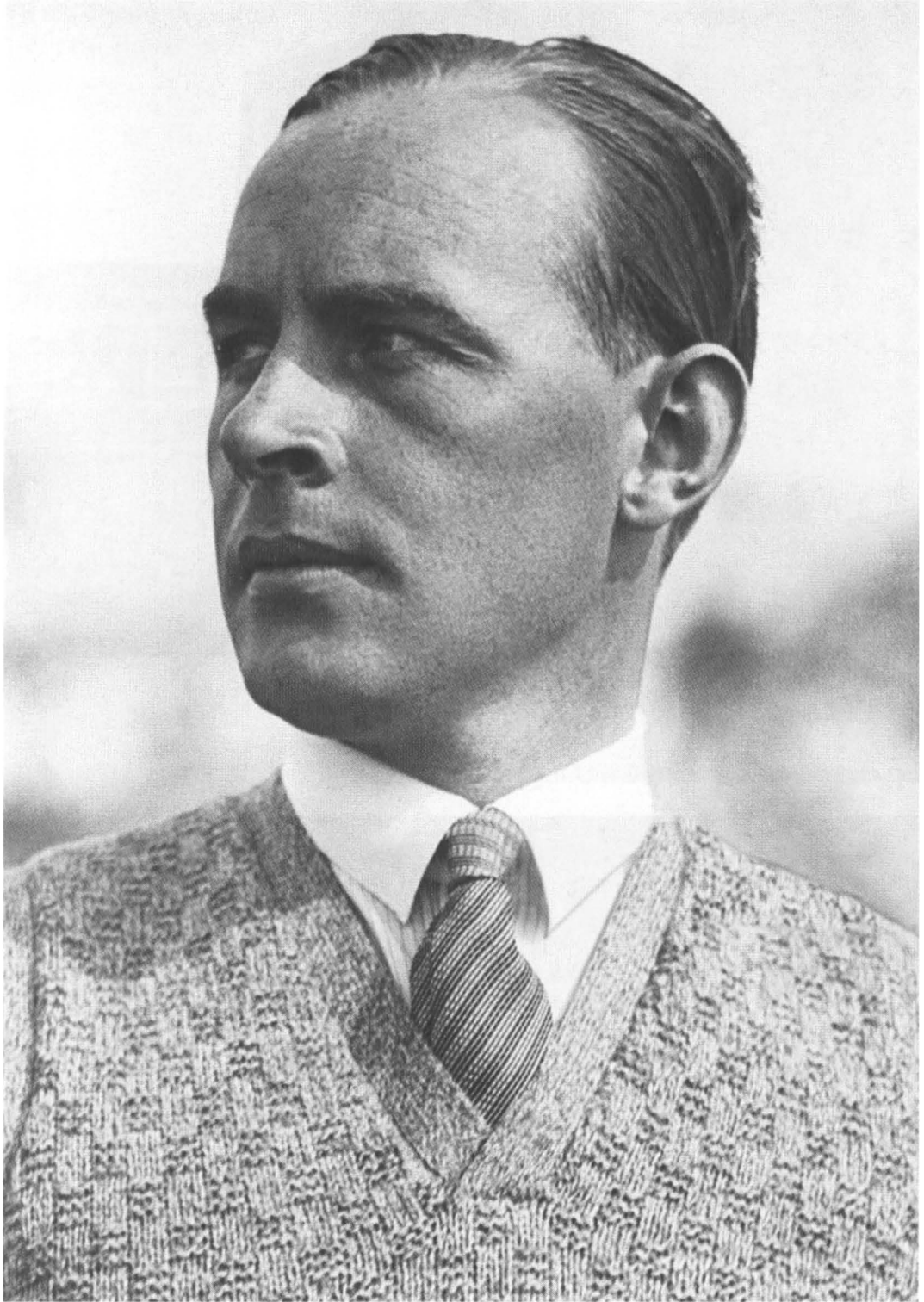
Истинное имя писателя не Ремарк, а Крамер, стали утверждать те, кто умышленно читал фамилию наоборот. Эту фальшивку можно встретить даже в сегодняшних энциклопедиях и газетных статьях. Ремарк не писал никакого романа, а всего лишь опубликовал свой дневник, внушалось читателю. И вообще текст вышел из-под пера совсем другого человека. Это документальная проза, говорили одни. Нет, фантазии домоседа, возражали другие. Кому-то автор виделся богатым стариком, кому-то бедным юношей. На фронт он ушел добровольцем сразу же в августе 1914-го, заявляли приверженцы Ремарка. Там и духу его не было, звучало им в ответ. Много типографской краски было потрачено, чтобы затмить соперника в сложившейся литературно-политической ситуации. Чей-либо сенсационный успех всегда на руку средствам массовой информации, а на истину им при этом, как правило, наплевать.

Выступая в «Вельтбюне» под псевдонимом Каспар Хаузер, Курт Тухольский подсмеивался над мифотворцами уже в июне 1929-го: «Эрих Саломон Маркус — таково имя этого еврейчика — долгое время был всего лишь служкой (то бишь “салатшаммесом”) в иудейской синагоге на Ораниенштрассе в Берлине. Родился этот отпрыск Иуды в силезском местечке Цинненциц, где его отец Авраам Маркус владел кошерной бойней (Чуешь, в чем дело?)... После войны он обосновался в Оснабрюке, став дамским портным, был затем помощником заведующего тормозами на еврейском катафалке в Бреслау, после чего поселился в Ганновере. У профессора Космана нет ответа на вопрос, знал ли Маркус Хаармана, поддерживал ли он его? И этот презренный мошенник осмелился сочинить для бульварной прессы романчик, в котором что ни слово, то ложь!» Были в эти дни и недели еще и писатели, которые не утратили широты взгляда.

По сути дела, столкнулись две точки зрения. Изображена ли в романе фронтовая действительность, и тогда это рассказ о реально пережитом и текст можно назвать автобиографическим, или антивоенный роман сочинил паци-

фист и политический демагог, решив очернить немецкого солдата и вылить на мировую войну ушата помоев, хотя она, охватывая все слои общества, их объединяет? В тесной увязке с этой дилеммой обсуждался и вопрос об авторе сенсационного произведения. Откуда взялся этот незнакомец? До предела страсти накалились сперва в период с марта по июнь 1930-го, после того как книга стала бестселлером, затем они поугасли, чтобы с новой силой вспыхнуть в конце 1930-го, когда нацисты затеяли скандал вокруг фильма.

Разгорелась ожесточенная полемика. Республика стояла на распутье. Многих депутатов рейхстага, крупных промышленников, националистически настроенных членов массовых организаций не устраивал консенсус, который был все-таки достигнут в первые два года после революции. Призыв к установлению независимой от парламента власти находил отклик у все большего числа сторонников авторитаризма. Как ни странно, но символом словесной войны стала война настоящая, первая мировая. Если правые видели в ней великое испытание, выпавшее на долю Германии и выдержанное ее армией с «достоинством и героизмом», то левые и буржуазные либералы в большинстве своем осуждали ее, видя в ней бессмысленное жертвоприношение. Поэтому центральным вопросом в споре вокруг произведения Ремарка был вопрос о «правде». (Заметим, что этот критерий вообще был главным при оценке антивоенной литературы в веймарские годы.) Критиков не устраивало прежде всего то, как изображался в романе рядовой немецкий солдат. За возгласами возмущения скрывались, однако, вещи гораздо более серьезного порядка: ярые сторонники перевооружения вермахта и пересмотра Версальского договора понимали, что огромный интерес к роману препятствует достижению их целей, бросая на них негативный отсвет. Германия, полагали они, должна была исполниться духом предвоенного 1914 года и вновь сосредоточить все усилия на том, чтобы стать ведущей европейской державой, используя для этого, в случае необходимости, и военные средства. 30 марта 1930 года словесным баталиям был положен конец, хотя факт этот был осознан не всеми и не сразу: бывший фронтовой офицер Генрих Брюнинг стал рейхсканцлером, на смену одному «президиальному кабинету» спешил другой, и выкорчевывание парламентской демократии шло полным ходом. Затем пришел Гитлер, и уже через шесть лет Германия ввергла большую часть мира в новую войну.

Julius Rosenberg

Родной дом Ремарка в Оснабрюке

Эрих с сестрами Эрной и Эльфридой. 1903 г.

Петер Франц Ремарк
с сыном Эрихом. 1900 г.

Анна Мария Ремарк
с дочерьми. 1912 г.

Эрих в год окончания гимназии. 1915 г.

Немецкие солдаты на Западном фронте

Ремарк (в центре)
с фронтовыми
товарищами

Раненый Эрих
в госпитале. 1918 г.

Ремарк в 1919 году

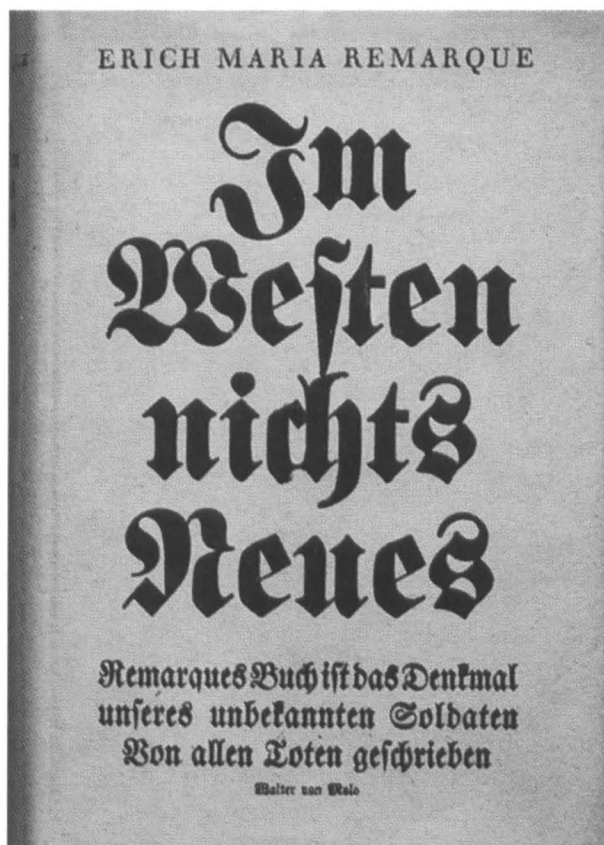

С женой Юттой Цамбоной.
1930 г.

Ютта Цамбона

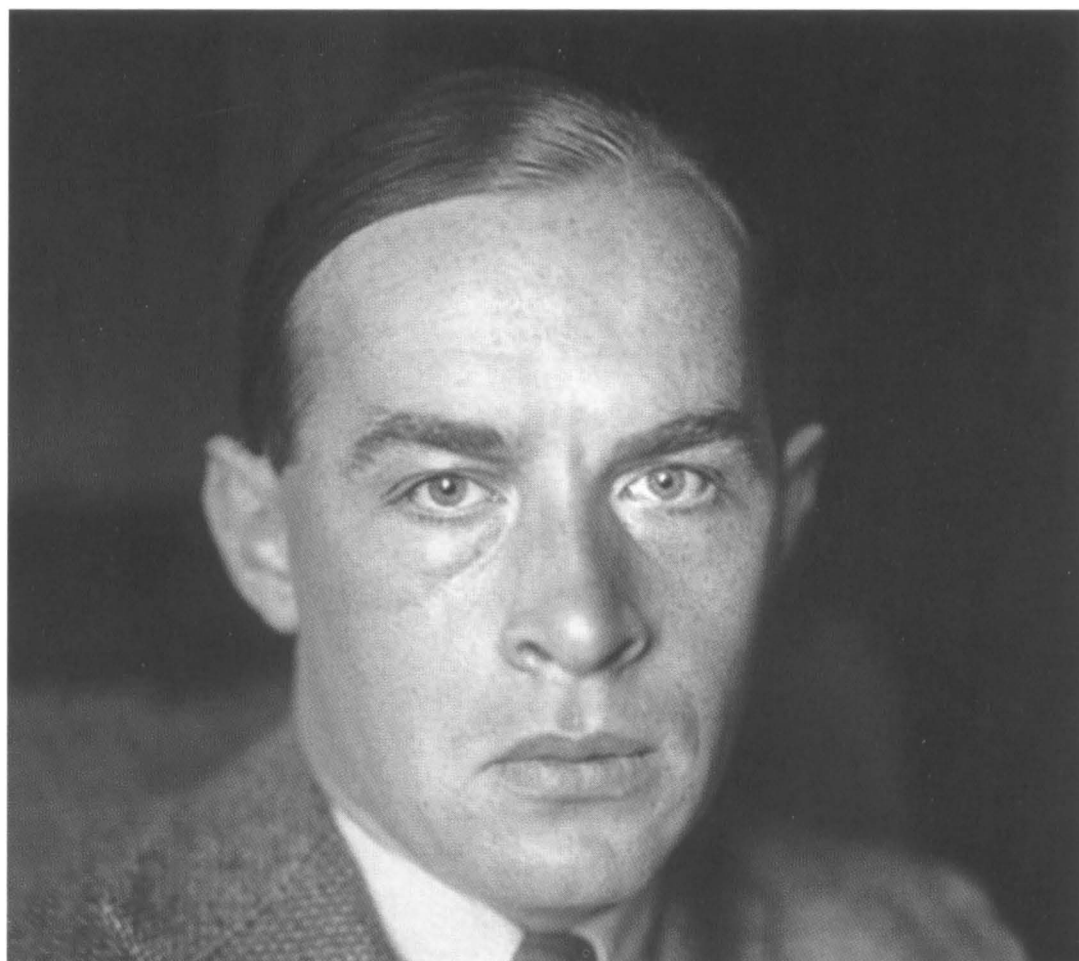

Журнал «Sport im Bild»,
где Ремарк печатался
в 1920-е годы

Первое издание романа
«На Западном фронте
без перемен». 1929 г.

Ремарк в 1925 году

Афиша фильма
«На Западном
фронте
без перемен».
1930 г.

Режиссер фильма
Льюис Майлстоун

Кадры из фильма «На Западном фронте без перемен»

Нацисты сжигают книги,
включая произведения
Ремарка

Сестра писателя
Эльфрида Шольц,
казненная в 1943 году
за антифашистскую
деятельность

Вилла Ремарка
в Порто-Ронко
(Швейцария)

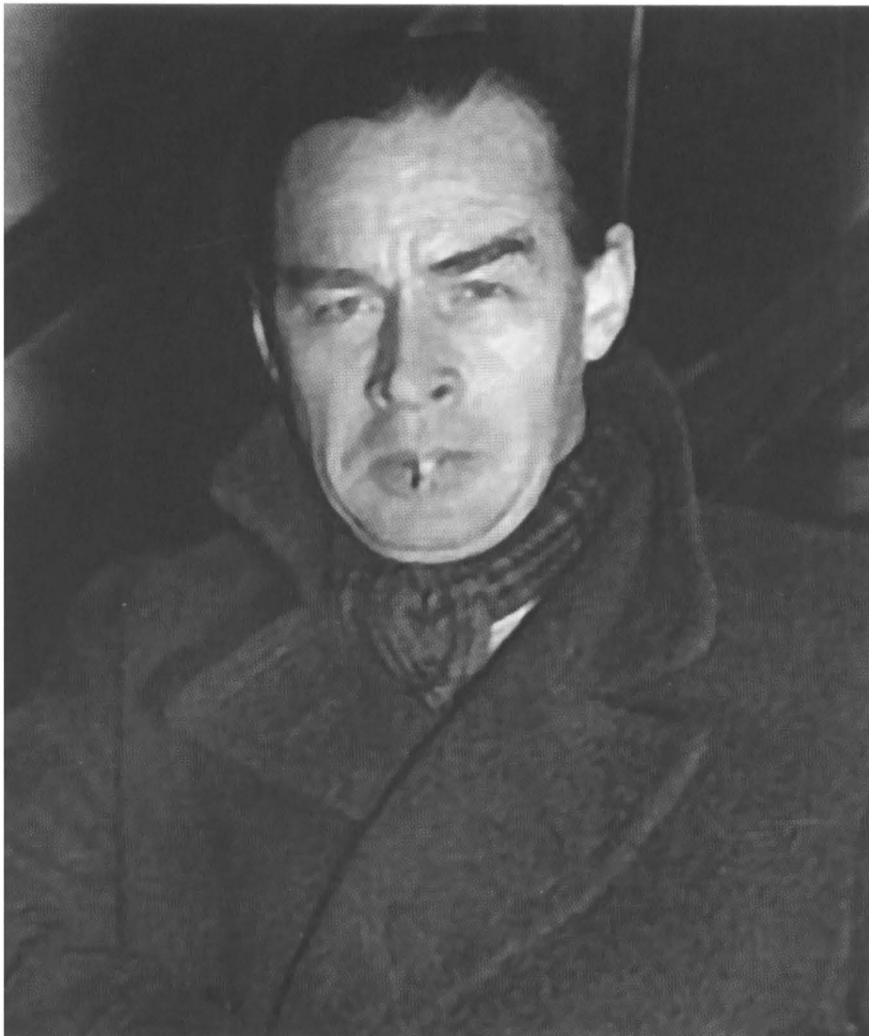
Писатель в Давосе.
1929 г.

Кадры
из фильма
«Три
товарища»
(1938)

Панамский паспорт, сделанный Ремарком для Юты Цамбоны

Писатель на борту лайнера «Куин Мэри». 1939 г.

С Марлен
Дитрих
и Джозефом
фон
Штернбергом.
1940 г.

Марлен Дитрих

Ремарк в Швейцарии

Книга Ремарка, считали воинствующие антидемократы, ослабляла «боевой дух» немцев, ее появление было на руку тем, кто защищал республику. Что ж, это действительно было так, тем более что борьба за выживание республики приобрела новое качество. В августе 1928 года был заключен пакт Бриана — Келлога об отказе от войны в качестве орудия национальной политики. Среди стран-подписантов была и Германия. Приветствуя план Янга, который предусматривал более благоприятные условия выплаты репараций, Густав Штресеман доказывал, что умеренная политика возглавляемого им министерства иностранных дел была успешной. После почти пяти лет отсутствия в правящих коалициях представители СДПГ вошли в состав кабинета, который возглавил лидер этой партии Герман Мюллер. Ни одного министерского портфеля не получила в этом правительстве Немецкая национальная народная партия — к вящей досаде газетного магната Аьфреда Гугенберга, который в тот момент вел за собой твердолобых консерваторов. Обстановка в стране стабилизировалась, и крайне правым не оставалось ничего иного, как развернуть кампанию против плана Янга и накалять атмосферу в публичной полемике. Для клеветнических нападков на республику, для осмеяния ее институтов правые не гнушались никакими средствами. Громкий резонанс, вызванный новым антивоенным романом, должен был показаться им даром небес.

«Фелькишер беобахтер», например, 16 февраля 1929 года в свойственной правым радикалам манере выразил эмоции, которые вызывала книга у крупной буржуазии: «Для всех настоящих фронтовиков, свято хранящих воспоминания о великой войне в своем сердце, этот роман подобен пощечине. Ибо война не сокрушила их, напротив, она стала для них чистилищем». Показательна и фраза из официального военного журнала: «“На Западном фронте без перемен” есть не что иное, как чудовищное оскорбление германской армии».

Идеологически зашоренные левые нередко тоже выступали с резкими нападками на роман. Так, коммунистическая «Роте фане» признавала, что написан он «блестяще и захватывающе», однако автор «молчит» о причинах войны. А через год коммунисты и их сторонники читали в своей собственной, хоть и зависимой от Москвы газете: «Поэтизируя гонку вооружений, Ремарк решительно отказывается обнародовать свое отношение к борьбе империалистических государств против Советского Союза... Он по праву

стал любимым бардом империалистической буржуазии и ее мелкобуржуазных попутчиков». Взвешивая плюсы и минусы романа, рецензент журнала «Зоциалистише бильдунг» приходил к выводу, что книга, в которой к позорному столбу наряду с войной ставился бы и капитализм, еще не написана.

Ремарк не нашел друзей и среди пацифистов. Публично признать себя их сторонником он не хотел, слыша порой в награду за это горькие упреки. «Книга не делает из нас пацифистов, — писала обозревательница журнала «Фриденсварте», — что ж, это и не входило в намерения автора». Но «мы ждем, что Ремарк встанет в ряды борцов за мир, открыто заявит об этом и поставит свой талант на службу тому движению, которое стремится предотвратить гибель новых поколений в страшном пекле войны».

Не обошлось без критических замечаний даже в «Вельтбюне», хотя на протяжении всей дискуссии вокруг романа журнал неизменно и энергично держал сторону Ремарка. Так, автор обзора французской антивоенной литературы не скрывал своего раздражения тем, что книга Ремарка оценивалась выше, чем роман Анри Барбюса «Огонь»: «И тем не менее некоторые люди находят сегодня удовольствие в том, чтобы прославлять книгу, которая относится к войне пассивно, и противопоставлять ее той, которая бунтует против нее». А спустя пару недель Курт Тухольский напишет в журнале леволиберальной интеллигенции: «Об этой книге можно сказать разное». Заметим, что серьезной рецензии на роман в «Вельтбюне» так и не появилось.

Нельзя сказать, что роман был воспринят как пацифистский сразу же после своего появления. Поскольку Ремарк избегал прямых политических суждений и оценок, то и читатели не видели никакой антивоенной пропаганды в описании боев, канонады, бомбардировок и стоически-отчаянного поведения его героев. Отношение к роману менялось вместе с характером дискуссии вокруг него. В лагере левых интеллектуалов и левых либералов он находил растущее одобрение, в стане буржуазных националистов и правых радикалов вызывал резкое неприятие. Попав в расстрельный механизм времени, книга стала влиять на позицию рецензентов и читателей, меняя ее в ту или иную сторону. Кто был за книгу, считался пацифистом и критиком Первой мировой войны. Кто ее не принимал, слыл милитаристом и апологетом войны.

Литературные достоинства романа тогда мало кого интересовали. Давая ему публичную оценку, собравшись по

перу тоже не считали нужным скрывать свои политические взгляды, причем высказывались сплошь и рядом патетически. Бруно Франк считал чуть ли не кощунством говорить о мастерстве, с которым написано произведение, и называл его нетленным. Карл Цукмайер требовал, чтобы книга стала настольной для школьников и студентов, сотрудников газет и радио, чтобы она была в каждом читальном зале, хотя, добавлял он, и этого еще недостаточно. Вальтер фон Моло, в то время президент Прусской академии изящной словесности, стал автором выражения «Памятник неизвестному немецкому солдату». (Оно часто цитировалось и появилось на обложке вышедшего в издательстве «Ульштейн» романа.) Аксель Эггебрехт назвал Ремарка «писателем пленительной простоты». Эрнст Толлер увидел в романе «самый впечатляющий документ великой эпохи».

Рудольф Г. Биндинг, напротив, с ужасом воскликнул: «Вы срываете покров святости с истины, господин Ремарк!» Хайнц Цёгерляйн расценил роман как «взгляд на войну через очко отхожего места». Прусская аристократия (устаами графа фон Шлиффена. — *В. Ш.*) тоже подала голос с присущим ей простодушием: «Фронтовик изображен чуть ли не одичавшим в своих привычках, тупым существом, начисто лишенным доблести и патриотических побуждений». Палитра суждений (и предрассудков) была широкой, а приведенные здесь цитаты показывают, что в полемике вокруг романа речь шла в основном о политике и редко о литературе. В начале 1930 года это очень точно выразил в «Вельтбюне» Курт Тухольский: роман «взволновал миллионы читателей не как художественное произведение, а самим материалом и его подачей», чем и объясняется его громадная популярность.

Возникновению мифов, которыми, как плющом, вскоре был увит роман, способствовали концерт «Ульштейн» и сам Ремарк. Сегодня мы знаем, что автор не придерживал рукопись, — начав утверждать обратное, как только вдруг стал успешным, — а сразу же попытался пристроить ее в каком-нибудь издательстве. Впрочем, не в каком-нибудь, а у самого Фишера. Старик издавал произведения лучших немецкоязычных и зарубежных писателей того времени. У него печатались Томас Манн, Герхарт Гауптман, Альфред Дёблин, Якоб Вассерман, Гуго фон Гофмансталь, Артур Шницлер, Джозеф Конрад, Дос Пассос, Жюль Ромен, Кнут Гамсун. И вот в это издательство первым делом обратился Ремарк. Показав таким образом, что был убежден в

добротности своего опуса и что просто-напросто блефовал, говоря о «недоверии к собственным писательским талантам». (Мы еще коснемся его аргументации по этому и некоторым другим вопросам.)

Фишер ответил Ремарку отказом и надолго озадачил любителей строить догадки и предположения. А почти сорок лет спустя Петер де Мендельссон, написавший историю издательства, получил от Ремарка письмо, которое пролиvalo свет на «загадочное» решение знаменитого издателя: «Рукопись “На Западном фронте без перемен” была передана С. Фишеру весной 1928 года главным редактором “Шпорт им бильд” Конрадом Элертом, с которым я был дружен, работая в этом журнале; передана она была через Пауля Айппера, который тоже был нашим сотрудником... Пригласив меня через какое-то время заглянуть в издательство, Самуэль Фишер сказал мне, что не верит в прибыльность проекта: никто, дескать, ничего больше о войне знать не хочет... Через пару дней я написал ему еще одно письмо — с данными об уже изданных книгах о войне и, соответственно, об их тиражах... Не потеряв еще надежды, я просил его взвесить принятое им решение... Ответа я не получил». Пауль Айппер, названный здесь посредником, был автором ряда книг о животных и близким другом Оскара Лёрке, главного редактора в издательстве «Фишер». Это говорит о том, что Ремарк был близок к истине. Вспомним, что в письме к де Мендельссону есть указание на время — «весной 1928 года», и по меньшей мере это говорит о том, что Ремарк занялся продвижением своего романа на книжный рынок безо всякого промедления и с присущей ему тогда энергией, что он не был новичком, который сомневается в своих способностях, робко показывает рукопись друзьям и очень удивлен, узнав, что кто-то ее опубликовал. В 1929 году все это звучало по-другому: «Рукопись пролежала в столе около полугода, — сказал Ремарк в своем первом интервью, — и пристроить ее где-нибудь я не пытался».

Почему же Самуэль Фишер с его умением искать и находить таланты не принял книгу? Позднее, когда роман обернулся колоссальным гешефтом, он говорил, что книга не укладывалась в его программу. Библиография издательства «Фишер» тех лет действительно изобилует громкими именами и названиями. Но в ней значатся, например: «Политический прогноз для Германии» Вилли Гельпах и утопический «Туннель» Бернхарда Келлермана. Выходит, что знаменитое столичное издательство выпускало в свет

не только «умные» книги. Не стоял Фишер и в стороне от политики. В годы войны издал патриотическое «Собрание трудов по современной истории» (1915—1918) и «Восточно-прусские военные тетради. На основании официальных и личных сообщений» (1915—1917). И не забудем: в 1919 году он напечатал «Размышления аполитичного» Томаса Манна. Старик действительно считал, что у книги Ремарка нет шансов стать бестселлером. Именно это и ничто другое привело его к ошибочному решению с самыми, без сомнения, тяжкими финансовыми последствиями для издательства. Готтфрид Берман-Фишер утверждает, между прочим, в своих воспоминаниях, что прочитал рукопись за одну ночь, пришел в восторг и посоветовал тестю немедленно ее принять.

Обращался ли Ремарк, получив у Фишера отказ, в другие издательства? Не имея письменных свидетельств, точно ответить на этот вопрос невозможно. Карл Осецкий хотя и пишет в «Вельтбюне», что автору «было отказано в трех крупных именитых издательствах», однако предваряет это высказывание осторожным «рассказывают, что»... В апреле 1929-го Эрих Кестнер тоже говорит — в «Нойе Лейпцигер цайтунг» — о «трех солидных отклонивших роман издательствах», но имен не называет. Зато можно с уверенностью утверждать, что контакт с «Ульштейном» возник вскоре после отказа Фишера. Ханс Шваб-Фелиш сообщает в своей истории издательства, что Фриц Майер, друг Ремарка и родственник ульштейновского семейства, передал рукопись Фрицу Россу, зятю Ханса Ульштейна. Тот прочитал ее на Троицу 1928-го, но ни словом о ней не обмолвился. В августе того же года Макс Крель, редактор в издательстве «Пропилеи», принадлежащем Ульштейну, передал текст начальнику производственного отдела того же издательства со словами: «Никто этим не интересуется. Вы же тоже видели войну из окопа». Однако «начальника» это не смутило. Прочитав роман, он пришел в восторг. 6 августа Росс и Ремарк встретились для беседы с глазу на глаз, и в конце месяца был подписан договор. Издательство решило публиковать текст — после нескольких доработок — на страницах «тетушки Фосс» по частям.

В договоре с Ремарком есть место, которое указывает на то, что Ульштейн не был уверен в успехе предприятия. «В случае неудачи автор обязан был отработать согласованный и выплаченный аванс журналистскими материалами для ульштейновских газет». Ощущение неуверенности не

покидает издателей, и в «Фоссише цайтунг» держат в гранках роман, которым заменят ремарковский, если история о юношах, сражавшихся на Западном фронте, не тронет сердца читателей. Мы знаем, что этого не произошло. Публикация, длившаяся с 10 ноября до 9 декабря 1928 года, оказалась на редкость успешной с самого начала. Отдельной книгой роман вышел 29 января 1929 года в отредактированном виде.

Правкой были затронуты прежде всего «политические» пассажи. И сделана она была еще до публикации газетной версии. Ульштейновские редакторы убрали слишком грубые солдатские выражения и чересчур детальные описания ряда жестоких боевых эпизодов. Круг подписчиков был широк, а «нелитературный» язык Ремарка для буржуазной публики того времени необычен, если не сказать оскорбителен. Книга могла пойти на такой риск, газета с ее зависимостью от абонентов не решилась.

Ремарк сам поставил на кон свою карьеру, успешную и с обеспеченным будущим. Он понимал, что заключение договора с Ульштейном должно повлечь за собой расторжение договора с Шерлем. Конечно, он не пошел бы ко дну в случае неуспеха, Ульштейн имел немало интересных газет, в одной из которых он нашел бы прибежище, и в этом отношении договор отчасти страховал его. А вот вновь сделать «перебежчика» после провала его опуса редактором газеты или журнала, — на это «Шерль» едва ли бы пошел. И решимость Ремарка все-таки рискнуть говорит, пожалуй, о том, что он в свой успех верил.

Что делает книгу успешной, особенно если автор ее никому не известен? Это всегда будет тайной, ибо рынок управляем лишь до известной степени, а читатель в своих предпочтениях своенравен. И тем не менее подвержен, как и любой другой покупатель, воздействию законов, управляющих психологией масс. Хороший маркетинг может обеспечить спрос и на художественный продукт. Правда, много чего должно соединиться, чтобы опус новичка в искусстве слова стал бестселлером. В случае с романом «На Западном фронте без перемен» карты легли самым счастливым образом, не без того, однако, чтобы их слегка не потасовала умелая рука.

Своим повествованием о жизни простого «солдата» на фронте Ремарк затронул душевные струны тысяч и тысяч немцев, большей частью знавших войну по собственному опыту. В отличие от националистически настроенных

авторов тривиальных военных романов он писал о боях, страданиях и смертях, лишив их героического ореола. Категорически отказавшись в предисловии от каких-либо политических оценок, он предоставил читателям, подвергавшимся в эти годы со всех сторон массивной идеологической обработке, право судить о войне самим. Нежелание автора следовать литературным канонам, обиходный язык и непричесанные мысли героев, что было тогда внове и неожиданно, сделали роман привлекательным и для людей, редко покупающих книги.

«Ульштейн» подкрепил все это мощной рекламой, в которой правда была умело перемешана с вымыслом. Автор принял условия игры. Политическая агитация завершила дело. Роман пошел. Нет более важной предпосылки успеха, чем сам успех.

За два дня до публикации, в номере от 8 ноября 1928 года, редакция «Фоссише цайтунг» начинает настраивать своих читателей на восприятие истории, которая будет печататься в продолжениях. Текст обращения поставлен на первую полосу, исполнен пафоса и необычайно длинен, что уже свидетельствует о неуверенности и сомнениях хозяев концерна. Они взывают к чувствам, стремятся пробудить эмоции, обращаются к бывшим фронтовикам напрямую, расхваливают роман не как новинку, а как «жизнь, прожитую не зря», как «первый настоящий памятник Неизвестному солдату», как «произведение, которое на странице за страницей производит впечатление глубоко волнующей достоверности», как «книгу без тенденции».

Автор изображается в этом тексте как наивный самоучка, как представитель поколения, которое истекало кровью в окопах большой войны, как выживший в ней и нарушивший, наконец, обет молчания. Этому человеку надо просто верить, он ничем себя не запятнал, ему чуждо интеллектуальное хитроумие, он целых десять лет томился под гнетом пережитого, пока не решил облегчить себе душу. «*Эрих Мария Ремарк*, по профессии вовсе не писатель, ему чуть за тридцать (!), пару месяцев назад он ощутил вдруг неодолимое желание облечь в слова, изобразить и преодолеть в себе то, что случилось с ним и его школьными товарищами, целым классом жадных до жизни юношей, ни один из которых домой не вернулся».

Потенциального читателя умело заманивают в свои объятия, рисуя возвышенный портрет всеми забытого, оставленного наедине со своими переживаниями фронто-

вика. Ибо они «стиснули зубы и молчали. Зачем было что-то говорить, когда вокруг безостановочно творилось зло. Их бы не услышали и не поняли. А когда все закончилось, они были людьми усталыми, измотанными, с потухшим взором и одним-единственным желанием — вытравить страшные картины из памяти». И вот один из них приходит в «Фоссише цайтунг» с рассказом о том, что пережил он сам и что пережили его товарищи, приносит в газету повесть о их судьбах. Редакция давит на душевные струны, растрогана сама, но держит нос по ветру.

Конечно, не трудно понять, какую цель преследовали люди Ульштейна, прибегая к таким трактовкам. Прежде всего с самого начала не допустить, чтобы в тексте можно было обнаружить политические суждения и оценки. Страна была расколота, и никак не хотелось отказываться от читателей из буржуазно-правого лагеря; наоборот, крайне желателен был их приток. Опытные маркетологи знают, что имидж определенных продуктов создается не игрой цен и не красотой дизайна, но энергичным превращением продавца и покупателя в сообщников. Волшебными при продаже романа «На Западном фронте без перемен» стали слова «доверие и солидарность между автором и читателем». Прибыль отвергалась со всеми признаками презрения: «“Фоссише цайтунг” считает своим долгом представить общественности в эти ноябрьские дни мощное и правдивое произведение, напоминая тем самым о тех днях, когда рушились старые формы бытия и в муках рождалась новая жизнь». (Газета начала печатать роман в канун 10-й годовщины заключения Компьенского перемирия и 14-й годовщины «Дня Лангемарка»³⁴. — В. Ш.)

Не забывая подчеркивать свой альтруизм, издательство пристально следило за тем, что происходило в текущей политике. Ульштейн стремился избежать любого действия, которое могло бы быть истолковано как поддержка той или иной политической позиции. Осенью 1928 года в рейхстаге велись ожесточенные споры вокруг строительства броненосца типа «А». Коммунисты добились проведения плебисцита, который только подлил масла в огонь. Рей-

³⁴ 10 ноября 1914 года немцы предприняли наступление близ Лангемарка во Фландрии. Понеся тяжелые потери, полки продвинулись вперед лишь на несколько километров. Молодые солдаты шли в бой с пением национального гимна, что в основном и послужило возникновению понятия «День Лангемарка».

тинг упал прежде всего у социал-демократов, их министры и фракция не смогли договориться о единой позиции по этому «военному» вопросу. Заметная радикализация произошла в стане правых буржуазных националистов: главой партии был избран Альфред Гугенберг. Все зримее проступали очертания того пути, который приведет республику к гибели.

Страну лихорадило, и хозяева концернов «Ульштейн» и «Моссе» наострили уши. А вскоре, опасаясь за свое состояние, проявляя откровенную трусость и безволие, попытались встать над схваткой. Давление на редакции газет росло, принципалы больше не желали читать в них четкие политические высказывания. Года через два это приведет к тому, что владельцы-евреи не захотят видеть в стенах своих домов рядовых сотрудников той же национальности. Георг Бернхард, возглавлявший «Фоссише цайтунг» до 1930 года, напишет позднее, став эмигрантом: «Приобретая все более зримые черты, эта позиция буржуазных газет способствовала ускорению распада республиканских партий... И вина их не становится меньше по той причине, что они, сами того не желая, стали в конце концов собственными могильщиками». Можно по крайней мере предположить, что в издательском доме «Ульштейн» эта позиция ощущалась как тенденция уже в те дни и недели, когда в одной из газет концерна публиковался роман «На Западном фронте без перемен». Непреложным фактом во всяком случае является то, что Ремарку пришлось, следуя пожеланиям издательства, вносить правку в те пассажи, антивоенная направленность которых была слишком очевидной.

Чтобы придать избранной стратегии больше правдоподобия, была подправлена (мы уже говорили об этом) и биография автора. Его произведение утратило бы налет наивности, если бы из анонса следовало, что речь идет не о тексте новичка, а о прозе писателя, на счету которого уже три романа. (Пусть они и не сделали его имя известным всей стране.) Спонтанность, внутренняя свобода, «правдивость» — вот тот материал, из которого ткуются легенды, способствующие продвижению художественного продукта на рынок. Это правило общее, применимое не только к нашему случаю.

Замысел произведения на военную тему родился давно. Первая попытка перенести его на бумагу была сделана после возвращения с фронта. набросок в четыре страницы был обнаружен в наследии писателя. И приобретен спустя

четверть века, осенью 1995 года, за 250 тысяч фунтов стерлингов для его родного города. Фактически он существует в виде двух рукописей. В Нью-Йоркском архиве находятся, по данным Томаса Шнайдера, еще несколько рукописей и типографских оттисков. Они свидетельствуют о том, что Ремарк сильно правил свои записи. Нет сомнений, что текст подвергался неоднократной переработке и что в основу его легла обдуманная концепция. Ремарк писал книгу как профессионал, и стратегия повествования была избрана им вполне сознательно.

Ремарк был очень заинтересован в успехе. Вероятно, этим и объясняется то, что почти во всех интервью он настойчиво, чуть ли не слово в слово повторял версию издательства. Звучало это так: «Писал я книгу полтора месяца, по вечерам, после работы... Рукопись пролежала в столе около полугода. Успеха никак не ожидал. Ничего из написанного не выдумал. Я был на фронте достаточно долго, у меня нет необходимости фантазировать. Проповедовать какое-либо учение я не намерен. В политике не разбираюсь». Последние сомнения читателей были развеяны «Предисловием», оно вписывалось в оборонительную стратегию без сучка без задоринки. Никто не должен был и помыслить, что автор мог преследовать иные цели, чем всего лишь правдиво поведать о пережитом. Таковы были условия издателей военной литературы, и он выполнял их. Не делай он этого, успех был бы едва ли достижим.

Наверное, роман не раскупался бы так быстро, если бы за этим не стояла финансовая мощь издательства «Ульштейн». Для рекламы использовались газеты концерна, некоторые из них имели очень большой тираж, на их литературных страницах и в приложениях к ним продуманно, по графику печатались рецензии... Так, 21 мая 1929 года издательство зарезервировало для публикации положительных и отрицательных откликов немецкой и зарубежной прессы на роман Ремарка сразу 24 (!) полосы «Биржевого вестника немецких книготорговцев». Спрос на книгу непрерывно рос. Нарращивать тираж становилось все труднее. Пришлось задействовать посторонние типографии и переплетные мастерские. Без этого издательство, скорее всего, не смогло бы реализовать свои масштабные планы.

Как видим, успеху романа содействовали как политическая ситуация в стране, так и стратегия издательства. Уже через два месяца после его публикации Эрих Кестнер констатировал: «Если бы за издание этой книги взялось менее

влиятельное и ловкое предприятие, то ее тираж не составил бы и десятой доли того, который она имеет уже сегодня, через несколько недель после ее появления в магазинах». Но если бы дело было только в этом, то роман Ремарка разделил бы участь многих бестселлеров: он бы вскоре исчез с рынка, в лучшем случае пару раз был бы издан малым тиражом. К тому же ульштейновская стратегия не работала в странах, где роман вскоре тоже вышел большими тиражами. США (клуб «Книга месяца» сразу же заказал 60 тысяч экземпляров) и Англия (издательство «Путнам и сыновья» заявило о «блестящей сделке») не знали в это время той политической борьбы, которая разгорелась в Германии. Впрочем, споры вокруг книги и ее успех в Веймарской республике отзывались громким эхом и в зарубежной прессе, что, несомненно, усиливало интерес к роману.

При всем уважении к рекламному отделу издательства скажем: «На Западном фронте без перемен» — выдающееся произведение, именно поэтому оно неподвластно времени и по сей день остается эталонной книгой о войне. Рассказ о Пауле Боймере и его товарищах с захватывающим интересом читался каждым новым поколением и после крушения Веймарской республики и разгрома европейского фашизма. Что бы в свое время ни писали и ни говорили представители издательства «Ульштейн» и сам Ремарк, его произведение — эта книга, отвергающая безумие войны, разоблачающая большую ложь ее апологетов и записных патриотов. И заглушить этот пафос не могут ни репортажная лапидарность повествования, ни безыскусность языка действующих лиц, ни кажущаяся обреченность в голосе, которым автор рассказывает о боевых действиях, гибели солдат, мучениях раненых. Именно благодаря тому, что Ремарк не заидеологизировал диалоги, как это сделал, например, Арнольд Цвейг в последних частях эпопеи «Большая война белых мужчин», а также отказался и от эстетизации воинских доблестей, и от прославления войны как неотвратимого рока, в чем преуспел, например, Эрнст Юнгер (в «Стальных грозах»), его роман, как никакая другая книга о войне, в полной мере сохранил свою злободневность и значимость до наших дней.

Мировоззрение многих молодых людей в Федеративной Республике Германия складывалось под непосредственным впечатлением от фильма Бернхарда Викки «Мост» и антивоенного романа Ремарка. На фоне этих выдающихся произведений бледнели попытки штатных военных обо-

зрелателей, бывших офицеров вермахта, да и просто взятых рассказчиков армейских анекдотов обелить войну, представить ее как явление неизбежное, а для формирования настоящего мужчины и вовсе желанное. Ни дни памяти павших, ни призывы пацифистов не могли сравниться с ними по силе воздействия на умы и сердца граждан боннской республики. Роман Ремарка проникнут таким гуманизмом, какой мы ощущаем лишь в великих произведениях мировой литературы.

Война служит Ремарку материалом, который следует освоить художественными средствами. Политическим и автобиографическим моментам отводится вспомогательная роль. («Я использовал войну как литератор».) Он хочет написать книгу, которую прочтут сотни тысяч, если не миллионы людей, и потому старается писать просто, ясно и убедительно. Опыт, уже приобретенный на этом поприще, ему только в помощь. Граф Гарри Кесслер рассказывает в своем дневнике о разговоре с Ремарком, в ходе которого писатель нарисовал перед своим визави следующую картину: «Вообще-то писать не трудно, если тебе удалось ухватить материал. Представь, что ты едешь по железной дороге, вечереет, и ты видишь, как где-то между пунктами А и Б, по широкому полю бредет человек. Ясно, что на фоне неба он покажется тебе великаном. Вот это и есть момент истины! Ставь своих героев к линии горизонта, выстраивай за ними интерьер, и фигуры их будут выпуклыми без пафоса и прикрас. В общем, пытайся видеть своих героев на фоне бесконечности. Если это получается перед мысленным взором, то легко получается и на бумаге».

В начале 1946 года Ремарк вновь коснется книги и истории ее возникновения. На сей раз доводы будут совершенно иными, чем в 1929—1930 годах, а в его голосе послышится ирония, когда он скажет: «It was really simply a collection of the best stories that I told and that my friends told as we sat over drinks and relived the war». Нова крупица правды, ведь в дуйсбургском госпитале он действительно расспрашивал раненых солдат о том, что им пришлось пережить на фронте. Но если в первые годы после публикации он сознательно отвлекал внимание от своей персоны репликами, которые способствовали распродаже романа, то этой фразой он разыгрывал из себя писателя, который хотел смотреть теперь на все спокойно, с лукавым прищуром. Война и то, что он там видел, раздумья над судьбами людей, с которыми она свела его в прифронтной полосе и в госпитале, несомнен-

но, отразились на его психике — с частыми перепадами настроения, с отчаянными попытками трактовать жизнь в оптимистическом ключе, с тоской по крепким товарищеским узам, с глубоко затаенным страхом смерти. Работая над романом, он отчасти снимал эти травматические явления, но именно отчасти, а не полностью, как он утверждал позднее. Сомнения в собственных способностях усиливались воспоминаниями о творческих неудачах в прошлом. Сделав себе имя в столичной журналистской среде, он потерпел фиаско как писатель. Мир не принял к сведению ни одного из трех его романов. Тогда он решил писать о войне, полагая, что это и есть «его» тема. Именно ее разработка позволит ему встать в ряды крупных писателей. В этом смысле война действительно служила ему художественным материалом для достижения успеха.

Называя себя аполитичным и будучи таковым, скорее всего, лишь отчасти, он сумел тонко почувствовать настроение, которое ширилось, охватывая все новые и новые районы республики. На фоне изнурительных дебатов в рейхстаге, нового подъема уличной агитации, растущих сомнений в эффективности демократической системы люди все чаще стали задаваться в общем-то простым вопросом: оправдывало ли число жизней, унесенных мировой войной, то, что она дала немцам в виде республиканского строя? Ремарк затронул в своем романе самосознание веймарского общества. «В ряду эпических произведений о Первой мировой войне роман Ремарка представляет собой, несомненно, “революционную” поэтическую матрицу», — писал профессор Гамбургского университета Ханс-Харальд Мюллер.

Как видим, на выбор материала и его художественную разработку 30-летнего Ремарка подвигла целая гамма мотивов. Любое одномерное толкование мирового бестселлера 1929 года было бы по отношению к нему столь же несправедливым, как и высказывания о нем самого автора и представителей издательства. Ни проживание драматических эпизодов войны, ни проигрывание творческих неудач, ни желание произвести сенсацию и, уж конечно, ни готовность признать себя пацифистом — ни одно из этих явлений, взятое в отдельности, не подготовило бы Ремарка к написанию романа. А вот их сплава оказалось достаточно, чтобы он начал движение к всемирной известности.

О мировой войне писали в веймарские годы и до Ремарка. На книжный рынок хлынул тогда мощный поток такого

рода литературы. Но десятки романов сегодня просто забыты. Испытание временем выдержали лишь немногие. «Война» Людвига Ренна, «Спор об унтере Грише» и «Молодая женщина 1914 года» Арнольда Цвейга, «Год рождения 1902» Эрнста Глезера, «В стальных грозах» Эрнста Юнгера, новеллы «Человек добр» Леонхарда Франка, несколько книг зарубежных авторов, в том числе «Огонь» Анри Барбюса и «Прощай, оружие!» Эрнеста Хемингуэя — вот, пожалуй, и все. А ведь многие из тех произведений, что известны сегодня лишь историкам литературы, пользовались тогда большим успехом. И переиздавались они тогда раз за разом. У романов Франца Шаувеккера, Вернера Боймелльбурга, Йозефа Магнуса Венера, Вальтера Флекса, Ханса Цёберляйна, Георга фон дер Вринга, Александра Морица Фрейя было немало восторженных почитателей.

Да, военная литература тех лет не походила на тихую заводь: волна в ней катила за волной, за приливами следовали отливы. Война была проиграна, так что поначалу рынок заполнили тексты генералов, полковников, политиков... Им же надо было оправдать себя! Гинденбург, Людендорф, адмирал Тирпиц не извлекли уроков из поражения страны. В своих мемуарах они словно состязались в искажении исторических фактов. Авторы тривиальных романов, которые тоже теперь текли к читателю густым потоком, старались в свою очередь перещеголять друг друга, славя доблести немецкого солдата. Опусы Манфреда фон Рихтхофена, графа Лукнера и иже с ними шли нарасхват, поскольку захватывающе рассказывали о «только что пережитом». «Тот, кто, как мы, — писал Курт Тухольский, — с первого дня после перемирия просвещал народ, говоря о преступлениях немецкой военщины, имеет, наверное, право сказать свое слово о той лавине статей, брошюр и памфлетов, которые оправдывают войну, и разъяснить его смысл, если нас хотят понять правильно. Хватит! — так звучит это слово. Как наши левые упустили в 1918-м важнейший психологический момент, так и наши пацифисты упустили то мгновенье, когда народ был готов к ним прислушаться».

Раскрывая бесчеловечный характер войны на высоком художественном уровне, романы Цвейга и Ренна сразу же затмили все предыдущие антивоенные «трактаты». А появившийся вслед за ними роман Ремарка не только вызвал поток эпигонов. По нему измерялось теперь любое произведение веймарской военной литературы.

«Военный роман — это типичное для той эпохи порождение литературы Веймарской республики, — пишет Ханс-Харальд Мюллер, — никакой другой материал не подвергался в период с 1918 по 1933 год столь интенсивной литературной обработке, как Первая мировая война. Ни один жанр той литературы не достигал таких тиражей, как романы о войне». Примерно такой же аргументации придерживался и Уолтер Лакёр в своей работе о культуре веймарского периода в истории Германии: «Можно ощутить дыхание 20-х годов без Георге, Гессе и “Волшебной горы”; но нельзя ощутить его, не понимая состояния духа тех, кто вышел живым из пекла сражений под Лангемарком, Верденом, на Сомме». Ремарк сумел передать это «состояние духа» с такой точностью, какую мы не обнаружим ни в одном другом эпическом произведении той литературной эпохи, и потому эхо, рожденное его романом, прокатилось по всему земному шару.

Ощущал ли Ремарк давление со стороны военной литературы тех лет, когда писал свой роман? И если ощущал, то как это отразилось на его произведении? Никто не даст однозначного ответа на эти вопросы. Но со многими произведениями аналогичного содержания он был, безусловно, знаком. Об этом свидетельствует, в частности, рецензия, которую он пишет на пять романов о войне для журнала «Шпорт им бильд» весной 1928 года, то есть уже закончив работу над собственной рукописью. Он взялся оценить романы Георга фон дер Вринга, Отто Рибике, Эрнста Юнгера и Франца Шаувеккера, и ничто не говорит в его мини-тексте о том, что они ему не нравятся. Он очень хвалит Юнгера, обнаружив в его «стальных грозах благотворную деловитость, точность, серьезность, силу и мощь» и, наоборот, не обнаружив там «никакого пафоса» в описании «отчаянного солдатского героизма». Касаясь романа «Солдат Зурен» фон дер Вринга, он находит слова для обозначения понятий, без которых мы не можем представить себе роман «На Западном фронте без перемен»: «Картина жизни в гарнизоне и за линией фронта написана мастерски и с такой полнотой, что и добавить вроде бы нечего. Вот он, солдатский быт, в котором есть место состраданию и чувству товарищества, грубому юмору и тонкой иронии. Вот они сами, эти простые ребята, с их страхами и храбростью — на фоне беспощадной войны...» Невиданное дело: в концерне Гугенберга нашелся критик, который отозвался о военных книгах с симпатией и теплотой.

Повествование в романе ведется от первого лица, но «я» при этом то и дело переходит в «мы». Ремарк подчеркивает таким образом, что преследует сразу две цели: он хочет написать книгу, в которой война описывается не на историческом фоне, а одним из ее участников, и которая в то же время олицетворяет судьбу поколения, обреченного этой войной на гибель. С самого начала подчеркнут и биографический элемент: Пауль — это второе имя Ремарка, а его бабушка носила фамилию Боймер. Имена ряда персонажей, названия некоторых населенных пунктов, отдельные эпизоды тоже рождены реальными воспоминаниями — о людях, с которыми довелось когда-то встречаться, о событиях, очевидцем или участником которых пришлось некогда быть. Бывший почтальон Химмельштос, издевающийся над рекрутами, классный наставник Канторек, с восторгом принявший войну, несколько друзей юности и товарищей по роте, лечение и работа в дуйсбургском госпитале, двухнедельный отпуск в Оснабрюке, вид из окошка на знакомую улицу, шпиль церкви в конце ее, полка с дорогими сердцу книгами, больная мать, воспоминания о «невинных» годах юности, когда он писал пьесу и любовался стройным рядом тополей над торопливо бегущим ручьем, ожидание неизбежной разлуки — это биографический материал. Но то, как он включает его в ткань всего повествования, как преобразует и использует его, как раз и делает из простого человека писателя.

Ремарк ограничивается рассказом о скупом очерченном отрезке войны, о пережитом восемью молодыми людьми. Политический и исторический фон смазаны, время и места действия лишь угадываются. Его герои воюют где-то «между Лангемарком и Биксшоте», с сентября 1917-го до октября 1918-го. Когда солдаты спорят о социальных, общественных и политических причинах войны, исторические имена не называются, вопрос о вине не привязывается к идеологиям, партиям или классам, а оставляется в общечеловеческом поле. Не обсуждаются ни действия войскового командования, ни его стратегические планы. Война для Ремарка — это всегда свершившийся факт, а его политические тезисы преподносятся большей частью с привкусом фатализма и депрессии: «Обо всей этой чепухе и говорить не стоит». Однако именно благодаря своему отказу от миссии учителя истории и согласию оценивать крупные события лишь с позиции гуманиста, ему удается делать уставших от политики читателей своими единоверцами, а

его проникнутые «здравым смыслом» суждения об ужасах войны разоблачают ее поджигателей с резкостью, обретающей черты высокой политики.

Солдаты Ремарка покидают теплые казармы цивилизации лишенными человеческого достоинства, готовыми убивать, чтобы выжить самим. Их превращают в машины с обличьем простых городских и деревенских парней. «Мы превратились в опасных зверей. Мы не сражаемся, мы спасаем себя от уничтожения. Мы швыряем наши гранаты не в людей, — какое нам сейчас дело, люди или не люди эти существа с человеческими руками и в касках? В их облике за нами гонится сама смерть, впервые за три дня мы можем взглянуть ей в лицо, впервые за три дня мы можем от нее защищаться, нами владеет бешеная ярость, мы уже не бессильные жертвы, ожидающие своей судьбы, лежа на эшафоте; теперь мы можем разрушать и убивать, чтобы спасти себя, чтобы спастись и отомстить за себя... В эти минуты мы действуем как автоматы, — иначе мы остались бы лежать в окопе, обессиленные, безвольные».

Поскольку Ремарк изображает войну такой, какой она видится «маленькому» человеку и ее жертвам, а не политическим деятелям, и поскольку он не пишет историю своего времени, а пишет историю людей, то роль Первой мировой войны в сюжете романа оказывается вторичной. (По крайней мере, с нашей, сегодняшней точки зрения.) Ведь Пауль Боймер и его товарищи умирали в Сталинграде и Корее, во Вьетнаме и Боснии. Именно это обстоятельство поднимает роман над временными рамками и объясняет, почему интерес к нему — в отличие от многих других книг о войне — нисколько не угас до сих пор. Эрнст Юнгер славит войну³⁵ как «отца всех вещей» («В стальных грозах»), как судьбоносное испытание для «героического» человека. Шовинисты и националисты превозносят ее в своих романах как борьбу культур за выживание и как высшую ступень в осознании чувства долга перед Отечеством. Изображая ужасы войны, они в то же время отрицают их — с пафосом, в котором тонет вопрос о войне как о преступном деянии. Ремарк не оставляет места прославлению бойни, боли и смерти. Он обвиняет и описывает войну такой, какой она была и остается, — циничным презрением к жизни.

³⁵ Война в немецком языке обозначается словом мужского рода — *der Krieg*.

Это не повесть с плавным развитием действия, устремленного к определенной цели, а роман-эпизод, сложившийся из эпизодов. В главке за главкой Ремарк рассказывает о том, что его герои переживают на фронте, в тылу, на родине, в лазарете. И, казалось бы, без видимой связи возникает пронзительная картина войны и ее воздействия на вброшенных в нее людей. Драматические моменты — атаки, рукопашные схватки, огневые налеты, смерть на перевязочных пунктах и в лазарете, Пауль Боймер с умирающим французом Дювалем в воронке от снаряда — сменяются идиллическими сценками. Медленное, с наслаждением, поедание жаркого из гуся, добытого под злобное рычание собаки, «философские» разговоры в солдатской уборной на цветущем лугу с порхающими капустницами, ночной визит к французским девушкам, отпуск в родном городе, который кажется каким-то чужим, хотя дома все напоминает о детстве и юности — пианино красного дерева, картофельные котлеты с брусничным вареньем... У действующих лиц мало индивидуальных черт, они скорее типические: «Мюллер Пятый, который до сих пор таскает с собой учебники и мечтает сдать льготные экзамены»; «Леер, который носит окладистую бороду и питает слабость к девицам из публичных домов для офицеров»; «Станислав Катчинский, душа нашего отделения, человек с характером, умница и хитрюга, — ему сорок лет, у него землистое лицо, голубые глаза, покатые плечи и необыкновенный нюх насчет того, когда начнется обстрел, где можно разжиться съестным и как лучше всего укрыться от начальства»; «в противоположность Кату, Кропп — философ. Он предлагает, чтобы при объявлении войны устраивалось нечто вроде народного праздника, с музыкой и с входными билетами, как во время боя быков»; «Детеринг, крестьянин, который думает только о своем хозяйстве и о своей жене»; «Тьяден, тщедушный юноша одних лет с нами, самый прожорливый солдат в роте». Боевые действия описываются так, как это вообще характерно для военной литературы.

Два мира в виде пролетариев и гимназистов, группа из восьми мужчин и горстка людей малого калибра — таков скромный набор действующих лиц. Со школьной скамьи пришли на войну Боймер, Альберт Кропп, Мюллер Пятый и Леер («Всем четверым по девятнадцать лет, все четверо ушли на фронт из одного класса»), из рабочей среды происходят Хайе Вестхус, Детеринг, Тьяден и Станислав Катчинский. («Люди постарше крепко связаны с прошлым, у них

есть почва под ногами, есть жены, дети, профессии и интересы; эти узы уже настолько прочны, что война не может их разорвать»).) Офицеры появляются лишь изредка, кайзер — только один раз. О войне рассказывается «снизу», и в этом, быть может, главное отличие книги Ремарка — так же, как и романа Анри Барбюса «Огонь» — от ее предшественниц.

Она хочет показать, как была разрушена жизнь целого поколения, хочет поведать о том, как сотни тысяч молодых людей были обмануты в своих мечтах и надеждах, как они подверглись насилию и были убиты. Ремарк бросает вызов отцам, предавшим своих сыновей. У героев его книги нет будущего, есть только воспоминания об идиллическом прошлом и борьба за выживание в настоящем. «Нам было восемнадцать лет, и мы еще только начинали любить мир и жизнь; нам пришлось стрелять по ним. Первый разорвавшийся снаряд попал в наше сердце. Мы отрезаны от разумной деятельности, от человеческих стремлений, от прогресса. Мы больше не верим в них. Мы верим в войну».

Роман достигает своей гуманной цели и потому, что Ремарк не создает образов врага. Страдания и смерть не знают национальных границ. «Чей-то приказ превратил эти безмолвные фигуры в наших врагов, — думает Пауль Боймер при виде русских военнопленных, — другой приказ мог бы превратить их в наших друзей. Какие-то люди, которых никто из нас не знает, сели где-то за стол и подписали документ, и вот в течение нескольких лет мы видим нашу высшую цель в том, что род человеческий обычно клеймит презрением и за что он карает самой высшей карой». И двумя строками ниже еще одно суждение при взгляде на русских военнопленных: «Каждый унтер по отношению к своим новобранцам, каждый класный наставник по отношению к своим ученикам является гораздо более худшим врагом, чем они по отношению к нам». Лежа в воронке рядом с умирающим в муках французом, которого он, спасая свою жизнь, ранил ударом кинжала в рукопашной, без вины виноватый убийца Боймер угнетен слишком поздним прозрением: «Ах, если б нам почаще говорили, что вы такие же несчастные маленькие люди, как и мы, что вашим матерям так же страшно за своих сыновей, как и нашим, и что мы с вами одинаково боимся смерти, одинаково умираем и одинаково страдаем от боли!..»

Еще недавно они жили под отцовской крышей и радостно смотрели в будущее, но уже через пару месяцев они ощущают свою ненужность: «Мы беглецы. Мы бежим от

самих себя». Веря в скорое перемирие в конце романа, Пауль Боймер предчувствует судьбу своего поколения: «Мы вернемся домой усталыми, в разладе с самими собой, опустошенными, лишенными корней, не питающими никаких надежд. Мы не сможем прижиться». Но не ярость разрушения вещного мира движет героями романа. В поле зрения автора прежде всего те процессы, что происходят в умах и душах молодых людей, в их внутреннем мире. Назвав Пауля Боймера и его товарищей «железной молодежью», классный наставник Канторек направляет их — с одобрения или молчаливого согласия родителей! — в пекло траншейных боев. «Да вот так рассуждают они, они, эти сто тысяч Канторексов! Железная молодежь! Молодежь! Ни один из нас не старше двадцати. Но разве мы молоды? Разве мы молодежь? Ею мы были давно. Сейчас мы старики». Сегодня мы бродили бы по родным местам как заезжие туристы. Над нами тяготеет проклятие — культ фактов. Мы различаем вещи, как торгошники, и понимаем необходимость, как мясники. Мы перестали быть беспечными, мы стали ужасающе равнодушными».

Нет, это не «железная молодежь», это — «потерянное поколение», подлым обманом лишенное жизни или, по крайней мере, невинной юности, ставшее жертвой циничного мира. В короткие минуты затишья Боймер и его товарищи задаются вопросом: что бы они стали делать, если бы вдруг наступил мир? Но вразумительного ответа на него они не находят, ощутить себя в жизни за пределами войны они не могут. «Я молод, мне двадцать лет, — думает Пауль, глядя на изувеченных и искалеченных в лазарете. — Но я не видел в жизни ничего, кроме отчаяния, смертей, страхов и нелепого прозябания вкупе с безмерными муками». Вынужденные убивать, покоряясь чужой воле и не зная за собой вины, они просто не в состоянии представить себе даже самое скромное будущее: «Война сделала нас никчемными людьми». Человек отброшен в эпоху варварства. Пути в будущее нет, защититься и спастись он может только бегством — в дебри архаичной природы. Картины полной потерянности встают перед глазами читателя одна за другой. Земля, небо, лес — последние знаки тепла и чувственного бытия: «Зато из земли, из воздуха в нас вливаются силы, нужные для того, чтобы защищаться, — особенно из земли. Ни для кого на свете земля не означает так много, как для солдата. В те минуты, когда он приникает к ней, долго и крепко сжимая ее в своих объятиях, когда под огнем страх

смерти заставляет его глубоко зарываться в нее лицом и всем своим телом, она — его единственный друг, его брат, его мать. Ей, безмолвной надежной заступнице, стоном и криком поверяет он свой страх и свою боль, и она принимает их и снова отпускает его на десять секунд, — десять секунд перебежки, еще десять секунд жизни, — и опять подхватывает его, чтобы укрыть, порой навсегда».

Смерть своенравна в своей неизбежности. Она может быть медленной и мучительной или мгновенной, почти незаметной. В этой книге умрут почти все. Но если в первых главах, когда Боймер видит, в каких муках умирает его лишившийся ноги однокашник Кеммерих, смерть воспринимается как событие потрясающее, в сознание не укладывающееся, то в конце книги она всего лишь регистрируется. Не вернется домой и Пауль Боймер, что, по мнению некоторых рецензентов, делает конец романа нелогичным, поскольку автор обещает — в своем коротеньком предисловии — рассказать «о поколении, которое погубила война, о тех, кто стал ее жертвой, даже если спасся от снарядов». Но на войне не бывает счастливого конца, хеппи-энд случается только у апологетов войны, в их писаниях о героях и подвигах. Логика романа не допускает иного решения — кроме того, которое было избрано автором. Именно лишенная эмоций лаконичность, с которой Ремарк сообщает о гибели рассказчика, подчеркивает его художественную интенцию: войне не может быть оправдания, ибо она разрушает — часто случайно и без всякого пафоса — самое драгоценное из того, что есть на свете, — жизнь. «Он был убит в октябре 1918 года, в один из тех дней, когда на всем фронте было так тихо и спокойно, что военные сводки состояли из одной только фразы: “На Западном фронте без перемен”.

Он упал лицом вперед и лежал в позе спящего. Когда его перевернули, стало видно, что он, должно быть, недолго мучился, — на лице у него было такое спокойное выражение, словно он был даже доволен тем, что все кончилось именно так». До чего же должно было дойти общество, чья молодежь «даже довольна» тем, что жить ей больше не придется?

Итак, якобы аполитичный писатель написал книгу в высшей степени политическую. Истоком всего, что происходит в романе, является решение развязать и вести войну, считая ее продолжением политики другими средствами. В сущности, любому непредвзятому читателю должно быть понятно, что пером Ремарка в 1928 году водило стремление

не только рассказать о физических и душевных страданиях молодых людей, отправленных их «отцами» в окопы массовой бойни, но и указать на тех, кем и с какой целью она была организована. И он выбирает не форму политических дебатов с таким столкновением идейных противников, из которого могла бы родиться дидактическая пьеса с исторически правдивым концом. Его персонажи отстаивают свою точку зрения, опираясь на жизненный опыт, а не на словарный запас партийных теоретиков.

Впрочем, в различных местах романа Ремарк прямо указывает на политическую взаимозависимость многих явлений и событий той поры или их подоплеку. Это и ложь об оборонительном характере войны, и эксплуатация патриотических чувств, и авторитарный менталитет вильгельмизма, и аппетиты германских индустриальных элит, и шовинизм буржуазии, согласной на заключение мира только на условиях победителя. «Странно все-таки, как подумаешь, — говорит Кропп, — ведь зачем мы здесь? Чтобы защищать свое отечество. Но ведь французы тоже находятся здесь для того, чтобы защищать свое отечество. Так кто же прав?» — «Полевая жандармерия, полиция, налоги — вот что такое ваше государство. Если ты про это толкуешь, благодарю покорно!» — «Вот это верно, Тьяден, — говорит Кат, — наконец-то ты говоришь дельные вещи. Государство и родина — это и в самом деле далеко не одно и то же». — «Фабриканты в Германии обогатились — у нас кишки сводит от поноса». — «И вот я вас спрашиваю: кто, на какой штатской должности, пусть даже в самом высоком чине, может себе позволить что-либо подобное, не рискуя, что ему набьют морду? Такое можно позволить себе только в армии! А это, знаете ли, хоть кому голову вскружит!» — «Я вижу, что кто-то направляет один народ на другой и люди убивают друг друга, в безумном ослеплении покоряясь чужой воле, не ведая, что творят, не зная за собой вины. Я вижу, что лучшие умы человечества изобретают оружие, чтобы такое длилось подольше, и находят слова, чтобы еще более утонченно оправдать все это». — «Они спорят о том, что нам надлежит аннексировать. Директор с часами на стальной цепочке желает получить больше всех: всю Бельгию, угольные районы Франции и большие куски России». — Фронтвики Ремарка считают такие планы просто бредовыми: «Каждый из нас знает, что войну мы проигрываем».

Ремарк пишет свой роман в 1927 году, храня в памяти важнейшие события последнего десятилетия. Он знает, чем

закончилась война, помнит, как родилась республика и каким путем она шла все эти годы, он видел, как вильгельмовские элиты возвращали себе былые позиции в государстве. Отсюда нотки фатализма и даже отчаяния, пронизывающие атмосферу его книги. Лишь изредка, как бы случайно, вспыхнет возмущение тем, что все это могло случиться и что страдания и гибель миллионов людей были, возможно, напрасными. Те, кто высказывает в романе такие суждения, не верят, пожалуй, сами себе, в их аргументации нет надежды. Если мысли такого рода и мелькают в книге, то автор их не развивает, он не говорит о возможности претворить их в действия. И, уж конечно, герои его не призывают отнять власть у тех, кто повинен в развязывании войны. «Дни, недели, годы, проведенные здесь, на передовой, еще вернутся к нам, и наши убитые товарищи встанут тогда из-под земли и пойдут с нами; у нас будут ясные головы, у нас будет цель, и мы куда-то пойдём, плечом к плечу с нашими убитыми товарищами, с воспоминаниями о фронтовых годах в сердце. Но куда же мы пойдём? На какого врага?» — «...если я вернусь домой, я буду бороться против этого, против того, что сломило нас с тобой. У тебя отняли жизнь, а у меня? У меня тоже отняли жизнь. Обещаю тебе, товарищ: это не должно повториться, никогда». — «...когда я думаю о том, что однажды я услышу слово “мир” и это будет правда, мне хочется сделать что-нибудь невысказанное... Что-нибудь такое, чтобы знать, что ты не напрасно валялся здесь в грязи, не напрасно попал в этот переплет. Только я ничего не могу придумать». Заметим, что эту свою мысль Пауль Боймер вовсе не связывает с политикой. «Сделать что-нибудь невысказанное» — это значит учиться, приобрести профессию, получать жалованье, а от этого его «с души воротит, потому что так было всегда».

Ремарк — и это раздражало левых и в веймарские, и в последующие годы — не предлагает политических рецептов и не называет себя приверженцем той или иной «системы». Его политические предпочтения в конце 1920-х годов неясны и неопределенны не в тенденции, а в конкретике. Такими они будут и впредь.

Роман получился не антивоенный, а послевоенный. Его пишет всезнающий автор Ремарк, а рассказчиком выступает Пауль Боймер, фигура вымышленная. Симпатичный, наивный молодой человек, духовно выросший в мире вильгельминизма, правители и бюргеры которого не желали видеть последствий патетических выступлений Герма-

нии на международной арене. Аргументация рассказчика, его прозрение по ходу действия в романе — это и есть предупреждение Ремарка немцам, которые снова готовы следовать за глашатаями милитаризма и авторитаризма.

В романе множество сцен, написанных с грубым солдатским юмором. Бывшие новобранцы устраивают выволочку унтер-офицеру Химмельштосу и, возвысившись в военной иерархии над Канторекком, мстят своему бывшему классному наставнику, а теперь ополченцу, гоняя его по казарменному двору. Такие эпизоды контрастируют с ужасами окопной войны, описывая одну из многих реалий совместного проживания в принудительно созданных сообществах. Анализируя ремарковский текст, Губерт Рютер указывает в этой связи на традицию плутовского романа и выявляет один весьма интересный аспект произведения.

Если роман «На Западном фронте без перемен» был поначалу положительно воспринят и некоторыми апологетами войны и милитаризма, то прежде всего потому, что Ремарк на всем его протяжении славит «товарищество», сплачивающее людей в адских условиях фронтовой жизни. И националистически настроенные писатели видели в единении фронтовиков момент, который не мог не запечатлеться в их памяти как величественный и прекрасный. «Но самое главное это то, что в нас проснулось сильное, всегда готовое претвориться в действие чувство взаимной спаянности, и впоследствии, когда мы попали на фронт, оно переросло в единственно хорошее, что породила война, — в товарищество!» Одиночество — ключевое понятие в жизни и творчестве Ремарка. Начиная с первых послевоенных лет Ремарк постоянно сетует на ощущение внутренней изолированности, на невозможность наладить тесные отношения как с одним человеком, так и с несколькими людьми. Он любит подчеркнуть, что не чувствовал себя одиноким только на войне. В последующих романах его гимны «товариществу» будут окрашены меланхолией, центральную роль это чувство сохранит за собой и в более поздних книгах — при описании отношений, складывающихся между мужчинами и женщинами. Нет сомнения, что все это будет художественным отражением глубоко личного чувства, испытанного на фронте, а также объясняющего, почему часы, проведенные среди друзей в «приюте грёз», оставили в памяти писателя неизгладимый след. Мы еще коснемся этой темы, обсуждая роман «Три товарища», одним своим названием подчеркивающий значение понятия «товарище-

ства» для Ремарка. Что же касается романа «На Западном фронте без перемен», то читатели веймарских лет чувствовали, что его автор обращается к ним и понимает их, высоко ценя сплоченность, которая отличала тех, кто испытал все муки ада на недавней мировой войне.

И под конец несколько слов о заглавии книги. В Германии оно быстро стало крылатым выражением. Взято было из военных сводок, в которых использовалось от случая к случаю. Выбрано ли было Ремарком или издательством — вопрос второстепенный. Еще перед тем, как отправить текст в печать, редакторы «Фоссише цайтунг» озаглавили его столь же немудреным, сколь и корявым словосочетанием «На Западе ничего нового». Решающим оказалось значение, которым заглавие наполнилось, когда было включено в последний абзац книги. В день гибели Пауля Боймера в военных сводках прозвучала фраза «На Западном фронте без перемен». Смерть человека в мире военщины и войн стала безликой нормой.

Глава пятая
«Я БЕГУ ОТ ЛЮДЕЙ»
(1929—1931)

В жизни Ремарка произошел крутой поворот. Журналист, известный лишь читателям «Шпорт им бильд» и узкому кругу столичного общества, за несколько недель превратился в знаменитость. Название книги и имя автора фигурировали во всех газетах, полемика вокруг романа и писателя обострялась с каждым новым изданием. Гонорары от издательства «Ульштейн» стремительно возрастали, вскоре потекли деньги из США и Англии, где книга тоже хорошо раскупалась, и наконец, за передачу прав на экранизацию он получил 100 тысяч долларов — сумму по тем временам огромную. Сын ремесленника из Оснабрюка вдруг стал очень состоятельным человеком. Таким он встретит и конец своей жизни.

Ремарк шокирован реакцией публики, но не прочь и пококетничать своей известностью, придерживаясь версии, распространенной издательством «Ульштейн»: он и его книга аполитичны, почти все он видел и пережил сам, о статусе профессионального писателя и не мечтает, взяться за перо его заставило колоссальное нервное напряжение. Раз за разом, словно одержимый, повторяет он, что в его книге нет ни грана тенденциозности, «ибо она аполитична». С наивностью новобранца, не нюхавшего пороха, он пишет британскому генералу Иэну Гамильтону: «Я не чувствовал в себе призвания рассуждать о войне. Пусть это право останется за вождями; ведь только они знают все, что нужно знать о ней».

Националистом Ремарка, конечно же, не назовешь, но и ему в это время национальные чувства вовсе не чужды. Атаки на его «непатриотическое писание», клеветнические высказывания рецензентов по его адресу, принимающие порой гротескные черты, переживаются им очень бо-

лезненно. Неизменно подчеркивая свою аполитичность, он не только следует стратегии продаж и уходит от идейной полемики — в его словах и добрая доля личной убежденности. «Книга о войне всегда подвергнется критике с политических позиций, — пишет он своему английскому партнеру по переписке, — мое же произведение требует иного подхода, ибо его направленность не была политической: ни пацифистской и ни милитаристской, а чисто человеческой».

Не обретает он политической родины и у левых. На собрания к ним не ходит, их пацифистских и антимилитаристских воззваний не подписывает. Это при том, что час идеологов давно пробил. Неудивительно, что на человека, имя которого у всех на устах, но который категорически отказывается примкнуть к какой-либо из партий, гнев их обрушивается с удвоенной силой. Ремарк сидит промеж всех стульев и не собирается покидать неудобное место. Такая позиция вызывает уважение лишь у немногих, публично, во всяком случае, хвалят его очень редко. Блестящий полемист и вольнодумец Тухольский делает это, откликаясь на сатирические потуги Саломона Фридендера (Миньоны) и не скрывая своей симпатии к Ремарку: «Нельзя откладывать борьбу, принимаясь клеветать буржуазного автора, чье поведение после беспримерного успеха в истории немецкого книгоиздания является образцовым. Этот человек не рассказывает нам духоподъемных историй, он сдержан и скромен. Он не разыгрывает из себя ни какого-нибудь почетного председателя, ни самого благородного сына нации. Не позволяет фотографировать себя сверх необходимого, и потому можно было бы пожелать некоторым собратьям по перу такую же меру такта и ненавязчивости, какую обнаруживает на наших глазах этот самый Ремарк».

Точнее, пожалуй, уже не скажешь. Ремарк относится к шумихе вокруг своего имени спокойно, даже конфузливо. «Я неохотно рассказываю о себе, не выступаю с докладами, не читаю публично отрывки из своих произведений... Я с удовольствием вывожу собственную персону из игры». Нет, он не политолог, он — писатель. Он не станет формулировать свое политическое кредо вплоть до захвата власти Гитлером, даже, вернее, вплоть до начала Второй мировой войны, будет избегать точных оценок политической ситуации. И встретит непонимание даже среди таких симпатизантов, как Карл Осецкий, который категорически не одобряет молчание писателя. Но ведь и в своем романе, и

в своих публичных выступлениях Ремарк реагирует на прошедшую Первую мировую войну и текущие политические события как художник-гуманист, а не как политик-агитатор. Пацифизм, классовые теории, буржуазные концепции капитализма ему чужды. И дело тут не в недостатке гражданского мужества. Это позиция литератора, для которого политика в узком смысле слова станет главной темой только тогда, когда по дорогам Европы двинутся танковые колонны вермахта и мир узнает о планомерном преследовании и уничтожении евреев, а также о преступлениях, творимых гитлеровцами на завоеванных территориях.

Поэтому его аргументацию в те месяцы 1929 года надо признать честной. И только с этой точки зрения можно объяснить некоторые его высказывания о политической ситуации в Германии. Никакого мнения о Гитлере, например, он не имеет, потому как ничего он о нем не знает. Да и в самом немецком народе он больше не ощущает тяги к войне. Чего никак нельзя сказать о националистах и генералах рейхсвера, и это еще до 1933-го ясно тем, кто наблюдает за развитием событий в поздние веймарские годы пристальнее, чем Ремарк. И как можно не иметь еще своего мнения о Гитлере осенью 1929-го, даже если учесть, что первого крупного успеха национал-социалисты добьются позднее, — на выборах в рейхстаг в сентябре 1930-го. Все-таки еще до этого каждый немец может узнать из газет, на каком языке нацисты говорят и пишут о книге Ремарка и своих планах. Он не представляется аполитичным, он таковым является. Что не мешает его книге вызывать совершенно другое эхо, нежели то, которое слышится ему. Недаром Эггебрехт заметит позднее: «Хотел он этого или не хотел, но Ремарк все же стал событием политического значения, популярным глашатаем демократически-гуманных взглядов».

В архиве Ремарка сохранилась статья «Тенденциозны ли мои книги?», написанная в 1931—1932 годах и, по-видимому, оставшаяся неопубликованной. Этим текстом писатель хотел защититься от обвинений в том, что своим романом «оказывает губительное влияние на молодежь, убивает благородные чувства патриотизма и стремление к героическим поступкам — те высшие добродетели тевтонской расы, что присущи ей с незапамятных времен». Ответ Ремарка звучит так, будто написан в конце XX века: «Если какая-нибудь глубинная идея и владела мною, то это были любовь к Отечеству — в истинном и высоком, а не в узком и

шовинистическом смысле слова — и прославление героизма. Однако это чувство не имеет ничего общего со слепым, восторженным приятием кровопролития на полях сражений и современных методов ведения войны с массированным использованием техники. Война во все времена была изуверским инструментом в руках обуреваемых жаждой славы и власти, всегда противоречила принципам справедливости, присущим нравственно здоровым людям. Войне не может быть оправдания, даже если ею грубо оскорблено чувство справедливости. Патриотизм, безусловно, — высокое и светлое понятие, но с тех пор, как волна национализма накрыла наш мир, а его адепты сеют семена ненависти и проповедуют насилие и произвол, шовинизм превратился в крайне опасное явление; его можно наблюдать в любой европейской стране, будь то Италия или Германия».

Выделяя в качестве примера государства, в одном из которых фашизм уже пришел к власти, а в другом стал мощной политической силой, Ремарк показывает, что он отлично понимает, откуда миру грозит опасность. На фоне многих публичных высказываний иного рода еще более зримой становится направленность романа «На Западном фронте без перемен». К тому же Ремарк подчеркивает, «что у борца в наше беспокойное время отваги меньше, чем у того, кто рискует объявить себя пацифистом».

Молчание многих метров, хотя роман Ремарка давно читают во всем мире, а полемика поутихла, вызывает у него горечь и досаду. «Надо же радоваться, если эти люди хотя бы замечают появление таких книг». Он явно ошеломлен реакцией Томаса Манна, чей роман «Волшебная гора» ставит очень высоко. Даже через два десятилетия, в 1952 году, в интервью журналу «Шпигель» он скажет: «В 1933 году он не хотел показываться со мной на улицах Асконы, опасаясь, по его словам, потерять читателей в Германии. Манна никогда и не запрещали. Он возмутился лишь тогда, когда его, не имеющего аттестата о среднем образовании, лишили в Бонне звания почетного доктора». Знаменитые писатели действительно не переносили друг друга, и, судя по словам Ремарка, бесчестолюбия долго не давал им покоя. Едкое замечание об отсутствии аттестата — фрейдистского качества, да и слова о колебаниях Манна в ранние годы гитлеровской диктатуры — его нерешительность горячо обсуждалась тогда в эмигрантских кругах — звучат не очень убедительно. Но и его соперник не отличался в этом противостоянии особой деликатностью. Об этом го-

ворят не только уже приведенные нами записи из дневников. На раутах в Швейцарии, а позднее в Калифорнии они откровенно сторонились друг друга. Регулярные чтения в доме Маннов на тихоокеанском побережье посещали по приглашению хозяев все знаменитые эмигранты, Ремарк там замечен не был. Их разделяли не только художественные миры. Абсолютно разным был подход к жизни. Ночная жизнь Ремарка, его любовные связи были у всех на виду. Томас Манн, державший свои чувственные желания в узде, как это и положено степенному буржуа, давал им волю в своих дневниках. Денди с эскортом из голливудских красавиц должен был вызывать у него раздражение, которое могло констатироваться в подсознании уже как зависть. Очень внимательно отслеживая число продаж своих книг, он с гневом, а по мнению некоторых очевидцев, даже с ненавистью наблюдал за ростом тиражей и экранизацией романов «неполноценного» писателя. Правда, столь уж негативным, каким его обрисовал Ремарк, поведение собрата по перу все же не было. Так, в связи с политическими атаками на фильм, снятый по роману «На Западном фронте без перемен», Томас Манн в весьма резких выражениях высказал свое недовольство той, по его мнению, вялой позицией, которую заняла Прусская академия искусств в конфликте между создателями картины и желтой прессой.

Бертольт Брехт, Генрих Манн, Франц Верфель, Альфред Дёблин, Лион Фейхтвангер, Роберт Музиль, часто высказывавшиеся в статьях, письмах, дневниковых записях о произведениях своих современников, тоже не оставили сколько-нибудь обоснованных суждений о творческих способностях их самого читаемого собрата. И тому были причины. Роман Ремарка шел нарасхват, и многие признанные мастера лишались дара слова, глядя на незавидные тиражи собственных произведений. Интеллектуальная элита судила о Ремарке с нравственных и политических позиций — и крайне редко с литературных. Причем оценки зависели от социального статуса критика. Недоумение у Брехта и других писателей вызывал, кроме того, образ жизни Ремарка. Для них, испытывавших в эмиграции нужду и помнивших, что в Европе идет война, что там убивают людей и бомбят города, были неприемлемы эпикурейские привычки и манеры спутника голливудских звезд, жившего в Калифорнии с ними по соседству. Брехту надо было, видимо, испытать сильный прилив желчи, чтобы сравнить в своем «Рабочем дневнике» «вдруг возникшего» на новогодней вечеринке

Ремарка с Хансом-Хайнцем-Эверсом, известным автором одноименного романа о Хорсте Весселе³⁶. И Брехт был не одинок в таких суждениях.

Уже вскоре после публикации романа, в феврале 1929 года, Ремарк пишет Хансу-Герду Рабе, другу юности, о своем отношении к берлинской интеллектуальной элите: «Сейчас я в стороне от всего, так как ненавижу околотитратурную среду, и ты бы тоже ее презирал, если бы тебе довелось лицезреть этих людей. Спесь прямо-таки прет из них, они откровенно любят себя, дают интервью при каждом удобном случае. От этого так воротит, что клянешься себе никогда ничего подобного не делать». Однако он тут же лукаво и не без тщеславия добавляет: «Кстати, это и умнее, ведь ты таким образом привлекаешь к себе больше внимания».

Интересно, какие чувства испытывали коллеги Ремарка, когда в сентябре 1929 года родственник и тезка известного норвежского писателя Бьёрнстjerne Бьёрнсона предложил присудить ему Нобелевскую премию мира, найдя поддержку у двух членов комитета? Впрочем, времени для злословия у них просто не было, ибо правители Германии сразу же дали понять почтенным господам в Осло, что оказание такой чести Ремарку стало бы крайне нежелательным и чреватым опасными последствиями событием. И предложение было отклонено послушным комитетом с формулировкой «Negative pacifism is not enough»³⁷. Выступая затем перед парламентом, докладчик сослался для пущей важности на «the active spirit of peace»³⁸ в произведениях Толстого и Берты Зутнер: «In my opinion, Remarque's book does not do this in spite of all its great qualities»³⁹.

Шумиха вокруг романа, молчание, а то и колкости собратьев по перу заставляли Ремарка нервничать, уходить в глухую защиту. Однако еще сильнее угнетало предчувствие, что успех повторить не удастся и что мерилom каждого нового его сочинения будет отныне «На Западном фронте без перемен». Не только противники, но и многие из числа интеллектуальных заступников Ремарка с нетерпением ждали

³⁶ Штурмовик, автор песни, ставшей наряду с «Германия превыше всего» гимном Третьего рейха. После гибели в 1930 году был возведен Геббельсом в ранг мученика.

³⁷ Негативного пацифизма недостаточно (англ.).

³⁸ Активный дух мира (англ.).

³⁹ По моему мнению, книга Ремарка не исполнена этого духа, несмотря на все ее великие достоинства (англ.).

момента, когда легковесный, по их мнению, писатель провалится, опубликовав новый роман.

Слава двулика, как Янус. Всего лишь за несколько месяцев Ремарк взошел на ее вершину и обрел материальную независимость. Однако именно стремительность восхождения затрудняет дыхание, приводит к тяжелейшему стрессу. Уже в июне 1929-го он не в состоянии скрыть в одном из интервью, сколь обременителен для него кредит доверия, полученный от читающей публики: «Если бы все упреки были справедливы, а герои и события выдуманы, я чувствовал бы себя теперь намного свободнее и увереннее. Точно бы знал, что я хороший писатель. А так будущее кажется мне туманным. Вот я и пытаюсь выпутаться из этого положения. Мне надо начать все с самого начала». «Я не ставил своей целью создать художественное произведение, — подчеркивает он, беседуя весной 1930 года с корреспондентом одной из амстердамских газет. — Высший идеал вижу в том, чтобы талантливо писать для всех». Читатель чувствует в этих интервью чуть ли не панический ужас, который вызывает у Ремарка успех: «Предпочитаю быть просто человеком, чем именитым художником»... При этом Ремарк не упускает возможности поддеть «высокомерных» мастеров слова: «Многие книги представляют собой выдающиеся художественные произведения, но они слишком художественны, чтобы нравиться массам». При перемене местами причины и следствия такое высказывание может лишь означать, что ему это, по его собственной оценке, бесспорно удалось.

Ситуация, в которой находился Ремарк, красочно описана Эрикой и Клаусом Манн в книге «Escape To Life»⁴⁰. «Что же произойдет теперь? Оправдает ли звездный новичок возлагаемые на него надежды? Во всех литературных кругах только и слышится: Что же выдаст Ремарк теперь? Что последует за “На Западном фронте без перемен”? “Лучше всего без перемен”, — сказал какой-то острослов, не пощадив творца, который достиг вдруг заоблачных высот и боится сорваться вниз, если решит сотворить новый бестселлер». Тут, что называется, не убавить и не прибавить.

Бежать от всеобщего внимания — такой будет вскоре реакция Ремарка. «Шерль» уже помог ему в этом, уволив своего сотрудника через пару дней после начала публикации романа в «Фоссише цайтунг», то есть в газете самого

⁴⁰ Бегство в жизнь (англ.).

опасного конкурента. Не ответить на такой укол было невозможно. Зная, тем более, наперед, что имя писателя станет известно Альфреду Гугенбергу и восторга у владельца концерна не вызовет. Немецкие националы и их радикально настроенный лидер считали роман гнусной поделкой.

Отсутствие оклада с лихвой восполняется «золотым» дождем. О независимости от нормированной работы в офисе и от начальства он мечтал еще в Оснабрюке. Теперь эта мечта сбылась. Он переезжает в более просторную квартиру — в доме номер 5 на Виттельсбахерштрассе, — обставляет ее вместе с Юттой новой мебелью, одевается еще элегантнее и, скорее всего, позволяет себе теперь наслаждаться более изысканными коктейлями. Издательство счастливо завладеть автором, приносящим громадную прибыль, и дарит ему «ланчу» в роскошном исполнении. От публичных выступлений он отказывается, зато с еще большим усердием старается отвечать на письма, идущие к нему непрерывным потоком. «Получил Ваше письмо с обилием таких эпитетов, как зверский, подлый, мерзкий, клеветнический, — пишет он капеллану в Беккуме, ведущему себя как-то совсем не по-христиански, — и, откровенно говоря, дивлюсь Вашему настойчивому желанию получить от меня ответ. Только вот что же мне Вам сказать?» Полны благодарности строки из письма литературному редактору лондонской «Дейли геральд»: «Думаю, вы даже не можете себе представить, как меня обрадовало известие о том, что моя книга встречена в Англии с большим пониманием. Эта радость, поверьте мне, выходит далеко за пределы личного чувства, ибо вселяет в меня надежду, что мне, может быть, удалось внести свой вклад в достижение той высокой цели, что зовется человечностью».

Он обзаводится литературным агентом. Вести переговоры о правах на издание и экранизацию романа, кочуя по всему свету, ему не по силам. Отныне этим займется человек, которому он всецело доверяет, — продюсер, издатель и юрист Отто Клемент, знающий толк в этих профессиях. Он не только снимет с Ремарка тяжкий груз бумажных забот, но и станет надежным, не пьянеющим собутыльником. В отличие от писателя он свободно владеет английским и может вести переговоры как в Голливуде, так и в англосаксонских издательствах. И, заметим, агент неплохо справлялся со своим делом, права Ремарка продаются хорошо. Позднее Отто Клемент уедет в Англию, оттуда в США, и в их отношениях наступит охлаждение. Ремарк возмущен

тем, что агент его обманывает, он пишет об этом в дневнике, и какой-то момент обвиняет его в недостатке пяти тысяч долларов. После чего Клемент будет представлять интересы Ремарка только в США. Теперь же, в кипении первых лет большого пути, без него не обойтись.

В эти два года Ремарк много путешествует, вырываясь из ядовитой атмосферы, возникшей в Германии вокруг его романа. Уже в феврале 1929-го он в Давосе, весной — во Франции, в Бельгии и Нидерландах (иногда сопровождаемый Юттой), осенью вместе со школьным и фронтовым товарищем Георгом Миддендорфом — в Париже. В январе 1930-го он в Арозе и снова в Давосе: надо успокоить нервы и навестить отдыхающую там после развода Ютту. «Застрял здесь, потому как вижу, что романы не пишутся пером публициста, — сообщает он Бригитте Нойнер с зимнего курорта, — и каждый день клянусь, что это будет моя последняя работа... (имеется в виду роман « Возвращение», работа над которым не клеится. — *В. Ш.*) Живу я здесь правильной жизнью, вот только приобрел привычку выпивать, когда был привязан к постели: победить грипп, как ты знаешь, можно только с помощью алкоголя, а крепкие напитки здесь хороши. И сигареты тоже».

Он знакомится с интересными людьми: с Рудольфом Херцогом и Казимиром Эдшмидом — в Давосе, с тонким ценителем изящных искусств графом Гарри Кесслером, Лионом Фейхтвангером и Арнольдом Цвейгом — в Берлине. А также с Рудольфом Караччиолой, знаменитым автогонщиком. Дважды на несколько недель приезжает в Оснабрюк. Здесь можно, наконец, поработать в спокойной обстановке. Ведь в остальном жизнь его такова, что дышать не дает. Грозит и торопит сроками новый роман. С издательством «Ульштейн» заключен очень выгодный для автора договор, оно приобрело права на издание всех его новых произведений.

Но и этот отрадный факт не убавил в нем сомнений в творческих способностях. Связи Ютты с другими мужчинами задевают его самолюбие. По вечерам он и сам скрывается в любимых клубах и барах. Вот только настоящего отдохновения это не приносит. Нервы напряжены до предела, по-прежнему мучительны приступы ревности и меланхолии. Мы помним то, что Лени Рифеншталь и Аксель Эггебрехт рассказали о семейной жизни Ремарка до публикации знаменитого романа. И хотя относиться к таким рассказам всегда следует с осторожностью, сплошной вы-

думкой они никак не являются. Во всяком случае 4 января 1930 года брак с Юттой расторгнут. Но порвать с ней окончательно Ремарк не в состоянии. И она будет питать к нему самые теплые чувства вплоть до его кончины. По образцу этих отношений будут складываться все большие романы Ремарка — части драмы всей его жизни. Ютта Цамбона, Марлен Дитрих и Наташа Палей красивы, интеллигентны и страстны. Но эти женщины очень далеки от того, чтобы ценить супружескую верность, уважать даже совершенно искренние чувства их многочисленных кавалеров. Они живут в творческом мире Берлина 1920-х годов, вращаются в великосветских обществах европейских столиц, убивают время на модных курортах, блещут своей прелестью среди калифорнийских кинозвезд и нью-йоркской бизнес-элиты, дают себя соблазнить и соблазняют сами. Вступив в близкие отношения с красавицами, Ремарк часто чувствует себя униженным, но оторваться от них не может, годами остается их верноподданным. В реальной жизни писателя творится то, что сплошь и рядом происходит в его произведениях: за шквалом эмоций следует безмолвие отчаяния, а также понимание, что прочных уз не существует и что одиноким человек остается и в любви. Писательским пером Ремарк нередко преображает своих героев, заканчивая повествование смертельным исходом. В жизни он «неверен в верности», романтик, который, расставшись с пылко любимыми, остается их другом, доверяет им в письмах свои тайны, готов прийти на помощь в трудную минуту и поглядывает на прошлое иронически. В своих отношениях с чаровницами он порой агрессивен, и без того неприятные сцены омрачаются алкоголем, жало ревности не тупеет с годами, случаются и совсем недостойные выходки, за которыми следуют букеты цветов с извинениями или кроткие послания с безжалостным самобичеванием. Потом, когда всему приходит конец, он опять — джентльмен, великодушный, все понимающий, добрый. И это не маска, а одна из прекрасных черт его характера.

После развода Ютта не оставляет Ремарка, более того, старается привязать его к себе покрепче. Она чуть-чуть симулирует и преувеличивает свою болезнь, настаивая, чтобы они вместе отправились в Давос поправить здоровье, и Ремарк поддается уговорам. А позже она часто будет жить у него или где-то поблизости целыми месяцами, к примеру, на его вилле в Порто-Ронко. Будет ревновать к окружающим его женщинам, ощущать себя покинутой, требовать

на протяжении десятилетий материальной помощи и моральной поддержки. У Ремарка же ее присутствие нередко вызывает чувство горечи. В дневнике суждения о *Петере* — далеко не лестные, ее стенания и чрезмерные претензии явно действуют ему на нервы. «Утром ссора с *Петером*, — записывает он, например, 1 августа 1936 года, — не по моей вине. Избалованный ребенок, не привыкший уступать, очень ранимый, подчас капризный. И всегда уверенный в своей правоте». Тем не менее он никогда не отказывается в помощи, остается галантным супругом («Свозил *Петера* к парикмахеру»), по-прежнему щедр («Купил *Петеру* украшения»), на выходки красивой эгоцентричной женщины взирает снисходительно. На собственные, разумеется, тоже.

В своих воспоминаниях Аксель Эггебрехт описывает сцену, проливающую, пожалуй, некоторый свет на сложные чувства Ремарка к Ютте: «Внезапно разбогатев, он не только испытывал наивную склонность к снобизму, но и совершенно неожиданно обзавелся общепринятыми понятиями о нравственности. Не будучи, мягко говоря, образцовым супругом, неожиданно потребовал от Жанны верности, каковая отличает в буржуазной семье добропорядочную супругу, приставил к ней сыщиков и вскоре узнал, что она продолжает встречаться с Францем Шульцем. И вот случилось нечто отвратительное. Набрав группу блюстителей порядка, он нагрянул ночью на квартиру соперника, приказал отдубасить его, причем дал волю и своим кулакам. До смерти испуганная Жанна спряталась, но ее нашли и арестовали. Вся эта дикая сцена была явно рассчитана на публику, но задумана не ревнивцем, а человеком, скупаемым тщеславием. Ибо то, что затем последовало, выглядит еще абсурднее. Изменнице было милостиво разрешено вернуться в дом супруга — с непременным условием прекратить любые отношения с прежними поклонниками. Она подчинилась, видимо, получив возможность снова блистать в паре с ним в большом свете... Я видел их потом всего только раз, издали, осенью 1932 года в Асконе. Рабыня удивительной красоты с покорным видом шла рядом со своим господином». Проучить «наглеца» с помощью «мобильного отряда полицейских» — на такое легкоранимый, вспыльчивый супруг, пожалуй, способен. К тому же Билли Уайлдер видел, по его рассказу, в те дни в Берлине сценариста киностудии УФА Франца Шульца... «С синяком под глазом и с подвязанной рукой». «Застав Шульца у своей жены, Эрих Мария Ремарк бил его нещадным боем».

В мемуарах любят посплетничать, домыслить, приукрасить. Вот и здесь мы сталкиваемся с тем, что станет непременным элементом многих воспоминаний о знаменитом писателе: его успех, его богатство, его «небуржуазный» стиль жизни породили стереотипные образы, за которыми не видна реальность. Но они великолепно подходят к расхожим представлениям о бонвиване, бабнике, бражнике. Факты и мифы легко уживаются в нашем сознании.

Но никому не оспорить тот факт, что успех и богатство не сделают Ремарка менее беспокойным. Распад брака — это ведь и следствие того психического давления, под которым он находится, можно сказать, дено и ношно, реагируя на него меланхолией, уходом в глухую защиту и затворничеством. Сложные отношения с Юттой вскоре обретут художественное отражение в романе «Три товарища». (Как и позднее, в 1940-е годы, связь с Марлен Дитрих в романе «Триумфальная арка».)

Как и любое другое жизнеописание, биография Ремарка обладает, особенно по части его отношения к женщинам, одним несомненным достоинством: необъяснимое до конца не объяснить.

В Берлине появляется Бригитта Нойнер, старая знакомая Ремарка. Она замужем и тем не менее на какое-то время становится его ближайшим помощником, принимая на себя массу житейских забот. В письмах к ней он называет ее «Храбрый Генрих» и «Мой прекрасный», рассказывает о мелочах быта и любопытных встречах; путешествуя по Европе, дает возлюбленной разные поручения: просит, например, купить пластинки, желая скрасить одиночество во время работы над новым романом в Оснабрюке; советует, какой автомобиль нужно приобрести, чтобы иметь максимум комфорта. «Храбрый мой Генрих, не забудь заплатить за квартиру».

А в начале 1930 года у него уже другая женщина (при том что ее предшественницы не уходят из его жизни). Десять лет, эффектная внешность, «безумна влюблена» в известного и внешне привлекательного мужчину. Рут Альбу пока еще замужем за Генрихом Шницлером, сыном выдающегося австрийского драматурга. Родилась в зажиточной еврейской семье, родители любят искусство и знают в нем толк; мать — пианистка, отец пишет. Дочь — восходящая звезда на берлинском театральном небосклоне. Ремарк знакомится с ней в гостиной адвоката Макса Лина, который с некоторых пор представляет его юридиче-

ские интересы. «А на следующий день позвонил Эрих. Ради него я уже вскоре оставила мужа. Бони был неотразим. Для мужчины, пожалуй, чуть низковат — во всяком случае по сегодняшним меркам, — держал ухо востро, обладал зорким глазом... Я никого не любила так, как Бони, и думала, что больше уже никого не смогу полюбить...» Начитанная, хорошо разбирающаяся в искусстве, Рут формирует вкус Ремарка. Она сводит его с Вальтером Файльхенфельдом, крупным торговцем произведениями искусства... Знакомство перерастает в крепкую дружбу двух близких по духу мужчин — редкий случай в жизни Ремарка. Файльхенфельд продает ему несколько ценных картин из своего собрания. В Германии свирепствует инфляция и прогорают владельцы огромных состояний, у Ремарка же, переселившегося в Швейцарию, на счетах твердая валюта, которую он хочет вложить в нечто, не теряющее с течением времени своей ценности. За 80 тысяч рейхсмарок он приобретает одну из картин Ван Гога... Затем работы Дега, Сезанна, Тулуз-Лотрека, Ренуара, других французских художников и графиков XIX века, египетские, греческие, римские скульптуры. Любимые восточные ковры Ремарк покупает теперь тоже со знанием дела, проявляя художественное чутье, — благодаря умной советчице Рут Альбу. Она умеет отличить серьезных коммерсантов от ловкачей и снабжает любимого специальной литературой. Ремарк читает ее с упоением. Дорогие произведения искусства будут окружать его всю жизнь — и на вилле в Порто-Ронко, и в апартаментах нью-йоркских отелей. Постепенно Ремарк станет высокоэрудированным коллекционером, тонким ценителем искусства. Его мало волнует материальная ценность того, чем он владеет. Гораздо больше — красота его сокровищ.

В 1933 году Вальтер Файльхенфельдт, еврей по рождению, вынужден был покинуть Германию, поселился в Амстердаме, затем перебрался в Швейцарию, где дела его до самого конца войны шли очень плохо. В Асконе этот талантливейший знаток искусства и литературы жил по соседству с Ремарком. Его жена, Марианна Бреслауэр, известная женщина-фотограф веймарской поры, тоже очень ценила Ремарка, один из сыновей этой супружеской пары стал крестником писателя. Файльхенфельдт умер рано, в 1950 году. «Он был счастливейшим мужем и считал своими верными друзьями лучших людей нашего времени», — говорилось в одном из некрологов. Ремарк принадлежал к их числу. Как издатель Файльхенфельдт обожал также Эльзу

Ласкер-Шюлер и Роберта Музиля, всячески поощряя их творчество. Его имя встречается в переписке между Бертольтом Брехтом и Арнольтом Бронненом. В жизни Ремарка он играл такую же роль, как те немногие люди, которые были ему настоящими друзьями и советчиками, разделяли его любовь к книгам и произведениям искусства, умели рассеять умной шуткой свойственную ему недоверчивость... Они ничего никогда не требовали, они только давали. Файльхенфельдт внес много света в жизнь Ремарка, ведь тени ложились на нее слишком часто и с необыкновенной легкостью. Дружеские контакты с вдовой замечательного человека Ремарк будет поддерживать до конца своих дней.

К моменту знакомства с Рут Альбу Ремарк уже покинул квартиру, где жил с Юттой. В Берлине его пристанищем становится отель «Мэджестик». «Он старался жить как можно незаметнее, — вспоминала Рут Альбу, — никого не подпускал к себе, пока не убеждался, что владеет ситуацией. До беспамятства был влюблен в одиночество. Закутывался в него, словно в свои элегантные кашемировые пуловеры». Так это могло выглядеть внешне. На самом деле все было сложнее. Новый роман кажется горой, на которую никогда не взойти. Приходится вести изнурительные переговоры с зарубежными издателями, а в кинотеатрах Германии скоро должен пойти фильм по роману «На Западном фронте без перемен», и его имя наверняка вновь замелькает на первых полосах газет. «Когда я вижу, что из меня делают желтая пресса и “вечно вчерашние”, то порой кажусь себе монстром», — пишет он в сентябре 1929 года своему английскому издателю.

Кстати, переводы романа, выходящие столь же огромными тиражами, сделаны зачастую очень плохо. Сравнивая их с оригиналом, Клод Р. Оуэн приходит к выводу, что в английском издании многие места сглажены. И в таком виде оно продолжает выходить долгие годы. В американском издательстве «Литтл, Браун и К°» из романа удаляются целые пассажи — в угоду пуританским соотечественникам. Законы по части порнографии в этой стране отличаются ханжеством и строгостью. Клуб «Книга месяца», рассылающий роман своим членам по почте, отнес эти места к разряду порнографических. Из романа исчезли сценки, связанные с уборной, и словечки из солдатского жаргона, а также описание того, как солдаты, проходящие лечение в лазарете, устраивают своему раненому товарищу свидание с женой. Ремарк, не знающий английского, едва ли это заметил, что,

однако, не спасает положения. А вот к своему французскому издателю он обращается в более чем дружелюбном тоне: «Возвращаю Вам перевод. Я в восторге от этой добротной работы и от всего сердца поздравляю Вас с тем, что он так хорошо удался, даже при передаче трудных фронтовых выражений».

В ноябре 1929 года, по настоянию издателей, желающих получить от него новый роман в кратчайшие сроки, Ремарк удаляется в Оснабрюк, обессиленный, прихварывающий. Пристанище он искал, дав объявление в газету, и нашел его на Йоханнисштрассе у вдовы виноторговца Марии Хоберг. Сперва он проживет здесь четыре недели, а затем придет сюда еще раз в июле 1930-го. В эти оснабрюкские недели он напишет основные части романа «Возвращение». Сопровождают его собака, карандаши и бумага, но не Ютта.

Оснабрюк дает ему наконец ощущение желанного и необходимого покоя. Это ностальгическое возвращение в атмосферу его юности, и ему удастся воссоздать ее — пусть лишь частично — в той книге, которую он пишет здесь. Он уединился в доме вдовы Хоберг, с друзьями юношеской поры встречается редко, работает очень собранно. «В ноябре к моей маме пришли господин Ремарк и господин Рудольф Фогт (из гранильной мастерской на Зюстерштрассе, где господин Р. работал после своего учительства), чтобы спросить, нельзя ли снять у нее комнату, — будет вспоминать много позднее дочь хозяйки дома. — Он был в восторге от нашей столовой, так как из нее открывался чудесный вид на большой сад, в который он наверняка поглядывал в 1922 году, сидя за письменным столом у Фогтов... Ремарк уходил в свою работу с головой. Позавтракав вместе с моей мамой, просмотрев при этом горы писем, а то и поведав что-нибудь о себе и своих взглядах, он садился за стол, который в первый же день придвинул к окну в сад и на котором лежали остро заточенные карандаши и стопка бумаги. Отвлекать себя от работы он не позволял и перерывов в ней, кроме как для трапез, практически не делал. Похоже, что обедал и ужинал он по большей части у Фогтов. И чувствовал себя там после жизни в большом городе, наверное, уютно. Работа у него, тем не менее, не продвигалась вперед в том темпе, который был ему желателен. Я часто видела его в подавленном состоянии духа. Книгой своей он был недоволен, ощущал себя зажатым в тиски, потому что внутренне не пережил еще всего того, о чем решил рассказать».

Работу омрачает семейный кризис. «Жена где-то в туманной дали, и мысль об этом угнетает душу и сердце. Он чувствует, как Жанна медленно ускользает от него, и причиной тому вихрь событий, вызванных его успехом. Однажды он сказал, что денег и славы у него в достатке, но вот то единственное, что ему действительно дорого, а именно его жена, удаляется от него все дальше и дальше». Фрау Хоберг отдыхает на юге, а письмо ее постояльца свидетельствует о творческом кризисе и стрессовом состоянии: «Дорогая сударыня, дни пролетают здесь между работой, дождями, депрессиями... Голова от всего этого пошла у меня кругом, и ни о чем, кроме работы, не думалось. К тому же дней десять мне нездоровилось, да так, что появилось ощущение: пресловутого нервного срыва не миновать... На один день сюда приезжала моя жена, но только на один день: работа очень торопит».

О резких перепадах настроения в эти месяцы свидетельствуют другие письма. В них не ощущается ни печали, ни потерь. В письмах Бригитте Нойнер он рассуждает о пустяках, признается в любви с веселой небрежностью, попутно затрагивает мелкие будничные проблемы. Какого цвета быть новой машине? Пожалуйста, не забудь заказать карту исчисления налога! Просит прислать грампластинки, по возможности, «душещипательные»: «Где же пластинка? Старая песенка — Рихард Таубер — Одеон? Забыла? Генрих, я должен сделать тебе выговор. Ты рассеяна, у тебя слишком много машин!.. Граммофон для меня здесь — духовная пища, каждую неделю собрание моих пластинок должно пополняться парой-тройкой новых... Иначе превращусь в круглого дурака и буду вести жизнь идиота, хорошо еще, что в доме я сейчас, считай, полный хозяин. Мама с дочкой отправились отдыхать, мы с Билли (его ирландский терьер. — *В. Ш.*) властвуем над домом, садом и кошками». Иногда несколько строк и о работе: «Роман вроде бы строился с места, первую часть я закончил...»

Истекли несколько недель уединения в почти что сельской тиши, и в декабре 1929-го Ремарк возвращается в столицу, чтобы через полгода снова приехать в родной город и продолжить работу над романом. Чем же занят он между двумя наездами в Оснабрюк? Нет, в Берлине он не остается, его манят Давос и Ароза, Лондон и Париж, а на скоростной ночной трассе под Берлином любитель быстрой езды устраивает серьезное ДТП. («Нос у меня оторвало, пришлось обратиться к проф. Йозефу, чтобы он водрузил

его на место. Теперь ему надо зажить и прирасти. Радуюсь же я тому, что он остался прямым»..) Своему пристрастию к алкоголю он тоже отдает в эти месяцы богатую дань. «Приятно провожать взглядом все эти заведения: элегантные, грязные, русские, французские и очень французские, — пишет он из Парижа. — С нами был Марсель, маленький сутенер из “Белладонны”, и было нелегко отбояриться от его невест, которых он предлагал нам, как другие предлагают сигареты. Пил ужасно много, ехал как-то в такси и попал в аварию, не получив, правда, ни одной царапины. Однажды ввязался в драку, повидал около сотни заведений, в том числе довольно симпатичных, с разного рода полукровками...» При всем при этом он деловит: «Кроме того, продал свои французские права другому издателю и рассчитываю побывать в представительстве Метро-Голдвин-Майер(!), чтобы пристроить там одну уже написанную вещицу».

В Лондоне он всего лишь несколько дней, и город ему так неинтересен, что он спешит возвратиться в Париж: «Генрих, распрекрасный ты мой, сегодня я впервые по-настоящему трезвый, странное ощущение, первая неделя в Париже утекает как песок сквозь пальцы, особенно если днем спишь, а ночью бродишь. В Лондоне я пробыл до понедельника — мило и скучно. Ночная жизнь ограничивается парой-тройкой кафе, парой-тройкой ночных клубов, похожих на Фемину — и все! И, разумеется, обилием шлях, которым, впрочем, до наших с Курфюрстендамм, еще далеко. Солидный, симпатичный до скуки город, в котором я купил две шляпы, они-то как раз хороши». Бегство от работы — в шумную жизнь.

«Возвращение»

«Вы намерены написать еще больше?» — спрашивает его в марте 1930-го голландский репортер, явно поверивший в миф о писателе-однодневке. «Попытка, как говорится, не пытка, но сделать это будет трудно. Должно же получиться что-то хорошее, а значит, понадобится время. Не браться же за перо только потому, что, пора, мол, опубликовать что-нибудь еще. Человеку пишущему важно видеть проблему, которая захватила бы его целиком, и в данный момент такую проблему я вижу, и потому могу Вам, пожалуй, сказать, что еще одну книгу, наверное, выдам».

Говоря это, он давно уже над ней работает. А идея «возвращения» родилась еще раньше. В конце января 1929-го, в те дни, когда роман «На Западном фронте без перемен» выходит отдельной книгой, он сообщает Макс Крелю, одному из редакторов издательства «Ульштейн»: «Заскочил в Берлин только на денек — и то в ужасном состоянии между надеждой и отчаянием; ибо начал новую книгу... в настоящий момент я всего лишь некое существо, которое отчаянно кружит вокруг некой центральной точки, а та отталкивает и притягивает его. Это кружение и есть попытка сделать новую книгу».

Это будет роман о веймарских временах, о тех молодых людях, которые уцелели на страшной войне и надеются начать новую жизнь — в мире, где миром и не пахнет. Это могла бы быть повесть о Пауле Боймере, окончательно вернувшемся в родной город. Но волею автора он погиб в последних строках романа «На Западном фронте без перемен». Тем не менее новая история смыкается с описанием финальных событий в романе, являясь фактически их продолжением и исполняя таким образом данное в предисловии к нему обещание, — рассказать и о тех, кто стал жертвой войны, даже если спасся от снарядов. Можно предположить, что Ремарк давно задумал написать трилогию о военном и послевоенном времени. За историей о Пауле Боймере (время войны) следует эпическое «Возвращение» (годы революции 1918—1919), а затем, в 1930-е годы, роман «Три товарища» (время мирового экономического кризиса после 1929 года).

В первой главе второй книги этой хроники оживают картины войны на Западном фронте, гибель солдат и рукопашные в траншеях, страх смерти, яростные атаки — и надежда на мир. В своих чувствах и мыслях, а также в деталях биографии рассказчик Эрнст Биркхольц почти идентичен своему павшему на поле боя предшественнику.

Война закончена. Начинается долгое возвращение на родину, возникает конфронтация с миром людей, из сознания которых целенаправленно вытеснены четыре года войны и которые живут так, как будто ничего не случилось. А вернувшиеся с войны постепенно осознают, что пути назад для них нет. «Мы представляли себе все иначе»⁴¹.

Уже при встрече с группой американских солдат они начинают понимать, с какой безжалостностью командо-

⁴¹ Цитаты из романа «Возвращение» приводятся в переводе Ирины Горкиной.

вание распорядилось жизнью их товарищей, решив вести войну до победного конца. «Но теперь, под сочувственными взглядами американцев, мы начинаем понимать, до чего все это было под конец бессмысленно. Вид бесконечных, прекрасно вооруженных колонн показывает нам, как безнадежно было сопротивляться такому превосходству в людях и технике». Коренастый сержант, некогда уехавший в Штаты из Дрездена, разговаривает с изнуренными, замызганными возвращенцами на их языке: «Ну и парень, болтает по-немецки как заправский немец, да еще и в Дрездене жил! Послушай-ка, зачем же мы с тобой воевали?»

Уже на первых страницах Ремарк указывает на то, что он хотел сказать своей книгой. Война была столь же бессмысленной, как и жертвы, которых она потребовала. Те же, что выжили на ее полях, это меченные ею, лишенные юности, не питающие никаких иллюзий скептики. Из пекла кровавых битв они вынесли только веру в товарищество. Но и она оказывается неисполнимой мечтой. «Война все разрушила, но в солдатскую дружбу мы верили. А теперь видим: чего не сделала смерть, то довершает жизнь, — она разлучает нас».

Родительский дом, учительская семинария, работа в сельской школе — Эрнст Биркхольц и его вернувшиеся с войны товарищи чужды этому миру, они этим миром отторгнуты, их размышления о том, что они наблюдают в родной стране, определяются травмой, которую нанесла им война. «Мне стыдно, но в то же время меня душит бешеная злоба. Злоба на этого дядю Карла, который преувеличенно громко заводит разговор о военном займе; злоба на этих людей, которые кичатся своими умными разговорами; злоба на весь этот мир, который так невозмутимо продолжает существовать, поглощенный своими маленькими жалкими интересами, словно и не было вовсе этих чудовищных лет, когда мы знали только одно: смерть или жизнь — и ничего больше».

Это годы революции, упадка экономики и «мешочничества». Людям честным грозит разорение, спекулянты набивают себе карманы. Никто больше не питает никаких надежд, как это было осенью 1914-го, войной пронизаны все поры мирной жизни, «да, теперь-то начинается самая мерзость». Стоя перед мальчиками и девочками своего класса в сельской школе, Биркхольц осознает свою неспособность возвратиться к самому себе, учить детей. «Вот стою я перед вами, один из сотен тысяч банкротов, чью веру и силу разрушила война... Вот стою я перед вами и чувствую,

насколько больше в вас жизни, насколько больше нитей связывает вас с нею... Вот стою я перед вами, ваш учитель и наставник. Чему же мне учить вас? Рассказать вам, что в двадцать лет вы превратитесь в калек с опустошенными душами, что все ваши свободные устремления будут безжалостно вытраивать, пока вас не доведут до уровня серой посредственности? Рассказать вам, что все образование, вся культура, вся наука — не что иное, как жестокая насмешка, пока люди именем Господа Бога и человечности будут истреплять друг друга ядовитыми газами, железом, порохом и огнем?.. Показать вам, как срывают кольцо с ручной гранаты и мечут ее в человека? Показать вам, как закалывают человека штыком, убивают прикладом или саперной лопатой?.. Кроме этого, я ничего не знаю! Кроме этого, я ничему не научился!»

Они чувствуют, что их обманули, ввели в заблуждение. «Говорилось: отечество, а в виду имелись захватнические планы алчной индустрии; говорилось: честь, а в виду имелась жажда власти и грызня среди горсточки тщеславных дипломатов и князей; говорилось: нация, а в виду имелся зуд деятельности у господ генералов, оставшихся не у дел. Молодежь всего мира поднялась на борьбу и в каждой стране она верила, что борется за свободу! И в каждой стране ее обманывали и предавали, и в каждой стране она билась за чьи-то материальные интересы, а не за идеалы, и в каждой стране ее косили пули, и она собственными руками губила самое себя!» Анализируя причины Первой мировой войны, историки не находили таких формулировок вплоть до середины 1960-х годов. Сегодня они могут показаться нам очевидными, в годы же, когда писался роман, немцы в большинстве своем видели в них попытку очернить историю рейха и достойный презрения пацифизм.

Альберт Троске совершает убийство из ревности («И когда все рухнуло, он сумел только выстрелить, — ничему другому он не научился»), Людвиг Брайер вскрывает себе вены («Мы люди конченные, а жизнь идет вперед, словно войны и не было»), Георг Рахе возвращается туда, где под могильными крестами лежат его товарищи, и убивает себя выстрелом из пистолета («Братья! — кричит он в ночь и ветер. — Братья! Нас предали! Вставайте, братья! Еще раз! Вперед! В поход против предательства!»). Обманутыми оказались и те, кому удалось выжить в огне сражений.

В конце книги, на процессе по делу Альберта Троске, один из его товарищей бросает в лицо судьям гневные сло-

ва, и за ними слышится голос самого Ремарка: «Судить-то надо вас всех! Вашей войной вы превратили нас в дикарей! Бросьте же за решетку и нас. Ничего лучшего вам не придумать! Вы оспаривали друг у друга победы, ставили памятники германским воинам, говорили о героизме и не хотели нести никакой ответственности!.. Вы должны были бы говорить нам раз за разом и со всех амвонов: мы все глубоко заблуждались! Так давайте вместе строить новую жизнь!.. Вместо этого вы снова стали на путь лжи, подстрекательства и травли, оправдывая свои действия вашими же законами!»

Ремарк заканчивает роман на оптимистической ноте, противоположной его основной тональности. Свою мысль о надежде, этой «маленькой» утопии, он вкладывает в уста Вилли Хомайера: «Большинство думает, как мы с вами. Большинство, будьте уверены. С тех пор, как это случилось (вы знаете, что: с Людвигом и Альбертом), я очень много думал и пришел к заключению, что каждый человек может кое-что сделать, даже если у него вместо головы — тыква. На следующей неделе кончатся каникулы, и я должен вернуться в деревню, в школу. Я прямо-таки рад этому. Я хочу разъяснить моим мальчуганам, что такое их отечество в действительности. Их родина, понимаешь ли, а не та или иная политическая партия... Я долго раздумывал на этот счет. Нам пора, друзья, поставить перед собой какую-то задачу». Эрнст Биркхольц одобрительно кивает: «Как просто все! Но сколько времени понадобилось, чтобы прийти к этому!»

Заключительный диалог происходит на идиллической лесной полянке, а предшествует ему встреча с ватагой подростков, которые под командованием коренастого человека «с округлым брюшком» с упоением предаются игре в войну. («Да, ...так опять все и начинается». Все повторяется, и «по вечернему небу треугольником тянется на восток караван диких гусей...».) Они уже появлялись в самом начале книги, когда Биркхольц и его товарищи лежали под смертельным артиллерийским огнем, а птицы летели «на фоне унылых серых облаков», и всплески их крыльев сливались с их призывным криком и порывами крепчающего ветра, «рождая одну неотступную мысль — о воле, о жизни».

Роман «Возвращение» несет на себе отпечаток воспоминаний Ремарка не только в виде места действия — Оснабрюка и его окрестностей. В нем немало эпизодов и действующих лиц, так или иначе связанных с биографи-

ей писателя: учительская семинария; бунт вернувшихся с фронта солдат против старых и новых учителей, закосневших в своем неприятии исторических перемен; поездка делегации учащихся в столицу для переговоров с властями о сроках учебы и льготах при сдаче выпускного экзамена; разнообразные события в жизни сельского учителя Эрнста Биркхольца; друзья и фронтовые товарищи автора как прообразы некоторых героев романа. Биографический фон, безусловно, важен, но важнее тот факт, что своим новым сочинением Ремарк нарушил еще один негласный запрет. Генрих Бёлль нарушит табу в своих ранних романах, исследуя судьбы возвращенцев и разоблачая реставрационные тенденции в эру Аденауэра. Ремарк делает это через 12 лет после окончания Первой мировой войны, описывая политическую и моральную атмосферу в стране, которая отрицает свою вину в развязывании этой войны и не чувствует своей ответственности за миллионы погубленных этим побоищем жизней.

Роман пишется в годы, когда германский национализм вновь в открытую обозначает свои цели, находя у населения понимание и поддержку. Реванш за Версаль, перевооружение армии и тезис о «народе без жизненного пространства» широко пропагандируются не только Гитлером и его сторонниками. Немецкие националисты, ведомые Альфредом Гугенбергом, командование рейхсвера и «Стальной шлем», объединяющий бывших офицеров, выступают с не менее радикальными требованиями. Их объединяет ненависть к республике, их сплачивают одинаковые акции и жесты. Призывы к установлению авторитарной власти и возвращению «Отечеству» героической роли милитаризованного государства с одобрением воспринимаются в кругах католического центра.

Хотя действие нового романа происходит в ранние дни республики, написан он, несомненно, как своего рода предупреждение современникам в той фазе их жизни, когда уже становятся видны все признаки крушения немецкой демократии. Ремарк не страшится занять позицию гораздо более откровенную, нежели в романе «На Западном фронте без перемен». Политическое окружение, в котором его герои отстаивают свою точку зрения, описано во многих пассажах точно и метко, хотя и не в форме широкого общественно-политического анализа или с вовлечением в него легко угадываемых деятелей той эпохи, как это сделали Арнольд Цвейг в своем цикле «Большая война белого че-

ловека» и Лион Фейхтвангер в своей книге о Баварии или Ярмарке справедливости («Успех», 1930). Ремарк же «поучает» своих читателей без прикрас, и это хорошо видно по тому, как он оценивает начальный период «Веймара», когда не были осмыслены ни причины, ни последствия мировой войны.

Уже в начале первой части романа происходит короткий разговор, предвещающий трагический сценарий ближайших лет. Боевые действия закончились. На дворе — революция. «Ну вот, Вайль, вы и дождались своего времечка», — говорит, поджав губы, командир роты Хеель, подходя к солдату Вайлю. «Что ж, оно не будет таким кровавым», — отвечает солдат. «И таким героическим», — возражает Хеель. «Это не все в жизни», — говорит Вайль. «Но самое прекрасное», — отвечает Хеель, отметая такие понятия, как добро и любовь, в которых, по мнению Вайля, тоже есть свой героизм. «Героизм строится на безрассудстве, опьянении, риске — запомните это, — настаивает обер-лейтенант. — С рассуждениями у него нет ничего общего. Рассуждения — это ваша стихия. Почему?.. Зачем?.. Для чего?.. Кто ставит такие вопросы, тот ничего не смыслит в героизме». Неудивительно, что позже Хеель, офицер добровольческого корпуса, хладнокровно отдаст приказ открыть огонь по человеку, бегущему с криком «Не стреляйте, братцы!» прямо на пулемет. Так перед толпой единомышленников будет убит демократ Вайль. Раскол немецкого общества, показанный Ремарком на примере двух человек с совершенно разными политическими взглядами, приведет к крушению Веймарской республики.

Оставляя чуть в стороне частные судьбы Эрнста Биркхольца и его товарищей, Ремарк рисует реальные, исторически достоверные сцены из жизни страны в первые послевоенные годы. В том числе демонстрации рабочих, которых не устраивает ни ход революции, ни их материальное положение. И тогда Ремарк покидает позицию нейтрального рассказчика: «Мы невольно шагаем в ногу. Но это не просто шаг солдатских колонн. Земля гудит, и молнией вспыхивает над марширующими рядами безумная, захватывающая дыхание Надежда, как будто путь этот ведет прямо в Царство свободы и справедливости».

Участники войны снова на школьной скамье. Чиновникам от образования пришлось пойти на уступки и удовлетворить их требования относительно сроков обучения и экзаменов. Это, конечно же, успех, но Эрнст Биркхольц ду-

мает о нем не без разочарования. И в душевном состоянии простого семинариста отражается вся противоречивость перемен, произошедших в Германии после окончания войны. «Нелегко было всего этого добиться, хотя у нас и революция. Ибо весь этот переворот лишь легкая рябь на поверхности воды. Вглубь он не проникает». Георг Рахе дает ситуации в стране еще более резкую оценку: «Ах эта революция! Ее делали держа руки по швам, ее делали секретари различных партий, которые успели уже испугаться своей собственной храбрости. Ты только посмотри, как они вцепились друг другу в волосы, все эти социал-демократы, независимые, спартаковцы, коммунисты. Тем временем кое-кто под шумок снимает головы тем действительно ценным людям, которых у них, может быть, всего-то раз, два и обчелся, а они и не замечают ничего».

Левый социал-демократ Курт Эйснер, возглавляющий правительство Баварии, коммунисты Роза Люксембург и Карл Либкнехт, министр иностранных дел Вальтер Ратенау и центристский политик Маттиас Эрцбергер... Правые устраняют своих противников, не гнушаясь никакими средствами. Молодая республика стала ареной гражданской войны, и Ремарк прекрасно понимал, кто и от чьей руки погибал в этой ожесточенной борьбе. Нерешительная позиция социал-демократов, поначалу державших власть в своих руках, но после сделки Эберта с верхушкой рейхсвера и чиновничества слишком легко расставшихся с нею, их нежелание разоблачать ложь о войне, категорическое неприятие революции, по крайней мере со стороны правого крыла партии, трактуются им исторически точно. При этом Ремарк не ограничивается интерпретацией — он еще и обвиняет.

И отлично видит, с каким отнюдь не безобидным высокомерием германские консерваторы относятся к социал-демократу и первому лицу в государстве: «Вы только представьте себе, господа, — шорник! Шорник и вдруг — президент республики! Вы только вообразите себе картину: парадный прием во дворце, и шорник дает аудиенции! Умора!»

И вот он уже разворачивает перед читателем картину грядущих дней: «Мы люди конченные, а жизнь идет вперед, словно войны и не было. Пройдет немного времени, и наша смена на школьных скамьях будет жадно, с горящими глазами, слушать рассказы о войне, мальчики будут рваться прочь от школьной скуки и жалеть, что они не

были участниками героических подвигов. Уже сейчас они бегут в добровольческие отряды; молокососы, которым едва исполнилось семнадцать лет, совершают политические убийства».

Есть в романе и фигура, которая вскоре станет олицетворять столь мерзкого немца, что мир, узнающий о массовом уничтожении людей в фашистских концлагерях и о тактике «выжженной земли», которую применял вермахт, будет взирать на него с ужасом. Это Бруно Мюкенхаупт, «лучший снайпер батальона», который никогда не давал промаха и хранит теперь свой список попаданий в самом почетном месте своей сверкающей чистотой квартиры. Эрнст Биркхольц видит его играющим со светло-русой дочкой и покуривающим фарфоровую трубку, на которой изображен солдат, стреляющий с колена в обрамлении из двустушия: «Навостри глаз, набей руку и отдай отечеству свою науку!»

«Лето для меня было, конечно, самым благоприятным сезоном — темнеет поздно, — рассказывает он своему товарищу, не скрывая самодовольства. — Вот, гляди-ка сюда. Июнь. 18-го — четыре попадания в голову; 19-го — три; 20-го — одно; 21-го — два; 22-го — одно; 23-го — цели не было. Почуяли кое-что, собаки, и стали осторожны. Но зато вот здесь, погляди: 26-го, они там сменились, новенькие о Бруно не имели понятия и — девять попаданий в голову! А, что скажешь?» Сегодня, когда пушки молчат, на все это нельзя не смотреть по-иному, говорит Эрнст, и тогда Бруно вскипает от возмущения: «Уж не стал ли ты большевиком? Да ведь это был наш долг, мы выполняли приказ!» На «долг» и «приказ» будут ссылаться генералы Гитлера, призывая солдат вермахта к уничтожению «евреев и славян». На «долг» и «приказ» будут ссылаться судьи Третьего рейха, вынося свои кровавые приговоры. На «долг» и «приказ» будут ссылаться нацистские врачи, проводя на узниках концлагерей свои «научные» опыты. На «долг» и «приказ» будут ссылаться чиновники имперских железных дорог, составляя планы доставки евреев в Освенцим. «Проводив меня, Бруно, наверное, опять играет со своей дочкой. Потом жена позовет их ужинать. Потом он пойдет пить пиво. В воскресенье совершит семейную прогулку. Он добропорядочный муж, хороший отец, уважаемый бюргер. Ничего не возразишь...» В 1930 году Ремарк рисует портрет убийцы, с которым мы будем раз за разом встречаться, читая репортажи и книги о палачах Третьего рейха.

Итак, политическая заряженность романа очевидна. Писатель Эрех Мария Ремарк, оклеветанный, атакуемый, как никакой другой мастер слова вовлеченный в ожесточенные вербальные битвы, занимает в эти, последние, годы существования республики недвусмысленную позицию. Он не принимает сторону ни одной из партий, он отстаивает право художника говорить правду. Ситуация в стране обостряется, на экраны выходит фильм «На Западном фронте без перемен», и полемика вокруг одноименной книги разгорается с новой силой. Роман «Возвращение» свидетельствует на этом фоне о мужестве его создателя.

Фрагментарность стиля, характерная для романа-предшественника, сохранена лишь отчасти. Нет ни плотности изложения, ни кажущейся отстраненности рассказчика. Герои же стали объемнее, фабула — богаче и просторнее, фронтовая монотония, определявшая жизнь Пауля Боймера на войне, уступила место полифонии событий в беспокойные мирные времена. Почему для публикации романа в «Фоссише цайтунг» Ремарк придал ему пессимистический конец — Георг Рахе уходит из жизни, выстрелив в себя из револьвера, — а для издания его отдельной книгой переписал финальные сцены, остается загадкой. Возможно, причиной тому атаки критиков из националистического лагеря, обвиняющих его в пораженчестве и отрицании жизни. Для него, во всяком случае, эта корректировка имеет принципиальное значение. Перестановок, вычеркиваний и дополнений он требует не только от издательства. Переводчики, работающие над газетным текстом, получают от него сообщение о том, что он скорее пойдет на разрыв зарубежных договоров, чем откажется от его переработки.

Однако поводом к такому шагу могли послужить и изменения в общегерманской политической ситуации. Работа над рукописью была в основном закончена в сентябре 1930-го, а 14-го числа того же месяца национал-социалисты одержали безоговорочную победу на выборах. К концу года в стране уже 4,4 миллиона безработных. Число фирм, объявляющих о банкротстве, достигает рекордных высот. Америка отзывает свои краткосрочные кредиты. Банкам и сберкассам все труднее поддерживать свою ликвидность. 11 мая 1931 года лопнет «Австрийский кредитный банк» и потянет за собой один из четырех крупнейших немецких банков — «Дармштадтский и Национальный банк», вызывая фатальную цепную реакцию. Правительство Брюнинга начинает проводить политику жесткой экономии, кото-

рая ведет к обострению классовых противоречий, к обнищанию рабочих и мелких предпринимателей. Дебаты в рейхстаге и уличные бои приобретают все большую остроту. Заканчивая первый вариант романа на грустной ноте, Ремарк, возможно, не хотел подливать масла в огонь. Заключительные сцены в обновленном виде должны вселить в читателя надежду и бодрость духа: страну можно спасти от тех, кто намерен ее погубить, если за дело возьмутся истинные и энергичные демократы.

Первый вариант приходит к читателю в период с 7 декабря 1930-го до 29 января 1931-го включительно — как и в случае с «На Западном фронте без перемен» на страницах «Фоссише цайтунг». А 4 декабря нацисты начинают массированную кампанию против фильма «All Quiet on the Western Front». 30 апреля 1931-го издательство «Пропилеи» рассылает «Возвращение» по книжным магазинам. За три-четыре недели продано 180 тысяч экземпляров. По данным Тильмана Вестфалена, в том же году роман переведен на 25 языков. Конечно, это не те числа, которые ознаменовали успех антивоенного романа, но и «новый Ремарк» становится бестселлером. По крайней мере в сравнении с другими серьезными новинками на немецкоязычном книжном рынке того года, а это «Лунатики» Германа Броха, «Фабиан» Эриха Кестнера, «Замок Грипсхольм» Курта Тухольского, «Иудейская война» Лиона Фейхтвангера, «Молодая женщина 1914 года» Арнольда Цвейга, «Братья и сестры из Неаполя» Франца Верфеля. «Возвращение» возглавляет список продаж. Возможным это стало, несомненно, еще и потому, что автор теперь уже был вправе рассчитывать на читателя, ждущего от него нового произведения, а «Ульштейн» снова развернул мощную рекламную кампанию.

Спектр критических оценок в Германии довольно широк: от сдержанных до разгромных. Бенно Райффенберг пишет во «Франкфуртер цайтунг», не скрывая своего злорадства: «...новая книга чуть ли не беспомощна. Трогательно наблюдать, как ее автор тупо и неловко стремится показать душевное созревание молодых людей и как из этого не возникает ничего иного, кроме как суммы маленьких, примитивных сценок, призванных что-то объяснить с помощью *ad hoc*⁴² изобретенной, ничем не прикрытой психологии там, где надо бы работать резцом скульптора». Типичным

⁴² Для этой цели (*лат.*).

примером отношения к роману в провинции можно считать строки из «Ревалше цайтунг»: «До китча отсюда рукой подать. И ни с чем не сравниться высокопарности, от которой в любом случае у читателя мурашки по коже».

Поверхностные суждения такого рода, пестрящие словами типа «китч», «напыщенность», «серость», будут сопровождать Ремарка на протяжении всего творческого пути. В том числе и после 1945 года, когда тенденции к реставрации в литературных отделах западногерманских газет найдут красноречивых заступников. (Многие из них публично высказывались о литературе еще в те годы, когда ее содержание определялось Гитлером и Геббельсом.) Таким же писателям, как Манфред Хаусман, Рудольф Александр Шрёдер, Вернер Бергенгрюн, Франк Тиесс, называвшим свою жизнь в Третьем рейхе «внутренней эмиграцией», критики-приспособленцы пели дифирамбы.

Но вернемся в год 1931-й, когда роман удостаивается во многих газетах и высоких оценок. Так, «Фольксштимме» называет его «произведением не только талантливом, но и смелым». «Брюннер тагесботе» видит в самом Ремарке «писателя, под пером которого рождаются образы потрясающей силы». «Ремарк писал второй роман не потому, что его принуждал к этому выдающийся успех первого, а потому, что ему, художнику, есть что сказать людям», — пишет критик в журнале «Ди Литератур». А вот Тухольский поставил читателей «Вельтбюне» своей рецензией, пожалуй, в тупик: «И вовсе не обязательно было пытаться донести это до людей торжественными тирадами. Ведь можно было бы делать это, рисуя живые человеческие образы, но Ремарк не обладает таким умением. Не хватает ему этого умения. Что не мешает нам сказать: вот если бы только все книги были сработаны так чисто, отгрунтованы и расписаны так мило, оформлены так опрятно. Но одного этого мало». Генрих Манн отметил в «Фоссише цайтунг» (которая опубликовала первоначальный вариант!), что в романе есть «поистине захватывающие места». «Роте фане», напротив, знает и в этом случае, чего не хватает роману и его автору: «Печальный герой Ремарка обходит стороной все великие исторические силы, своими действиями заявившие о себе после окончания войны. Классовая борьба — понятие ему незнакомое. Революционеры показаны каким-то сбродом... Некоторое время тому назад писателям всего мира было предложено ответить на вопрос, как они повели бы себя, узнав о нападении на Советский Союз. Ремарк не ответил».

Для националистов и фашистов Ремарк остается писателем, отнимающим «у наших доблестных фронтовиков самое святое — то, за что они сражались и проливали кровь: честь, героизм, любовь к Отечеству» («Госларше цайтунг»). «Фёлькишер беобахтер» избирает при этом язык, достойный его хозяев. «Ремарк видит войну глазами тыловой крысы и трусливого пацифиста... Переживания полудюжины подонков возвышены им до морали и духа немецкого солдата». Звучат в хоре откликов и просто странные голоса. Выходящая в Мангейме «Нойе бадише цайтунг» расхваливает, например, настоящую, истинную немецкость Ремарка: «Книга эта — немецкая, немецкая до мозга костей... Тот, для кого слово “немецкий” больше, чем фраза, имеет, пожалуй, право сказать, испытывая чуть ли не национальную гордость, что написать такое мог только немецкий человек».

Предметом многих рецензий снова становится биография писателя, их авторы не стесняются вновь и вновь повторять те полуправдивые и просто лживые утверждения, что уже заполняли газетные полосы после публикации романа «На Западном фронте без перемен». Примечательно, что с возрастанием антисемитских настроений усиливаются и нападки на издательство «Ульштейн». «Тому, кто умеет морочить людям голову, не составит особого труда писать книги и для Ульштейна...» Несколько месяцев спустя — на показ фильма «На Западном фронте без перемен» только что наложен запрет — Геббельс развивает наступление в еженедельнике «Ангрифф»: «Ремарк устранен, но в немецком обществе все еще полно еврейских нечистот; здесь надо навести порядок».

Права на экранизацию компания «Юниверсал» купила еще до написания книги. Сценарий написан быстро — в 1932 году, но целиком проект будет реализован только через пять лет. Продюсеры не верят в успех на европейском кинорынке, поэтому сценарий несколько раз переделывается. Драма возвращенцев, горькая история их жизни, рассказанная Ремарком, мутирует в довольно скучную комедию: только так она может понравиться публике. От главного мотива романа не осталось и следа. К тому же в самый разгар работы глава «Юниверсал» Карл Леммле оказывается на грани банкротства и теряет контроль над компанией. Но оскудение фильма объясняется прежде всего политическими причинами. В Берлине давно правит Адольф Гитлер, американцы пытаются преодолеть экономическую депрес-

сию и с восхищением смотрят на «порядок», наведенный в Германии нацистским режимом после сумбура веймарских лет. В Испании начинается гражданская война, и Вашингтон с тревогой наблюдает, как интербригады спешат на помощь противникам Франко. Гитлер пускает всем пыль в глаза, устраивая в Берлине спектакль в виде Олимпийских игр, лидеры западных демократий словно не замечают этого и охотно верят тому, о чем вещает журналистская братия Геббельса. У Соединенных Штатов с Германией снова хороший бизнес. Поджог рейхстага и фактический захват власти нацистами ничего в этом плане пока не изменили.

Георг Гисслинг, немецкий консул в Лос-Анджелесе, ловко использует общее настроение в интересах Германии. В глазах ее новых хозяев Ремарк — презренный пацифист, «обесчестивший» вооруженные силы рейха. Наместник Гитлера в Калифорнии высказывает создателям фильма свое недовольство в резкой и грубой форме, и они, судя по всему, дают себя запугать. Герман Флау вспоминает, что в апреле 1937-го Гисслинг письменно предупредил всех, кто в это время работал над фильмом, о крайней нежелательности их публичных выступлений во время демонстрации фильма в Германии». «I have been instructed on my government to warn you...»⁴³ «Юниверсал» принимает угрозу бойкота со стороны Третьего рейха всерьез, боится финансовых потерь. Так рождается политически безобидный, жалкий фильм.

Восприятие нового романа определяется также происходящим вокруг романа-предшественника и событиями, волнующими немцев в декабрьские дни 1930 года. На кону фактически судьба демократии в Германии, и снова в эпицентре внимания или, по выражению Теодора Вольфа, «большой уличной разборки» оказывается имя Ремарка: вслед за сенсационным успехом романа «На Западном фронте без перемен» менее чем через два года разражается политический скандал вокруг его экранизации.

Карл Леммле, шваб и еврей по происхождению, эмигрировавший в США молодым человеком, входит в конце 1920-х в пятерку крупнейших продюсеров Голливуда. Совершая летом 1929-го очередное турне по Европе, он останавливается в Карлсбаде, где венгерский режиссер Пол Фейош рассказывает ему о романе, который не только вышел

⁴³ Правительство моей страны поручило мне Вас предостеречь (англ.).

огромным тиражом, но и успел уже вызвать ожесточенные споры. Не проходит и часа, как перед мысленным взором Леммле возникает грандиозный кинопроект. Переговоры, которые его сын Юлиус ведет в Берлине с молодым автором, заканчиваются успешно. Ремарк продает права компании *Universal-Pictures* и тут же заключает с ней договор об экранизации своего следующего, еще не написанного романа. Он не идет, правда, навстречу пожеланию Леммле сыграть роль Пауля Боймера и сопровождать съемочные работы в Америке. А вскоре, разочарованный, отказывается и от участия в написании сценария. «Сижу здесь и пытаюсь сочинить что-то для американского Леммле, — пишет он Бригитте Нойнер в декабре 1929-го из Берлина. — Зная этого человека в лицо, писать трудно...» Звучит не очень остроумно, — скорее как шутка висельника.

Вернувшись в Штаты и с видом победителя продавая прессе свой «медиатовар» («Опередили конкурентов в Берлине у Ремарка на пять минут»), Леммле и на вопрос о «молодом парне», столь стремительно взлетевшем на кинонебосклон, отвечает в стиле Голливуда: «Довольно скромный парень, несмотря на большой успех. Удивительно замкнут и очень непритязателен. И если б его жена не хворала, ребята, то я бы привез его вам в США».

Споры, разгоревшиеся вокруг романа в Германии, не остались незамеченными и в Америке. Во время встреч с репортерами Леммле дает понять, что экранизация может вызвать похожую реакцию: «Одна из крупнейших германских сетей кинопроката уже сообщила мне, что не желала бы иметь с проектом ничего общего в том случае, если наш фильм будет показан в Германии. Такого еще никогда не было, пишут тамошние критики, все это, мол, вранье. Но чего же никогда не было — войны?! Нас же это тоже сильно коснулось. И всей этой грязи, выходит, не было?! Мы же через все это тоже прошли... Уверен, что фильм у нас получится по-настоящему великим».

И таким он получается. Снимать его Леммле поручает 35-летнему Льюису Майлстоуну, выделяя на производство фильма 1,25 миллиона долларов и ставя его таким образом в один ряд с крупнейшими проектами Голливуда того времени. Роль Пауля Боймера отдана 22-летнему, никому не известному Лью Эйрзу, сценарий пишут драматург Максвелл Андерсон и Джордж Эббот при участии Майлстоуна. Рабочие строят на съемочной площадке компании двор немецкой казармы, в сценах боев занято всего 150 статистов.

Книга Ремарка воспринята с озлоблением не только в немецких военных кругах, но и командованием американской армии. На вопрос, выделит ли оно солдат для участия в съемках, сразу же следует отрицательный ответ.

В общем и целом фильм следует сюжетным линиям романа. Разногласия возникают лишь при выборе решения финальной сцены. У Ремарка солдат Пауль Боймер умирает «без картинки». У Майлстоуна он пытается поймать бабочку. И становится удобной мишенью для французского снайпера. Рука, которая появляется в кадре, это рука режиссера.

Писатель Илья Эренбург рассказывает в своих мемуарах, что во время съемок к Майлстоуну пришел Леммле и сказал: «Я хочу, чтобы конец фильма был счастливым». Майлстоун ответил: «Хорошо, я сделаю счастливую развязку: Германия выигрывает войну...» Происходить именно в таком ключе разговор, конечно, не мог, но анекдот хорош, ибо проливает свет на позицию Голливуда при экранизации романов. Ремарковскому тексту в этом смысле повезло. Создатели фильма сделали все, чтобы перенести его на экран с предельной аутентичностью. «All Quiet on the Western Front» выходит на экраны американских кинотеатров в апреле 1930 года и не сходит с них месяцами, становится лидером проката и приносит продюсеру и режиссеру тогда еще новую, но уже очень желанную и престижную премию «Оскар». Завоеывая любовь зрителей на всех континентах, фильм повторяет успех книги, легшей в его основу.

А вот в умах политиков и военных он сразу же посеет крайнее недоверие, и оно будет властвовать над ними долгие годы. Ибо своим правдивым видеорядом и пацифистской тенденцией фильм, как и роман, разоблачает пропагандистскую ложь о геройстве, чести и патриотизме. Но внушаемость человека, перед глазами которого мелькают картины и образы, кажется многим верховным правителям и генералам гораздо более опасной, чем та, которая возникает при чтении романа. В своем эссе о фильме Вернер Скрентни цитирует отставного американского майора, который после премьерных показов в Лос-Анджелесе и Нью-Йорке настолько встревожен фильмом, что решает известить об этом по телеграфу президента страны и 48 губернаторов: «Фильм подрывает веру в армию и ее авторитет. Москве никогда не создать фильма большей разрушительной силы». И выражает таким образом то, что, пожалуй,

и по сей день кажется людям в погонах дурным сном. Во многих странах — например в Польше, Китае, Югославии, Турции — показ фильма запрещается правительственным распоряжением. В своем документальном телефильме «Истерзанный целлулоид» Ханс Беллер сообщает и о том, что музыка к заключительной сцене фильма перед возобновлением его показа в 1950-е годы была переписана на духовно-подъемный лад. Юные солдаты Америки сражались в это время в Корее и не должны были испытывать ужаса перед лицом войны и смерти.

Премьера фильма в Германии будет иметь последствия, которых не было и, наверное, не будет в истории кинематографа. Она обрекает Веймарскую республику на «духовное» поражение. словно подводя итог многодневному показу фильма на Ноллендорфплац и бурным дебатам в рейхстаге и парламентах земель, Теодор Вольф пишет в «Берлинер тагеблат»: ... никто не станет оспаривать, что между трагической судьбой отдельного человека и запретом фильма существует разница. Но как тот, так и другой случай может стать оселком, на котором проверяются моральное и духовное состояние общества, сила и слабость его правосознания и правдолюбия, проверяется характер людей во власти». И когда все-таки еще легитимное правительство запрещает фильм, уступая давлению улицы, многие из наблюдающих за постыдным ходом событий понимают: республика сама подписала себе приговор. «Сегодня он (фашизм. — В. Ш.) учинил расправу над фильмом, завтра расправится над чем-нибудь другим», — пишет в «Вельтбюне» Карл Осецкий, и слова его звучат пророчески.

Кампания, развернутая партией Гитлера против романа Ремарка, была шумной, но фактически безуспешной, потому как властью в рейхстаге, имея там всего лишь 12 депутатов, нацисты еще не обладали. Когда же столичная публика собралась вечером 4 декабря 1930 года в Моцартовском зале на Ноллендорфплац, чтобы посмотреть фильм, снятый по этому роману, политическая ситуация в стране давно уже была иной. 27 марта 1930 года правительство Мюллера, последнее демократическое в короткой истории Веймара, ушло в отставку. Канцлерством консервативно и монархически настроенного центриста Генриха Брюнинга начался период «президиальных кабинетов», а первая германская демократия вступила в последнюю фазу своего существования. Брюнинг вскоре стал править с помощью чрезвычайных декретов, рейхстаг был теперь уже

как бы не у дел. Власть в стране оказалась в руках кучки антиреспубликанцев во главе с Брюнингом, Гинденбургом и генералами рейхсвера. Сам канцлер, как уже говорилось, прошел войну офицером. На «героическое» прошлое смотрел с гордостью и ностальгией. Его отношение к бывшему командующему кайзеровской армией и теперешнему «начальнику», рейхспрезиденту Паулю фон Гинденбургу, определялось двумя простейшими мыслительными категориями — «приказать» и «исполнить». Нетрудно представить себе, как роман Ремарка и снятый по нему фильм должны были действовать на правительство, проникнутое духом подчинения и послушания.

На выборах в сентябре 1930 года буржуазные партии понесли тяжелые потери, коммунисты значительно прибавили, а национал-социалисты завоевали 107 мандатов и образовали в рейхстаге сильнейшую фракцию. Стремительно растущее число безработных, беспомощность и распад демократических партий, радикализация дебатов вокруг плана Янга — все это принесло очки только противникам республики справа и слева. Гитлер и его главный глашатай Геббельс поняли, что кризис в экономике и политическая неразбериха дают им шанс свергнуть наконец ненавистную им республику и покарать тех, кто покусился на устои рейха в «красном ноябре» (1918-го). Фильм с его «презренной» пацифистской тенденцией мог послужить сигналом к началу масштабной пропагандистской кампании.

Чтобы поднять против него «улицу», Геббельс умело соединил главные направления нацистской идеологии: антисемитизм — издательство «Ульштейн» принадлежало еврейскому семейству, евреем был Леммле, евреем слыл и Ремарк — и широко распространенную, прежде всего среди буржуазии, убежденность в том, что немецкий солдат доблестно сражался на фронтах мировой войны, защищая рейх от ненасытных чужих держав. Записи, сделанные в эти недели руководителем столичной организации НСДАП, показывают, что Геббельс видел цель кампании не только в дискредитации «позорного» фильма. Одержав победу на выборах, надо было хорошо подготовиться к штурму последних бастионов республики. Была у Геббельса и еще одна цель, на которую справедливо указывает Петер Дёрп: используя борьбу против демонстрации фильма «На Западном фронте без перемен», укрепить собственное, пошатнувшееся в эти дни положение внутри нацистской иерархии.

«Большая битва д-ра Геббельса» (Шрадер) начинается 6 декабря 1930 года. Через несколько минут после начала сеанса раздаются первые крики протеста нацистов, которых заранее проинструктировали и рассадили в зале, затем они начинают пускать трели и бросать вонючие бомбы, между рядами мечутся белые мыши, пожалуй, самые знаменитые мыши во всей германской истории. Вопли, суматоха, стычки, возгласы неподдельного и наигранного возмущения... Сеанс прерывается, полиция зачищает зал, а утром «Ангрифф» описывает события в пресловутой геббельсовской манере: «Плечом к плечу стоят немцы в зале, носящем имя Моцарта. Они воспрянули ото сна, они ощущают себя единой нацией. А вокруг наконец повергнутых в огненно-красный стыд сидят сине-бледно размалеванные и надушенные жидовки со своими плешивыми, жирными спутниками. Вот дрожащая рука уже роняет на пол драгоценную пуховку. Под защитой резиновых дубинок некоторые наглецы еще пытаются рассуждать о культуре. У других еще хватает духу грозить нам украшенным брильянтами кулаком. Но крепкие рабочие руки тут же дают им отпор. Сеанс продолжается при свете. Последние кулачные бои в партере. И вдруг в нос тебе ударяет зловонный запах. Вскрик от удушья, но зычный бас из партера успокаивает: “Тут вот один жид в штаны наделал!” Взрыв хохота. Ежатся в красных мягких креслах дети Иуды, но тут же вскакивают как ошпаренные, когда тишина вдруг разорвана чьим-то фальцетом: “Мыши в зале!” И вот они уже скачут на месте, эти храбрецы, эти иерихонские розы Сиона».

Из полутора десятка строк становится ясна цель национал-социалистов. Убедить читателей, что фильм этот германофобский, еврейская поделка, «издевка над культурой». Используя при этом полный набор антисемитских клише того времени. Но не немцы стоят плечом к плечу в Моцартовском зале и не рабочие руки сжимаются там в кулаки — там бесчинствует столичная чернь, направляемая в своих действиях гауляйтером Геббельсом, который хорошо знает, что именно эта тема и этот фильм вселяют тревогу в души консервативно настроенных немцев. И потому уверенной рукой он делает 6 декабря такую запись в дневнике: «Совещание депутатов (о действиях нацистов на премьере фильма. — *В. Ш.*), после чего вечером идем смотреть фильм. Через десять минут зал уже похож на сумасшедший дом. Полиция бессильна. Разъяренная толпа пускает в ход кулаки. Первое вторжение в западный мир. “Евреи вон!”, “Гит-

лер у ворот!” Полиция нам симпатизирует. Евреи безобразны в своем ничтожестве. Снаружи кассы берут штурмом. Звон разбиваемых оконных стекол. Тысячи моих сограждан с наслаждением наблюдают за этим спектаклем. Показ отменен, и следующий тоже. Мы победили. Со своими ребятами я сижу еще в кафе. Делимся впечатлениями. Хвалим друг друга. Ведь все получилось, как было задумано».

Демонстрация фильма сорвана, на улицах дело доходит до рукопашных схваток, 12 декабря вопрос о показе картины обсуждается в рейхстаге, дебаты заканчиваются постыдным решением. Геббельс может торжествовать: «Вчера: в рейхстаге большая сшибка. Меня выставили вон. Наших людей не сдержат. В четыре часа узнаю о том, что фильм к показу запрещен. “За нанесение ущерба престижу Германии”. Это триумф. Град поздравлений со всех сторон».

«Тому, кто полагает, что Гитлер у ворот Берлина, — заявляет в прусском ландтаге министр внутренних дел Северинг (СДПГ), не скрывая иронической улыбки, — я бы посоветовал не заставлять его ждать долго, так ведь и ноги можно отморозить». Премьер-министр Отто Браун описывает ситуацию значительно реалистичнее: «Народ, не желающий смотреть правде в глаза, сдается на милость победителя».

Запрет фильма оборачивается капитуляцией перед нахрапистыми врагами республики. Геббельс не скрывает своих намерений: «Мы проветрим Германию так же, как на днях проветрили кинотеатр. И тогда на законном основании обезглавим тех, кто позорит наш рейх и несет за это ответственность».

Демонстрация фильма в Австрии сопровождалась аналогичными сценами. Страну сотрясали финансовые скандалы и правительственные кризисы. Срывая сеансы в такой политической обстановке, местные национал-социалисты и правые радикалы достигли своей цели с относительной легкостью. Решение о запрете фильма было принято властями уже 2 января 1931 года. Муссолини изгнал картину из итальянских кинотеатров 7 июня того же года.

Предотвратить запрет фильма в Германии не удалось, хотя Леммле вышел на немецкий кинорынок с мягким вариантом, урезанным на целых 15 минут. Сравнение синхронизированной версии с оригиналом показывает, что продюсеры постарались учесть антинастроение в Германии, убрав из фильма те сцены и диалоги, которые затрагивали «чувство чести» немецкого солдата особенно остро. Зрители

в Берлине и других немецких городах не увидели, например, как юных добровольцев муштровали на казарменном дворе, каким издевательствам подвергся Пауль Боймер, когда, находясь в отпуске и двигаясь по улице родного города, «не заметил господина майора» и, как следствие этого, не отдал ему честь. В полном варианте фильм можно было увидеть в этой стране лишь в 1984 году — после его реставрации на Втором канале германского телевидения. Так что и это событие вполне вписывается в историю немецкого менталитета.

Из-за наложенного на фильм запрета лишь немногие немцы имели возможность составить о нем собственное мнение. Это обстоятельство предопределило успех пропагандистской кампании нацистов. Да, Теодор Вольф делал все, чтобы защитить репутацию фильма. «Нагло лгут те, кто утверждает, что фильм сеет семена вражды между людьми, и сознательно или бессознательно говорят неправду те, кто утверждает, что немецкий солдат показан в нем в дурном свете», — писал он в своей газете. Но голоса разума тонули в созданной радикалами атмосфере истерии и страха. Поражение демократического лагеря не становилось менее очевидным оттого, что 2 сентября 1931 года запрет с фильма был снят. Прогноз, данный Карлом Осецким, оправдался: «Итак, снова разыгралась настоящая республиканская драма: бросив себя на произвол судьбы, государство сковывает своим жалким видом движения тех, кто готов защищать его. Сделав рывок вперед 14 сентября, фашизм одержал теперь свою первую большую победу».

Ремарк видел фильм до его запрета, в Оснабрюке, куда вернулся в начале декабря, чтобы продолжить работу над «Возвращением». А между двумя романами, в конце 1929-го и в начале 1930 года, он написал несколько рассказов, о существовании которых никто в Германии и не подозревал — вплоть до начала 1990-х годов. В марте 1930 года в популярном американском журнале «Кольерс»⁴⁴ появился его рассказ «Враг». В августе и сентябре в том же журнале были опубликованы «Безмолвие вокруг Вердена» и «Карл Брегер во Флери», а номера от 21 и 28 ноября, а также 5 декабря 1931 года снова содержали три его рассказа: «Жена Йозефа»,

⁴⁴ Еженедельный американский журнал, основанный в 1888 году Питером Фенелоном Кольером.

«История любви Аннеты» и «Странная судьба Иоганна Бартока». Темы у всех шести рассказов те же, что и у обоих романов. Это истории о войне и ее последствиях, написанные с блеском, лапидарные в своем звучании и вновь подчеркивающие гуманистическую и антимилитаристскую направленность взглядов автора. В художественном отношении некоторые из них нисколько не уступают рассказам Хемингуэя и Фицджеральда.

Тем удивительнее тот факт, что на языке оригинала при жизни писателя они не публиковались. А были обнаружены и опубликованы лишь в 1993 году. Поскольку рукописи до сих пор не найдены, пришлось переводить их на немецкий. Появление этих рассказов было воспринято как маленькая литературная сенсация. Живой интерес к ним проявили читатели многих стран. За короткий срок они были переведены на целый ряд языков.

Ремарк писал эти рассказы по заказу. В сентябре 1929-го он заключил с «Юнайтед Пресс оф Америка» договор, дававший этому агентству право на публикацию «Возвращения», а его самого обязывавший написать «серию из трех статей по 1500—2000 слов каждая о полях сражений во Франции». Гарантированный гонорар за каждую статью составлял тысячу долларов. Условия подтверждались еще одним договором, а число рассказов увеличивалось до шести. Роман «Возвращение» был опубликован в «Кольерс» тоже в продолжениях. Перед началом публикации и по ее окончании было издано по три рассказа. Ремарка уже давно читали в Америке, и хозяева «Кольерс» явно рассчитывали поднять интерес к нему до прибыльного бума.

Можно только гадать, почему рассказы не опубликовал Ульштейн. Документы не дают ответа на этот вопрос. Опасался ли сам Ремарк появиться на немецком рынке спустя всего лишь год после фантастического успеха романа о Пауле Боймере и его товарищах? Может быть, публикации в Германии препятствовала ситуация с правами? Или Ульштейн не хотел заявлять о себе новыми работами Ремарка на фоне обострившейся политической обстановки?

Интенция рассказов снова однозначна: протест против войны, обрекающей людей на то, чтобы стать ее жертвами. Война врывается в их жизнь и, обнаруживая всю свою жестокость и бессмысленность, совершает в их судьбах моральный переворот. «Там-то я впервые и увидел пленных, много пленных...» — говорится в рассказе «Враг». «Я испытал нечто вроде шока, но тут же внутренне посмеялся

над собой. Простая мысль, что они такие же люди, как и мы, потрясла меня. Но фактом было то, ... что я об этом просто никогда не думал». В другом рассказе жестянщик Иоганн Барток уцелеет в боях, но попадет в плен длиною в пятнадцать лет, и плен этот не только сделает его совсем седым, а фотографию молодой жены совершенно поблекшей — он разрушит семейную жизнь, которая и началась-то всего за пару месяцев до беспощадной войны. В пятой истории друг детства Аннеты приезжает с фронта в отпуск «подтянутым, стройным и загорелым», предлагает ей руку и сердце, сразу же после свадьбы отправляется на фронт и видится ей героем, участником «смелых атак», защищающим свое Отечество. Через четыре недели молодой муж погибнет, его образ постепенно сотрется в памяти Аннеты, но в какой-то момент оживет с новой силой. И тогда, разыскав его боевых товарищей и слушая их рассказы, она поймет, «какой же на самом деле была война». Герой другого рассказа, Карл Брегер, отправляется после войны в те места, где лет десять назад шли ожесточенные бои и где он, унтер-офицер, выскакивал из окопа с криком: «В атаку!» Долго бродит он по изрытым взрывами полям с остатками проволочных заграждений, пока не останавливается перед одним из обелисков с надписью, говорящей о *Gloire* и *Victoire* — о славе и победе. «Это не вся история, нет, совсем не вся, — говорит он своему спутнику. — Но они правы, что ставят памятники, потому что нигде не было столько страдания, как здесь. Только одно они забыли: “Это не должно повториться! Вот этого не хватает”». Йозеф Тидеман, в мирной жизни сельский хозяин, находился в блиндаже, когда в накат его попал снаряд и унтер-офицер оказался под завалом. Следствием тяжелой контузии была потеря памяти. Прошли годы, прежде чем жене Йозефа удалось привезти его на то место, где с ним случилась большая беда. Двигаясь там по земле ползком и нащупав спасшую его когда-то балку перекрытия, он вновь обретает память. Вспоминать, помнить, не забывать об уроках страшной войны — вот что Ремарк хочет сказать читателям.

Уходит в историю и 1930 год, а страсти вокруг фильма «На Западном фронте без перемен» не утихают. 26 января 1931 года Немецкая лига за права человека проводит в Берлинском зале имени И. С. Баха митинг с призывом высказаться на тему «Ремарк и действительность». С про-

тестом против запрета фильма выступают Генрих Манн, Кете Кольвиц, Карл Цукмайер и другие деятели немецкой культуры. В то же время участники митинга единодушно отмечают, что фильм дает лишь слабое представление о фактически происходивших на фронте событиях. На этом фоне «сенсацией вечера», по выражению Томаса Шнайдера, становится письменное заявление Ремарка, которое зачитывает один из участников митинга.

И это действительно сенсация: Ремарк, месяцами хранивший молчание, впервые выступает в публичном поле. «Я долго искал объяснение тому, как стало возможным, что люди, прошедшие войну, спустя двенадцать лет могут так решительно разойтись в оценке реальности войны. Даже самые тяжелые переживания, будучи преодоленными, приобретают отблеск героического авантюризма. Никто не захочет и не сможет приуменьшить то, что свершили немецкие солдаты. Однако необходимо со всей решительностью препятствовать тому, чтобы воспоминания об этих свершениях использовались теперь односторонне, чтобы война прославлялась и, как следствие, забывались принесенные ею неисчислимые бедствия и страдания». Это уже не тактические формулировки, а слова, которые точнее, чем все предыдущие высказывания, указывают на «тенденцию» романа. Это не поношение тех, которые сражались и гибли на фронтах, но призыв покончить с «прославлением того, что происходило между годами 1914-м и 1918-м.

Снова приковав к себе внимание, Ремарк по-прежнему избегает любых обсуждений своей личной жизни. Он, как и прежде, ездит по Европе, пишет рассказы для американского журнала и узнает, что в конце апреля «Возвращение» выйдет отдельной книгой. Маршруты его вояжей по континенту столь же разнообразны, как и его спутницы. Время на юге Франции он делит между Юттой и Рут Альбу. В Нордвейке-ан-Зее отдыхает с Бригиттой Нойнер. Чести пребывания в Гейдельберге удостоена Рут Альбу. А вот с кем он в Ротенбурге-об-дер-Таубер, не знает никто. В Монте-Карло он среди тех, кто наблюдает, как лучшие автогонщики мира ведут борьбу за Гран-при Монако, и играет в рулетку. В Каннах и на мысе Антиб он наслаждается отдыхом среди великосветского общества. В Лейдене он попадает в автоаварию — без серьезных последствий.

Но история повторяется: кочевая жизнь с любовными перипетиями не приносит покоя. Более того, она вызывает душевный кризис. «Вот уже два года я живу, испыты-

вая приступы тяжелой депрессии и отчаяния, — унылым, самообличительным тоном сообщает он в июне 1931 года писателю Эмилю Людвигу с побережья Северного моря, — я бегу от людей, от самого себя, бегу от жизни, мне недостает цельности, ясности, положительности, обрести эти качества во всей их полноте трудно, да, пожалуй, уже и не успеть...» Весной он начал новый роман, но своей работой недоволен, прекрасно, впрочем, понимая, что при его разъездах и ночных пирушках большие перерывы в работе неизбежны, а сосредоточиться за письменным столом очень нелегко. Чувство вины, сомнения в творческих способностях — вот откуда подавленность духа. Рукопись озаглавлена женским именем — «Пат». Вскоре он переписшет все заново...

Политическая обстановка в Германии тоже не внушает оптимизма. В июле — обвал в банковской системе. В конце года число безработных достигает 5,6 миллиона, правительство держится на плаву лишь благодаря чрезвычайным декретам, между коммунистами и национал-социалистами разгораются настоящие уличные бои. Из рядов буржуазных партий тоже все громче звучат призывы к установлению тоталитарного режима.

Рут Альбу настойчивее других предупреждает Ремарка о надвигающейся опасности, торопит покинуть Германию. Они вместе отправляются в Тессин подыскать для писателя новое пристанище. Находят его в нескольких километрах от Асконы. Особняк прильнул к склону горы, с просторной террасы открывается вид на Лаго-Маджоре и два островка, «Isole di Brissago», с небольшим замком, который построил себе Макс Эмден, некогда владелец огромных универмагов, а теперь влюбленный во все прекрасное отшельник. Слева, у подножия гор, приютилась окутанная голубоватой дымкой Аскона, справа, над селением Ронко, блестит шпиль «итальянской» церкви. Жаркое южное солнце, лазурь бездонного неба — поистине волшебный пейзаж. Ремарк покупает виллу за 80 тысяч франков. В «Каса Монте Табор» он будет жить на протяжении почти сорока лет, с частыми, иногда очень длительными отлучками. Навсегда он покинет виллу в карете «скорой помощи», которая повезет его в Локарно.

Пока же, находясь в Берлине, он поручает дамам обставить ее. Приобретая мебель, белье, предметы домашнего обихода, Рут и Ютта не скупятся на расходы. Есть, однако, в этих приятных хлопотах и элемент неловкости. Каждая

красавица получила задание от хозяина дома так, что другая не догадывается об этом. Маленькая хитрость веселит Ремарка, но не нравится Ютте, когда тайное становится явным. Ремарку дорога его игрецкая сущность, он любит пошутить и сам смеется при этом. Он любит держать близких ему людей на расстоянии друг от друга, чтобы придать легкий налет таинственности и самому себе.

В апреле 1932 года, за девять месяцев до прихода Гитлера к власти, Ремарк обретает в Порто-Ронко новое, постоянное место жительства. Он не эмигрант в классическом смысле слова. Ему не придется переходить границу под покровом ночи, как вскоре сотням тысяч его соотечественников, в том числе почти всей культурной элите Веймарской республики. Не лишится он и своего состояния, вовремя переведя его в Швейцарию. Но вскоре ворота Германии захлопнутся и перед ним. После 30 января 1933 года жизнь его окажется под угрозой — в не меньшей степени, чем жизнь его друзей еврейской национальности или левой ориентации. Нацисты не забыли, кто написал самый знаменитый антивоенный роман 1920-х годов. За сутки до того, как штурмовики в коричневой униформе промаршируют по улицам Берлина, бурно приветствуя «фюрера», Ремарк сядет в германской столице — где он опять пробыл пару недель — за руль своей «ланчи» и не выпустит его из рук до тех пор, пока не пересечет швейцарскую границу. Германию он увидит лишь через двадцать лет, жить в ней он больше не будет никогда. Ремарк становится гражданином мира.

Глава шестая

**«КОГДА ЕВРОПЕ ПРИДЕТ КОНЕЦ?»
(1932—1939)**

Неудержимо несет свои воды Маджиа к глубинам широкого озера, солнцем залита бухта в окружении гор с их крутыми склонами и нередко заснеженными вершинами, по лазурному небу плывут облака, отражаясь в легкой ряби изумрудного цвета. Неизменна красота этого края, щадит время и рыбацкий поселок Аскона. Идиллически сонная пьяцца примкнула к его подножию, следуя с другой стороны плавным изгибам скалистого берега. В приятно прохладной тени, вдоль сложенных из красновато-желтого камня стен, прогуливаются по узким улочкам жители и гости селения. Стертые бесчисленными шагами ступени ведут к вырубленным в толще горы жилищам. За кладкой стен и арками ворот цветут сады, дышат свежестью колодцы, рождается аромат южных вин. Гостиниц и кафе немного, ведь жизнь здесь течет неспешно. В часе езды отсюда уже Милан. Аскона входит в состав Швейцарии, но ритм жизни ее обитателей определяет Италия. Климат не знает резких переходов от зимы к лету и наоборот. Весна приносит с собой райское буйство красок. Белые и фиолетовые рододендроны, желтый дрок, сотни других растений превращают ландшафт в картину талантливого импрессиониста. Поздней осенью приходят дожди, льют, бывает, неделями. Тогда море тонет в потоках воды, о близости гор можно только догадываться... Меланхолическое воспоминание о юности, солнце и пьянящем ощущении счастья.

Разных людей влекло туда. На стыке веков появились первые уставшие от грохота и смрада цивилизации: длинноволосые юноши и поборники здорового образа жизни, апологеты природы, вегетарианцы и чудаковатые сторонники реформы правописания. Сын антверпенского фабриканта Генри Эденковен основал на холме близ Асконы ко-

лонию под названием «Монте верита». Правдолюбцы жили в деревянных домах, купались в холодной воде, работали и отдыхали обнаженными. Рыбаки и их жены с улыбкой смотрели на то, что творилось над их скромным селением. Всяк молодец на свой образец, считали одни. Всяк по-своему с ума сходит, думалось другим.

В 1904 году туда приехал из Мюнхена человек, имя которого никому ничего не говорило не только в Германии, но и во всей Европе. Путешествуя по континенту, он решил какое-то время пожить в Асконе. Забегая вперед заметим, что лет через десять он станет убежденным анархистом и бардом, зовущим в своих стихах и песнях к борьбе против насилия, бесправия и несвободы. А тогда человек этот, Эрх Мюзам, написал об Асконе книжицу, в которой посмеивался над «травоядными» с «Горы правды». Он и сам остался бы там, но «не потому, что увидел бы в растительном образе жизни, принятом широкими массами, что-то развивающее их культуру; и не потому, что считал бы браки, заключенные здесь в обход попов и чиновников, явлением, несомненно, отрадным, а также убедительным доказательством прогресса». Он взял и уехал оттуда, и, надо сказать, к счастью для Асконы, ибо воспринимал ее как «место в высшей степени пригодное для того, чтобы в нем собирались люди, не способные — по природе своей — стать когда-либо полезными членами “гуманного” капиталистического общества». Блюстители «закона и порядка» — как в рейхе, так и в республике — не раз бросали его в тюрьмы: за проповедь революционных идей, за то, что при попытке установить в Баварии власть Советов он оказался среди проигравших. Типичная для тех лет немецкая судьба: телесно хрупкий, но морально стойкий и волевой человек не захотел склонить головы перед нацистами, и они убили его в одном из своих концлагерей.

Поселилась в Асконе и графиня Франциска Ревентлов. Притом что до этого вращалась в кругах мюнхенской богемы, среди больших и малых талантов. Мнимый брак с опустившимся, но богатым отпрыском знатного восточного рода, заключенный на Лаго-Маджоре ради любимого и без отца растущего сына, не принес ни денег, ни счастья. Графиня жила на берегу прекрасного озера в бедности и закончила свои дни в Муральто, когда ей было всего-навсего сорок семь.

Эмиль Людвиг тоже обосновался там до Первой мировой. Задумав стать драматургом, принялся сочинять в своем

доме драмы в античном стиле. Действие в них развивалось так же, как и в драмах Гуго фон Гофмансталя, только вот лавры пожинал почему-то австрийский литератор. Пьесы же Людвигу никто не хотел ни читать, ни ставить. Автором бестселлеров и богатым человеком он стал лишь тогда, когда взялся описывать жизнь выдающихся исторических личностей, таких как Гёте, Наполеон, Вильгельм II. В состоянии писательского блаженства он и повстречал Эриха Марию Ремарка, поселившегося с ним по соседству.

Многие странные и знаменитые люди обитали месяцами, годами, а то и до смертного своего часа в Асконе, как богатые и успешные, так и потерпевшие в жизни крушение. Танцовщицы Айседора Дункан и Мэри Вигман, русская художница Марианна Веревкина и ее муж Алексей фон Явленский, поэтесса Эльза Ласкер-Шюлер, называвшая себя принцем Фиванским и надеявшаяся вылечить там своего страдающего легочной болезнью сына. Сказочно богатый барон Эдуард фон дер Хайдт и Макс Эмден. Очарование местечка и тессинского пейзажа, ровный климат, близость к Италии, занимавшей мечты и помыслы немцев с тех пор, как в этой стране побывал сам Гёте, — вот что притягивало их всех сюда с магнетической силой. К тому же жизнь там тогда особых денежных затрат не требовала. «Аборигены» чтили толерантность и посчитали, что люди большого света лишь украсят их родное местечко, когда в 1930-х годах здесь появились и обосновались новые пришельцы. Еще позже, когда Гитлер был наконец побежден, здесь купили или построили себе дома писатели и журналисты Ханс Хабе и Хайнц Липман, второе жилище сохранил за собой Вальтер Файльхенфельдт, наконец, неподалеку, в доме для престарелых, жил Вальтер Меринг, а Макс Фриш частенько сюда наведывался.

Для Ремарка Аскона стала чем-то вроде родины. Ощущая себя отшельником, когда новый роман привязывал его к письменному столу, и ненавидя это чувство, он любил часами смотреть на озеро и окаймлявшие его горы. Вскоре он стал завсегдатаем кафе «Вербано» и ресторана в отеле «Шифф»⁴⁵, там можно было пить и болтать с хозяевами и гостями до рассвета. Хорошо поесть, изрядно выпить, отпраздновать чьи-нибудь именины можно было и в отеле «Семирамида», который стоял теперь на холме «Монте верита». Любители подняться с постели пораньше

⁴⁵ Корабль (нем.).

часто видели его уже внизу, на площади, где свежий вид ему придавал искусник-парикмахер. Случалось, что ночь заканчивалась в кабаре местного розлива, ведь дамы там умели не только петь и танцевать. Подружился Ремарк и с местными галеристами и владельцами книжных магазинчиков. Заходя к ним, затевал разговоры об искусстве, о достоинствах какой-нибудь античной скульптуры. Те в свою очередь приходили к нему, рассаживались за большим каменным столом на террасе. Хозяин доставал из подвала бутылку лучшего вина, и веселая компания начинала решать мировые проблемы. Подчас пред ними стояла в еще теплых лучах южного солнца какая-нибудь фигурка из терракоты. Однако решение о покупке едва приодетой или обнаженной римлянки принималось хозяином исключительно при дневном свете и если формы ее ласкали глаз.

Вопреки утверждению некоторых мемуаристов, его дом не был роскошной виллой. Построенный в великолепном месте, он был довольно маленьким и к тому же с весьма странным расположением жилых и ванных комнат. Зато чудесной была гостиная — с камином, книжными полками, широким диваном, удобными креслами и массивным письменным столом, за которым обыкновенно и работал Ремарк. На стенах висели картины кисти Ван Гога, Сезанна, Дега и Ренуара, полы были устланы старинными коврами, по большей части в два слоя — столь велики они были и по длине и по ширине. На рабочем столе, полках и комодах стояли вазы, теснились античные фигурки. Какая бы женщина ни жила здесь, у нее всегда была своя спальня. Порядок не изменился и с появлением в доме Полетт Годдар, ставшей хозяйкой «Каса Монте Табор» в последние годы жизни Ремарка. «Ланча» стояла внизу, в гараже, вырубленном в скале, с выездом прямо на набережную. Кошки и собаки жили в доме на правах гостей и хозяев. Сад узкой полосой круто спускался к озеру, не переставая быть вечнозеленым сказочным миром. На мостках можно было загорать, прыгнуть с них в воду или ступить в лодку, чтобы навестить на «Исоле де Бриссаго» Макса Эмдена. И не только пить с ним до рассвета, но и поспорить о том, у кого из них Ван Гог все-таки лучше.

Ремарк будет жить в Порто-Ронко, в десяти минутах ходьбы от Асконы, до сентября 1939 года. Затем переберется в Соединенные Штаты и вернется в Порто-Ронко лишь через девять лет, 1 июня 1948-го. Даже при частых и длительных отлучках он будет хранить верность этому

месту — до своего последнего часа. Там он обрел счастье, если, конечно, предположить, что такое душевное состояние было вообще ему доступно. «Одни завидуют ему, другие на него клеветают, не зная его как человека, живущего у земли, — записал Эмиль Людвиг в своем дневнике. — Я же нашел в нем, моем соседе на Лаго-Маджоре, человека необыкновенно привлекательного. Я видел его здесь счастливым... В Голливуде, напротив, он жил такой же рассеянной жизнью, как другие. С годами он все глубже погружается в свое одиночество, хотя оно и оживляется постоянно женщинами и коктейлями».

Пока же болезнь и бремя лет не вынудили его изменить образ жизни, он раз за разом и с завидным постоянством ощущает, как дом в зеленых кущах и захолустье сковывают его, и тогда он подолгу живет в Париже, в Штатах, в Венеции, ищет отдохновения и вдохновения в Санкт-Морице и на Антибе, а в 1950-е и 1960-е годы часто и опять же подолгу гостит в вечном городе Рима. На протяжении без малого четырех десятилетий «Каса Монте Табор» была тем прибежищем, по которому он тосковал, обретаясь вдали от него, в номерах роскошных и скромных отелей, в ночных барах, в шикарном ресторане и обыкновенных бистро. Творческая уединенность на Лаго-Маджоре еще не успела объять его, а он уже жаждет жизни в большом, сладостно-яростном мире. Где бы он ни был, настроение его колеблется. Однажды, после прогулки по саду, еще опьяненный ароматом цветов и трав, еще в возбуждении от игры с любимыми собаками, он записывает в дневник: «...чистейшая радость... но достаточно ли этого? Не лучше ли иметь ту или иную цель? Пусть и без радости?» И в другой раз: «Хорошая погода. Весь день работал. Если ты в трудах, то становишься лучше».

К числу первых людей, с которыми он знакомится в своем новом окружении, принадлежит супружеская пара — Эльга и Эмиль Людвиг. Их сын Гордон вспомнит позднее, что уже вскоре отношения обеих сторон стали отличать явная коллегиальность и взаимное уважение. Писатели посещали друг друга десятки раз, с супругами и без оных, и визиты эти заканчивались обычно глубокой ночью. Людвиг с его живым характером политически ангажирован. Обожает Муссолини, тот согласился дать ему большое интервью, из-за чего с соседом наверняка не раз разгорались ожесточенные споры. «У Вас было так чудесно, — пишет Ремарк жене Людвигу с присущей ему учтивостью после одной такой

хмельной и словообильной ночи. — Вот только слегка озабочен тем, что пробыл у Вас слишком долго и был, наверное, слишком шумлив». В дневнике такого дружелюбного тона нам не обнаружить. Ремарк рефлексировал — как это часто бывает, когда он предаётся размышлениям о своих встречах и проведенных где-то вечерах — несправедливо и нервно. «Весь вчерашний вечер с Людвигом и его женой, — записывает он 20 марта 1937 года. — Потребовался целый день, чтоб отдохнуть. От Людвига и его половины. Если ты трудолюбив и не бездарен, но строишь жизнь с опорой на честолюбие и тщеславие, то в лучшем случае можешь стать хорошим писателем, но никогда не станешь порядочным человеком».

В Асконе Ремарк знакомится с живущим в окрестностях Вены писателем Якобом Вассерманом. Он ценит его романы, пользовавшиеся в веймарские годы большим успехом. Завязывается дружба, но долго длиться ей не суждено: Вассерман умрет в начале 1934-го.

Скверные вести, которые приходят сюда из Германии, касаются не только большой политики, но и его лично. Против Ремарка там возбуждено уголовное дело по подозрению в махинациях с валютой. Писатель обвиняется в том, что перевел деньги в Швейцарию с нарушением закона. Кроме того, имеет противозаконное жильё в Голландии, что, конечно же, не соответствует действительности. Следствие ведётся на основании драконовского закона об операциях с валютой, принятого ещё в условиях мирового экономического кризиса. Немцы имеют право обменивать рейхсмарки и вывозить валюту лишь в ограниченном количестве. При тех гонорах, которые получает Ремарк, он, несомненно, превысил максимально допустимую сумму, переводя деньги на свои швейцарские счета. Приговор участкового суда центрального округа германской столицы, вынесенный в августе 1932 года, гласит: штраф в размере 30 тысяч рейхсмарок или тюремное заключение сроком на 60 дней. На его счета в «Берлинском» и «Дармштадтском национальном банке» налагается арест. В ходе переговоров, которые ведет его адвокат Макс Лион, выясняется, что Ремарк не заплатил за 1931 год налог, взимаемый законодателем по причине все того же экономического кризиса. В конце концов Ремарк переводит на счета германских финансовых органов 33 тысячи рейхсмарок. Выходит, что ставить ему палки в колеса, коли он решит распрощаться с Германией, власти не собирались. В денежных делах он

часто просто беспомощен. «На днях составлял по их требованию отчет о своих расходах в прошедшем году, — сообщает он Рут Альбу в августе 1932 года, — и получился он у меня, конечно, с пробелами, ибо разве знал я когда-нибудь и что-нибудь о своих финансах...»

В октябре он в Риме, потом снова в Берлине. Бригитта Нойнер на зовы не откликается, к Рут Альбу еще идут письма, в которых есть и ласка и нежность, но он колеблется и в этом романе. «Отвечать Тебе тяжело. Да и что мне сказать? Слова всегда ведь все портят. Я могу сказать: я не знаю; я могу сказать: у меня такое чувство, будто я на дрейфующей льдине, которая медленно тает; я могу сказать: быть может, я несчастлив, но я не хочу об этом знать; я могу сказать: да, я не стоек и опустошен, но я даже еще не начинал; я могу сказать: да, быть может, я не способен любить, но кто желал бы сильнее меня быть на это способным; я могу сказать: хорошо, оставь меня, освободись, я не гожусь быть рядом с человеком, который неистов и безогляден в своей готовности жертвовать собой ради другого человека; я половинчат, я никогда не целен, меня всегда мало, я лишь беру и ничего не даю. ...Да, я не способен любить так, как Ты этого хочешь и как Тебе это нужно...» Добром это не может кончиться и не кончается. Он не любит принимать решения, предпочитает состояние неопределенности, прибегает к самообвинениям, лишь бы скрыть свое нежелание завести связи, которые могут наложить на него оковы, взывать к его совести, а то и привести к изменению уклада его жизни. И таких писем, как нижеследующее, к Рут Альбу много. «Я уходил в кусты, где только мог; ах, не хотелось мне слыть слепцом и неудачником, бродить в сумерках, хотелось ясности и счастья, хотелось жить. Но теперь вижу иной раз, что это неуклонное скольжение вниз есть, пожалуй, всего лишь подготовка к восхождению на голые, безрадостные вершины работы. Я ненавижу ее: она мне все разбила, забирает у меня тепло и тех немногих, кто любит меня, она вторгается в мою жизнь, не оставляя мне веры ни в нее, ни в меня самого...»

Некоторое время связь еще сохраняет свой интимный характер, но на исходе лета 1932 года все-таки заканчивается полным разрывом. Ютта Цамбона ревнует, а Рут Альбу не может понять, почему его влечет к бывшей жене. Перестать быть кавалером не в его правилах, он никого не может и не хочет обидеть, ищет вину в себе и пьет особенно много. Типичная ремарковская ситуация. В 1933 году Рут прихо-

дится покинуть Германию, жизнь в изгнании начинается в Англии, продолжается в Соединенных Штатах. В мае 1936-го он встретит ее в Вене, она снова замужем, у него новая возлюбленная, возникающая в дневнике под инициалом Э. (Это Марго фон Опель, позднее они будут встречаться и в Нью-Йорке.) Взаимная симпатия сохраняется, Ремарк и умница Рут будут видеться в Америке, последнее письмо от него она получит в 1967 году.

Творческие усилия сконцентрированы в этом, 1932 году на романе под заглавием «Пат». В тот день, когда Гитлер появится у Гинденбурга и тот предложит ему пост канцлера, будет закончен первый вариант. Ремарк недоволен, мучим столь знакомыми ему сомнениями в собственных способностях и кладет рукопись в стол. В ближайшие месяцы на первый план выйдут иные события.

Когда Ремарк, выехав из Берлина, пересек в январе 1933-го швейцарскую границу, — мы уже фиксировали этот факт — на Германию опустилась ночь. Через Бранденбургские ворота, в сумрачном свете факелов и под глухую дробь барабанов проходят толпы горлающих и поющих людей, а «фюрер» приветствует своих сторонников с балкона рейхсканцелярии. «Это похоже на сон. Мы хозяева на Вильгельмштрассе», — записывает Геббельс в своем дневнике вечером 30 января.

Он обещал обезглавить тех, кто позорит могучий рейх, и его подручные немедленно приступают к делу. Уже через пару часов после захвата власти штурмовики оккупируют помещения левых партий. Тысячи антифашистов арестованы, брошены в тюрьмы без суда и следствия, подвергаются пыткам, тут же ставятся к стенке. В то же время многие еще не могут поверить, что Гитлер и Геббельс осуществляют то, о чем трубили на протяжении двух-трех последних лет. Некоторые, как, например, Томас Манн, Эрнст Толлер и Оскар Мария Граф, уезжают в первые две недели февраля за границу для чтения лекций, Лион Фейхтвангер в Соединенных Штатах уже с ноября, встречается с читателями своих романов, Арнольд Цвейг и Леонгард Франк колеблются: неужели культурная нация может превратиться в население государства во главе с диктатором? Генрих Манн покупает 21 февраля билет до Франкфурта-на-Майне, чтобы на завтра же уехать оттуда в Страсбург.

Поздним вечером 27 февраля горит рейхстаг. Нацисты понимают: наступил их час. Обвинив в поджоге коммунистов, они на следующий день проводят через рейхстаг чрез-

вычайный декрет «О защите народа и государства». Начинается охота на инакомыслящих. Среди арестованных той же ночью главный редактор «Вельтбюне» Карл фон Осецкий, писатель Эрих Мюзам, известные всей стране коммунисты, социал-демократы, лидеры профсоюзов. Многим удается избежать ареста, допросов и пыток в последнюю секунду... Арнольд Цвейг переходит чехословацкую границу по заснеженным горным тропам, Бертольт Брехт и Елена Вайгель ночуют в чужой, подысканной для них издателем Петером Зуркампом квартире, чтобы ранним утром 28 февраля тайно уехать в Прагу. В купе рядом с ними — Франц Вайскопф и Бруно Франк. На следующий день после поджога рейхстага в Швейцарию уезжают Анна Зегерс и ее муж... Достичь Цюриха удается и Альфреду Дёблину. Другим беглецам не везет, их арестовывают на квартире или в поезде. В апреле начинается бойкот еврейских магазинов, создаются первые (временные) концлагеря.

Осесть в Швейцарии без помех или преследования со стороны властей может только имеющий деньги. Томаса Манна принимают с распростертыми объятиями. Эльза Ласкер-Шюлер, Альфред Дёблин, Бертольт Брехт, Анна Зегерс вынуждены двигаться дальше: у них нет средств. Роберту Музилю, бежавшему из Австрии, удается здесь выжить лишь благодаря поддержке коллег. Неименитым, лишившимся родины на двенадцать долгих лет, придется в тисках бездушной бюрократии и вовсе туго.

Ремарк принимает беглецов в своем доме, помогает деньгами. Его навещают Эрнст Толлер и Бруно Франк. В начале мая возле виллы Ремарка обнаруживают труп журналиста Феликса Мануэля Мендельсона, и тотчас же распространяется слух о причастности к убийству гитлеровских головорезов. Об инциденте сообщают швейцарские газеты, Томас Манн записывает в дневнике: «Известия о новых мерзостях и страшных сказках в Германии и даже за ее пределами. “Погиб” несчастный юный Мендельсон, его, видимо, приняли за Ремарка».

10 мая в стране поэтов и мыслителей на площадях перед университетами вспыхивают костры. В утаре вандализма подвыпившие студенты швыряют в огонь книги, воинственно выкрикивая и такое: «Позор писакам, предавшим доблестных немецких солдат! Поможем народу постоять за себя! Превратим ремарковскую пачкотню в пепел!» В тот зловещий день, когда многие немцы явили миру свое истинное лицо, Эмиль Людвиг записал: «В ночь публичного

сожжения книг... пригласил своего друга Эриха Марию Ремарка на бокал вина. Мы открыли бутылку самого старого рейнвейна, включили радиоприемник, слушали потрескивание костров, речи Гитлера и его приспешников — и пили за не столь мрачное будущее».

Знает ли Ремарк, кто прежде всего ненавистен нацистам и чьи творения летят в костер наряду с его книгами? Разумеется, знает. Эти люди олицетворяют элиту немецкого духа в его лучших ипостасях — от Карла Маркса до Карла Каутского, от Зигмунда Фрейда до Альберта Эйнштейна, от Генриха Манна до Лиона Фейхтвангера, от Альфреда Керра до Теодора Вольфа, от Курта Тухольского до Карла фон Осецкого. По мнению Геббельса, их надо пригвоздить к позорному столбу. «Эпохе выпренного иудейского интеллектуализма пришел конец!» — ликует он в одной из своих речей. У Оскара Марии Графа такая категоричность может вызвать лишь саркастическую улыбку. «Чтоб не попасть в концлагерь, я вынужден был расстаться со своей работой, покинуть свой дом и — что, может быть, хуже всего — родную землю, — пишет он 15 мая в саарбрюкской «Фольксштимме». — Но только теперь мне преподнесен самый приятный сюрприз. Если верить “Берлинскому биржевому курьеру”, то мое имя в белом списке литераторов новой Германии, и все мои книги, за исключением главного моего сочинения “Мы — пленники”, рекомендованы для чтения! Значит, я призван быть одним из выразителей “нового” германского духа. Напрасно спрашиваю я себя, чем заслужил такое бесчестие... Сжигайте же творения немецкого гения! Он так же неистребим, как и ваш позор!»

Ремарк хранит молчание. И не будет высказываться еще долго. Не станет в ближайшие годы писать ни в один из многочисленных эмигрантских журнальчиков, влачащих жалкое существование в Париже, Лондоне, Амстердаме, Праге... Как и в годы перед крушением республики, его подписи не найти под воззваниями и призывами антифашистских организаций. В середине 1930-х немецкие эмигранты страстно полемизируют друг с другом по вопросу создания «Народного фронта», союза либеральной буржуазии, социал-демократов и коммунистов, который должен преградить дорогу европейскому фашизму. Генрих Манн — идейный лидер этого движения. Лиона Фейхтвангера бурная дискуссия побуждает поехать в 1936 году в Россию и написать просталинскую книжку («Москва 1937»), которую в «Нойес

тагебух» резко критикует Леопольд Шварцшильд. Интеллектуальная элита Европы раскололась в своем отношении к этой брошюре на два лагеря. Ремарк отмалчивается.

В июне 1935 года он в течение нескольких часов присутствует на Международном конгрессе писателей в защиту культуры, который проходит в Париже. Среди ораторов — Андре Жид, Ромен Роллан, Олдос Хаксли, Мартин Андерсен Нексе, Илья Эренбург, Андре Мальро, Анри Барбюс, Луи Арагон, Борис Пастернак, Генрих Манн, Бертольт Брехт, Лион Фейхтвангер, Роберт Музиль, Эрнст Толлер, Анна Зегерс, Йоганнес Р. Бехер, Макс Брод. Имя Ремарка и название его антивоенного романа неоднократно звучат в выступлениях участников форума. Сам автор «На Западном фронте без перемен» и «Возвращения», запрещенных и конфискованных в Третьем рейхе в конце 1933 года, хранит молчание.

Многие не могут ему этого простить. Откликаясь на «Возвращение», Тухольский заметил еще в мае 1931 года: «После того как Ремарк так легко дал победить себя Гейбельсу, этому морильщику крыс и тараканов, мы не можем рассчитывать на него как на борца». А Карл фон Осецкий писал в связи с запретом фильма «На Западном фронте без перемен»: «Мы знаем о его неприятии звонких публичных выступлений и ценим вместе с другими людьми позицию в одночасье прославившегося автора, не желающего быть притчей во языцех и играть роль льва среди салонных кошечек и банкетных обезьян. Однако не переходящая в гордыню слава накладывает кроме пренебрежения к светским манерам и другие обязательства. Господин Ремарк... не имел права молчать... в решающий момент он промолчал и расписался тем самым как художник слова в собственном бессилии».

Осецкий предъявлял к себе высочайшие моральные требования. Отказу от собственного мнения предпочел в 1932 году тюремное заключение, не бежал из Германии, когда еще можно было бежать, и в итоге заплатил за эту непреклонность жизнью. Такой человек, разумеется, не мог понять Ремарка.

У Тухольского же было с Ремарком гораздо больше общего, чем это им, очевидно, осознавалось. Тяжелые депрессии, постоянные сомнения относительно общественной полезности собственных работ... Питая отвращение к политической обстановке в Германии, он уже в 1927 году поселился в Париже, а с 1930 года жил в Швеции. На дви-

жение республики к краю пропасти, захват власти Гитлером и массовый террор реагировал публичным молчанием. И дело было не в недостатке мужества, его, конечно же, хватило бы блестящему публицисту и писателю, — не окажись отчаяние и в данном случае сильнее. В декабре 1935 года Тухольский покончил с собой. Быть может, в последние годы своей жизни он понимал поведение Ремарка гораздо лучше, чем когда писал о нем на страницах «Вельтбюне». В поздней переписке Тухольского мы не встретим имени Ремарка. В связи с сообщением о высылке берлинского корреспондента базельской «Националь-цайтунг» он делает в Q-дневниках⁴⁶ следующую запись: «Если не ошибаюсь, это тот самый издательский служащий, который в 33-м подписывал свои статьи маленьким кружком, человек, которому уже тогда сильно затрудняли работу, что не помешало ему однажды плеснуть в меня помоями... виноваты в нынешних порядках, писал он, все-таки Керр и Людвиг и Ремарк (по-моему, и он тоже), Фейхтвангер и я».

Ремарк и после прихода нацистов к власти продолжает, нередко лавируя, заявлять в интервью и беседах о своей «аполитичности». «Политика только портит искусство, — говорит он в мае 1936 года, беседуя в Будапеште с одним венгерским журналистом. — Надо быть писателем или репортером, писатель должен уметь все видеть, но не придавать изображаемому предмету политическую окраску. Конечно, может случиться, что своей книгой писатель вмешается в политику, однако пусть это произойдет помимо его воли, ибо любой умысел подобного рода убивает искусство». Многие писатели доказали и своей жизнью, и своим творчеством обратное. Мастерство Томаса Манна и его (старшего) брата, Альфреда Дёблина, Бертольта Брехта и Лиона Фейхтвангера не страдало оттого, что в своих статьях и лекциях они высказывались о политической обстановке на континенте и в Германии. Участие в дискуссии о Народном фронте, публичные заявления в связи с гражданской войной в Испании, неллицеприятные, а то и резкие оценки порядков в Третьем рейхе делают честь этим и многим другим писателям-эмигрантам.

Но ведь и Ремарк остается в 1930-е годы ангажированным художником, изображая крупные исторические события с откровенно политических позиций. Роман «Три това-

⁴⁶ Буквой Q обозначалось выражение Ich quatsche = Точу лясы, несущепуху.

рища» (действие происходит в последние годы Веймарской республики) и книги о жизни в эмиграции близки по духу эпическому фейхтвангеровскому «Изгнанию», романам Анны Зегерс «Транзит» и «Седьмой крест», «Вандсбекскому топору» Арнольда Цвейга, «Заграничному паспорту» Бруно Франка. Он не проводит параллелей с современной ему действительностью, выбирая жанр исторического романа, как это делают Генрих Манн (роман-диалогия о короле Генрихе IV), Герман Кестен («Фердинанд и Изабелла»), Лион Фейхтвангер («Сыновья», «Настанет день», «Лже-Нерон»), Густав Реглер («Посев»), Стефан Цвейг («Триумф и трагизм Эразма Роттердамского») или Томас Манн («Иосиф и его братья»). Ремарк прямо бросает вызов бесчеловечности своего века, и читателям не приходится гадать, кого или что он имеет в виду... Происходящее в Германии и Европе волнует, потрясает, возмущает, ужасает его в не меньшей степени, нежели тех писателей, которые видят свой долг в том, чтобы публично влиять на ход событий, выходя за рамки чисто художественного творчества.

Впрочем, Ремарк тоже высказывается публично, хотя и делает это вплоть до конца Второй мировой войны крайне редко. «История не знает хорошей литературы при авторитарных режимах, — говорит он, беседуя в 1938 году с одной французской журналисткой в Париже. — В России, занимавшей до революции завидное место в мировой литературе и искусстве, после введения строгой цензуры создано гораздо меньше значительных художественных произведений. В Германии цензура царит как в политической, так и в художественной жизни». Думается, что эти слова не понравились бы ни эмигрантам-коммунистам, ни берлинским цензорам.

По свидетельству Роберта Кемпнера⁴⁷, обвинителя от США на Нюрнбергском процессе, нацисты прислали в 1935 году в Порто-Ронко эмиссара — статс-секретаря Кёрнера из ведомства Германа Геринга, дабы убедить знаменитого писателя вернуться в Германию. Ремарк отверг предложение в резкой форме. Позднее он скажет: «Шестьдесят пять миллионов только и думают, как им выбраться из страны, а я добровольно должен вернуться туда? Ни за что на свете!» Отвечая на вопрос, не тоскует ли он по родине, Ремарк заявляет в упомянутом парижском интервью: «Нет,

⁴⁷ Юрист, выступал в начале 1930-х годов за запрет нацистской партии и высылку Гитлера из страны.

я не еврей... Вопреки распространенному мнению, евреи в Германии были самыми истовыми патриотами... Для меня национальное чувство приемлемо, если оно питает культуру и прогресс, а не отражает абсурдное представление о превосходстве над всеми соседями».

Высказывания такого рода и прежде всего романы Ремарка доказывают безосновательность часто звучавших упреков в том, что в годы эмиграции он якобы не проявлял достаточной политической ангажированности, стремился поставить личную жизнь выше участия в борьбе с фашистской угрозой. Ремарк следит за развитием политических событий с ужасом, гневом, отчаянием, о чем также свидетельствуют его дневники и письма. «С испанских равнин над Европой растекается запах крови, а мир источает вонь разлагающихся холодных сердец, — записывает он 7 апреля 1937 года. — Жалкий век! В 1914—1918 гг. в войну вмешались слишком многие, теперь таких слишком мало, да и не то это. Мир на планете или, по крайней мере, в Европе зависит от прихоти двух тщеславных шутов, которые все больше наглеют, чувствуя, как слабеет противодействие». 14 марта 1938-го, в тот день, когда батальоны вермахта вошли в Австрию, он записывает: «Как и ожидалось, никто и пальцем не пошевелил... Личная война люмпен-одиночки, чтобы заставить жителей Браунау думать о нем иначе». В записи от 31 марта его политический пессимизм выражен общими словами: «Социализм, мобилизовавший массы, уничтожен самими же массами. Равное избирательное право, завоеванное с огромным трудом, убило завоевателей. Если в конечном счете все решает масса, то такой же способностью обладает и демагогия». Лживость политической агитации вызывает у него отвращение. Вот что записывает он в дневник 9 апреля: «Самым омерзительным в сообщениях обо всех этих делах является, пожалуй, искажение фактов с примесью лицемерия; теперь вот они освободили Австрию; спасли ее; от чего-то избавили. Пушки им нужны только потому, что они народец веселый. Ведь итальянцы в Абиссинии только оборонялись; а японцы хотят китайцам помочь». В июне он заносит в дневник даже такие слова: «Думал и о том и о сем. В том числе и об Испании. Надо бы туда отправиться». Но не его это дело, не склонен он просить слова, выступать на собраниях, вступать в споры между немецкими политэмигрантами. Свое мнение по важнейшим вопросам того времени он просто хранит в себе.

В годы между 1933-м и 1950-м жизнь Ремарка беспокойна и даже эксцентрична. Пристрастие к алкоголю и любовные связи подрывают его психическое здоровье, отвлекают от работы, не дают развернуться ему как художнику в полную силу. Он не живет, а словно скользит по поверхности жизни, понимает это, страдает от этого и винит себя в этом. «Работать. Не плыть по течению. Следить за собой». Некоторые из биографов и друзей Ремарка говорят о его жизни в эти годы не только с нотками осуждения, но и с возмущением добропорядочных буржуа, а то и бдительных соглядатаев: перечисляют запойные ночи и скандальные адюльтеры, затрагивая лишь внешнюю сторону его существования.

Годы жизни в изгнании для Ремарка — действительно годы кризиса, но это и неудивительно. Хотя в материальном отношении ему живется гораздо лучше, чем большинству его товарищей по несчастью, он тоже отрезан от своих корней и родного языка. Нацисты сжигают его книги и лишают его гражданских прав. Кошмарными для него были уже годы с 1929-го по 1933-й. Ни на одного из других немецких писателей не было вылито тогда столько клеветы и наветов. Его личная жизнь втаптывается в грязь, его талант ставится под сомнение сразу же после беспрецедентного успеха антивоенного романа. Любовные отношения с Марлен Дитрих, которые начались летом 1937-го и закончились в 1940 году, а вслед затем и связь с русской актрисой Наташей Палей (1941—1950), несомненно, обострили кризис. Многочисленные записи в дневниках свидетельствуют о том, что любовные аферы скорее обременяли и мучили его, чем приносили ощущение счастья. Своего апогея достигает в 1930-е и 1940-е годы и употребление алкоголя.

С другой стороны, нельзя не видеть, что Ремарк напряженно работает все эти годы. В период с 1933-го по 1948-й — в этот год он возвращается в Порто-Ронко — он опубликовал три новых романа и преуспел в работе над двумя следующими. «Три товарища» и «Возлюби ближнего своего» — произведения очень удачные, а «Триумфальная арка» становится мировым бестселлером. Каждый роман Ремарка всегда возникает в нескольких вариантах, что означает: в эти годы написаны тысячи страниц прозы. Дневники к тому же показывают, что жизненный кризис Ремарка проистекает не только из его тяги к ночной жизни и неумных страстей — есть у него более глубокий исток. Страх перед жизнью и работой он испытывает на протяже-

нии десятилетий, успех романа «На Западном фронте без перемен», который, конечно же, неповторим, заставляет смотреть на каждую новую работу гораздо более критическим взглядом. Депрессии — это не следствие неумеренного употребления алкоголя и интенсивной амурной жизни, она не интенсивнее, чем у многих других, не менее знаменитых людей, — даже наоборот. Ремарк непрерывно искал забытья и опьянения, полагая, что иначе ему никак не уйти от мертвой хватки уныния и меланхолии.

Заглянув в историю литературы, увидим, что его стиль жизни не является уникальным. Изнемогший от творческих и служебных трудов, Гёте наслаждался отдыхом в Италии; да и в личной жизни не походил на памятник, воздвигнутый ему благодарными поклонниками классического искусства. Фонтане влюблялся не реже Ремарка, но не любил оплачивать содержание тех существ, что появлялись на свет божий в результате его внебрачных увлечений. Брехт эксплуатировал своих спутниц во всех отношениях, не очень-то заботясь о их эмоциональном состоянии. Дневники Томаса Манна рассказывают о тех соблазнах, к изгнанию которых из своего подсознания так стремился отпрыск старинного бюргерского рода. Описание любовных приключений Лиона Фейхтвангера и Жана Поля Сартра заняло бы сотни страниц. Йозефа Рота в могилу свело пьянство. Оно же, в конце концов, разрушило писательский дар Хемингуэя. Они были эгоцентриками, а в отношениях с женщинами и членами своих семей — людьми зачастую малосимпатичными, одержимыми своей работой, и каждому из них пришлось за все это расплачиваться. Они жили на грани риска, депрессии, и кризисы были неотделимы от их существования. И не было среди них такого, чье творчество не страдало бы от его увлечений. Что ж, жить под постоянной угрозой угасания творческих сил — таков удел любого большого художника.

В январе 1934-го американский журнал «Кольерс» публикует рассказ Ремарка «В пути». Писатель возвращается к теме борьбы за существование (в рабочей среде на строительстве железной дороги) и неприметного героизма в виде просто «порядочного поступка».

В марте того же года он принимается за роман «Пат» в новом варианте. Весной 1935-го часами бродит по улочкам и площадям Венеции и Зальцбурга, в ноябре появляется в

Санкт-Морице, а Новый год встречает в Париже. Рядом с ним теперь Марго фон Опель, временами Ремарк чувствует себя счастливым, едет с ней в мае 1936-го в Будапешт, оттуда в Вену, а в июне он снова в Венеции. Путешествие с Марго по Истрии заканчивается на берегах озера Гарда. Кочуя по старой Европе, Ремарк останавливается в больших отелях, ужинает в лучших ресторанах, пьет дорогие вина, коньяки и водку. Он любит душевную беседу и шумное веселье, которое может длиться до рассвета, он никогда не преминет угостить шампанским не только соседей по столику, но и гостей всего заведения. При этом он продолжает покупать картины, ковры, скульптуры и баловать дам своего окружения букетами цветов и ценными подарками. Дорогая жизнь.

Ютта остается его головной болью. Требуется к себе внимания, в письмах жалуется на его холодность, материально зависима от него. Она постоянно наезжает в Берлин, не чувствуя себя там в безопасности. Ее сестра замужем за братом Геринга Генрихом, не питающим симпатий к нацистам, но полагаться на могучую руку такого родственника она, очевидно, не хочет. Хочет порвать с Германией и досаждают ему своими просьбами. Он отвечает вежливо, ничего не обещая.

Собственная ситуация и литературные планы — тоже пища для постоянных раздумий. «Что писать — пьесу или роман?» — «Вчерашним методом сегодняшней книги не написать. Только забыв, что владеешь всем арсеналом художественных средств, можешь браться за перо». — «У писателя должен быть крепкий зад. Прострел не стимулирует. Славу, как правило, приходится высиживать. Правда, бывают и исключения, но тогда это везение или обман». Самому ему не до того, чтобы творить, высиживая романы. Издатели и переводчики торопят со сдачей рукописи. Давление нарастает, а работа над новым вариантом «Трех товарищей» идет туго. Казалось бы, благодатная тишина так располагает здесь к трудам... Но есть и причина, которая чуть ли не выталкивает его из Порто-Ронко: «Последние пять лет здесь — они схлопнулись как карточный домик, выдав всего лишь какой-то пшик. Надо рвануть отсюда».

Ремарк не отличался особым хлебосольством, но если гости появлялись, мог проболтать с ними всю ночь. «Ежегодные визиты к Ремарку проходили всегда одинаково, — вспоминал издатель Фриц Ландсхоф. — Всякий раз, когда я звонил ему, чтобы договориться о дне и часе моего прихо-

да, он долго медлил, прежде чем вообще назвать какой-либо срок. Наконец отыскивал несколько минут для разговора за чаркой ранним вечером. И каждый раз эти несколько минут растягивались, включив в себя импровизированный ужин, — до раннего утра... Рассказывая о своей жизни, хозяин с особой теплотой говорил о своей страсти к коллекционированию».

Беспокойная жизнь не снимает душевной смуты. Как тут не сетовать на окружающую его пустоту? «Подготовил стол к работе. Но стану ли работать?.. Закончу ли книгу?» — «Не люблю писать. Ни писем, ни книг... Для моего возраста я слишком устал. Не знаю, чего хочу. Не ведаю своих желаний. Цели?.. Разве стремление к любой цели не благой самообман, коли я не знаю ответа на вопросы: откуда? зачем? куда?» А через пару дней, переехав через лагуну на Лидо, он запишет в дневник: «Сидел на пляже. Разглядывал людей. Нет, и у буржуазности есть нюансы. Жалкий вид у пар с привычной усталостью на лицах. Любовь с налетом пыли; смрадный аромат чувств. Вечер с большим, каменным ликом горизонта, ветер из зева тысячелетий, мимолетный блеск чудовищного мгновения: кто знает, что можно из всего этого сделать? Ломовые лошади жизни, вековечный сор природы... И потребовались тысячелетия, чтобы породить все это? Затратить титанические усилия ради никому не известной цели?»

Мысли о скорой смерти, тщетности бытия — их не утопить в вине, не заглушить оживленной дружеской беседой. В свой сороковой день рождения, вечером в Порто-Ронко, Ремарк записывает в дневник: «Играет серый котенок. Чешут собак. Благоухают цветы. А что же здесь делаю я?.. Тебе уже сорок. Постарел за год на десять лет. Жизнь, растраченная впустую... Заводил патефон. Фотографировал комнату. Странное чувство: будто мне сюда уже никогда не вернуться. *Как будто все в последний раз*: лето, дом, тишина, счастье, Европа, быть может, сама жизнь». И между этими, зачастую неожиданными, перепадами настроения долго-долго и в муках рождается новый роман.

Мир тем временем почти разгадал планы Гитлера, но преградить диктатору дорогу по-прежнему не готов. 12 марта 1938 года немецкие войска вступают на территорию Австрии. На площади Героев в Вене огромная толпа восторженно приветствует соотечественника, который в патетических выражениях сообщает ей с балкона Нового замка, что его родная страна присоединена к Германскому

рейху. 30 мая Гитлер приказывает генералам подготовиться к военному удару по Чехословакии. В сентябре усилиями его наймитов разражается «судетский кризис». Британский премьер Чемберлен едет в Берхтесгаден и Годесберг для встречи с «фюрером». «Политика умиротворения» заканчивается подписанием Мюнхенского соглашения: Лондон и Париж приносят Чехословакию в жертву неумным аппетитам Гитлера. 1 октября вермахт оккупирует Судетскую область. В ночь с 9 на 10 ноября в самой Германии начинаются погромы, горят синагоги, сотни евреев убиты, тысячи отправлены в концлагеря. Европа неуклонно движется к новой войне, а лидеры западных демократий то ли не замечают этого, то ли не хотят замечать. В такой вот взрывоопасной обстановке на полках книжных магазинов и появляется роман «Три товарища».

«Три товарища»

Новой книги от Ремарка читателям пришлось ждать долгих пять лет. Роман выходит сначала в американском переводе: в 1936 году под заголовком «Three Comrades». Затем, в 1938-м, на немецком в голландском издательстве «Кверидо», ставшем родным домом для крупнейших писателей Веймарской республики. Произведения Генриха Манна, Франца Верфеля, Арнольда Цвейга, Лиона Фейхтвангера печатаются в Амстердаме до прихода сюда нацистов. Томас Манн не принадлежит к этому кругу. Храня верность великому Самуэлю Фишеру, он отдает свои сочинения его зятю и наследнику Готтфриду Берману-Фишеру, который перемещает это знаменитое немецкое издательство сначала в Вену, а потом в Стокгольм.

Может показаться, что политическая злоба дня в этой захватывающей истории о большой любви и верной дружбе оказалась где-то на обочине. Ремарк снова рассказывает о «потерянном поколении», делая его представителями трех молодых людей, — лишенных иллюзий, циничных и в то же время обладающих той силой, которая обозначается у Ремарка лапидарным «несмотря ни на что». Занимаются они тем, что чинят в своей мастерской автомобили, а если повезет, то и продают их, сводя таким образом концы с концами. Рассказчик Роберт Локамп, экс-автогонщик Отто Кестер и «последний романтик» Готфрид Ленц сражались на Первой мировой в одной роте, переживали все

ужасы войны сообща, и это сформировало их характер и отношение к жизни: «Живи, пока живется, чего там»⁴⁸. Чтобы забыться, приходится говорить и пить каждую ночь напролет. «С железной несокрушимостью восседали мы за стойкой бара, музыка плескалась, жизнь светлела и наливалась силой, мощными волнами теснила нам грудь, унося прочь и саму память о безнадежности пустых мебелишек, которые нас ожидали, о безотрадности существования. Стойка бара была капитанским мостиком на корабле жизни, и мы смело правили в пучину будущего...» Они умеют постоять за себя в драке и борются за элементарное выживание, сопровождают вихри и заторы времени саркастическими замечаниями, сохраняя в шершавой оболочке своего скептицизма ту человечность, которая не дала иссякнуть их способности к состраданию.

Настроение, которым были охвачены герои «Возвращения», словно передалось и Роберту Локампу с его товарищами. Чувства разочарования и опустошенности, которые они испытывают в мире, ничего не желающем знать ни об ужасах войны, ни о пороках окружающей действительности, не позволяют и никогда не позволят им принять буржуазную «нормальность» как норму и своей жизни. «Всякие там цели делают жизнь буржуазной», — говорит Готфрид Ленц с усмешкой. Горечь и печаль чувствует Ремарк, размышляя о судьбе своего поколения: «Мы хотели сражаться с ложью, себялюбием, бессердечием, корыстью — со всем тем, что было повинно в нашем прошлом, что сделало нас черствыми, жесткими, лишило всякой веры, кроме веры в локоть товарища и в то, что нас никогда не обманывало, — в небо, табак, деревья, хлеб, землю; но что из всего этого вышло? Все рушилось на глазах, предавалось забвению, извращалось. А тому, кто хранил верность памяти, выпадали на долю бессилие, отчаяние, равнодушие и алкоголь. Время великих и смелых мечтаний миновало. Торжествовали деляги, коррупция, нищета».

Они «отвергнутые», утратившие способность думать о будущем. «Есть ли на свете что-нибудь, кроме одиночества?» Но они выжили, и это важнее всего остального. В кафе «Интернациональ», этом пристанище проституток и сутенеров, спекулянтов и неудавшихся художников, месте, где простого человеческого тепла ищут те, кто вы-

⁴⁸ Цитаты из романа «Три товарища» приводятся в переводе Юрия Архипова.

брошен за борт жизни, не осталось и следа от атмосферы их юношеских лет, от романтических мечтаний и примет вильгельмовского времени. Пустоту заполняют воспоминания о войне, звуки терпящей крах республики и бокал рома как эликсир жизни: «Ром вне измерений вкуса. Ведь это не просто напиток, это скорее друг. Друг, с которым легко. Он изменяет мир. Оттого-то люди и пьют его...» Они носятся по дорогам в обшарпанном автомобиле с мощным мотором, любовно называют машину «Карл», гордятся им еще и потому, что никакого другого имущества у них нет, и выигрывают на нем даже престижную гонку. И это не только бегство от реальности, но и «новая деловитость», опьянение жизнью, гимн каждому мгновению их земного существования.

Не пасынками судьбы, но сознательными аутсайдерами в жестокой окружающей действительности воспринимают себя владельцы маленькой автомастерской, художник Фердинанд Грау, который зарабатывает себе на хлеб тем, что пишет портреты усопших, жильцы пансиона фрау Залевски, и рассказчик, обитающий там в меблированной комнатухе. («Зато ты член ордена — Ордена неудачников и неумех, с их бесцельными желаниями, с их бесплодными мечтами, с их любовью без будущего, с безрассудностью отчаяния...») Бухгалтер Хассе повесится на пояске от халата своей жены, когда узнает, что она обманывает его. Студент Георгий не может осуществить заветную мечту — получить диплом о высшем образовании: запас денег, заработанных для этой цели шахтерским трудом, иссяк. Эрну Бениг, секретаршу какого-то босса, ожидает тоскливая жизнь в одиночестве, ведь неизбежно настанет час, когда любовники ее покинут. В трагедиях этого социального микрокосмоса отражается ужас времени, предшествующего мировой экономической депрессии. «Сцепились супруги Хассе, жившие уже лет пять в тесной комнатухе; жена сделалась истеричкой, а мужа просто задавил страх потерять свою должность. Для него это был бы конец. Ему ведь было сорок пять лет, и никто не нанял бы его больше, если бы он стал безработным. В том-то и был весь ужас: раньше люди опускались постепенно, и всегда оставалась возможность снова выкарабкаться наверх, теперь же любое увольнение сразу ставило на край пропасти, именуемой вечной безработицей».

Придя в музей, Локамп видит там толпу людей, пришедших туда, как выясняется, не для того, чтобы насла-

даться произведениями искусства, а потому что там топят и, следовательно, там можно укрыться на пару часов от холода, царящего под мостами и на улицах. В этой и многих других сценках романа Ремарк рисует такую картину жизни в Веймарской республике конца 1920-х годов, в которой сострадание к «сырым и убогим» стоит рядом с обвинением тех, у кого в руках и власть, и богатство. «Во всех залах царила тишина; несмотря на большое количество посетителей, не было слышно ни слова, и все же мне казалось, что я наблюдаю за какой-то титанической борьбой, неслышной борьбой людей, которые повержены, но не хотят сдаваться. Их выкинули из сферы труда, устремленности к цели, профессиональных занятий, и вот они заполнили собой тихое пристанище искусства, чтобы не закостенеть в отчаянии. Они думали о хлебе, об одном только хлебе и о работе, но они шли сюда, чтобы хоть на несколько часов убежать от своих мыслей, и вот бесцельно слонялись, волоча ноги и опустив плечи, меж правильных римских голов и прекрасных белоснежных эллинских изваяний — потрясающий контраст, безутешная картина того, чего человечество достигло за тысячи лет и чего оно достичь не смогло: оно создало бессмертные шедевры искусства, но не смогло дать вдоволь хлеба каждому из своих собратьев».

Фоном же всего повествования является растущее влияние идеологии насилия и устрашения. Ремарк особо и не старается закамouflировать харизматического политагитатора, за которым вскоре должны последовать массы.

«На сцене стоял коренастый, приземистый мужчина, у которого был низкий зычный голос, хорошо слышимый в самых дальних уголках зала. Это был голос, который убеждал уже сам по себе, даже если не вслушиваться в то, что он говорил. Да и говорил он вещи, понятные каждому. Держался непринужденно, расхаживал по сцене, размахивал руками. Отпивая время от времени из стакана, отпускал шутки. Но потом вдруг весь замирал и, обратившись лицом к публике, изменившимся резким голосом одну за другой бросал хлесткие фразы — известные всем истины о нужде, о голоде, о безработице, и тогда голос его нарастал, доходя до предельного, громового пафоса при словах: “Так дальше жить нельзя! Перемены необходимы!” Они сидели в душном зале, откинувшись назад или подавшись вперед, подставляя сомкнутые ряды голов потоку слов; но странно: как ни разнообразны были лица, на них было одинаковое отсутствующее выражение и одинаковые сонливые взгляды,

устремленные в туманную даль, где маячили прельстительные миражи; в этих взглядах была пустота и вместе с тем ожидание чего-то невероятного, что, нахлынув, сразу поглотит все — критику, сомнения, противоречия, проблемы, будни, повседневность, реальность. Человек на сцене знал все».

Вслед за этим Локамп и Кестер попадают на другое политическое собрание, и им сразу же видно, что проводят его социал-демократы. Стол президиума перед рядами стульев покрыт белой скатертью, за столом не только партийные секретари, но и «какие-то ретивые старые девы». «Оратор, судя по всему, чиновник, ...говорил казенно и скучно, приводил доказательства, цифры; все было толково и верно и все же не так убедительно, как у того, предыдущего, который вообще ничего не доказывал, а лишь утверждал». Точными, скупыми мазками Ремарк обозначает дилемму, перед которой стояли демократы республики, и показывает, что в борьбе против движения хиромантов и ксенофобов они были обречены на поражение, ибо тем «не нужна была никакая политика. Им нужно было что-то вроде религии».

Улицы Германии начинает завоевывать темная сила, которую многие еще не принимают всерьез. Возобновляется гражданская война, которая сотрясала республику уже в первые годы ее существования и будет теперь длиться до тех пор, пока не закончится победой диктатуры. «В городе было беспокойно. По улице проходили колонны демонстрантов: одни — под громовые звуки военных маршей, другие — с пением “Интернационала”, третьи двигались молча, с требованием работы и хлеба на транспарантах. Топот бесчисленных шагов по мостовой воспринимался как ход громадных, неумолимых часов. Под вечер произошло столкновение между бастующими и полицией, двенадцать человек получили ранения. Ясно было, что всю полицию подняли по тревоге если не с утра, то в полдень. Завывание сирен доносилось даже с дальних улиц». Готфрид Ленц, этот веселый скептик и мрачноватый любитель приключений, будет застрелен нацистом прямо на улице — более или менее случайно, его с кем-то перепутают. Снова наступает время, когда человеческая жизнь в глазах все более и более радикализирующегося общества не будет стоить и ломаного гроша.

На насильственную смерть товарища Отто Кестер решает ответить мстью. День за днем прочесывает он улицы

большого города в поисках убийцы. Но найдет его и совершит акт отмщения не Отто и не Роберт Локамп, а человек из их круга. Возмездие станет одним из центральных драматургических моментов во всех последующих романах Ремарка. Не таким безобидным, как в случае с Паулем Боймером и его товарищами, которые подкараулят ненавистного им Химмельштосса ночью и хорошенько вздуют его, и не таким «частным», как в истории с Альбертом Троске, который убивает спекулянта Юлиуса Барчера из чувства ревности («Возвращение»). Кестер планирует свои действия хладнокровно и целеустремленно, а в более позднем романе Равик преследует и убивает нациста Хааке без всякого сожаления («Триумфальная арка»). Не испытывает угрызений совести и номер 509, убивая выстрелом из пистолета одного из тех, кто издевался над заключенными в концлагере «Меллен» («Искра жизни»). Ремарк демонстрирует таким образом один из принципов своего мировоззрения. Человек, который лишен всех прав и жизнь которого находится под угрозой, не должен мириться с ролью жертвы, не оказывая сопротивления. Потерян только тот, кто сдается «без боя», взирает на кровавые оргии палачей смиренно и безропотно. Унижения, которым человек подвергается со стороны своих мучителей, уничтожат его как личность, если он не станет оказывать им сопротивление. Мечь указывает путь к сохранению самоуважения и жертве, психике которой грозит разрушение, ибо не может быть настоящего выживания без уважения к самому себе. Поскольку право и закон лишились в эти времена своей обычной силы — в том числе и в далеких от фашизма государственных образованиях, где беженцев сплошь и рядом выталкивают из страны, бросают в тюрьмы, оставляют без средств к существованию, — то единственным путем возвращения закону его действительности является, по мнению Ремарка, собственный поступок человека. Позицию, которую он занимает в таких ситуациях, нельзя не назвать «воинствующей». Но мир слишком долго попустительствовал гитлерам и бездушным бюрократам в «нейтральных» странах, чтобы путь, по которому идут многие его герои, не стал теперь единственно возможным.

Авторы некоторых рецензий с удивлением отмечали в те годы, что в своей новой книге Ремарк обошел появление национал-социализма молчанием, хотя опубликована она была *после* прихода Гитлера к власти. Приведенные выше пассажи из романа показывают необоснованность такой

реакции. Ремарк не выходит за пределы временных границ, в которых он поселил своих героев, он не хочет выглядеть эрудитом, знающим, какой конец ожидал Веймарскую республику. В конце 1928 года Гитлер слыл еще политическим авантюристом, презираемым как буржуазией, так и рабочими. Заметим, что в рейхстаге у его партии было тогда всего двенадцать мандатов. Восхождение Гитлера к власти началось лишь после того, как в 1929 году развернулись дебаты вокруг плана Янга. Заключив союз с Гутенбергом в вопросе о реализации этого плана и развязав кампанию против окончательного урегулирования вопроса о репарациях, угнетающих республику скорее психологически, чем экономически, Гитлер набирает мало-помалу политический вес и становится в глазах мелких буржуа, правых националистов и некоторой части рабочего класса фигурой, представляющей собой серьезную альтернативу. Действие романа «Три товарища» вклинивается в столь важный 1929 год, и Ремарк строит его с такой последовательностью, что политический фон обретает более или менее отчетливые контуры лишь в последних главах романа.

Но для многих читателей это и по сей день прежде всего романтическая и мелодраматическая история о любви. Рассказывая о жизни Патриции Хольман, Ремарк впервые создает женский образ большого масштаба. В предыдущих романах образы женщин оказывались не более чем схематичными, служа изображению солдатских мечтаний о мире и домашнем уюте или более или менее смачному описанию того, что происходило в солдатских борделях, при визите к француженкам по ту сторону фронта, а также на деревенских танцплощадках.

Мы знаем: любовь, прекрасная, полная борений и страданий, неотделима от жизни Ремарка, занимая в ней главное место и играя центральную роль. Он знает, как она может пьянить и кружить голову, как может помочь сбросить оковы одиночества, заменив их сердечной привязанностью к другому человеку. Но ему знакомо и ее разрушительное действие, знакомы поражения и унижения в виде ее неизменных спутниц. Ему не чуждо чувство ревности, отказ в интимной близости может отправить его в нокаут.

Харли Ю.Тейлор утверждает в своей работе о жизни и творчестве Ремарка, что главная героиня романа, Пат Хольман, представляет собой зеркальное отражение Ютты Цамбоны. «If it is true that every person has one great love in his life, — пишет он, — then this was Remarque's... no other

relationship apparently ever touched him as deeply»⁴⁹. Даже если принять во внимание, что Ремарк посвятил роман Ю.Р.Ц. (Ютте Ремарк Цамбоне) и что в образе Пат мы без труда обнаружим немало черт характера и внешнего облика Ютты, то и тогда категоричность суждения Тейлора не покажется нам убедительной.

Пат — это, несомненно, идеал женщины: пожалуй, именно такой виделась и снилась автору спутница его жизни. Красивая, ласковая, не буржуазная, не только возлюбленная, но и «товарищ». Образ этой героини — прежде всего порождение его фантазии. Она «подходит» к этой истории, ее любовь к «Робби» Локампу видится автору символом надежды на то, что при всей беспросветности жизни в ней всегда найдется лучик света, означающий, что человек может найти себя в другом человеке. «Я видел ее перед собой, красивую, юную, полную трепетного ожидания, эту бабочку, залетевшую благодаря счастливой случайности в мою... пустую, бессмысленную жизнь...» Любовь, утверждает романтик Ремарк, придает бессмысленному смысл: но он не был бы меланхоличным скептиком, если бы не ставил под сомнение и эту надежду, если бы не разрушал ее. «Я вот что скажу тебе, Робби, если серьезно, — философствует умудренная жизнью уличная девка Роза, — человеческая жизнь слишком длинная для любви. Просто-напросто слишком длинная. Это мне мой Артур объяснил, когда удирал, на прощание. И это верно. Любовь — это чудо. Но для одного из двоих она всегда тянется слишком долго. А другой упрется как бык, и все не с места. Вот и остается ни с чем — сколько бы не упирался, хоть до потери пульса».

Пат умирает в санатории от туберкулеза. Ремарк выбирает чахотку, болезнь из романов и опер XIX века (ею страдает и Ютта), не только для того, чтобы показать, как и чем заканчиваются исполненные любви и нежности отношения между Патрицией и Робертом. В трагическом финале повествования мы не видим просветления, но слышим призыв вернуться к началу печальной истории: «Есть ли на свете что-нибудь, кроме одиночества?» Локамп прощается с умирающей перед рассветом, сидя у ее постели. «Я видел, как изменялось ее лицо. А я все сидел и смотрел и не мог ничего с собой поделать. Потом наступило утро, и ее больше

⁴⁹ Если верно то, что в жизни каждого человека есть одна большая любовь, то таковой была любовь Ремарка... Никакая другая связь никогда не волновала его столь глубоко, как эта (англ.).

не было». Ничего незыблемого в мире нет, кроме беспредельной пустоты нашего бытия.

Пат, «отважный дружище», — четвертая в союзе «трех товарищей». Именно принадлежность к их союзу делает ее столь привлекательной для Роберта Локампа. Именно в этой книге тема товарищества заявлена Ремарком как одна из главных в его творчестве. В мире Пауля Боймера, под градом бомб и снарядов, узы товарищества не менее крепки, чем те, что связывают друзей Эрнста Биркхольца, вернувшихся с фронта и не находящих себе применения в мирной жизни. Узами товарищества — пусть и подточенными недоверием беглецов друг к другу — соединены и некоторые из бесправных и униженных в романах об эмиграции. Огонек товарищества не гаснет даже в такой среде, где жалости нет и не может быть места. Но именно солидарность позволяет заключенным собраться с силами, чтобы оказать сопротивление охране концлагеря в романе «Искра жизни». Пессимист и дизайнер меланхолической печали, Ремарк не устает славить товарищество, последнюю опору его усталых героев-неудачников. Вводя это понятие в заголовок романа, он сделал его в «Трех товарищах», если можно так сказать, программным.

Между тем понятие это никак не назовешь безопасным, если говорить о том, как оно используется в творчестве Ремарка. Мастерски описывая человеческие отношения с сильной дозой реалистического скепсиса, он нередко теряет ощущение равновесия. Некоторые из его историй близки апологиям чисто мужеского братства, и даже война не кажется ужасной, когда автор превозносит единение своих героев как чуть ли не величайшее событие в их жизни. «Мы не дали себя сломить, мы приспособились; в этом нам помогли наши двадцать лет, из-за которых многое трудное было для нас так трудно. Но самое главное это то, что в нас проснулось сильное, всегда готовое претвориться в действие чувство взаимной спаянности и впоследствии, когда мы попали на фронт, оно переросло в единственно хорошее, что породила война, — в товарищество!» Пауль Боймер, из уст которого звучат эти слова, конечно же, не Ремарк, но он, несомненно, предстает здесь выразителем мыслей автора. Такие обладающие большой силой внушения и повторяющиеся формулировки подвигли даже некоторых националистически настроенных критиков к тому, чтобы расхваливать роман об окопной жизни. А ведь со своим героизирующим взглядом на войну они и без того

считали армию школой нации, школой воспитания людей, верных кайзеру и Отечеству. Гимны товариществу были средством борьбы с индивидуализмом, ими гасилось критическое отношение к рейху и его элитам.

Такая авторитарная позиция, конечно же, совершенно чужда устремлениям пацифиста Ремарка. Однако и идеализация солдатского сообщества воспринимается сегодня не без двойственных ощущений. Притом что «товарищи» Ремарка, эти маленькие группки людей, объединяемые в его романах словом «мы», образуют однозначно антивоенную общность, противоположную в своей гражданственности тем, кто воспевал в своих милитаристских опусах союзы взрослых мужчин.

Тем не менее можно, пожалуй, понять недоумение читателя, обнаруживающего, как эта тема раз за разом — по крайней мере в романах, написанных в период с 1928 по 1935 год — звучит у Ремарка слишком настойчивым лейтмотивом, а «товарищество» воспринимается им, наряду с любовью, единственно надежным убежищем, достойным того, чтобы переносить в нем весь мрак земного существования. В этом давно усвоенном взгляде, несомненно, отражается многое из пережитого самим писателем. Вспомним, что чувство общности с единомышленниками впервые посетило его в «приюте грёз». Сыграла свою роль и романтика молодежных походов по взгорьям и долинам Германии. Не случайно в дневниках 1918 года он уносится мечтами и печалью именно в то благословенное время. Вот и Биркхольц, бродя по лесу в «Возвращении», предается воспоминаниям «о далеких временах: вечера у костров, народные песни, звон гитары, торжественность ночи над палатками. Это была наша юность. В последние годы перед войной в романтике “перелетных птиц” жило ожидание нового, свободного будущего...». Будучи солдатом, — в воспоминаниях многих участников войны говорится о похожих ощущениях, — Ремарк тоже находит опору в товарищеской спайке с людьми, оказавшимися в экстремальной ситуации. Быть может, тоска по утраченному чувству общности приводила и к частым застольям с приятными «собутыльниками».

Глубоким, вызванным войной переживаниям предшествовали воспоминания о времени безмятежных надежд и дружеских связей, и потому поведение как писателя, так и многих его героев диктуется — по точному выражению Йозефа Веннемера — «характерным для ребенка, иррациональным поиском уюта и безопасности». Эмиль Люд-

виг пишет в очерке о своем соседе и ценном собеседнике: «Одно из чувств переживалось им сильнее, чем большинством других писателей: товарищество. Он нашел его в свои 18 лет на войне, с тех пор искал по всему свету и, как мне кажется, напрасно».

Мы знаем, сколь сильна в подростковом возрасте тяга к общению и дружбе с ровесниками. Именно на этом отрезке жизни молодой человек нередко набирается опыта, которым будут определяться потом многие его поступки. Ремарк остается «подростком» и в зрелом возрасте. Увлечение романтизацией товарищества достигает при этом такой силы, что оно не выдерживает столкновения с действительностью. А что такое товарищество как не противовес жесткой реальности в мечтах одиночки? Но оно, безусловно, и метафора того, к чему он зовет и призывает во всех своих романах: солидарность! Общество, не спаянное солидарностью, погружается в хаос и варварство. Ремарк не устает обращать наше внимание на этот основной элемент человеческого общежития и делает это с такой проникновенностью, что наши сердца начинают биться в унисон с сердцами его героев. В «Трех товарищах», например, — и в каждом из его романов есть тому десятки примеров — это чувство передается нам, когда Отто Кестер расстается со своим «Карлом», чтобы Локамп мог оплатить пребывание Пат в санатории. В заметках об этой книге Ремарк очерчивает свою концепцию следующим образом: «Роман... рассказывает... о людях, которым приходится вести жесткую борьбу за выживание; они не питают иллюзий, но знают, что товарищ — это все, а судьба — ничто».

Солидарность — ключевое понятие ремарковской эпикки. Вольно или невольно, но читатель проникается ею, мерцающей во мраке истории, на фоне которого живут, любят, страдают герои романов Ремарка. И, как следствие, гораздо менее убедительным, а то и натужным и даже расхожим кажется нам понятие товарищества, не случайно называемое порой «ландскнехтовским».

Романы, написанные вслед за «Тремя товарищами», делают этот лейтмотив относительным, а в более поздних книгах («Время жить и время умирать», «Жизнь взаимы», «Ночь в Лиссабоне») его нам просто не найти. Более того, признаки пессимистического взгляда на «камерадшафт» можно обнаружить уже в истории о любви Локампа и Патриции Хольман. «“Три товарища” для меня — лебединая песня товарищества, бессильного помочь человеку в борь-

бе против варварства и власти судьбы», — говорит Томас Шнайдер.

Роман «Три товарища» родился годами и — в сравнении с двумя предыдущими — при обстоятельствах необычайных. И причиной тому прежде всего политические события, сопровождавшие работу над рукописью. А работа эта началась сразу же после выхода в свет «Возвращения» отдельной книгой, то есть весной 1931 года. Менее чем через два года, под заголовком «Пат», был готов первый, предназначенный, скорее всего, уже для печати, вариант романа. Работая в Нью-Йоркском архиве писателя, Томасу Шнайдеру удалось установить, что Ремарк заготовил «немалое число заметок и набросков», которые «использовал для разработки концепции действия и характеристик героев». В очерке об истории возникновения романа Шнайдер цитирует письмо Лотты Пройс, датированное 30 января 1933 года и явно свидетельствующее о том, что рукопись к этому моменту была, с ее точки зрения, вполне готова к печати: «Эрих, милый, ну что мне сказать тебе: читая, я ревела, писала это письмо и опять ревела... другого такого романа о любви я не знаю — они должны дать тебе Нобеля».

Приход Гитлера к власти многое меняет, конечно же, и в жизни Ремарка. Он лишен права публиковать свои вещи на родине. И ничем не отличается таким образом от практически всех леволиберальных, антимилиитаристски настроенных, а также европейских по происхождению писателей. Кроме того, ему важно, чтобы изменения в политической обстановке нашли отражение в его романе. Ему кажется, что события на мировой арене даже требуют этого от него. «Большое число вариантов текста в виде машинописи, правленных рукописей и других записей указывает поначалу на доработку концепции “Пат”, а затем на столь значительные изменения в структуре текста, что можно уже говорить о том варианте, который стал романом под названием “Три товарища”».

Новый оригинал готов весной 1936-го. Правда, до его публикации в Америке писатель еще приложит к нему руку; об этом мы тоже узнаем от Томаса Шнайдера. Пока же, в апреле 1936-го, Ремарку пишет его английский издатель Хантингтон: «Прочитал Ваш новый роман — о крайне симпатичных молодых людях, которые, имея в послевоенные годы всего лишь гараж, мужественно преодолевают житейские невзгоды. Каждая страница книги доставляла

мне истинную радость, душевная теплота, присущая ее героям, согревает не только их самих, но и читателя. Вам удалось рассказать об этом с большим мастерством, с чем я сердечно Вас и поздравляю».

После обмена мнениями о заголовке — первоначально планировалось название «Хоть малую толику жизни», Хантингтон предлагал и прибыльное, но никак не соответствующее интенции романа «Мы были молоды и веселы» — он вышел в 1937 году в Англии под заголовком «Three Comrades». Осенью 1936-го Ремарк занес в дневник и сам же забраковал еще несколько вариантов: «Пыль на ветру? Мгновения судьбы? Зыбь? Сумерки? С мечтою в ночь? Our little Life?⁵⁰ Ищи-ка, брат, ищи!»

С февраля по май 1937-го новый роман Ремарка читали подписчики американского журнала «Домоводство». Понятно, что публиковался он в продолжениях, и добропорядочные граждане могли наслаждаться чтением, растягивая его на целую неделю. Отто Клемент установил контакт с Голливудом и не продешевил, продав права на экранизацию компании MGM.

По сравнению с первоначальным вариантом действие романа «Три товарища» не связано напрямую с событиями в «Возвращении», как это было в случае с «Пат». Сильно приглушены в окончательном тексте и отзвуки мирового экономического кризиса, достигшего своего пика как раз в те недели, когда писался первый вариант. Отношение Ремарка к «Пат» выразилось и в его дневнике: «Эта книга третья и последняя в ряду, состоящем пока из “На Западном фронте без перемен” и “Возвращения”. Тема ее, по существу, та же самая. Вопрос, поставленный и в том, и в другом романе, сотням тысяч, адресуется здесь одному человеку. Это вопрос жизни и смерти; вопрос “Почему?”». Отчасти он продолжает звучать и в «Трех товарищах». В окончательном варианте романа мы уже слышим топот нацистских колонн, теснящих республику к краю бездны. Если в «Пат» Ленц становится жертвой несчастного случая, то в «Трех товарищах» — уже политического убийства.

Обнаруживая немало схожего с «Возвращением», роман своеобразен и по языку, и по выбору той социальной среды, в которой разворачивается его действие. Там оживает обывательски ограниченная провинция, язык диалогов непритязателен, здесь пульсирует жизнь большого города.

⁵⁰ Наша крохотная жизнь (англ.).

Кафе с их пестрой публикой полусвета, блеск нуворишей и прозябание столичной бедноты, букмекерские конторы и шикарные авто, жаркие политические дебаты в городе, к завоеванию которого готовится Геббельс, — все это изменило не только фон, но и манеру повествования. Люди фривольны в своем поведении, в нем все меньше того, что формировало Эрнста Биркхольца и его товарищей на фронте. Юмор Ремарка, его раскованный, немного грубоватый язык становятся красочнее и легче. «Наше время еще не нашло слов для выражения своих чувств. Ведь оно может быть только лихим и бесшабашным, превращая все остальное в поделку». Впечатления от тех лет, которые он прожил в Берлине, вплетаются в ткань романа. И это идет ему на пользу.

Тираж на немецком языке не шел ни в какое сравнение с тиражом обоих предшественников: 17 500 экземпляров показали Кверидо для «автора бестселлеров» ввиду недоступности рынка в Германии достаточно приемлемыми. Что, кстати, уже не имело для Ремарка принципиального значения — в отличие от большинства его менее именитых и удачливых коллег. Его уже давно читали во всем мире, и наряду с немецким изданием «Три товарища» существовали в переводах на многие другие языки.

В оккупированной Германии роман впервые выходит в сентябре 1951 года у Деша в Мюнхене. Кверидо и Берман-Фишер сообщают автору, что они не претендуют на сохранение прав в отношении «Трех товарищей» и «Возлюби ближнего своего», изданных ими в эмигрантские годы. А в строках письма нового издателя автору чувствуется гордость: «Мы намеренно выбрали более крупный формат и... придали красочный вид суперобложке. Уже на ярмарке во Франкфурте было заметно, что книга выделяется среди сотен других своим оформлением. Благодаря этому она будет привлекать к себе внимание и в витринах». Вновь придя на немецкий рынок, первый «Ремарк» не становится бестселлером. («На Западном фронте без перемен» издан к этому времени лишь специально для военнопленных в американских лагерях, а «Триумфальная арка» выходит в свет в 1948 году в небольшом швейцарском издательстве «Миша», которое вскоре объявляет о своем банкротстве, и распродается со скидкой.) Первый тираж не превысил 10 тысяч экземпляров, второй продан лишь в конце 1952 года. Впрочем, роман охотно приобретают различные книжные товарищества и издают его внушительными тиражами. В но-

ябре 1951 года «Трех товарищей» начинает публиковать иллюстрированный журнал «Квик» — по частям и с некоторыми сокращениями.

Рецензии в Германии были разными — скептически, отрицательными, хвалебными. «Потерянное поколение Хемингуэя действительно убито пустотой; у Ремарка герои полусвета с пустотой кокетничают», — писал критик берлинской газеты «Тагесшпигель». «Литературной субстанции за время между предпоследней книгой и романом “Три товарища” у него (Ремарка) не прибавилось», — пренебрежительно заметил Ф. К. Вайскопф. Гэдээровская газета «Зоннтаг» писала: «Что сказать читателю об этом романе, который появился на Западе еще во времена фашизма? Что сказать ему, заметившему, что Ремарк, весьма далекий от того, чтобы развивать позитивные элементы романа “На Западном фронте без перемен”, усиливает как раз негативные, которых было больше?» Что ж, пессимизм Ремарка не вписывался в картину сияющего пролетарского общества будущего, которую рисовали своим согражданам правители ГДР.

«Франкфуртер альгемайне», напротив, видела в авторе «искусного рассказчика» и «приверженца идей гуманизма». «Так возникают образ поколения, существующего меж времен, хроника, сложенная из авантюрных гравюр на дереве, и любовная рапсодия, подобных которой в современной литературе можно пересчитать по пальцам». Одобрительные голоса звучат и в провинции, вуппертальский «Генераль-анцайгер» называет роман «пожалуй, самым впечатляющим произведением наших дней». Не меньше энтузиазма и в суждении органа западногерманских профсоюзов «Вельт дер Арбайт»: «Книга соединяет верность реальности с поэтической силой. История товарищества рассказана на редкость прекрасно и проникновенно. Не так уж много найдется в нашей литературе примеров той сдержанной нежности, с которой развертывается здесь перед нами история одной любви».

Откликнуться на появление романа в 1938 году могли, конечно же, только зарубежные и эмигрантские газеты. От суждения Альфреда Польгара в базельской «Националь-цайтунг» веяло эйфорией: «Давненько не читали мы такой прекрасной, сильной повести о любви... Ремарк рассказывает мастерски, сжатым, гибким, схватывающим суть вещей, непосредственным языком». В эмигрантском журнале «Дас Ворт», издаваемом Брехтом, Фейхтвангером,

Бределем и находящемся под русским влиянием, критик не оставил от книги камня на камне: «Все это дешевая погоня за сенсацией». Москве, видимо, не понравилось, что Ремарк не отдал должное «борьбе» немецких коммунистов в последние годы существования республики. Хотя найти в романе один из бесспорно «марксистских» тезисов не составляет особого труда. Замечание Локампа «это не мир свихнулся, а люди» встречает возражение со стороны кельнера Алоиса: «И никакие они не свихнутые. Просто жадные. Всяк завидует соседу. Добра на свете хоть завались, а большинство людей оказываются с носом. Тут вся штука в распределении, вот и весь сказ».

И наконец два отклика из англосаксонских газет той поры. «Эту книгу необходимо прочитать каждому, кто живет, ощущая ход времени», — пишет критик лондонской «Таймс», а в «Обсервере» мы читаем: «Роман написан с такой неподдельной страстью, с такой душевной теплотой, что может пробуждать лишь чувство восторженной благодарности».

При всей разности оценок «Трех товарищей» под огнем литературной критики остаются все романы Ремарка. 18 мая 1937 года он записывает в дневник: «Первые английские и американские отклики на Трех товарищей лучше, чем ожидал. Нью-Йорк Таймс своей доброй оценкой даже ошеломила». Но уже через три дня следует упомянутая нами в другой связи запись, от которой веет фатализмом: «Отклики в только что пришедших газетах вовсе не радужные. Их немного. Но достаточно, чтобы убедить меня в их справедливости».

Лишь попутно заметим, что изучающие немецкий язык студенты советских вузов называли «Трех товарищей» — наряду с «Двойной Лоттхен» Эриха Кестнера — книгой, вызывающей у них наибольший интерес. По крайней мере, об этом заявили в ходе проведенного в 1994 году опроса их преподаватели. Однако такой результат — подчеркивает проводшая этот опрос Петра Кёлер-Хэриг — следует оценивать прежде всего как обусловленный временем его проведения. Не подлежит сомнению, что многие изучающие немецкий язык русские, украинские или азербайджанские студенты соотносят условия жизни в последние годы Веймарской республики с собственными нуждами и заботами. Государства, возникшие в результате распада советской империи, тоже оказались в тяжелых экономических условиях. Не будучи литературным, а скорее политическим,

это суждение показывает, что романы Ремарка сохраняют свою актуальность и по сей день, в каких бы странах мира ни жили их многочисленные читатели. Это в полной мере относится и к роману под названием «Три товарища».

17 июля 1936 года Ремарк записывает в дневник: «Телеграмма от Клемента. О продаже прав на экранизацию компании Метро. Как-то даже не верится. Было бы замечательно. Может, хватило бы на одного Сезанна». На одну картину французского импрессиониста действительно хватило бы. Луи Б. Майер права покупает и поручает написание сценария Фрэнсису Скотту Фицджеральду. Решение кажется правильным, ведь в своих романах («По эту сторону рая», «Прекрасные и проклятые», «Великий Гэтсби») и рассказах он тоже пишет о «потерянном поколении». В 1920-е годы он становится кумиром американских интеллектуалов. И так же, как Ремарк, пытается преодолеть свои страхи и сомнения в творческих способностях с помощью алкоголя. Он уже написал несколько сценариев для Голливуда, но зенит своей славы уже прошел. Роман Ремарка ему нравится, а работа над сценарием придает новые силы. И он поднимается в нем от инвектив в адрес нацистского режима в целом до обвинения «арийцев» в грубейшем нарушении прав немецких евреев в частности. Однако теперь ему не хватает чисто ремесленных навыков. «Не было до сих пор у него как сценариста, пожалуй, более важной работы, но вот дело доходит до съемок в павильоне, и все его замыслы рушатся...» Продюсер Джозеф Манкевич привлекает к работе Эдварда Е. Парамора мл., многое переписывает сам, в команде разгораются жаркие споры, в результате сценарий получается политически беззубым, довольно сентиментальным. Сыграть Локампа решает Роберт Тейлор, роль Пат Хольман достается Маргарет Саллаван. В июне 1938-го съемки закончены, критики отзываются о последнем продукте из столицы киноиндустрии главным образом положительно. «It is a superlatively fine picture, — пишет «Нью-Йорк таймс», — obviously one of 1938's best ten and not one to be missed»⁵¹. Правда, сам Ремарк от киноверсии своего романа не в восторге. Посмотрев его в октябре 1938-го в Париже вместе с Марлен Дитрих, он записывает в дневник:

⁵¹ Фильм в высшей степени превосходный, он, несомненно, в десятке лучших за 1938 год, и смотреть его надо обязательно (англ.).

«В понедельник вечером смотрел фильм Три товарища. Откровенно слабый. Саллаван хороша. Пума пришла в сильное возбуждение и ругалась... Ничего слышать о фильме больше не хотела. А мне было на это наплевать...»

Харли Ю. Тейлор пишет в своей монографии о жизни и творчестве Ремарка, что еще до премьеры фильма Луи Б. Майер устроил его просмотр для нацистского консула в Лос-Анджелесе Гисслинга. В Голливуде знали, что истерику в Берлине вызывало уже одно имя Ремарка, и Майер не хотел раздражать тамошних правителей. Бизнес оставался в конце концов бизнесом. «Not surprisingly, the Nazi was not pleased with the accurate portrayal of Nazi violence and suggested to Mayer that the communists be substituted as the villains of the piece»⁵². Кинобосс сразу же согласился произвести необходимые изменения. К счастью, коса нашла на камень. Проявив гражданское мужество, Манкевич заявил протест, и готовность Майера к коленопреклонению перед Третьим рейхом была отвергнута. Так киноверсия «Трех товарищей» все же сохранила тот политический контекст, на фоне которого столь красиво и мелодраматично складываются отношения между Локампом и Пат.

В сентябре 1937 года Ремарк знакомится с женщиной, которая на протяжении ряда лет будет занимать в его жизни важное место. Связь эта будет томительно-тягостной, мучительной, дарящей мгновения безоблачного счастья — Ремарк встретил в Лидо актрису Марлен Дитрих. Они уже как-то виделись. В начале 1930 года перебросились парой ничего не значащих фраз в берлинском отеле «Эдем». Теперь же завязывается роман. Через две-три недели после встречи они делят ложе и трапезу. *Пума* будет манить и тревожить Ремарка до осени 1940-го, о ней повествуют многие страницы его дневника...

В середине 1930-х Марлен Дитрих — уже чуть ли не легенда. Родилась в 1901 году в Берлине в семье прусского офицера. На актерскую стезю ступила в начале 1920-х. Играла второстепенные роли в кино, танцевала в варьете. Успех и известность пришли разом — в 1930 году с ролью

⁵² Неудивительно, что нацист не получил никакого удовольствия от фильма, в котором сцены насилия в нацистской Германии показаны очень точно, и внушил Майеру, что фильм фактически поддерживает коммунистов, рядящихся в тогу защитников мира (*англ.*).

кабареточной певички Лолы-Лолы в фильме «Голубой ангел» (сценарий по роману Генриха Манна «Учитель Гнус»). Ее открыл режиссер Джозеф фон Штернберг, получивший за это свою долю любви. Красивая, эротичная, загадочная, Марлен завораживала публику. Голливуд пригласил ее вместе с талантливым режиссером. В Америке они сделали несколько кассовых фильмов, Дитрих разбогатела и стала кинозвездой первой величины. Однако к моменту встречи с Ремарком в Венеции апогей успеха был уже пройден, последние фильмы не принесли больших сборов, звезда сияла не так ярко, как еще года два тому назад.

Марлен Дитрих не только выглядела эротичной — она была такой. Ее любовные связи вошли в историю. Партнерами Дитрих на экране были великие актеры, и мало кто из них не заканчивал съемочный день в объятиях страстной Марлен. Морис Шевалье, Майкл Уайлдинг, Джеймс Стюарт, Гари Купер, Кёрк Дуглас, Фрэнк Синатра, Джон Вейн... Их имена и сегодня еще на слуху. А список можно было бы продолжить. Нередко связь обрывалась так же быстро, как начиналась. А вот интимные отношения с Дугласом Фэрбенксом-младшим, Жаном Габеном, Юлом Бриннером длились годами. Дитрих увлекалась выдающимися политиками и писателями, «буквально опускалась перед ними на колени». Были романы с Джозефом Кеннеди, отцом будущего президента, Эдвардом Марроу⁵³, Эдлаем Стивенсоном, проигравшим потом выборы Эйзенхауэру. Не устоял на склоне лет Бернард Шоу. Правда, дружба с Эрнестом Хемингуэем, Жаном Кокто и Ноэлем Кауардом была иного рода — Дитрих просто боготворила этих мастеров пера. Во время Второй мировой войны она отправилась в Европу, чтобы выступать с концертами перед американскими солдатами. Они устраивали ей оvationи, а иной генерал не только аплодировал, но, случалось, и легко давал себя соблазнить. В итоге грудь Дитрих украсили ордена. Возлюбленных женского пола у нее было, пожалуй, не меньше: Эдит Пиаф, Гертруда Стайн, известные деятельницы культуры и общественной жизни, дамы полусвета.

Дитрих не была талантливой актрисой, зато была звездой. Эту роль она играла, проявляя железный характер. Она умела подать себя так, как того ждал от нее мир. Эксцентричная, необузданная в своих желаниях, интеллигентная,

⁵³ Американский радиопублицист, новатор в области телеинформации.

но не умная, она жила исключительно ради того, чтобы сниматься в кино и выступать с концертами. По сути, для нее существовало только одно — Марлен Дитрих.

Притяжение было сначала взаимным. Еще в Берлине, в конце 1920-х, Дитрих наблюдала за стремительным восхождением Ремарка к вершинам литературной славы. А писатель встретил женщину, которая отвечала его идеалам — стройная, необычайно красивая, ослепительная звездным блеском, против магии которого он никогда не мог устоять. Материально они не зависели друг от друга, жили в роскоши. Покинув Германию, они стали гражданами мира и одинаково ненавидели нацистов.

Роковым в их отношениях было то обстоятельство, что Дитрих никогда не ограничивалась одной влюбленностью. Рядом с сиюминутным фаворитом всегда маячили другие страсти мужского и женского пола. В девятнадцать лет в Берлине она вышла замуж за Рудольфа Зибера, у них родилась дочь. Брак этот никогда не расторгался, однако супруг вскоре был лишен доступа к супружескому ложу и, немало страдая, обитал то вблизи, то вдали от примадонны, находясь в полной финансовой зависимости. Любовница Зибера, русская по происхождению, замыкала свиту, которая сопровождала Дитрих, куда бы актриса ни отправлялась и где бы она ни жила — в Голливуде, Париже, Лондоне, Вене или на юге Франции. Любой человек, покоровший сердце Дитрих, сразу же входил в ее «клан» и считался членом «семьи», пока ему поневоле не приходилось освобождать место для нового избранника. Письма, дневники (в том числе и дневники Ремарка), подробная биография, написанная дочерью, рисуют картину суетного мирка с его бесчисленными любовными и жизненными драмами и их сумасбродной главной героиней — картину, которую биографы Дитрих из благосклонности к ней, как правило, скрывают.

Ремарк был в этой трагикомедии бурных эмоций, притворства и хитростей «бедным рыцарем». Он страдал, сталкиваясь с ложью из уст Дитрих, наблюдая ее любовные похождения, страдал от жизни в «клане», который предводительница муштровала и опекала, кормила собственноручно приготовленными блюдами и угнетала. Когда она ночью скрытно покидала свою комнату в отеле, спеша к очередному любовнику или новой любовнице, он искал ее на улице и в ночных барах. Сцены, которые разыгрывались в спальне, были столь же нелепыми и смешотворными, сколь и постыдными для обеих сторон. Утратив все признаки

независимости, жизнь большого писателя напоминала порой всего лишь пошлый водевиль. И он это сознавал. Трагическое положение, в котором Ремарк оказался в конце своих отношений с Дитрих, очень точно характеризует ее дочь, Мария Рива: «Этот милейший человек превратился в жалкого вуайера, своего рода Сирано, подвизающегося в Беверли-Хиллз».

Глубокий душевный надлом в Ремарке произошел не из-за связи с Марлен Дитрих, но связь эта слишком уж часто одаривала его такой горечью, что на протяжении нескольких лет гасила в нем творческие порывы. Он чувствовал недостойность своего поведения и презирал себя за это. Дитрих никогда не отпускала от себя любовника, даже если давно оставила его и мечтала в своих дневниках о встречах с новыми поклонниками. Ремарк же долго не находил в себе сил порвать с жизнью, банальное дно которой открывалось ему чуть ли не ежедневно.

Листая дневники Ремарка, знакомясь с его мыслями о женщинах и пристрастии к алкоголю, мы постепенно понимаем, чего подспудно так страшился этот писатель: «А живу ли я еще вообще, не проходит ли мимо меня неповторимая витальность подлинного бытия, не истекло ли уже мое время?» *Пума*, а затем и Наташа Палей — это ведь тоже эрзац. Отношения с ними и другими красивыми женщинами воспринимаются как защита от угрозы неизбежного старения и презренной буржуазности. Не видеть, не слышать, не знать их? Но что же тогда останется? Раздумья в записях интимного характера подводят во всяком случае к выводам именно такого рода, наряду, конечно же, с восхищением, которое вызывают своей телесной притягательностью у сына оснабрюкского ремесленника и Дитрих, и Наташа Палей. Но читая самобичующие строки о душевном разладе, о моментах счастья и блаженства, об упреках в адрес *Пумы*, а затем и Наташи, невозможно отделаться от впечатления, что физическая близость, которой он требует, имеет для него почти что второстепенное значение.

Дитрих поначалу тоже страстно влюблена: Ремарк знаменит, обаятелен, обладает даром сопереживания, может долго внимать собеседнику, у него привлекательная внешность и отличные манеры. Они видятся в Париже, а летом 1938 года весь «клан» оседает на несколько недель в Антибе. «Целый день внизу у моря, до темноты. Божественное лицо. Нетерпение скорее подняться наверх. Фантастическая ночь. В остальном же — ощущение приближающейся

развязки. Масса мелких признаков. И у меня, и у нее. Ранимость, насмешки, раздражение. Может, это и к лучшему». Во время этого совместного отпуска Дитрих вступает в интимную связь с богатой Джо Карстерс. «*Пума* уже дня три-четыре полностью во власти одной женщины», — констатирует Ремарк в дневнике. По-мазохистски, в мельчайших подробностях описывает он на протяжении нескольких недель, как все это время уходит на выяснение отношений и поиски возлюбленной в ночных увеселительных заведениях. «Смеюсь, а жизнь, может, сломана... Сердце стучало, я обливался потом. Был действительно раздавлен». Расставшись на какое-то время, они шлют друг другу телеграммы («Ты обруч, без которого моя жизнь растеклась бы мелкими ручейками»), письма, цветами, ночами подолгу разговаривают по телефону (он — в Порто-Ронко, она — в Калифорнии). «Не могла бы Ты все-таки сыграть Пат?» — спрашивает он ее в начале января 1938-го. «Не сообщить ли Метро, что если они примут это условие, то я бы участвовал в доработке сценария?.. Решил засесть за новую книгу и посвятить ее Тебе (имеется в виду замысел романа о Равике. Он будет написан позже и назван «Триумфальная арка». — *В. Ш.*)... не торопи события, ничего не бойся, всегда храни спокойствие. Мы ведь только начинаем и еще порядком удивим всех». Под своими посланиями к Дитрих он подписывается как *Альфред, Равик, Большая гадюка, Ассессор фон Фельзенэкк*, называет ее *Пумой, Тетей Леной, Юсуфом*. Все эти годы он влюблен до стрессового состояния, однако, фиксируя свои переживания в дневнике, видит себя очень ясно.

С сентября до начала декабря 1938-го он с Дитрих в Париже. Сумбурное время: новые лица, бессонные ночи, вино — до работы руки почти не доходят. Ощущение счастья мгновенно сменяется подавленностью — и наоборот. И почти всегда его настроение зависит от настроения любимой. «Гуляли по улицам... Купил Марлен розы. Приятно вот так фланировать. Чувствовал себя свободным. Разглядывал людей, смотрел на девушек, женщин, и казалось, не будет никакого конца, даже если *Пума* уйдет. Ибо долго так продолжаться не может. Опирайтесь на несколько рук — это не в моем духе. Так же, как и игра в прятки. Не надо связываться с актрисами». — «...эта заботливость и в то же время коварство». — «Не думаю, что еще очень долго буду участвовать в этом спектакле». — «Теперь тут тихий ад. Меня действительно поджаривают со всех сторон... Надо ухо-

дить. Терпеть такое больше нет сил. Страшусь наступления вечера. Это равнодушие ужасает».

Ночи исполнены «нежности» (в дневнике он ведет им точный счет), но наступает утро и вспыхивает спор, как обычно абсурдный, смехотворный. «Сказал ей, что в 2 часа встречусь с Рут Альбу. Она словно застыла. Ушла. Когда я шел в спальню, она стояла за дверью. Потом я обнаружил, что она спрятала все мои туфли — дабы я не мог выйти из дому». Такое можно сразу, без репетиций, играть на сцене. «Похоже на свару между прачками», — записал он как-то, не скрывая презрения. Зашли в ювелирный магазин, чтобы обменять браслет: «Мне все это осточертело... Не удержался от смеха, наблюдая, как Пума превращалась в жалкое, алчное существо: сумма была в общем-то незначительной». Лишь изредка в эти месяцы в дневнике встречаются записи, подобные следующей: «Октябрь... День близится к вечеру. Серый прохладный воздух, ничто не навеивает печали. Хочется любить дом, тепло, камин, работу. Настроение тихое, спокойное. Читал Рильке».

В апреле Ремарк начал первый роман об эмиграции («Возлюби ближнего своего»), но работа не клеится. Он нервничает, чувствуя какую-то вину. «Надо решиться!.. Одуматься! Взять себя в руки! Отсечь то, что не имеет отношения к делу. Довольно заниматься бабами и амурами среди интриг и сплетен!.. Возьмись за перо!» — «Работай, солдат, все забудь и работай!» — «Представь себе: ты один в Порто-Ронко. Словно в раю». Он стосковался по работе в тиши — и не может уехать. Хотя постоянно заклиняет себя: «Солдат! Если как-нибудь вечером в Порто-Ронко тебя, одинокого, слишком сильно потянет к ней, подумай о том, что с ее отъездом тебе крупно повезло. Как бы ты ни старался, так больше продолжаться не могло. Вспомни, что мысль эта приходила к тебе при самом ровном расположении духа... Ты не должен быть лакеем кинозвезды... Тебе уже сорок, солдат. Начни жить своей жизнью!.. В тебе есть многое, что просится наружу, но не надо торопиться, пусть оно зреет, а ты наблюдай. Сколько можно быть ассистентом кинорежиссера...»

Во французской столице Ремарк встречает старых знакомых. Несколько раз видится с Вальтером Файльхенфельдом, который предлагает картины. «Потом в отеле у Файльхена смотрел три акварели Сезанна: два пейзажа и человека в соломенной шляпе, вид сзади. Купил». На пару дней приезжает Рут Альбу. Ютте в Порто-Ронко ужасно

одиноко, она просится в Париж и в конце концов приезжает. Ремарка это стесняет, и потому он о ней почти не заботится. Ночи и вечера — на одно лицо и проходят, как, например, вот этот: «Седьмого вечером с Верой, Рюсси и тремя египтянами сначала у Рюсси, потом у “Максима”, в нескольких кабачках и напоследок в “Шехерезаде”. Около шести утра двое египтян показали нам вид, открывающийся с площади Карусель перед Лувром на Луксорский обелиск и Триумфальную арку. Серое, светлое утро, серый, ясный свет. С *Пумой* в отель, спали долго, крепко, полные любви». Днем — кино, выставки, переговоры в издательствах, прогулки в Булонском лесу, обед у «Фуке» на Елисейских Полях. Порой ностальгические воспоминания о жизни до того, как стал знаменит: «Думал о минувшем. Рояль, сочинение музыки, песни, стихи. Не знаю, как вернуть все это. Жизнь быстротечна».

Лаконичная запись в дневнике от 20 февраля 1938 года: «22 января сочетался браком в Санкт-Морице». Ютта Цамбона вторично становится его женой. В момент, когда он так увлечен Марлен Дитрих! Но не любовь, а всегдашняя его отзывчивость подвигла Ремарка на этот шаг. Замужество отводит от Ютты угрозу быть высланной из Швейцарии в Германию. Счастливым он себя не чувствовал. «Вокруг меня в холле общее чаепитие в самом разгаре. Бар, люди, снег, прошлое — мне все это противно», — пишет он из Санкт-Морица далекой Пуме. Живя зимой 1938-го преимущественно в Порто-Ронко, он страдает от одиночества и разлуки с Марлен («Начать вести дневник одинокого человека»). Мучают люмбаго и ишиас, он ощущает груз лет, хотя до старости еще далеко. В марте гитлеровские войска вступают в Австрию. «Читал газеты. Того гляди вырвет».

Рут Альбу однажды так сказала об отношении Ремарка к Ютте: «Она вряд ли была такой уж больной. Он же был влюблен в ее красоту. Всегда. Любил окружать себя красивыми вещами». С этим трудно не согласиться, однако внутренне Ютта была ему чужда. Вот запись, сделанная в сентябре 1938-го, когда он с Дитрих в Париже: «Говорил по телефону с *Петером*. Плакала. Сказала, что страдает от одиночества. Это ужасно. Посоветовал ей приехать в Париж — напрямую или через Порто-Ронко. Как помочь, не возвращаясь к ней? Вернуться я не могу. Моей жизни пришел бы конец».

Позже он будет оплачивать жилье и поездки Ютты, фактически полностью содержать ее. Как супруги они получают в 1947 году американское гражданство. Тем не менее

брак их остается фиктивным, они лишь изредка живут под одной крышей, и Ютта тогда — гостья писателя. Эмоционально он отдалился от нее уже после первого развода. Второй развод будет оформлен в 1957 году, когда он решит жениться на Полетт Годдар.

За событиями на политической сцене в этом взрывоопасном году Ремарк следит с возрастающим нервным напряжением. Через несколько дней после «Хрустальной ночи» он записывает в дневник: «Мир встревожен тем, что происходит в Германии. Конtribusiция в размере одного миллиарда марок, разрушенные дома и разгромленные магазины, тысячи евреев арестованы — и все потому, что 17-летний польский еврей Гриншпан застрелил 3-го секретаря германского посольства в Париже, г-на фом Рата... Ощущение такое, будто живу на вулкане». В дневнике Ремарк почти не касается политики, там царит Дитрих, а не Гитлер, но и скупые строки свидетельствуют: Ремарк был обеспокоен развитием событий и предчувствовал, что хрупкого мира в Европе не сохранить.

Еще в июле Ремарка лишили германского гражданства. 25 апреля 1938 года рейхсфюрер СС по предложению гестапо уведомил министерство иностранных дел: «Предпосылки для лишения германского гражданства налицо». Гестапо же обосновало свое предложение так: «При поддержке еврейской ульштейновской прессы Эрих Ремарк годами самым низким и подлым образом глумился над памятью павших в мировой войне и уже тем самым поставил себя вне сообщества, называемого немецким народом. На доход от этих своих писаний он купил себе виллу в Швейцарии. В Порто-Ронко, близ Локарно, он до последнего времени интенсивно общался лишь с эмигрантами, евреями и коммунистами». Жену Ремарка постигла такая же «участь» — ее тоже лишили германского подданства.

Ремарк озадачен, но реагирует с черным юмором: «После обеда позвонили из Лондона: мое имя в последнем списке тех, кого лишили гражданства. Ну что ж! Это даже очень удобно: с началом следующей войны меня сразу же не интернируют». Ремарк теперь — человек без гражданства, что в принципе осложняет заграничные поездки. Но еще в 1937-м они с Юттой приобрели панамские паспорта, так что этой проблемы не возникает. А высылка из Швейцарии состоятельному эмигранту вообще не грозит.

В конце ноября Марлен Дитрих уезжает в Калифорнию, а Ремарк через несколько дней — в Порто-Ронко. Судя по

дневнику, он задумал роман о Париже, о жизни там рядом с *Пумой*. «Поздно вечером начал роман, в центре которого Равик... Настроение, как всегда в таких случаях: слегка нервозен, раздосадован, подавлен. Обе темы уже вызывают сомнения. Потом, при размышлениях о Равике как главном герое, вдруг каскад идей». Тем не менее он откладывает написанные страницы и вновь берется за роман «Возлюби ближнего своего». Работает прилежно, хотя чувствует недопомогание. *Пума* не выходит у него из головы, и если писем и звонков из Америки нет дольше обычного, он мрачнеет и мучается ревностью. «Десять дней, как от *Пумы* ничего нет. Столь долгого молчания до сих пор не было. Джо или мужчина». Одиночество угнетает его, но как вырваться из этого писательского затворничества? «Настроение странное. Порой хочется бежать. Но куда? В крайнем случае к *Пуме*. В Париж? В Лондон? Кочевать по отелям? Нет, надо еще попробовать продержаться. По меньшей мере еще этот месяц». — «Не знаю, отчаливать мне отсюда, в конце января, или нет. Все мысли только о *Пуме* — странно; за, против. Надо продолжать работу».

И роман все-таки пишется. Ремарк хоть и продвигается медленно, хоть и сетует на заминки, хоть и недоволен отдельными главами, 6 января все-таки записывает в дневник: «70 страниц рукописи готовы». Новый, 1939 год он встречает у Эмиля Людвига, а рассвет застает его уже в одном из асконских баров. Марлен отправлена восторженная телеграмма: «Дивным был старый год, дивным будет и новый. Веселись, *Пума*, и ничего не бойся. Счастье улыбается бесстрашным. Радуй меня по-прежнему. Равик».

Политические новости не внушают оптимизма. «Наступление в Испании. Бомбардировки Китая японскими самолетами. Претензии Италии на Тунис. Брожение в Мельской области. Когда Европе придет конец? Уготованный одним-единственным человеком». К тому же тревожные письма приходят от сестры: «Состояние отца почти безнадежное. Атеросклероз в последней стадии. 72 года. И так тяжело работал — всю жизнь». Забот добавляет и Ютта: в Париже ей одной не живется, хочет приехать в Порто-Ронко. «Сказал ей, что должен работать. Обычные доводы... Но мысль, что она сидит тут и укоризненно наблюдает за мной, в то время как мне хочется работать, — эта мысль почти невыносима».

Первые главы романа — все свои вещи он пишет от руки — перепечатаны секретаршей. Скепсиса не убави-

лось. «Книга оставляет довольно тягостное впечатление. Не страшно. Обычное дело при чтении первых перепечатанных на пишущей машинке страниц». Он решает писать книгу заново, ибо «сюжет кажется худосочным». Надо «придать роману эпическую глубину» и в то же время «сделать его более «компактным». 26 февраля наконец вздох облегчения: «Закончен черновой вариант». Однако потом — опять сомнения: «После обеда начал читать первую главу. В ужасе от этого бреда. Позвонил Файльхену, потребовал утешить... Взял себя в руки и переработал первую главу...»

Ремарк утомлен, ему хочется уехать из Порто-Ронко. «Ах, *Пума*, я устал писать книги без Тебя. А времени в обрез». 14 марта он покидает виллу и едет через Лозанну в Париж. Находит там семейство Дитрих — без его предводительницы, и 18 марта они поднимаются на борт «Куин Мэри». Его литагент Отто Клемент — вместе с ними. Лайнер берет курс на Нью-Йорк. В Калифорнии ждет *Пума*, и через несколько дней он впервые ступит на берег страны, которая вскоре станет ему прибежищем и второй родиной.

Пока же он пересекает океан не в качестве эмигранта. Не угроза войны, а *Пума* побудила его отправиться в дальний путь. С одной стороны, его обуревают тяжкие раздумья, с другой — предвкушение встречи с женщиной, которая сумела вырвать его из творческой тиши. «Бар с гремящей музыкой плывет в ночной тьме по молчащему океану: и странно, и не доставляет особого удовольствия». Хочет написать на борту «Куин Мэри» сценарий для Дитрих, но через день-другой отказывается от этой идеи. Мешает нервозность, проистекающая и от напряженной международной обстановки. Тут он не питает никаких иллюзий: «Газеты сообщают ужасные вещи. Литве из-за Мемеля предъявлен глупейший ультиматум. Затем последует Данциг, Италия тоже захочет что-то получить, и тогда — война».

23 марта он в Нью-Йорке. Жесткий паспортный и таможенный контроль — и путь в город, где все уникально, превосходно, бесподобно, открыт. Первоклассный номер в отеле «Уолдорф Астория». Ночная жизнь, шоу, варьете, притоны в Гарлеме, где собираются чернокожие и гомосексуалисты. «Самое же прекрасное в Нью-Йорке — это его звуки. Они напоминают глухой, сдержанный рокот мотора гоночного автомобиля». На пути в Лос-Анджелес он делает остановку в Чикаго, чтобы в Художественном институте полюбоваться работами Ван Гога, Тулуз-Лотрека, Гогена, Сезанна. 27 марта он в Беверли-Хиллз.

В отношениях с Дитрих после ее отъезда поздней осенью 1938-го из Парижа ничего не изменилось. «Пума ужасно разочарована тем, что я писал об эмигрантах, а не о Равике. Находит книгу плохой. Раздосадована и тем, что не привез для нее сценария». Перебранки по поводу повторной женитьбы на Ютте, сцены ревности и «дни ничем не омраченного счастья» сменяют друг друга быстрой чередой. Он скрупулезно фиксирует в дневнике, когда Пума пускает его к себе в постель и когда отвечает отказом. «С этой бестией дело доходит иной раз до настоящей войны». Он презирает легковесную жизнь Голливуда, шумные премьеры, рауты и — от случая к случаю — самого себя. После одного такого праздника — среди звезд были Гари Купер, Эррол Флинн и Долорес дель Рио — он записывает: «Вспышки фотоаппаратов, важничанье, жеманство и больше — ничего. Все непрерывно позируют». Встречает он там на презентациях и Томаса Манна, но отношения у них не складываются. Ремарка мучает зубная боль, лечение длится неделями, и Джозеф фон Штернберг, по-прежнему волочащийся за Марлен, тоже не способствует хорошему настроению. Между тем в Беверли-Хиллз появляется Джо Карстерс, что приводит Марлен в экстаз, и игра в прятки, так раздражающая Ремарка, начинается снова. «...Порой это похоже на мираж, смущает и озадачивает, чаще же чувство легкой грусти оттого, что ничего тебе здесь полностью не принадлежит и ничего ты удержать не можешь». Его письма тем не менее полны страсти и огня: «Нет, вы взгляните на Равика, исцарапанного, обласканного, покрытого поцелуями и оплеванного. Я, Равик, встречал много волчиц, умеющих ловко менять обличье, но я знаю только одну такую пуму. Изумительное создание... Жизнь с пумами штука рискованная, друзья мои! Желая погладить, они иногда царапаются, и даже во сне от них можно получить хорошенькую оплеухину». Ремарк безутешен и подумывает о немедленном возвращении в Европу. Но сделать такой шаг пока не решается. Известия оттуда по-прежнему тревожны. «Война близка как никогда. Оккупирована Албания. Дело сделано... На очереди — Польша, Греция и т. д.». В начале июня он едет с дитриховским «кланом» в Нью-Йорк, улаживает кое-какие дела («Обсудил казус Клемента и позаботился о том, чтобы он не принимал никаких денег»), встречается со своим американским переводчиком Денвером Линдли, мастерство которого ценит очень высоко, и отплывает вместе со слегка истеричным семейством в Европу. Несколько

дней в Париже. Все те же раздражители («Вчера вечером позвонил *Петеру*. Сказали друг другу лишь пару слов. Уже вижу — все к черту вместе с этой треклятой *Пумой*»). Душевные разговоры с Вальтером Файльхенфельдом, который продает ему картину Сезанна. «Надо бы хорошенько пройтись по роману», — уговаривает он себя. И двумя неделями позже: «Как все-таки довести эту вещь до ума?»

Между тем читатели журнала «Кольерс» получают возможность оценить мастерство писателя, знакомясь с сокращенным вариантом романа «Возлюби ближнего своего». Текст печатается с 8 июля по 23 сентября 1939 года под заголовком «Flotsam»⁵⁴. Для издания романа отдельной книгой писатель еще долго будет дорабатывать его.

Ремарк сидит в Париже и ждет, что же решит *Пума*. Короткий визит в Порто-Ронко («Странный мир. Со мной в придачу»). По возвращении в Париж он вынужден явиться с Юттой к французским чиновникам, однако Carte d'Identite⁵⁵ получает довольно быстро — тут явно сказалось знакомство со знаменитой Марлен Дитрих. «Вчера утром поехали с *Петером* в министерство внутренних дел... В приемной негде было присесть. Видел, сколь мучительно ожидание». Настроение опять вдруг резко меняется. После поездки по парижским улицам Ремарк записывает в дневник: «Огромное небо. Зеленое сердце июля. Почему смерть неизбежна?» А в письме, отправленном в эти месяцы Дитрих, пишет: «В наших сердцах так мало тепла к самим себе; у нас — как у детей смутных времен — так мало веры в себя; в нас слишком много отваги и слишком мало надежды; все мы — лишь бедные, жалкие, без передышки шагающие солдаты, не знающие, есть ли на свете что-либо еще, кроме шагания. Глупые, жалкие солдаты жизни — дети смутных времен, которым ночью вдруг что-то приснилось».

В конце июля они снова едут в Антиб. Прошлогодняя история, похоже, повторяется. Дитриховские приживалы действуют ему на нервы, Джозеф фон Штернберг постоянно раздражен и мрачен, так как Дитрих не обращает на него внимания, появляется лесбиянка Джо, вновь начинается игра в прятки: Марлен Дитрих спешит от него к ней или наоборот. «Пошло-поехало. А я сижу тут и маюсь — с проклятыми болями в сердце. Все мерзко и гадко». Люди будто чувствуют, что это последнее мирное лето. Пляж перепол-

⁵⁴ «Плавающие обломки» (англ.).

⁵⁵ Удостоверение личности (фр.).

нен, среди отдыхающих американский посол в Лондоне Джозеф Кеннеди и писатель Ноэл Кауард, все увиваются вокруг Дитрих. Вечерами общество отправляется в Канн или Ниццу, Ремарк немного играет, скучает и глубоко удручен выходками *Пумы*.

В середине августа Марлен Дитрих возвращается в Париж, чтобы через несколько дней отплыть в Соединенные Штаты. Снявшись в фильме «Дестри снова в седле», она надеется обрести былую популярность. «На политической арене ясности нет, — записывает в дневник Ремарк, оставшийся на побережье Ривьеры, — Данциг, Польша. Швейцария для меня — слишком тесный мирок». Все ждут, какие шаги предпримет Берлин. Ремарк в нерешительности. С *Пумой* в Америку? «Тревожные дни. Война в воздухе... Просматривал утром газеты: во Франции началась мобилизация... Не отправиться ли мне в среду в Нью-Йорк? Если еще возможно... Только что узнал о подписании русско-немецкого пакта о ненападении». Жребий брошен. Сталин подписал договор с дьяволом, Гитлер изготовился к удару по Польше.

Вся Франция обратилась в бегство. 29 августа Ремарк подъезжает к Парижу. «Всюду мобилизованные с чемоданчиками. Повозки и телеги. Цветные солдаты. Вечером все это приобретает почти призрачный вид... Темные колонны в свете прожекторов. Понурые, беспокойно вздрагивающие лошади. У развилки под Фонтенбло — громадный белый крест... Молчаливые леса. Над равнинами почти полная луна. Маттиас Клаудиус⁵⁶. Многое наводит на раздумья. Граница и первые кварталы города. Дома и улицы затемнены на случай ночных налетов. Елисейские поля. Арку не видно».

Вечером Ремарк сидит в ресторане «Фуке» на роскошном парижском бульваре, терзая себя укорами, погруженный в сомнения. «Уезжать противно. Все во мне протестует против этого. Голова пухнет от мыслей, я презираю себя, и в то же время во мне крепнет какая-то решимость... Тихое ощущение полноты жизни. Презираю себя за то, что не беру с собой *Петера*. Подумав, прихожу к выводу, что не могу этого сделать, ибо не желаю терять *Пумы*... По-прежнему не хочу уезжать. Не хочу дать отсюда тягу. Но *Пума* будет перепугана до смерти: она нуждается во мне.

⁵⁶ Немецкий писатель (1740—1815), известен прежде всего как автор стихотворений, близких по духу народной поэзии.

Я сидел на улице, смеркалось, мне нравился этот город, хотелось остаться, и в то же время я знал, что не смогу остаться, так как пароход скоро отчаливает. Вечером попытался дать телеграмму. Цензура. Текст, обязательно на французском, надо показать в префектуре. Ужинал в “Фуке”. Кругом темнота, не светила даже реклама. Странная картина. Официантов мало — мобилизация... Пошел в отель. Серебряная луна висела над черным городом».

Утром Ремарк едет в Шербур и вместе с мужем и дочерью Дитрих поднимается на борт «Куин Мэри». На сей раз плавание пройдет без особых удобств. Койки установлены даже в кают-компании. Курс на Нью-Йорк взял корабль с беженцами. В темном беспокойном океане затаились немецкие подводные лодки.

Глава седьмая

**«ЧЕЛОВЕКУ НУЖНО ИМЕТЬ
СИЛЬНОЕ СЕРДЦЕ...»
(1940—1948)**

В конце 1930-х годов Соединенные Штаты все еще переживали серьезный экономический кризис. Выиграв президентские выборы и провозгласив «New Deal»⁵⁷, Франклин Рузвельт добился поначалу резкого сокращения армии безработных. За четыре года (1933—1937) их число уменьшилось с 15 до 6 миллионов. Но уже в следующем, 1938 году оно снова возросло — до 10 миллионов. После безуспешных попыток Вудро Вильсона заложить в Европе основы прочного мира в американской внешней политике возобладал изоляционистский курс. На фоне раскола Европы, вызванного фашизацией Италии, Германии, Испании и некоторых Балканских стран, строгой политики нейтралитета придерживалось и правительство Рузвельта.

Америка стала желанным прибежищем для всех эмигрантов. Попасты в страну было очень трудно, но перед тем, кто справлялся с такой задачей, здесь открывались более широкие возможности для применения своих сил, чем в каком-либо ином месте земного шара. Бумажная война с пришельцами хотя и не прекращалась, но велась она в Штатах гораздо более гуманными методами, нежели в государствах, соседствовавших с Третьим рейхом. При этом ни президент, ни Конгресс не собирались отступить от установленных квот даже тогда, когда гитлеровский вермахт оккупировал пол-Европы и обстановка по эту сторону океана накалилась до предела. Американские консульства в Вене, Праге, Париже, Марселе осаждались толпами тех, чья жизнь оказалась под угрозой, а то и просто висела на волоске. Получить разрешение на въезд в США мог, однако, только тот заявитель, друзья или родственники которого

⁵⁷ Здесь: «Новый курс» (англ.).

гарантировали своим имуществом, что иммигрант не станет финансовой обузой для принявшего его под свой кров государства. Ситуация усугубилась с началом войны: обладателю вида на жительство приходилось бороться теперь и за место на трансатлантическом лайнере. Вскоре в европейских портах практически не осталось лазеек, позволявших до сих пор ускользать от германских ищек. Так столица нейтральной Португалии стала одним из последних мест, откуда можно было со временем отплыть в Новый Свет. С оккупацией Франции немецкой армией в мае — июне 1940 года тысячи эмигрантов попытались перебраться в Лиссабон через Пиренеи. С риском для жизни это удалось сделать Генриху и Голо Манн, Лиону и Марте Фейхтвангер, Францу и Альме Верфель, а также Анне Зегерс с ее семейством. Вальтеру Бенъямину душевных сил для этого не хватило. Потеряв всякую надежду на спасение, он покончил с собой на испанской границе.

Писать роман «Возлюби ближнего своего» Ремарк начал в апреле 1938 года, а закончил уже будучи эмигрантом. После темы войны с ее тяжелейшими последствиями для людей, выживших в огне страшных сражений, новой книгой открывалась вторая большая тема в творчестве писателя — жизнь человека вдали от родины, на чужбине, в изгнании. Эта тема не отпустит его до самой кончины. За романом «Возлюби ближнего своего» последует роман «Триумфальная арка», в начале 1960-х в этот цикл войдет «Ночь в Лиссабоне», и умрет он, работая над книгой, которая будет издана его вдовой под названием «Тени в раю» и тоже будет рассказывать о судьбах людей, оказавшихся в тисках эмиграции.

В эмиграцию уходили не только знаменитые писатели и ученые, не желавшие жить по законам Третьего рейха или признанные согласно этим законам «расово неполноценными». Прежде всего из Германии изгонялись «маленькие» люди. Они объявлялись вне закона только потому, что были евреями или социал-демократами, коммунистами, либеральными демократами, публично разоблачавшими суть нацистской идеологии и вступавшими с ее носителями в открытый бой. Журналисты, профессора, юристы, политики, служащие, ремесленники, рабочие — любому из них, занесенных нацистами в списки противников режима, приходилось думать о том, что ему грозит как минимум

заклучение в концлагерь, а то и смерть, если он останется в стране.

Среди эмигрантов не было единства. Общим было только сознание того, что государство их преследует и стремится выдворить из страны. Зачастую отношения между ними были такими же, как в веймарские годы: левые и буржуазные идеологи вели споры об абсолютной истине, о причинах падения республики, о значении гражданской войны в Испании, о роли Советского Союза в борьбе против мирового капитала и — особенно яростно — обо всем, что связывалось с созданием Народного фронта. Сходились в оценке нацистской Германии, но расходились в оценке «мелочей», опускались до оскорблений в полемике, оставаясь беспомощными, когда слова нужно было подкреплять конкретными действиями.

Ремарк не участвует в этих спорах. Свои мысли и свои ощущения он выражает в те годы и будет выражать в своих романах, с сочувствием описывая жизнь эмигрантов в мире, который не признает или даже отвергает их. И лишь политически глухой не расслышит его обвинений в адрес тех, кто изгонял и преследовал, в адрес нацистов, в адрес бездушных правительств и бюрократов тех стран, в которых гонимые надеялись найти приют, покой, а то и признание. Как и в своих «веймарских» романах, Ремарк совершенно не склонен рисовать широкие картины крупных явлений и событий, да еще в их исторической взаимосвязи, исследовать, например, истоки европейского фашизма или вклиниваться в спор о том, кому же все-таки будет принадлежать будущее — «победоносному пролетариату», фашистам или буржуазному либерализму. Ремарка интересуют судьбы людей, приходящих в отчаяние, ощущающих безнадежность своего положения, проявляющих отвагу в критических ситуациях, страдающих от бездомности и одиночества.

В романах Ремарка очень точно прослеживается путь, на котором — во времени и пространстве — складывались судьбы беглецов. Действие в романе «Возлюби ближнего своего» происходит в Чехословакии, Австрии, Швейцарии и Франции и охватывает годы 1936-й и 1937-й. Парижская история Равика в «Триумфальной арке» начинается в ноябре 1938-го и заканчивается с началом войны в сентябре 1939-го. Действие романа «Ночь в Лиссабоне» происходит в 1939—1942 годах, в португальской столице и Оснабрюке и заканчивается отплытием в Америку. Наконец «Тени в

раю» (окончательное название: «Земля обетованная») приводят нас в Америку последних военных лет. Именно так, как они изображались в этих романах, и катились к далеким берегам волны немецкой эмиграции.

Первые прибежища воспринимались многими писателями из круга эмигрантской немецкой литературы как вполне сносные, поскольку глубокую привязанность к принявшим их странам они ощущали уже давно. Такими странами были прежде всего Франция и Великобритания. Не счесть немцев, которые нашли политическое убежище в Париже еще в XIX веке. Самыми знаменитыми были Генрих Гейне, Людвиг Бёрне и Рихард Вагнер. (Правда, позднее он оказался в высшей степени неблагодарным экс-гостем западного соседа.) В Лондоне до конца своих дней жил беженец Карл Маркс. Франкофилами были Генрих Манн, поселившийся в 1934 году в Ницце, и выдающийся искусствовед Юлиус Майер-Грефе, поселившийся на склоне лет в городке Сен-Сир-сюр-Мер на юге Франции. Стефан Цвейг покинул Зальцбург уже в 1934 году, и путь его лежал в любимую Англию.

Европейскими центрами интеллектуальной немецкой эмиграции были до начала войны Париж (Эрнст Вайс, Вальтер Беньямин, Йозеф Рот, Вальтер Меринг, Вальтер Хазенклевер, Макс Эрнст, Вилли Мюнценберг; Ремарк часто наезжал туда в годы между 1933-м и 1939-м), Санари-сюр-Мер (Лион Фейхтвангер, Людвиг Маркузе, Франц и Альма Верфель, Вильгельм Херцог), Прага (Вилли Хаас, Стефан Гейм, Виланд Герцфельде), Амстердам (Герман Кестен, Клаус Манн, Фриц Ландсхоф) и Лондон (Стефан Цвейг, Эрнст Толлер, Роберт Нойман, Зигмунд Фрейд). В Швейцарии жили Томас Манн, Роберт Музиль, Эмиль Людвиг, Альфред Польгар и Ремарк.

Особое место среди стран, принимавших эмигрантов, занимал Советский Союз, открывавший свои границы почти исключительно беженцам твердых коммунистических убеждений. Если говорить только о прибывших туда литераторах, то Иоганнес Р. Бехер, Фридрих Вольф и Вилли Бредель пережили там не только гитлеровскую диктатуру, но и волны кровавых сталинских чисток, не щадивших и немецких эмигрантов. Материально обеспеченные гораздо лучше своих товарищей по несчастью в западных демократиях, — за верность партийной линии полагалась регулярная государственная поддержка, — они жили в постоянном страхе перед арестом и смертным приговором. Советский

Союз как страна эмигрантов не фигурирует ни в одном из романов Ремарка.

Далекая, тогда еще отрезанная от остального мира Палестина приняла писателей еврейского происхождения — Арнольда Цвейга, Макса Брода, Лео Перуца, Эльзу Ласкер-Шюлер, Макса Цвейга и Луи Фюрнберга. Возможности публиковаться там были ограниченными, переводить их произведения на иврит, зная о преследовании евреев в Германии, было просто опасно. Немецкоязычной прессе в Палестине не удалось утвердиться из-за ожесточенных споров о языке публикации. Журнал «Ориент», который издавали Арнольд Цвейг и Вольфганг Юрграу, подвергся сионистами осмеянию и бойкоту, не находя отклика в культурной среде. Евреям, прибывшим сюда в поисках родины еще в конце XIX века, приходилось отстаивать свое право на существование в жесткой борьбе с арабскими соседями и британскими властями, а более молодые поселенцы в большинстве своем не проявляли интереса к обсуждению принципиальных вопросов развития своей культуры. Все это, пожалуй, объясняет, почему мы не найдем у Ремарка даже скупых описаний жизни беженцев в Палестине.

Отношение бюрократического аппарата разных стран к беженцам было различным. Притом что не было страны, где бы их любили. Фашизм вербовал сторонников махровыми националистическими лозунгами, а люди, изгнанные из родной страны, всегда вызывали подозрение у националистов всех мастей и оттенков. Не было тогда, наверное, и страны, которая принимала бы беженцев и была бы свободна от экономических потрясений тех лет. Миллионы людей оставались без работы и после недавнего мирового кризиса, вследствие чего «чужаки» воспринимались как конкуренты в борьбе за место у станка и кусок хлеба. Отказ в приеме на работу был типичным явлением.

А как же принимали беженцев, так сказать, на государственном уровне? Демократическая Чехословакия, во главе которой поначалу стоял философ Томаш Масарик, показала себя на фоне набирающего силу варварства особенно великодушной. Небольшая страна открыла свои границы большому числу эмигрантов, защитила многих из них предоставлением гражданства. Привилегии этой удостоились и братья Томас и Генрих Манны. Охотно принимала беженцев и Швейцария, видя в них прежде всего исправных налогоплательщиков. Отказ при этом чаще других получали евреи. Думается, что операции тамошних банков с

золотом из еврейских состояний, о которых относительно недавно сообщили газеты, многое говорят о том отношении к беженцам, с которым тем пришлось столкнуться еще в довоенные годы.

Франция вела себя с подчеркнутой открытостью, поначалу обращалась с «бездомными» с успокоительной небрежностью, оставаясь более или менее верной своей традиции укрывать политэмигрантов любого толка. Истинное лицо расколотого французского общества раскрылось в первые месяцы войны, когда беспощадному интернированию были подвергнуты эмигранты из Германии (а также бежавшие из франкистской Испании) — независимо от того, были ли они сторонниками или противниками нацистского режима. Ну а вишисты и их приспешники выдавали своих и немецких евреев Третьему рейху в таком количестве, что поезда шли прямо в Освенцим.

Отношение к эмигрантам в Австрии определялось общностью языка и тесными культурными связями с могучим соседом. Многие немецкие интеллектуалы плодотворно сотрудничали с музыкально-театральной Веной и фестивальным Зальцбургом уже в веймарские годы. Цукмайер и Макс Рейнхардт, например, обзавелись там виллами еще до 1933 года. Притом что с начала 1930-х годов альпийская республика жила в состоянии, близком к гражданской войне. Австрофашисты пытались обострить внутривосточную обстановку актами неприкрытого террора, деятели христианско-буржуазного лагеря старались предотвратить любую попытку вызвать у грозного соседа гнев или раздражение. Оплачивать все эти действия и усилия должны были беженцы. Положение их становилось все более безрадостным. Людей, оторванных от родины, выдворяли из страны, бросали в тюрьмы, лишали всякого шанса обеспечить свое существование элементарной трудовой деятельностью.

США были «раем» для эмигрантов, поскольку предоставляли им, не имеющим ни кола ни двора, гораздо более богатые возможности заработка, чем далекая теперь от них Европа. Оказавшийся в этой стране мог рассчитывать как минимум на то, что от голода он не умрет. В Нью-Йорке можно было перебиваться случайными заработками, всемирно известные киностудии в Калифорнии принимали на работу не только режиссеров, актеров, писателей, но и трудолюбивых «беглецов» без особых талантов. Правда, многие немецкие мастера слова так и не смогли найти себя в бизнесе, предполагавшем наличие кипучей энергии, сме-

калки, ловкости и не прощавшем неспешки, благодушия, лености. Генрих Манн и Альфред Дёблин целый год убивали время в офисе одной из киностудий, вымучивая из себя сценарии, брать которые потом никто не желал. Законы литературы и кино, особенно в его голливудской ипостаси, были все-таки весьма различными. «Фабрика грёз» ждала от сценаристов тривиального и сентиментального, заполнять залы кинотеатров и покрывать огромные производственные затраты должны были ленты с хеппи-эндом и политически безобидным сюжетом. Договоры заключались, как правило, на год, гонорары были приличными и вручались еженедельно в виде чека. Привыкнуть к столь деловитому миру было трудно. Веймарские экс-кумиры договоры обычно не продлевали, что, разумеется, не печалило могучих кинобоссов. Почувствовав, что они не отвечают простым, но ремесленнически чуждым для них требованиям, повернулись спиной к Голливуду и Брехт с Цукмайером. В строках ровесника Ремарка было немало горечи: «Город Голливуд научил меня — Рай и ад могут быть *одним* и тем же местом: Для неимущих рай — это ад»⁵⁸.

Проблематичным во все эти годы оставалось то обстоятельство, что правительство и Конгресс упорно отказывались что-либо менять в квотировании доступа иностранцев в США, хотя война уже началась и стала мировой. В портовых городах Европы тысячи беженцев с трепетом размышляли, успеют ли они собрать бумаги, необходимые для того, чтобы можно было достичь спасительных берегов Америки. Однако даже Рузвельт, зная о ноябрьских погромах 1938 года, отказался подписать законопроект, предусматривавший увеличение квоты на евреев, желающих перебраться в Штаты. Шла война, и на эмигрантов из Германии стали посматривать как на врагов. В Калифорнии ввели комендантский час, с раннего вечера и до утра выходить на улицу было нельзя. Такому полуночнику, как Ремарк, мера эта должна была казаться божьей карой.

Тем не менее США стали самой важной среди стран, принимавших беженцев и изгнанников. Кроме уже названных, на мели там оказались Лион Фейхтвангер, Людвиг Маркузе, Эрнст Толлер, Франц Верфель, Оскар Мария Граф, Рихард Бер-Гофман, Альфред Нойман, Герман Брох, Бруно Франк, Эмиль Людвиг, Альфред Польшар, Альфред Керр, представители «Франкфуртской школы»

⁵⁸ Перевод Святослава Городецкого.

Теодор Адорно, Макс Хоркхаймер и Герберт Маркузе, психоаналитик Эрих Фромм, дирижеры и композиторы Бруно Вальтер, Отто Клемперер, Ханс Эйслер, Арнольд Шёнберг, Эрих Вольфганг Корнгольд, знаменитый физик Альберт Эйнштейн, многие актеры и режиссеры, в том числе Макс Рейнхардт, Эрвин Пискатор, Фриц Ланг, Вильгельм Дитерле, Фриц Кортнер, Петер Лорре, Элизабет Бергнер. Многим из них удалось пересечь океан только с риском для жизни. Центрами немецкой эмиграции в Америке можно назвать окрестности Лос-Анджелеса, где располагались крупнейшие киностудии страны, и Нью-Йорк, поблизости от которого находился Принстонский университет, гарантировавший некоторым немецким ученым (одно время и Томасу Манну) работу и хлеб. В этих двух местах с осени 1939 года жил и работал писатель Эрих Мария Ремарк.

Таков фон, на котором развивается действие его романов об эмиграции. Сам Ремарк как эмигрант обладает определенными привилегиями, но это положение не может заслонить перед зорким оком писателя жизнь других эмигрантов, а их он встречает в Штатах повсеместно. И видит, как мучительно переживают они свою брошенность и ничемность, с каким трудом сводят концы с концами, каким оскорблениям и унижениям подвергаются, как трагически складывается судьба многих из них. И может, и умеет в свои сорок лет поставить себя на их место. Скажем несколько прозаичнее: писатель увидел и почувствовал, что материал плывет ему навстречу, и он стал вбирать и впитывать его в себя, ибо обнаружил в нем *свою* тему. Разве все эти люди не были «потерянным поколением», заброшенным на чужбину, не знающим, на что ему надеяться и что ожидает его в будущем? Разве История не превратила их в обломки, которые носит по своим волнам безжалостная стихия жизни? Фронтвик Пауль Боймер, вернувшийся с войны Эрнст Биркхольц, эмигранты Йозеф Штайнер, Равик и Йозеф Шварц, рассказывающий ночью, в лиссабонских кафе, о своих мытарствах и злоключениях, — все они стали аутсайдерами в раздираемом противоречиями буржуазном обществе.

Да, Ремарк был независим в своих поступках, слава и деньги служили ему защитой, однако эмиграция накладывала свой отпечаток и на его жизнь. Покинув Германию, он тоже стал безродным. «Писатель без Отечества? О чем же ему писать? В чем черпать вдохновение?»

Американское издание своего первого романа об эмигрантах Ремарк снабдил эпиграфом, который можно рассматривать как лейтмотив и всех его следующих книг о жизни изгнанников: «To live without roots takes a stout heart» — «Человеку нужно сильное сердце, чтобы жить без корней». В этих словах отражаются борьба, страдания, гибель его героев. Все они оказываются выброшенными из привычной, благополучной, часто буржуазной среды и вынуждены сразу же начать борьбу за выживание, к которой они не подготовлены своей прежней жизнью. Они лишились своих корней. Загранпаспорт, вид на жительство, ночлежка, ломоть хлеба насущного, плохо оплачиваемая работа или лавка, приносящая скудный доход, — вот что занимает теперь их мысли и определяет характер их действий. Они чужие в чужой стране, они не чувствуют себя в безопасности, они беззащитны перед лицом бездушной бюрократии. Их судьба определяется властью мелкого чиновника погранконтроля, уличного полицейского, вездесущего доносчика.

«Возлюби ближнего своего»

Уже название первого романа, обращенного к этой тематике, указывает на то, с какой прямо-таки экзистенциальной серьезностью Ремарк берется за ее освоение. «Возлюби ближнего своего» — в этих взятых из Нагорной проповеди словах призыв, надежда и отчаянное «и все же, все же», которое Ремарк противопоставляет бесчеловечному времени. Харли Ю. Тейлор полагает в своей работе о Ремарке, что выбор названия «provides another example of Remarque's irony»⁵⁹, и обосновывает свою догадку бессердечным (и нехристианским) поведением многих героев романа. Однако этим тезисом игнорируется, пожалуй, более глубокая интенция, заложенная Ремарком не только в этой книге, не говоря уже о том, что ирония вообще не является весомым стилистическим средством его эпического творчества. Более того, юмор Ремарка, его насмешливое отношение к патетическим фразам того времени и той действительности, которые окружают его героев, отмечены явным стремлением вывести читателя из состояния глубокого потрясения, вклиниваясь в него саркастическими и ци-

⁵⁹ Представляет собой другой пример ремарковской иронии (англ.).

ническими диалогами или оценочными суждениями очевидца того или иного страшного события. Такие элементы трагикомедии давно входили в стратегию повествования, которой придерживается этот писатель. Многие эпизоды романа свидетельствуют: Ремарк верит в гуманистические начала нашего бытия и отступать от этой веры он не намерен — вопреки всем ужасам своего времени. «Возлюби ближнего своего» — это, таким образом, один из тех категорических императивов, который писатель Ремарк выдвигал в противовес нравственно распушенному миру. И делает он это не с иронией, а в высшей степени серьезно. Поток беженцев, движущиеся в наши дни по всему земному шару, и отношение к ним богатых стран Запада показывают, что точка зрения Ремарка на эти явления не утратила своей актуальности.

Главные герои «Возлюби ближнего своего» проходят через все, чем эмиграция может испытать человека на прочность. Молодой «получеврей» Людвиг Керн, изучавший медицину, встречается во время полицейской облавы в Праге своего соотечественника Йозефа Штайнера, изгнанного из Германии по политическим мотивам. Он старше Керна и постепенно становится для него мудрым, отзывчивым «учителем» в жизни, единственный смысл которой заключается в отчаянной и беспощадной борьбе за выживание. Как и в случае с молодыми протагонистами в книгах, действие которых происходит в веймарские годы, мужание Людвиг Керна изображается в стиле романа воспитания. Пауль Боймер, Эрнст Биркхольц, Роберт Локамп — они тоже мужают в экстремальных жизненных ситуациях, когда усвоенный в юности кодекс буржуазной морали утрачивает свое значение. Рукопашная в траншее, возвращение в родной город, ставший чужим, жидкая похлебка на ужин в годы экономического кризиса и, наконец, эмиграция — все это суровая школа жизни. Ремарк приставляет к своим, в сущности, юным героям людей, которые прошли путь горьких испытаний, не поступившись своим достоинством, не потеряв уважения к самим себе. Рассказчик делает их указующими маршрут, потому что они не рушатся в рушащемся мире; потому что искру гуманности не погасить никаким грузом пережитого; потому что они не хотят допустить, чтобы жизнь погребла под собой их готовность мыслить и действовать.

Станислав Катчинский в «На Западном фронте без перемен», Георг Рахе в «Возвращении», Отто Кестер из «Трех

товарищей» и теперь Йозеф Штайнер — вот кого славит Ремарк как истинных героев и разумных воспитателей.

Это история о человеческом величии и человеческом ничтожестве. Керн бежит через границу в Австрию, потом в Швейцарию, а затем и в Париж, встречая на своем пути — в убогих эмигрантских отелях, в тюрьме, при попытке выжить, торгуя парфюмерией, — добровольных «помощников» и вездесущих «управдомов», служащих, зацикленных на исполнении приказов и соблюдении «порядка», бюрократов кафкианского покроя, садистских клеветников бездушной «реальной политики». Ремарк делает набросок «Человеческой комедии» своего порочного, уродливого века.

Вот швейцарский пограничник намеренно смотрит куда-то в сторону, чтобы Керн мог скрыться и избежать ареста, а вот вызванные к Венскому университету полицейские, скрестив руки, с любопытством наблюдают, как студенты-антисемиты избивают евреев-одноклассников («Бей сынов моисеевых по кривым рожам...», «Гоните их в Палестину!»⁶⁰). Вот Биндинг, такой же эмигрант, как и Керн, крадет у него последние деньги, а хозяйка небольшой (швейцарской) прачечной дает ему подсобную работу, хотя законом это запрещено. Вот немецкий националист и богатый еврейский эмигрант Оппенгейм наотрез отказывается помочь Людвигу Керну, когда тот просит его об этом, а врач клиники Беер фактически спасает Керну и его возлюбленной жизнь, делая это совершенно бескорыстно. Вот приспешник нацистов Аммерс пишет швейцарским властям донос на беженца, а студент-антисемит ввязывается в драку, защищая студентов-евреев: «...разве можно оставаться спокойным, когда видишь такое избиение?» Посыл Ремарка в этих центральных эпизодах романа прост и однозначен: гуманизм — это вызов не только большой политике, но и отдельной личности. «Возлюби ближнего своего» или предай его — выбирать мы должны между этими полюсами. Один из героев Ремарка так формулирует скептическое кредо автора: «Человек велик в своих высших проявлениях... В искусстве, в любви, в глупости, в ненависти, в эгоизме и даже в самопожертвовании. Но то, чего больше всего недостает нашему миру, это известная, так сказать, средняя мера доброты».

⁶⁰ Цитаты из романа «Возлюби ближнего своего» приводятся в переводе Исидора Шрайбера.

И этот роман Ремарка отличается тем, что его автор избегает классово-специфических суждений, столь распространенных в то время, за что, конечно же, подвергается ожесточенной критике со стороны антифашистского лагеря. К тому же он с нескрываемым сарказмом рисует образ коммуниста, на избитые фразы которого о «нашем движении», о «революционном просвещении масс» следует простой и спокойный ответ: «Этим мы, пожалуй, много не добьемся. Такие вещи хороши для социалистического манифеста, и только». Если судья у него вынужден осудить Керна, поскольку того требует закон, но понимает при этом, что право таким образом оборачивается бесправием, то у такого автора, конечно же, нет правильной, «классовой точки зрения», а все написанное им не открывает перед читателем «научно обоснованной» исторической перспективы. И все же именно этот эпизод особенно ярко показывает, сколь пронизателен и точен автор в своей оценке бессилия европейской буржуазии. Решая, как наказать беженца Керна, нелегально перешедшего границу, швейцарский судья, словно укоряя кого-то, покачивает головой: «Однако надо же вам иметь хоть какие-то документы!.. Может, нам попросить германское консульство выдать вам удостоверение?.. Разве Лига Наций еще ничего не сделала для вас? Ведь вас тысячи и вы должны как-то жить...» В этой сцене, как в капле воды, отражаются полнейшее отсутствие воображения и та успешная работа, которую проделали буржуазные элиты — в годы гитлеровской диктатуры — по вытеснению из своего сознания элементарных норм человеческой морали. Керну важнее быть приговоренным к предварительному заключению, а не к тюремному наказанию, объясняет судья в приливе прекраснодушия. «Очень вам благодарен, — отвечает Керн. — Но мне это безразлично. В данном случае мое самолюбие нисколько не задето». — «Это отнюдь не одно и то же... Напротив, это очень важно с точки зрения гражданских прав. Если вы были в предварительном заключении, и только, — то на вас нет судимости...» — «Гражданские права! А на что они мне, если я лишен даже самых элементарных прав человека! Я — тень, призрак, гражданский труп».

Поистине актуальный диалог происходит в зале швейцарского участкового суда. «Так что же нам остается, как не нарушать закон?» — спрашивает Людвиг Керн, которому грозит лишение всех прав. Многие люди, голосующие сегодня за христианских демократов или социал-демокра-

Ремарк отделывал свой образ так же тщательно, как свои книги

Писатель в Голливуде

С кинопродюсером Карлом Леммлем

Ремарк с Долорес дель Рио и Марлен Дитрих —
двумя из его многочисленных возлюбленных

С мексиканской кинозвездой Лупе Велес

Вера Зорина

Грета Гарбо

Хеди Ламарр

Натали Палей

Эрих Мария и Марлен — одна из последних встреч

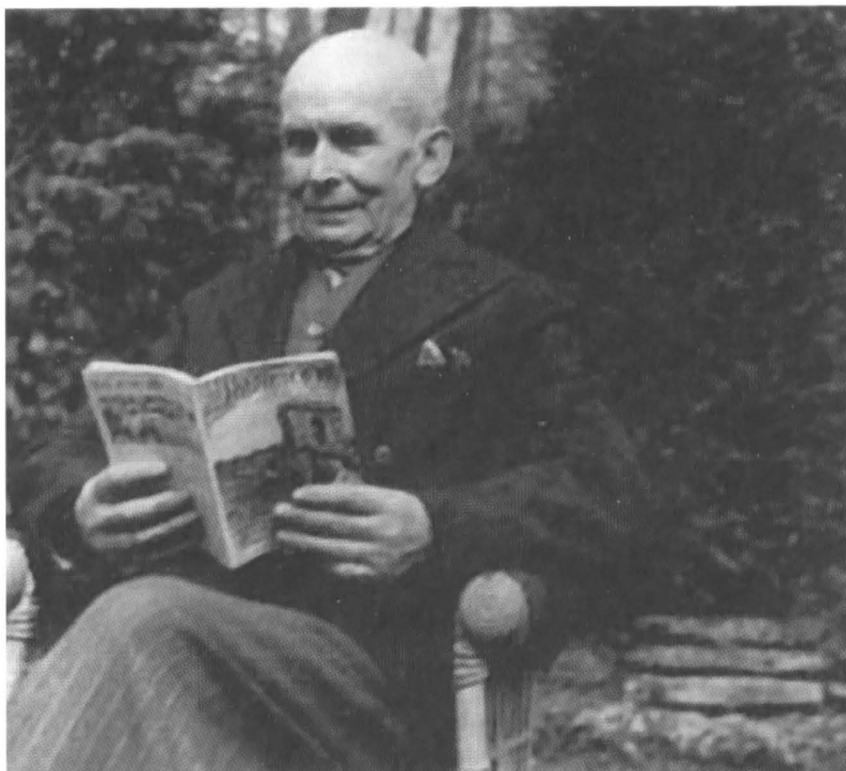
Ремарк обсуждает с Ингрид Бергман ее роль в фильме «Триумфальная арка»

Кадр из «Триумфальной арки»

Писатель
в Париже.
1949 г.

Петер Франц
Ремарк
читает книгу
сына. 1946 г.

Полетт Годдар.
1946 г.

Ремарк
с племянниками
на похоронах
отца

В Вене. 1955 г.

Ремарк
и Полетт Годдар
в Венеции. 1958 г.

В роли профессора
Польмана
в экранизации
своего романа
«Время жить
и время умирать».
1958 г.

Писатель
консультирует актеров
на съемках фильма

За рабочим столом

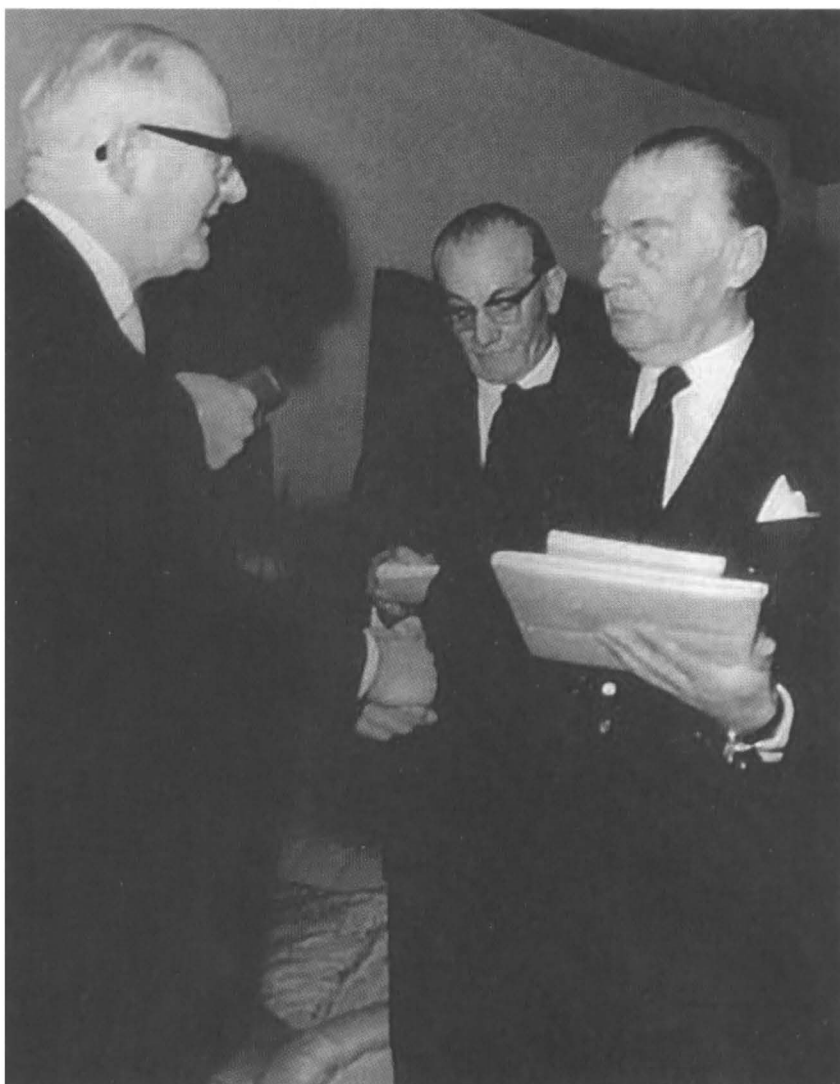

На развалинах рейхстага
в Берлине. 1956 г.

Ремарк и Полетт
в Порто-Ронко

С Полетт в Париже

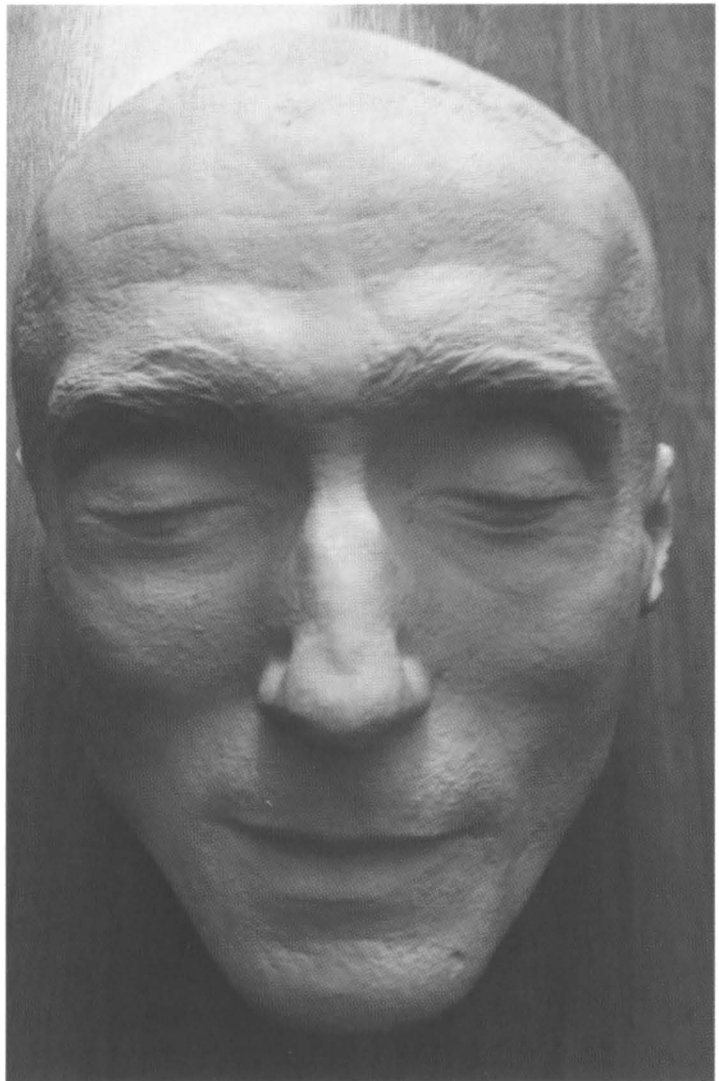

«Ягуар» —
деталь
роскошной
жизни

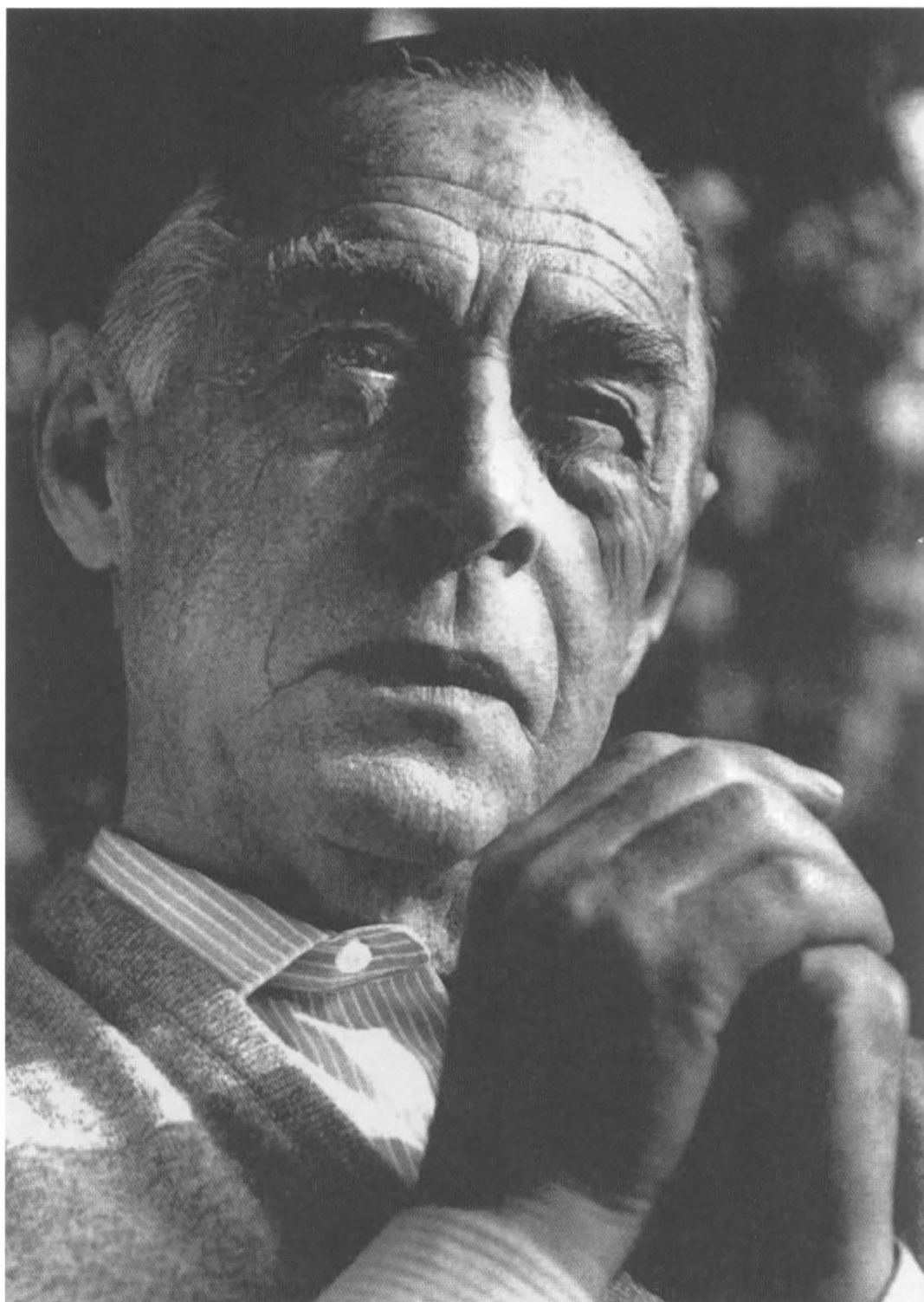
Бургомистр
Оснабрюка
вручает
Ремарку
медаль
Мезера.
1964 г.

Похороны
Ремарка в Асконе.
1970 г.

Посмертная маска
писателя

Одно из последних фото. 1969 г.

тов, испытали бы не меньшую растерянность, чем судьи у Ремарка, освобождаясь от типично буржуазных мечтаний об этической субстанции «демократической» политики, если бы заглянули в камеры тюрем, битком набитые теми, кого выпроваживают из их стран. «Человек без паспорта все равно что труп в отпуске. Ему впору покончить с собой. Больше ничего не остается». Ничего не изменилось: «Рядом, в двух шагах от тебя, кто-то гибнет, и мир рушится для него среди крика и мук... А ты ничего не ощущаешь. Вот ведь в чем ужас жизни!»

Впечатляющая панорама конца 1930-х годов возникает у нас перед глазами при чтении этого романа. И мы видим ее не с высоты «большой» политики, дыхание крупных исторических событий ощущается нами постоянно. «Жестокий век! — констатирует бывший депутат рейхстага Марилл. — Мир укрепляется пушками и бомбардировщиками. Человечность — концентрационными лагерями и погромами. Мы живем в эпоху, когда все перевернуто с ног на голову. Нынче агрессор — покоритель мира, а избитый и затравленный — возмутитель общественного порядка. И подумать только — целые народы верят этому». Человек в таком мире лишен индивидуальности, он исчезает за обозначением сообщества. «Это дворец Лиги Наций... Вот место, где годами толкуют о нашей судьбе. Все никак не решатся — дать ли нам документы и снова сделать нас людьми или же не давать».

Однако индивидуальные действия влекут за собой, по Ремарку, личную ответственность. Гуманность, сострадание, любовь к ближнему или просто сочувствие к его бедам остаются вызовами, которые требуют ответа от каждого человека в отдельности. «Утром он пошел дальше и вскоре остановил машину. Однако водитель роскошного автомобиля — “аустрадаймлера” стоимостью в пятнадцать тысяч шиллингов — потребовал с него за проезд пять шиллингов. Керн отказался. Вскоре какой-то крестьянин позволил подсесть к нему на телегу и даже дал ему большой кусок хлеба с маслом».

У романа двойственный конец. Ремарк признает обе возможности, предоставляемые беженцам судьбой: смерть или счастливое, случайное выживание. Людвиг Керн и его возлюбленная Рут Холланд — это история о любви, бегстве, страданиях и человеческой стойкости трогательна, оптимистична и светла на мрачном фоне той среды, в которой она свершается, — получают благодаря Йозефу Штайнеру

билеты на грузовой пароход, отплывающий в Америку. Штайнер, скептик, прошедший огонь, воду и медные трубы, не питающий никаких иллюзий, тайно возвращается в Германию, чтобы увидеть свою умирающую в больнице жену. Это сознательный шаг к самоуничтожению: «Тогда ты должен также знать, чем грозит тебе такая поездка!» — «Знаю». — «Скорее всего, ты погибнешь». — «Если она умрет, я и так погибну». И он выбрасывается после ее смерти из больничного окна, увлекая за собой эсэсовца Штайнбренера. Мечте садиста, предвкушающего наслаждение от вида мучений, ожидающих арестованного Штайнера, сбыться не дано. Роман публикуется — как мы уже сообщали — поначалу под заголовком «Flotsam» на страницах журнала «Кольерс». Заголовок выбран, конечно же, с расчетом на читателей, которых едва ли волнуют судьбы эмигрантов из стран Старого Света. Они скорее предпочтут детективную историю, чем книгу, которая старается привлечь к себе внимание цитатой из Библии. Начиная с «Трех товарищей», Ремарк уже больше не видит перед собой главным образом немецкого читателя, он пишет для интернациональной публики. И тем не менее «Flotsam» довольно точно выражает его интенцию. Ибо эта история о людях, суденышки которых потоки времени носят по Европе, прибывая во многих случаях к американским берегам. В оригинале, на немецком, книга выходит лишь в августе 1941-го, через полгода после американского издания, а увидеть свет у «Кверидо» в Амстердаме ей не дано просто потому, что в этом городе со всеми удобствами расположились немцы. Фриц Ландсхоф успевает перебраться в Америку, объединяется там с Берманом-Фишером, так что в издательстве, связанном со славным именем, все же выходит еще одна книга Ремарка.

Роман встречает у критиков в основном теплый прием. «“Плавающие обломки” — это глубоко волнующая история, — пишет рецензент журнала «Тайм мэгэзин», — как и Хемингуэй, Ремарк обладает редкостной способностью создавать тексты, которые, соединяя в себе доступность с художественностью изложения, повествуют о жизни целого поколения». «В этой книге есть что-то как от глубин Нагорной проповеди, так и от простоты всякой большой поэзии», — считает критик «Чикаго дейли ньюс».

В книжных магазинах Федеративной Республики Германия «Возлюби ближнего своего» появляется только в 1953 году. А за год до этого там издан и вызывает яростные

споры написанный после войны роман «Искра жизни». Неудивительно, что отзвуки этих споров чувствуются и в оценках книги об эмиграции. Суждения критиков крупных газет тем не менее благожелательны. «Франкфуртер альгемайне» полагает, что только люди с врожденным ко всему предубеждением могут не заметить достоинств этого произведения. «Все остальные признают, что оно удалось писателю, мало в чем уступает его первой большой вещи; что сюжет его динамичен, слог и стиль естественны, далеки от любого снобизма; что оно полно жизненной силы и проникнуто той набожностью, которую мы не всегда находили у Ремарка». Отдадим рецензенту должное, только вот в чем ощутил он тут «набожность»? Ремарк «нигде не политизирует и уж тем более не делает это агрессивно», — пишет «Кёльнише рундшау», признавая тем самым актуальность его романа. Выход романа на французском языке (в 1962 году под названием *Les Exilie's*⁶¹) привел одного из тамошних критиков в восторг: «Обладай мы нужной властью, Эрих Мария Ремарк стал бы лауреатом Нобелевской премии мира». Дифференцированно положительную оценку его романы получали и в ГДР. Правда, все его творчество усердно впрягалось в колесницу литературы «антифашизма». А читателю, конечно же, объяснялось, — как и при оценке сочинений Лиона Фейхтвангера и Генриха Манна, — что речь здесь идет о буржуазном авторе, не сделавшем решающего шага к революционному действию, то есть к признанию себя приверженцем коммунистического мировоззрения. «Ремарк должен был бы понимать, что одной любовью человека к человеку общество не гуманизировать», — пишет Альфред Антковяк в своей работе о Ремарке, следуя официальной трактовке его творчества. Похвала в адрес романа «Возлюби ближнего своего» не мешает ему при этом констатировать, что автор «так и не смог вырваться из плена своих идеалистических представлений». Правда, у читателей в ГДР не было возможности проверить обоснованность этого суждения. Роман «Возлюби ближнего своего» в другом германском государстве не издавался.

Быстро среагировал и Голливуд, уже сотворившей несколько фильмов по романам Ремарка. Еще до выхода книги режиссер Джон Кромвелл снял картину под названием «*So Ends Our Night*»⁶². Фредерик Марч сыграл Йозефа

⁶¹ Изгнанники (*фр.*).

⁶² Так заканчивается наша ночь (*англ.*).

Штайнера, только еще начинавший свою карьеру Гленн Форд создал образ юного Людвиг Керна, а в роли Рут Холланд, его возлюбленной, зрители увидели Маргарет Саллаван. Эрих фон Штрогейм, с успехом игравший прусских офицеров с моноклем в глазу и демонически-злых нацистов, превратился в лютого гестаповца Штайнбренера. Мнения критиков оказались, как всегда, разными. Ремарк посмотрел фильм в январе 1941-го в Нью-Йорке и записал в дневник: «Неплохо. Слегка затянуто и, пожалуй, скучновато. Хотя, возможно, только на мой взгляд. Актеры первого ряда... Сценарий писался, похоже, с трудом». И пару дней спустя: «Просмотрел рецензии. Не очень-то они радостные. Быть может, для экранизации книга и не годилась».

Жизнь в американской эмиграции начинается для Ремарка во время работы над книжным вариантом романа. Прибыв в Нью-Йорк 4 сентября 1939 года, он проводит там несколько дней и едет затем в Лос-Анджелес, где его ждет Марлен Дитрих. Дневниковые записи в следующие полгода посвящены фактически одной теме — жизни с *Пумой*. «С чего бы мне, собственно, описывать весь этот кошмар? Где бы ни появлялась эта женщина, там всегда болтовня, пересуды, ссоры». Споры и примирение, надежды и злость («Во всяком случае, все кончилось тем, что я ей дал пощечину, а она меня укусила за руку»), растерянность от неспособности порвать отношения («Решил обрубить концы!») и восхищение («...Ты как личность обладаешь такой силой и такой энергией, каких мне встречать не доводилось...»).

В октябре в Нью-Йорк прибывает Ютта и неделю живет на острове Эллис, поскольку срок действия ее панамского паспорта истек. Ситуация в «треугольнике» обостряется. Ремарк подключает к делу адвоката, Ютта получает разрешение на временное проживание, а Марлен Дитрих раздражена тем, что он не подает на развод. Поговаривают, что она опротестовала приезд Ютты, обратившись в Главное управление по делам беженцев. В связи с этим Ремарк делает запись в своем дневнике. «Вчера говорил по телефону с Петером. Была благоразумна и в хорошем настроении. Гораздо лучше *Пумы*, которую надо бы послать к черту. Петер не была такой зловредной, как эта отвратительная bestia». Тем не менее в последующие годы Ютта будет постоянно упрекать его в том, что он отбыл из Парижа, не взяв ее с собой, и она оказалась интернированной на острове Эллис.

Вечеринки в студиях и кинопремьеры в кругу голливудских звезд, ночные бдения с Карлом Цукмайером, Отто Клементом и случайными собутыльниками, бесконечные споры, постыдные выяснения отношений на публике и в спальне — изнурительная жизнь! Дитрих влюблена в Джеймса Стюарта, с которым снимается в вестерне «Дестри снова в седле», *Петер* осыпает его упреками, полагая, что он заботится о ней слишком мало, а самого его беспокоит вопрос из вопросов: получит ли он вид на жительство в США. В первый день 1940 года он записывает в дневник: «Задумок — много. Надеюсь реализовать хотя бы часть из них...»

Ремарк понимает, сколь зыбко и шатко его положение. Дневниковые записи этих месяцев — да и последующих лет — превращаются в беспощадный самоанализ. Подробное описание будней в Голливуде, безрадостных, унижающих его достоинство, — это и оборона, это и проработка пережитого. Ироничные, страстные строки о его чуть ли не ежедневном сожителстве с Дитрих перемежаются заметками о встречах с такими знаменитостями, как Орсон Уэллс, Чарли Чаплин, Эдвард Г. Робинсон, и многими более или менее известными красавицами, к числу которых принадлежат Грета Гарбо, Долорес дель Рио, Лупе Велес. После разрыва с Дитрих он гуляет и пьет с ними, не так уж и редко заканчивая ночь в объятиях своей очередной избранницы. (На одной из вечеринок в июне он познакомится с Полетт Годдар, но эта встреча не произведет на него яркого впечатления.) Встречается он и с Игорем Стравинским, Викки Баум, Карлом Цукмайером, Элизабет Бергнер и ее мужем — Полем Циннером. Переполненный рефлексиями дневник становится лекарством. Похоже, только здесь, на его страницах, обретает он возможность посмотреть на свою сумбурную жизнь взглядом со стороны. Спор с самим собой спасает от срыва в пропасть. Глаз его зорек и на полях этого своеобразного календаря, мотивы поступков Дитрих он разгадывает с такой же пронизательностью, как и собственные. «Видел съемочную площадку. И актеров. Понял Пуму. Они живут в этом мире. Другой супротив него ирреален. Дом скучен. Только и ждут того момента, когда можно будет снова прийти сюда. Это лихорадка, справиться с которой они не могут».

В конце февраля он получает от мексиканских властей разрешение на въезд в страну и в начале марта летит с Юттой в Мехико. Бои быков, встречи с Диего Риверой, пикировки с Юттой («Снова говорили с Петером о разводе.

Убедить ее трудно. Оставаться одной она не хочет. Наверное, все еще ждет... Терпеть это невозможно»,), страстные послания Марлен Дитрих («...как может кто-то не любить Тебя?») и — скука. По прошествии четырех недель супружеская чета получает американскую визу. Ремарк возвращается в Беверли-Хиллз, Ютта отправляется в Даллас. Подыскав себе новое жилище, он сразу же по приезде покидает бунгало, которое Дитрих сняла для него по соседству с ее виллой. «Хотел разом положить всему конец». Но сила притяжения к ней все еще велика.

Еще в конце 1939-го Ремарк познакомился с молодой женщиной по имени Рут Мартон. Связь эта развивалась без премудростей, длилась годами и была особенно тесной, когда Ремарк жил в Нью-Йорке. Рут выросла в Берлине, играла на венских сценах, для него она кусочек далекой Европы, она может утешить его в горестный час, — а такую способность женского сердца писатель ценит очень высоко, — она любит его, не создавая конфликтных ситуаций.

Записей о работе в эти месяцы крайне мало. «Раскопал то, что написал о Равике». Но он не намерен исполнять желание Пумы, откладывает первые страницы «ее» книги под названием «Триумфальная арка» в сторону и принимается за переработку «Возлюби ближнего своего». Она дается ему нелегко. Лишь в сентябре 1940-го, испытывая привычные для него сомнения, он в состоянии сделать следующую запись: «Книгу сегодня, кажется, все-таки закончил; к концу запас энергии, как всегда, иссякает. Боюсь, что конец не удался. Длинноты и нет попадания “в десятку”». Какое-то время он занят написанием киносценариев, удачными их не считает, и ничего больше из его писательской мастерской в 1940 году не выходит. Правда, в 1940—1941 годах он напишет сценарий, положив в его основу свой рассказ «По ту сторону», и в 1947 году в Голливуде по нему, после небольшой доработки, будет снят фильм «Другая любовь».

После поражения Польши на полях Европы призрачное затишье. «Просвета в большой политике не видно. Черчилль сменил Чемберлена. В течение ближайших ста лет ненависти к немцам будет больше, чем к любому другому народу». Не встречая сколько-нибудь серьезного сопротивления, армии вермахта оккупируют Францию, Голландию, Бельгию. «Гитлер в Париже — какой спектакль! Культуре — конец». Следя за тем, что происходит в высоких кабинетах и на полях Европы, Ремарк пытается уйти в себя, «потому что с этим ничего не поделать, а вот позже ты там,

может быть, еще пригодишься». Он просит переслать его картины и ковры из Швейцарии в Америку, боится, как бы при переезде через океан с ними чего-нибудь не случилось, и счастлив, принимая их в порту в целостности и сохранности. «Чувство родины, перетекающее в тебя от вещей».

И все-таки: живется ему плохо. В сентябре 1940 года впервые появляется серьезная запись о состоянии его здоровья: «Неладно с сердцем. Уже несколько дней, вернее, недель. Хотя курить я бросил. Не пью больше кофе». Этот тревожный сигнал не истолковать только психосоматически. Питание, курение, ночная жизнь, треволения, работа — изношенный организм мстит за халатное с ним обращение. Сердце и впредь будет самым уязвимым органом писателя. Через двадцать лет оно забастует и будет мучить его, пока не бросит на произвол судьбы.

В декабре Ремарк переезжает в Нью-Йорк. Это бегство, это попытка вырваться из круговорота унижений и начало расставания с Марлен Дитрих. Оно дается ему с трудом и не свободно от рецидивов. Немного позднее он напишет: «Пума — почему я был так привязан к ней: потому что вновь был молод, молод, глуп, безрассуден, порой счастлив, зачастую несчастен, — и вижу, что это не повторится; ибо случилось, наверное, в последний раз». Ему 43 года, расставание он воспринимает как разрыв отношений и реагирует меланхолически: «Чувство странное, призрачное. Ушел не человек, которого ты любил, — ушло время, ушли годы — безвозвратно... Жизнь убывает непрерывно, беззвучно, но бывает, что она слышна или видна: кто-нибудь сидит перед тобой, и на сердце легкой тенью ложится печаль».

Незадолго до отъезда в Нью-Йорк (точную дату уже не установить) Ремарк пишет Дитрих письмо, которое должно сделать разрыв окончательным: «Лишь то, что обрываешь, остается. Поэтому: адье!.. И не будем друзьями в буржуазном и сентиментальном смысле, чтобы безнадежно растоптать три года быстрой огненной жизни и Фата Моргану воспоминаний»⁶³. Они еще будут встречаться, созваниваться и посылать друг другу цветы, но он сохранит дистанцию, отправляя ей еще и в 1950-е годы приветливо-ласковые письма. Дитрих никогда не порывала со своими пассиями раз и навсегда, никогда не мирилась с окончанием романа или любовной интрижки, с потерей ее «господства» над тем или иным человеком. Вот и теперь она пытается освежить

⁶³ Перевод Евгения Факторовича.

их контакты, посылает Ремарку в его апартаменты, когда тоже живет в Нью-Йорке, произведения ее кулинарного искусства, а в декабре 1945-го шлет из Парижа прямо-таки сигнал бедствия: «Пишу Тебе, потому как вдруг накатила тоска. Я в полном смятении, пуста и не вижу перед собой никакой цели». И он тоже не раз даст знать о себе в следующие за разрывом десятилетия, будет вспоминать о минувшей, большой любви. Но — не более того.

В начале этого конца, в декабре 1940 года, Ремарк обосновывается в апартаментах нью-йоркского отеля «Шерри Нидерленд», встречается с *Петером*, с Рут Альбу, с неравнодушной к морфию Аннемари Шварценбах, с Лионом Фейхтвангером, бежавшим из Европы после длительного пребывания в лагере для интернированных. Теперь он живет в отеле «Санкт-Мориц» и диктует секретарше свои воспоминания о пережитом в стране, так легко прогнувшейся под германским сапогом. «Черт во Франции» — так назовет он свою книгу. За ужином в предновогодний вечер Ремарк знакомится с женщиной, которая тоже сыграет большую роль в его жизни. «Встретил Натали Палей, теперешнюю мисс Браун. Очень мила...»

Наталье Палей тридцать пять лет, родилась в Париже, из дома Романовых, ее отец был родным братом царя Александра III. Красива, в лице и фигуре что-то мальчишеское, к моменту знакомства с Ремарком замужем (второй раз) за гомосексуалистом. Манекенщица и актриса, в 1930-х годах снялась в нескольких французских фильмах — вместе с Морисом Шевалье, Чарлзом Бойером и Кэри Грантом. Была в дружеских отношениях с Жаном Кокто и Антуаном де Сент-Экзюпери.

Пригласив Наталью разделить с ним трапезу через несколько дней после предновогодней встречи, Ремарк пленен: «Красивое, чистое, сосредоточенное лицо, длинное тело — египетская кошка. Впервые ощущение, что можно влюбиться и после *Пумы*... Проводил... красивую, стройную... смятенную русскую душу домой». Следующая запись от 7 января: «В половине шестого Наташа П. Прелестное лицо, серые глаза, стройна, как подросток. Плавное начало, теплота, какие-то слова, легкий флирт, нежная кожа лица и губы, неожиданно требовательные». Забыть Дитрих невозможно, но жизнь в Нью-Йорке отвлекает. Он несколько раз встречается с Гретой Гарбо, восхищенный ее красотой. Ни ссор, ни ревности, а долгие прогулки и разговоры, романтические ночи и такое чувство, будто наконец

вновь обрел себя. Дружба становится более тесной, когда он возвращается в Лос-Анджелес. «Гарбо, свернувшаяся калачиком на полу — гибкая, красивая, расслабленная». И хотя интимные отношения продлятся недолго, они будут еще часто встречаться в Лос-Анджелесе и Нью-Йорке, ходить на выставки, обмениваться подарками на Рождество и в дни рождения.

Два месяца живет Ремарк в Нью-Йорке. Он любит город, любит ночные клубы в Гарлеме, куда влекут его чернокожие музыканты и проститутки, следит за поединками на ринге, бродит по музеям и картинным галереям, встречается с Наташей и Гретой. За работу садится редко, им движут мысли о новых книгах («Взяться за вещь о санатории: автомобиль Кая...»; «заголовок для книги о Равике: Триумфальная арка»), в том числе даже о городе, в котором он живет сейчас: «Книга: *Любовь к Нью-Йорку*. Искра жизни Э.М.Р., не погасшая за миллионы световых лет мрака и обитающая теперь в Багдаде 20-го столетия... например, под заголовком Нью-Йоркский дневник». Но такая книга не напишется, зато нечто подобное засветится в романах «Жизнь взаимы» и «Триумфальная арка».

В конце февраля — «Два месяца в Нью-Йорке, поезд трогается, прощай, прекрасное время!» — он возвращается в Лос-Анджелес. Располагается снова в одном из домов Вествуда и посылает *Пуме* цветы. Наташа приехала сюда раньше его, но вскоре уезжает, и довольно долго их связывает только переписка. У него начинается период чрезвычайно высокой активности — увы, вовсе не творческой. Дни превращаются в ночь, а жизнь — в сплошную череду светских вечеринок, обильных возлияний за дружеской беседой и свиданий с женщинами. Грета Гарбо, Фрэнсис Кейн, Лупе Велес, Долорес дель Рио, Луиза Райнер — это его возлюбленные из «фабрики грез», коротких же романов и интрижек с менее известными красавицами, пожалуй, и не перечесать. И не извлечь из сердца занозу под именем Марлен («Это Пума, что снова бродит призраком во мне»). Под их романом подведена черта, но в мыслях он все еще с ней. Ревность — у *Пумы* как раз бурный роман с Жаном Габеном — и уязвленное самолюбие приводят к причудливо-безобразным сценам. В дневнике он пишет об этой жизни по-прежнему с презрением, но и наслаждается ею. И страдает от недостатка самодисциплины. Это бегство в двояком смысле. Ему хочется забыть и войну, идущую в Европе, и те удары, что были нанесены по его чувству собственного до-

стоинства в годы более чем тесной дружбы с Дитрих. «Когда же наконец успокоюсь? После этого выброса эмоций, вызванного, по сути дела, слишком сильной привязанностью к Пуме? После попытки доказать самому себе, что ты еще можешь летать, волновать, переубеждать, очаровывать?» События в Европе практически не находят отражения в его дневниковых записях. Если какое-то и западает в память, то он старается вытеснить его оттуда, вспоминать предпочитает эпизоды другой войны и то, как он на них тогда реагировал. «Мысли о пребывании на фронте в 1917-м. О войне в свой маленький дневник почти ничего не записывал. Зато заносил туда вирши — пламенные, сентиментальные, темные. Оборонялся ими от того, что видел вокруг себя». Слушая в апреле 1941-го радиосводки о положении на фронтах, Ремарк записывает в дневник: «Вопреки всему, — именно поэтому вопреки всему! Отыскивать то, что остается! Чтобы потом попытаться рассказать об этом». А вот его реакция на продвижение вермахта по территории Советского Союза: «Ситуация в России трудная. На карту не смотреть. Надеяться. Хранить молчание. Беречь нервы». И в октябре 1941-го: «Русские в критическом положении. Линии обороны прорваны. Немцы в 60 милях от Москвы. Как ее ни гони, тьма над горизонтом сгущается. И делает твою убогую жизнь еще и суетной. Спешу взять от нее побольше, пока тьма не затопила все и вся».

У него проблемы с налоговыми органами и своим агентом. Он решает их со спокойствием фаталиста. «Клемент растратил все полученные от меня деньги — примерно 8000 долларов... Дал ему еще 500 долларов. Может быть, какая-то часть при случае еще вернется». Негласно платя в казну 9000 долларов, он имеет возможность в любой момент выяснить, как обстоят дела с его паспортом. В первых числах мая он в очередной раз едет в Мехико, чтобы продлить визу. В ручной клади у него один экземпляр только что вышедшего из печати романа «Flotsam». Это на тот случай, если пограничники и таможенники окажутся непомерно дотошными. Значит, рукопись для издания «Возлюби ближнего своего» в книжном формате все-таки подготовили, теперь он пытается найти новое начало для романа о Равике. «Вчера вечером прорисовалась главная идея Триумфальной арки. Отчаянно походит на автобиографию последних лет — эмоционально». Несколько кинодиалогов, но не более того, он пишет для Элизабет Бергнер. Актриса живет по соседству с писателем, отношения между ними

поначалу очень дружеские, и лишь со временем в них появляется элемент напряженности. «Солдат, остерегайся любовью нервозности. Соскреби с Твоих костей голливудскую коросту. Купайся в хорошей литературе. Работай, ленивец!» — «Надо забыть о любых вечеринках — с коктейлем или без. И работать». Только вот от призывов к самодисциплине толку мало. Год для него, художника, потерян?

Он мало пишет, но много читает: Гауптман, Шекспир, Ницше, Джозеф Конрад, Оскар Уайльд, письма Гёте. Подумывает о сборнике рассказов, и последняя запись в дневнике этого года гласит: «Заголовок для новой книги. Spark of Life. Искра жизни». Выходит, что жизнь, протекающая между возлияниями в ночных клубах и страстными ночами любви, не так уж и бесплодна. И в эти сумбурные годы в голове писателя Ремарка рождаются оригинальные планы, многие из которых будут реализованы. При этом мыслями он уносится порой и в теперь уже далекие веймарские времена. В одном из писем к Марлен Дитрих он так охарактеризовал героев своих ранних романов: «Они обступают меня и ждут, а я сижу, обреченный разбираться в их неселых событиях, в их монотонном, мучительном мире, подчиненном параграфам, и я, смущенный, копаюсь в себе, я недоволен, часто противен самому себе, но все-таки привязан к ним, пусть и без любви. Я хотел бы написать стихи — прекрасные, буйные, найдя новые слова и ритмы, — но они не позволяют! — мне хочется протянуть руку одному из множества приключений, которые поглядывают на меня из-за плеча будущего; но они хватаются за меня своими серыми руками и не отпускают, и я проклят проживать с ними годы их жизни, сопереживать их мечтам и бедствиям и погибать вместе с ними»⁶⁴.

В начале января 1942 года он переселяется в отель «Беве́рли-Хиллз». Подальше от *Лумы*, но все еще с ранами в сердце. За событиями на фронтах, о которых сообщают газеты и радио, говорят эмигранты, он следит в эти месяцы с озабоченностью и тревогой. «Газет ждешь с волнением и нетерпением». Война вступает в решающую фазу. Напав на Россию и объявив войну Соединенным Штатам, Гитлер перегнул палку так, что ее теперь не разогнуть. В конце ноября наступление вермахта остановлено под Москвой. В январе 1942-го разъяренный Гитлер вынужден отдать приказ о спрямлении линии фронта. В ночь с 28 на 29 марта

⁶⁴ Перевод Евгения Факторовича.

английские бомбардировщики наносят первый массированный удар по крупному немецкому городу (Любеку), в конце мая град бомб сыпется на Кёльн. Это начало операции, в ходе которой все крупные города Германии с их многовековой историей будут превращены в груды развалин. «Утром прочитал, что 50 тысяч бомб, сброшенных на Оснабрюк, сделали из него море огня и каменную пустыню. А ведь там и Эрна с Эльфридой. Ничего не поделаешь. Думалось о многом. Мог бы сделать для них гораздо больше. И для отца тоже. Старинный город, кафедральный собор, церковь Святой Екатерины с ее зеленоватой островерхой башней; валы; мельница; школы».

В июне по приказу Гитлера дивизии вермахта начинают наступление на южном участке Восточного фронта, доходят до отрогов Северного Кавказа и останавливаются перед Сталинградом. У берегов Волги в окружение попадает 6-я армия. Фельдмаршалу Монтгомери удается нанести поражение танковому корпусу Роммеля, изготовившемуся к штурму Каира и к вторжению в Палестину. В течение нескольких дней, начиная с 8 ноября, дивизии союзных войск высаживаются на берегах Марокко и Алжира. Немецкие части оккупируют вишистскую часть Франции.

Америка поначалу лишь наблюдает за экспансией Японии в Азии, где капитулирует Сингапур, сдаются Ява и Филиппины, складывает оружие Бирма. Военные действия в Европе расцениваются Рузвельтом как второстепенные, что приводит к серьезным конфликтам между союзниками. Сталин требует открытия второго фронта в Европе, американцы относятся к этому сдержанно: военное производство у них только лишь набирает обороты, а наступление японцев кажется им гораздо более серьезной угрозой, чем ударная мощь немецких дивизий. Меж тем к концу 1942 года Вторая мировая война достигает своего апогея, и начинается то долгое отступление немецких армий, которое закончится только в апреле 1945 года — в десятке метров от бункера «фюрера» в Берлине.

Западное побережье Штатов — невдалеке от тихоокеанского театра военных действий. Для живущих в Калифорнии беженцев из вражеских государств наступают неприятные времена. Ночью им запрещено выходить на улицу. «Распоряжение генерал-лейтенанта Де Витта. Curfew⁶⁵ с 8 часов вечера до 6 утра для яп., итал., германских поддан-

⁶⁵ Комендантский час (англ.).

ных. Сидеть дома. Днем не удаляться от него более чем на 5 миль», — с горечью записывает Ремарк в дневник в конце марта 1942 года. «Как сужается мир — когда-то от горизонта до горизонта — потом без Германии — без Австрии — без Италии — Швейцарии — Европы — потом без Мексики — одна лишь Америка — потом еще труднее; поездки только с разрешения — и вот пять миль в Голливуде... Завтра, возможно, — в концлагере, и тогда — 5 миль покажутся целым миром!»

Непоседа и полуночник, Ремарк воспринимает ограничение своего жизненного пространства как катастрофу. Вынужденный проводить ночи в маленьком гостиничном номере («моя тюрьма»), он начинает жаловаться на плохой сон, шум по утрам, подавленное состояние, которое к тому же все усиливается. «Где мы умрем». Пребывая от заката до рассвета в заточении, он пытается читать — Хемингуэя, Фолкнера, Мальро, Сомерсета Моэма, снова и снова Ницше — и заставить себя работать. «Решил снова взяться за Равика. Дать его шире, субъективнее. Как человека с его проблемами». Он нанимает секретаршу, «чтобы немного взбодрить себя», но уже через пару дней сетует, что делать ей, по сути, нечего. «Странное существование в эти недели — изолирован, предоставлен самому себе, отсутствую, читаю, неспокоен, почти без всякой связи с внешним миром, который скользит мимо, чужой, стеклянный... Сам же я тихо чего-то жду».

Элегического в этом не так уж и много. По-прежнему сплошная череда вечеринок, у Бергнер или у актера Оскара Гомолки, где он, в дурном настроении, встречает Фейхтвангера («Смешон, когда напускает на себя важный вид»), Франца и Альму Верфель, Брехта, Томаса Манна («Убогое лицо») и часто напивается. Дело тогда порой доходит до словесной дуэли, бегства с раута и столкновения автомобилей, виновник которого, разумеется, под хмельком. «Верфель и его жена. Взбалмошная, светло-русая, brutальная баба, водку глушит. Довела до могилы Малера. Околдовала Гропиуса и Кокошку, но им, похоже, удалось от нее оторваться. Верфелю не удастся. Мы осушали бокал за бокалом. Посвистом подозвала Верфеля, как собаку, гордилась этим; а он и подошел. Меня это обозлило и, в сильном подпитии, я сказал ей правду в глаза». И все же именно дружба с четой Верфель будет особенно сердечной. «Посылаю Вам, из своих текущих сокровищ, бутылку русской водки, обернутую в цветы, как “синьку” бомбардировщика в договор

о мире, — с глубочайшим почтением». Такие приветы с извинением он шлет после довольно беспардонных ночных выступлений не только Верфелям.

Он утрюм и чувствует недомогание. «Месяцами боли в сердце». Невралгия лица, мигрень, почечные колики. Беспокойно в груди, донимают воспоминания. «Хочется... любви. Был ею обделен. Может быть, с тех пор, как маленьким, двух- и трехлетним просился к матери на руки и находил их занятыми больным, старшим братом». Летом у него новый, короткий роман. На сей раз с танцовщицей Верой Зориной, женой известного хореографа Джорджа Баланчина. «Недолгая любовь в июне». Повстречает он однажды и Полетт Годдар и пошлет на сей раз поутру букет цветов.

Рефлексируя и пытаясь отвлечься, он тем не менее осторожно, с опаской начинает проявлять интерес к политике. В мае 1942-го Лизл Франк, жена писателя Бруно Франка, приходит с призывом «Европейского кинофонда» помочь эмигрантам, оказавшимся в США без средств к существованию. Воззвание адресовано видным представителям американской художественной интеллигенции. Ремарк подписывает его вместе с Лионом Фейхтвангером, Бруно Франком, Максом Хоркхаймером, Томасом Манном и Францем Верфелем. В сентябре того же года Чарлз Марч, один из друзей вице-президента Генри Уоллеса, приглашает его отобедать с ним. «Говорили о том, что мог бы я делать в Вашингтоне. Марч объяснил, каким они представляют себе новый порядок (в послевоенной Европе. — *В. Ш.*)...»

В декабре 1942-го Ремарк едет в американскую столицу, чтобы встретиться с вице-президентом Генри Уоллесом, который только что принял на себя в кабинете Рузвельта ответственность за перевод экономики страны на военные рельсы. Правительственные учреждения стремятся привлечь знаменитых деятелей немецкой культуры к пропагандистской кампании против Третьего рейха. С октября 1940-го по ноябрь 1945 года к немецким слушателям будет регулярно обращаться по радио Томас Манн, его речи вскоре приобретут широкую известность. Для выступлений перед американскими солдатами в Европу поедет Марлен Дитрих. Ремарк сдержанно реагирует на уговоры Уоллеса. Он не намерен поступаться своей независимостью. Правда, спустя два года он напишет для руководителей и сотрудников американской внешней разведки «Office of Strategic Services» (OSS) памятку под названием «Практическая воспитательная работа в Германии после войны».

Трудно сбросить нервное напряжение, когда действует комендантский час и рядом нет *Пумы*. Он откладывает в сторону рукопись о Равике, решает писать о чем-то совсем ином — и не делает этого.

Передав свою коллекцию произведений искусства Художественному музею округа Лос-Анджелес, Ремарк покидает в конце октября 1942 года Беверли-Хиллз и возвращается в Нью-Йорк. Его пристанищем вновь становится отель «Шерри Нидерленд». На восточном побережье ограничения в отношении мигрантов почти не ощущаются. Здесь можно дать переживаниям отстояться и, пожалуй, обрести покой.

Первый звонок — Наташе, «лучику света среди кукол и обезьян», и лишь потом он вешает на стену картину любимого Ван Гога. Написаны четыре главы «Триумфальной арки», но кризис не преодолен: «Пролистал “Трех товарищей”». Есть места откровенно слабые. Я еще не писатель».

Тяжкое для него наступает время. Место Дитрих в его жизни на долгие годы займет Наташа. Поначалу в дневнике самые трогательные слова, письма к ней полны нежности и тепла. «Наташа, Твой голос был слышен по телефону так ясно, будто Ты находилась в соседней комнате — еще тут, еще со мной, еще в моей голове. Я слегка прикрываю уши, дабы продлить его звучание там, в моих мечтах, и вижу Твои серые, дивные, вопрошающие кошачьи глаза. И я беру свое сердце, и бросаю его в ночь, и подхожу к окну, и гляжу вниз на запретный город, и ощущаю на лице дыхание ветра, и вдруг снова и снова думаю о том, как это чудесно — жить и — быть в Твоих мыслях и Твоем сердце».

Они часто ссорятся и часто мирятся. Ремарк пьет не зная меры, чаще обычного заканчивает ночь в каком-нибудь злачном заведении. В августе 1943-го у него опять короткий и бурный роман — с Сандрой Рамбо. «Каждый день Наташа. Каждый день Сандра... Одному богу известно, чем это кончится!» Ноет печень, сильные головные боли, дает сбои сердце, он чувствует себя прескверно, но образ жизни не меняет. По утрам мучительно вспоминает, что говорил и делал во хмелю накануне вечером. «Опомнись, брат. Пей лишь с друзьями. А не на людях».

Нью-Йорк — место свиданий эмигрантов из Европы. На званых ужинах и театральных премьерах Ремарку встречаются Альма и Франц Верфель, Сальвадор Дали, Артур Рубинштейн, Эрнст Блох, Макс Рейнхардт, Карл Цукмайер, Эмиль Людвиг. Из Голливуда нередко приезжает Грета

Гарбо, здесь живет теперь Ютта Цамбона, и он регулярно выводит ее куда-нибудь поужинать, посещает с ней выставки, выслушивает ее жалобы на одиночество и упреки в недостаточном внимании к ней. Ближе других ему в эти годы писатели Фридрих Торберг и Карл Цукмайер, торговец произведениями искусства и меценат Сэм Силс. Как и он, эти люди любят выпить, вкусно поесть и провести время на вечеринке. Он ценит в них чувство юмора и широту души, хотя подчас они могут его и нервировать.

Он мало работает и терзается сомнениями. «Какой же я все-таки ветреный человек. Сколько во мне актерства. Есть надежда, все же быть писателем — или стать им». — «Завяз, как в трясине, после девятой главы. Слишком много курю. Но есть сильное желание работать». — «Вчера вечером работал. Ясно вижу, что писать не могу. Однако спокоен».

О своем творческом застое он никому не рассказывает, держит себя непринужденно, невозмутим и даже ироничен. «Чтоб Ты, Альма, не померла со страха: черновой вариант моей книги готов. Около 650 страниц; — примерно 600 из них лишние». В октябре 1943-го складывается план нового романа («Название: The (last) summer of Lilian Dunqueke»⁶⁶), который будет реализован полтора десятилетия спустя под заголовком «Небеса не знают любимчиков».

Ремарк не разделяет оптимизма тех своих знакомых, которые считают, что поражение Германии не за горами, и старается не принимать близко к сердцу то, что узнает из сводок о ходе боевых действий. Новые ограничения по отношению к эмигрантам воспринимаются им как издевательства, сообщения о них повергают его в депрессию: «Enemy-aliens⁶⁷, — Safes-deposit-boxes⁶⁸ вот-вот закроют для проверки их содержимого. После десяти лет пребывания здесь все же не хочется, чтобы на тебя по-прежнему смотрели как на гражданина второго сорта». Он давно уже ничего не публиковал, экономить не привык и потому вынужден продать несколько картин. «Вечером немного подумал о деньгах. Пора что-то делать. Мне никогда не заработать столько, сколько я трачу, — особенно если учесть расходы на Петера. Налоги слишком высоки, да и вообще. Думал, что война закончится раньше. А она, похоже, продлится,

⁶⁶ (Последнее) лето Лилиан Дюнкерк (англ.).

⁶⁷ Иностранцы как вражья сила (англ.).

⁶⁸ Банковские (депозитные) ячейки (англ.).

как минимум, до конца 1944-го, а на Тихом океане, может, и дольше».

В сентябре 1943-го он на несколько недель уезжает в Лос-Анджелес, встречается там с Верфелем и *Пумой*. «Выглядела еще хуже, сущей развалиной. Старой. Разочарованной. Там больше делать нечего... Прочь. Нет больше этой красивой легенды — Марлен Дитрих. Старая. Потерянная. Ужасное слово». О своей любви последних лет он судит без всяких иллюзий. Тем не менее еще помнит о романе, видеть который посвященным себе так хотелось Дитрих. В Лонг-Бич он навещает в госпиталь Девы Марии и присутствует там на двух операциях. Наглядный урок для писателя, ведь главный герой романа, живущий в Париже эмигрант Равик, работает хирургом, правда, нелегально.

В середине октября Ремарк возвращается в Нью-Йорк и поселяется в отеле «Амбассадор». Запись в дневнике, сделанная 23 октября, гласит: «После обеда вырвался наконец на выставку картин из моего собрания. Много посетителей, к моему удивлению. Есть даже хорошие отзывы». Картины Сезанна, Дега, Ренуара, Гогена, Ван Гога и Домье будут украшать залы галереи Кнёдлера на протяжении целого месяца.

Ремарк, конечно, и не подозревает, что в эти дни в Берлине в «Народном суде»⁶⁹ начинается процесс по делу его младшей сестры Эльфриды Шольц, который закончится смертным приговором. 16 декабря ее гильотинируют в Плётцензее. «Вашего брата мы, к сожалению, упустили, вам же от нас не уйти! — так, по воспоминаниям одной очевидицы, прокомментировал ситуацию председатель трибунала Роберт Фрайслер.

Пособник Гитлера и палач в мантии наверняка наслаждался возможностью вершить суд над родственницей писателя, одно имя которого приводило нацистов в бешенство. Но в Третьем рейхе выносилось множество таких же приговоров, и прямой связи здесь, пожалуй, не было. Однако попытки спасти Эльфриду Шольц от казни не имели, наверное, шансов на успех еще и потому, что она была сестрой знаменитого писателя. Два прошения о помиловании, поданные ее адвокатом, были отклонены.

Эльфрида жила со своим мужем, музыкантом Хайнцем Шольцем, в Дрездене и работала там портнихой... Муже-

⁶⁹ Чрезвычайный суд для расправы с противниками режима в фашистской Германии 1936—1945 годов.

ственная женщина никогда не скрывала в разговорах своего неприятия гитлеровской диктатуры и войны. «Мы были тогда твердо убеждены, что Эльфрида каким-то образом принимала активное участие в движении Сопротивления... Она тоже намекала на это»⁷⁰. Эльфриду арестовали 18 августа 1943 года по доносу капитана Ханса-Юргена Ритцеля за «антигосударственные высказывания». В присутствии жены этого убежденного нациста она открыто сказала, что думает о Третьем рейхе, и «пожелала Гитлеру получить пулю в лоб». В Германии это называлось «действиями, направленными на подрыв оборонной мощи».

Отчеты о процессе и приведении приговора в исполнение говорят о том, что, находясь в заключении и всходя затем на эшафот, сестра Ремарка проявила необыкновенное мужество. На допросах «она отказывалась вскидывать руку в нацистском приветствии. И при зачитании смертного приговора и тогда, когда ее, в наручниках, уводили из зала суда, она оставалась абсолютно спокойной».

Расправа над Эльфридой Шольц воспринималась в послевоенной Германии по-разному. Роберт Кемпнер, участник Нюрнбергского процесса и друг Ремарка, попытался выяснить: понесли ли наказание убийцы Эльфриды Шольц? Свидетельница обвинения в «Народном суде» была приговорена в 1950 году в ГДР к пяти годам каторжной тюрьмы. 25 сентября 1970 года Кемпнер получил от генпрокурора Западного Берлина сообщение о том, что «дело о смерти Эльфриды Шольц» федеральной юстицией закрыто. Штурмовика Лаша, участвовавшего в судилище над Эльфридой в звании обергруппенфюрера, рука Фемиды вообще не коснулась. Через четверть века после гибели Эльфриды Шольц власти Оснабрюка решили присвоить ее имя одной из улиц города — узкой, далекой от его центра, в районе новостроек. Лишь в 1946 году Ремарк узнает об ужасной судьбе, постигшей его сестру. И высказываться об этом публично не станет. Но предварит вышедший в 1952 году американский перевод своего самого мрачного романа («Spark of Life») словами: «To the memory of my sister Elfriede»⁷¹. В немецком издании, увидевшем свет в том же году под заголовком «Искра жизни», эти слова отсутствуют, но они появятся в изданиях 1988 года. Память в Германии пятидесятых годов — фактор неприятный, она

⁷⁰ Из письма Клэр Лемкуль Ремарку от 25 мая 1948 года.

⁷¹ В память о моей сестре Эльфриде (англ.).

мешает новоявленным демократам возрождать страну с тем же рвением, с каким они еще недавно разрушали ее.

Год 1944-й не похож на предыдущие. Марлен Дитрих, наверное, вычеркнута из его жизни навсегда. «Отвечаю на твои вопросы: Марлен я однажды случайно видел... Знакомо ли тебе чувство неловкости перед самим собой из-за того, что ты когда-то всерьез принимал человека, который на поверку оказался всего лишь красивой финтифлюшкой, а ты не можешь заставить себя сказать ему об этом, предпочитая быть с ним все еще чуть-чуть любезным, хотя от этого тошнит?»⁷²

Ремарк ищет уединения, реже бывает в свете, не засиживается в барах, меньше пьет. Все больше места в дневнике занимают записи о ситуации на фронтах, легкомысленные выходки, описанием которых прежде заполнялись целые страницы, упоминаются лишь изредка. «Почти все время один. Встречаюсь только с Наташей. Иногда навещаю *Петера...*» — «Напился до чертиков... Чего не бывало уже давно; и к чему особенно и не тянет». Читает он теперь еще больше, в восторге от Достоевского («Какой рассказчик!»), снова и снова обращается к Шекспиру, иногда к стихам Гейне и драмам Гауптмана («Добротно, по-немецки и как-то на удивление по-профессорски») и пробует сконцентрироваться на собственном романе. В мае, после долгого перерыва, он снова склоняется над рукописью о Равике и 25 августа, оставаясь, конечно же, недовольным, записывает: «Сегодня закончил книгу вчерне. 425 страниц. Конца работе не видно. Настроение довольно подавленное».

Значит, не ушли ни беспокойство, ни меланхолия. «Мир (баланс) ощутим еще только в искусстве». Летом к нему вновь подступают представители властей: «Я должен идти в армию; выступать по радио, писать статьи... Отказался. Работать, да, согласен, но не служить». А не хочет ли он отправиться на три месяца в Европу, гласит запрос, в качестве пропагандиста и репортера. И на сей раз он отвечает отказом, боится, что окажется связанным на годы, что придется писать на темы, которые лишают его свободы выбора, да и вообще не интересуют.

Из освобожденных районов на востоке Европы до американской общественности доходят первые ужасные известия о массовом уничтожении евреев. «Под Люблином

⁷² Из письма Альме-Малер Верфель и Францу Верфелю, март—апрель 1944 года.

обнаружены нацистские концлагеря с огромными крематориями, а также могилы узников — евреев. Их морили голодом, умерщвляли в битком набитых газовых камерах, а потом сжигали». Возможно, именно сообщения об этих злодеяниях побуждают его все же взяться за выполнение одного «правительственного поручения». В сентябре он с неохотой записывает: «Работаю над одной вещью для Strategic Service. Как в Германии после войны и т. д. Только ленивый не говорит и не пишет сегодня об этом». Поражение Германии к этому моменту предрешено... Вопрос в том, что должно произойти со страной и ее населением после войны, приобретает для союзников актуальное значение.

Памятка, написанная Ремарком для американской спецслужбы О-Эс-Эс, озаглавлена так: «Практическая воспитательная работа в Германии после войны». Прежде всего она показывает, что ее автор в 1944 году гораздо точнее оценивает суть того, что происходило в реальной жизни и умах немцев в годы перед приходом Гитлера к власти, чем многие историки в первые два десятилетия существования ФРГ. Мотивам поведения военных, чиновничьих и политических элит в кайзеровском рейхе и в веймарские годы дана краткая и четкая характеристика. Главное требование, вытекающее для автора из развития Германии, — искоренить национал-социализм и милитаризм... Ремарк советует державам-победительницам не щадить немцев, показывая совершенные ими до и во время войны преступления. Гитлеровские застенки, «позорная война 60 миллионов немцев против полумиллиона евреев», расстрелы заложников на оккупированной территории, уничтожение сотен тысяч людей из мирного населения, концлагеря — с помощью радиопередач, кинофильмов, книг, брошюр и открытыми судебными процессами надо довести до сознания народа, породившего столько преступников, на какой путь он в свое время встал. Это — обвинительная речь просветителя.

Во многих местах памятки Ремарк предсказывает будущие широкомасштабные попытки отрицать вину немцев за содеянное и обелить преступников. «Кто посадит на скамью подсудимых генерала, всего лишь исполнявшего свой долг?» — «Чтобы воспитывать детей, нужно сперва воспитать учителей... То же самое относится и к преподавателям высшей школы, доцентам и профессорам университетов... Прогибаясь под любой властью, они подавали худший пример, чем многие школьные учителя». — «...задолго до

1933 года нацистские орды были готовы совершить любой акт насилия и террора. Они знали, что останутся безнаказанными. Честным судьям угрожали, а их решения зачастую отменялись вышестоящими инстанциями. Строгий контроль и, быть может, изменение определенных процессуальных правил будут здесь очень необходимы».

Он настоятельно советует державам-победительницам не делать в оккупированной стране того, что порождает ненависть. «Побежденная и оккупированная страна легко превращается в страну людей ненавидящих. Небольшие просчеты могут очень быстро стать орудием пропаганды... А ненависть тоже ведет к войне».

Заканчивая свои рассуждения, Ремарк, в частности, заявляет, что не намерен затрагивать вопрос о том, «какие условия мира должны быть продиктованы Германии — жесткие или достаточно мягкие, и следует ли считать перевоспитание немцев делом безнадежным или, наоборот, безнадежным».

Памятка получилась умной, реалистичной, благожелательной. И ни в чем не уступающей некоторым концепциям, которые, как, например, план Morgenthau, еще обсуждаются в 1944 году. Многие из того, что предлагает Ремарк, действительно будет присутствовать в оккупационной политике, которую американская администрация станет проводить в первые послевоенные годы. Денацификация и перевоспитание — вот то, что прежде всего пытаются осуществить англичане и американцы в демократическом, а Советы в марксистском смысле. Французами движет какое-то время мысль об отмщении в материальном плане, но затем и они сворачивают на этот курс. В 1950-е годы Ремарку самому придется с горечью убедиться в том, что поколение, которое разрушило Веймарскую республику и активно поддержало Гитлера, не желает извлекать уроков из истории. Преступления быстро забываются, а жалость к самим себе, ссылки на бомбардировку немецких городов, требования вернуть восточные земли оказываются гораздо сильнее, чем осознание того зла, что творилось во имя «великой» Германии.

За событиями в Соединенных Штатах Ремарк наблюдает со скепсисом. Президентская гонка, победителем из которой выйдет Франклин Д. Рузвельт, навеивает на него пессимистическое настроение. «Ничего не меняется. Класс, обреченный на гибель, — буржуазный, консервативный, реакционный, не видит огненных знаков. Сотни статей о

Post-war-Germany⁷³. Ни одной о Post-war-Америке. Война лишь прервала борьбу между трудом и капиталом — Она идет с 1918 года». Высказывания антикапиталистического характера редки в его дневнике. Но подобное можно прочесть и в записях Томаса Манна. Немецкие эмигранты яснее своих американских коллег видят, какие конфликты начинают вызревать еще перед концом войны. «В смятение все придет после войны», — полагает Ремарк в сентябре 1944-го.

Из Европы он впервые получает известия о своих друзьях и знакомых, война отрезала его от них в 1939-м. Собщения эти скудны, тем не менее он узнает, что Вальтер Файльхенфельдт пережил адское время в Асконе. Весточек о судьбе родной семьи к сыну пока не приходит. Ремарк ждет конца войны. Перед мысленным взором все чаще возникает Порто-Ронко, с домом на берегу озера, с ковром цветов в саду. Но он не хочет думать о том, как сложится его жизнь дальше, остается фаталистом. «Чего-то жду. Чего-то ищу. Пятнышки и мгновения красоты в раскатистом гуле времени. Ветерок ностальгии. Видеть и не обладать. Смотреть на все со стороны. Скрип песка, который медленно, уже много лет, стирает твои сухожилия. Что остается? Половодье газет...»

Отношения с Наташей Палей в первые месяцы года ровные, Ремарк по-прежнему очарован ею, слова о ней в дневнике ласковые, нежные. Однако в начале осени возникает некоторая напряженность, разыгрываются сцены а-ля *Пума*. Он ревнует, Наташа упрекает его в лености и злоупотреблении алкоголем. В который раз перед ним дилемма: пойти навстречу требованию женщины и связать себя более тесными узами или не делать этого? Он глубоко потрясен, когда в один из декабрьских дней узнает о самоубийстве Лупе Велес. Ведь они очень любили друг друга... «...якобы из-за несчастной любви и потому, что носила в чреве ребенка от какого-то франц. актера. 34 года... Что еще сказать? Она была так полна жизни».

1945 год начинается для Ремарка с работы над новым романом. «Вчера сел писать русскую книгу. Неожиданно удачное начало, как мне кажется». Написаны первые строки романа «Время жить и время умирать». Звонит его переводчик Денвер Линдли, сообщает, что готов подсократить рукопись «Триумфальной арки» для публикации в «Ко-

⁷³ О послевоенной Германии (англ.).

льерс мэгэзин». «12-го, в полдень, завтракал с сотрудником Кольерс. Потребовал за публикацию в продолжениях 50 000 долларов. Он позвонил в субботу, сказал, что все в порядке».

В 1945 году он теряет двух очень близких ему друзей. Умерли Бруно Франк и Франц Верфель, и тот и другой — от тяжелых болезней сердца. Их смерть заставляет Ремарка подумать о собственных недугах, он чувствует возраст. Бен Хюбш готовит к изданию посмертный роман Верфеля «Звезда нерожденных», и Ремарк пишет десяток строк на обложку: «Это завещание большого поэта и друга человечества, зеркальным лучом уходящее к далекому небу утопии, чтобы сделать его еще более неподвластным времени, еще более ясным и сильным. Это потрясающее обилие мыслей, фантазий, поэзии, сатиры и философии, — книга большая и значительная...» Он редко изъявляет готовность публично и с похвалой высказываться о произведениях собратьев по перу. Верфель принадлежит к тем немногим из круга немецких писателей, к которым Ремарк питает сердечную привязанность.

Германия капитулирует 7 мая, за четыре недели до этого умер Рузвельт. С окончанием войны Ремарк тоже оказывается в новой ситуации. Для его произведений вновь открыт европейский книжный рынок, и он может предложить издательствам новый роман. «Договоры — Румыния, Швеция, Испания, Португалия, — Дания, Канада во французском переводе — на несколько стран больше, чем перед войной». В июле специально для военнопленных на языке оригинала выходит «На Западном фронте без перемен» (Фишер попытался словчить). 13 сентября «Кольерс мэгэзин» начинает печатать отрывки из «Триумфальной арки».

«Триумфальная арка»

История, которую Ремарк рассказывает в своем новом, написанном с огромным трудом романе, имеет четкие временные границы. Она начинается ночью, 11 ноября 1938 года, в двадцатую годовщину соглашения о перемирии, заключенного в Компьенском лесу, и заканчивается в сентябре 1939-го, когда Германия вновь развязывает мировую войну.

Хирург по имени Равик — его настоящее имя, Людвиг Фрезенбург, станет нам известно в самом конце романа —

вырвался из застенков гестапо, бежал из нацистского концлагеря и, лишенный родины и элементарных прав, живет среди таких же, как он, аутсайдеров французской столицы, зато под зримой и незримой сенью Триумфальной арки, образ которой величаво-мрачным лейтмотивом проходит через все повествование. Немецкие и русские эмигранты, беглые и битые испанские монархисты, проститутки и сутенеры, «ангелы», помогающие падшим девушкам поскорее вернуться на панель, подлые и «благородные» шпики, хищные, скупые или, напротив, щедрые на помощь французы населяют страницы этого романа. Ремарк ведет читателя в отель «Энтернасьональ», где обитают эмигранты, в клинику доктора Вебера, в публичный дом «Озирис», в ночной клуб «Шехерезада», в бистро и, конечно же, по улицам Парижа. Его герои пьют рюмка за рюмкой кальвадос и водку, философствуют за партией в шахматы, страдают от бесприютности и одиночества. «Мы живем в умирающее время...»⁷⁴ Равик оперирует нелегально, не имея ни паспорта, ни вида на жительство. Он смотрит в будущее, не питая никаких надежд. Ремарковский герой, циничный, без иллюзий, но все же цепляющийся за законы гуманности. «Жить — значит жить для других, — говорит друг Равика, русский эмигрант, швейцар Морозов. — Все мы питаемся друг от друга. Пусть хоть иногда теплится огонек доброты... Не надо отказываться от нее. Доброта придает человеку силы, если ему трудно живется». Чемоданы Равика всегда упакованы, он живет под постоянной угрозой высылки, человек в его положении не может чувствовать себя в безопасности. «Клочок бумаги! Все сводится к одному: есть ли у тебя этот клочок бумаги. Покажи его — и эта тварь (имеется в виду полицейский Фернан, требующий от арестованного Равика предъявить паспорт. — *В. Ш.*) тут же рассыплется в извинениях и с почетом проводит тебя, будь ты хоть трижды убийцей и бандитом, вырезавшим целую семью и ограбившим банк. В наши дни даже самого Христа, окажись он без паспорта, упрятали бы в тюрьму. Впрочем, он все равно не дожил бы до своих тридцати трех лет — его убили бы намного раньше».

И в своем новом романе Ремарк утверждает: человек, который не сдается, не поступает своей «человечностью», — сохраняет свое достоинство. Став свидетелем не-

⁷⁴ Цитаты из романа «Триумфальная арка» приводятся в переводе Бориса Кремнева и Исидора Шрайбера.

счастливого случая, Равик спешит на помощь, хотя прекрасно понимает, какой опасности он подвергает себя как не имеющий паспорта. Полицейский неумолим: «Вам придется пройти с нами в участок, мсье». И всё же, всё же: «Жизнь слишком серьезная вещь, чтобы кончиться прежде, чем мы перестанем дышать».

Две сюжетные линии держат нас в напряжении, образуя передний план истории: любовные отношения между Равиком и Жоан Маду и его действия, продиктованные неукротимым стремлением отомстить нацисту Хааке за пытки в гестаповских подвалах. Жоан он встретит во время ночной прогулки, на мосту через Сену. Она угнетена и подавлена потерей дорогого ей человека. Высшего накала обоюдная страсть достигнет, пройдя этап сомнений и колебаний, встречая в обеих душах немалое внутреннее сопротивление. Жоан станет для Равика надеждой, которой он уже не ожидал, спасением от одиночества, вновь пробудившимся интересом к жизни. По большому счету, такая же любовная история, как в «Трех товарищах», но, создавая образ Жоан, Ремарк не удается достичь той тонкой и эмоционально глубокой характеристики, что дана им любящей Пат. Метания Жоан, ее жажда жизни, ее бесплодные поиски в отношениях с другими мужчинами выглядят стереотипными, а в средней трети романа даже скучными. И гибель от пули одного из ее ревнивых обожателей вполне вписывается в вереницу тех клише, что встречаются читателю в этой книге, к сожалению, не так уж и редко.

Создавая образ Жоан, Ремарк, несомненно, опирается и на память о том спектре чувств и эмоций, которые были характерны для Марлен Дитрих. Ее необузданность, ревность, эгоизм, склонность к скоротечным романам с другими мужчинами (и женщинами), ее мольбы о ниспослании «одной-единственной любви» — все это он испытал на собственной шкуре. Равик как любовник красавицы Жоан сдержаннее своего создателя, влюбленного в голливудскую звезду. А вот в характере героини романа с ее неистовым стремлением к наслаждению всеми прелестями жизни отчетливо просматриваются черты *Лумы*. В «Триумфальной арке» Ремарк рассказывает нам, быть может, о самой яркой и самой мрачной любовной связи в своей столь любвеобильной жизни. «Она принимала только то, что ей подходило, и так, как ей хотелось. Об остальном она не беспокоилась. Но это и было в ней самым привлекательным. Да и можно ли интересоваться человеком, во всем похожим

на тебя? Кому нужна мораль в любви? Мораль — выдумка слабых, жалобный стон неудачников».

Полная по-настоящему правдивых моментов, — эта любовная история остается — в большей своей части — продуктом искусственным. Ремарку-художнику не удается передать то, что годами вдохновляло и терзало его самого — «Уничтожить человека, потому что любишь его? Убить, потому что слишком любишь?» — столь же убедительным образом, как это получилось у него во многих других романах.

Впрочем, есть в романе и симпатичный женский образ, контрастирующий с Жоан Маду. Это неизлечимо больная раком американка Кэт Хэгстрём. Необычайная стойкость перед лицом смерти, «надежная» (и безответная) любовь к Равику позволяют отнести ее к тому типу женщин, которых Ремарк искал в жизни и которыми восхищался, создавая их образы в своих произведениях.

«Криминальная история» становится центром действия во второй половине романа. Гестаповца Хааке, пытавшего его в нацистских застенках, Равик встречает в общем-то случайно. И тот не узнает его. Отчаявшись дожидаться обещанного телефонного звонка, усталым и опустошенным бредет он в сумерках по улицам Парижа. «Что если оставить все это, — убеждал его какой-то внутренний голос, — совсем оставить, забыть, сбросить с себя, как змея сбрасывает кожу?.. Что ему до всего этого? Одним больше, одним меньше, — из сотен тысяч, столь же подлых, как Хааке, если не хуже его. Одним меньше... Равик резко остановился. Вот оно что! Сознание мгновенно прояснилось. Они и распоясались потому, что люди устали и ничего не хотят знать, потому что каждый твердит: “Меня это не касается”. Вот в чем дело! Одним меньше?! Да — пусть хоть одним меньше! Это — ничто и это — все! Все!.. Каким-то странным образом теперь это стало самым главным, гораздо более значительным, чем просто личная месть. Ему казалось, что если он не сделает этого, то совершит какое-то огромное преступление. Если он будет бездействовать, мир навсегда потеряет что-то очень важное... В листве повисли сумерки, занимался рассвет. Он удивленно оглянулся. Что-то в нем произошло... С необыкновенной отчетливостью он видел деревья, желтую стену дома, серую чугунную решетку рядом с собой, улицу в синеватой дымке. Казалось, эта картина никогда не изгладится из его памяти... И тут он окончательно понял, что убьет Хааке, ибо это не только

его личное, маленькое дело, но нечто гораздо большее — начало...»

Оказывать сопротивление современному варварству и его adeptам, не отчаиваться, мстить, если тебя истязали, — таково послание Ремарка подвергшимся пыткам, изгнанным из родной страны, павшим духом, всем, кто вынужден был бежать хоть на край света, спасая свою жизнь от гитлеровских палачей. Мстить, однако, не ради мести, но защищая свою честь и достоинство. Совершая поступок, человек освобождается от душевной травмы, нанесенной ему пытками и самоубийством его возлюбленной, доведенной до рокового решения гестаповцем Хааке и его подручными. Индивидуалист Ремарк — и некоторые критики, прежде всего с коммунистического фланга, констатировали это с горечью, — не призывает к коллективному сопротивлению, но обращает наше внимание и в этой связи на то, что жизненно важное решение должно приниматься каждым отдельным человеком. Только в его следующем романе — в «Искре жизни» — появятся люди, сплотившиеся для борьбы против своих угнетателей.

Равик, заманивший Хааке в ловушку, расправляется с гестаповцем ужасным образом, нанеся ему удары тяжелым гаечным ключом по затылку, затем сдавив горло. Сцена убийства написана подробно и с беспощадной жестокостью. Время делает человека зверем, в том числе и гуманиста Равика. «Воинствующий пацифист» Ремарк прямо говорит о том, как следует оценивать действия его героя, указывая на извращенную трактовку различия между убийством и убийством в милитаризованном мире: «Я уничтожил скота, он заслуживал участи, худшей в тысячу... нет — во много тысяч раз худшую! За свою жизнь я убил десятки ни в чем неповинных людей, и мне давали за это ордена, и убивал я их не в честном, открытом бою, а из засады, в спину, когда они ничего не подозревали. Но это называлось войной и считалось делом чести».

Действие романа происходит в те месяцы, когда Европа стоит на пороге новой мировой войны. Все попытки западных держав умиротворить Гитлера, умерить его властные амбиции обречены на провал. Вся политическая, экономическая и идеологическая система «фюрера» служит одной цели: развязыванию войны на уничтожение. «Каждый знал, что мир был объят апатией и катился в пропасть новой войны. Против этого никто даже не возражал. Хотелось только отсрочки — хотя бы еще на год — вот то единствен-

ное, за что еще хватало сил бороться». Политические события крупного масштаба — гражданская война в Испании, аншлюс Австрии, политика умиротворения, проводимая Лондоном и Парижем, оккупация Чехословакии — обозначены Ремарком пунктирно. Иной раз ему достаточно для этого газетного заголовка или просто намек. Роман заканчивается сообщением о нападении вермахта на Польшу. Равика и других постояльцев «Энтернасьоналя» ждут французские лагеря для интернированных.

История повторяется. «Завтра и мне идти, — говорит француз с загорелым лицом крестьянина, провожая взглядом колонну мобилизованных соотечественников. — Отца убили в прошлую войну. Деда в семьдесят первом году. А завтра и мне идти. Всегда одно и то же. Уже несколько сотен лет. И ничто не помогает, снова и снова приходится идти». Человек остается жертвой политики.

В декабре 1945-го «Триумфальная арка» выходит книгой в Америке, годом позже — в Германии. Прием у читателей и критиков здесь более чем сдержанный. Борьба за выживание среди руин и при острой нехватке питания — зимой 1946/47 года страну накрывает к тому же необычайно сильная волна холода — не располагает к литературным дебатам. Вытеснение «проклятого» прошлого обретает в СМИ первые контуры, «внутренние эмигранты» начинают рассказывать о своем поведении в годы гитлеровской диктатуры, и тезисы их, надо сказать, звучат порой весьма странно.

Если «Триумфальная арка» тем не менее быстро становится мировым бестселлером и по сей день связывается в сознании многих читателей — наряду с романом «На Западном фронте без перемен» — с именем Ремарка, то происходит это прежде всего благодаря американскому книжному рынку. В течение одного лишь года нью-йоркское издательство «Эпплтон-Сенчури» продает более миллиона экземпляров, роман назван «Книгой месяца», а Голливуд платит за права на экранизацию необыкновенно высокую сумму. За английским следуют переводы на многие другие языки. И через двадцать лет после первой публикации польский критик пишет: «Тем не менее — и этого не забыть — роман стал библией целого поколения. И в 1945 году, и в 46-м, и в 47-м все женщины были Жоан, а все мужчины — Равиком. Говорили фразами, взятыми из книги. Инсценировали ситуации, созданные Ремарком. Выходящее из войны поколение находило в “Триумфальной арке” прототипы своего

поведения. И, выходя из Потопа, искала и здесь образцы человеческого общежития, средства возрождения к полноценной эмоциональной жизни, примеры того, как следовало одеваться и вести себя». Даже если этой оценкой общая реакция на книгу, может быть, слегка и приукрашивается, то все равно нельзя не признать, что своим новым романом Ремарк укрепляет свою позицию среди наиболее популярных писателей послевоенного времени. Наряду с Томасом Манном и Лионом Фейхтвангером он дает читательской публике всего мира представление о современном ей немецкоязычном романе.

Ни одна из предыдущих книг Ремарка не была стилистически и по строю изложения столь «американской», как «Триумфальная арка». «Скептицизм» главных героев, лаконичность диалогов, краткость абзацев, драматические (а не аналитические) эффекты, встроенная «детективная история», фрагменты повествования, больше похожие на куски или кусочки киносценария, хотя действие романа происходит в Европе, американский читатель чувствовал себя в нем как дома. И, пожалуй, ни одна из книг, написанных Ремарком после трех ранних романов, не содержала столько презираемых критиками расхожих элементов повествования, сколько их оказалось в «Триумфальной арке».

Роман об эмигрантах, но все же не той плотности, не того морального возмущения и не той последовательной трактовки политических событий, какие мы находим в истории о Йозефе Штайнере и Людвиге Керне. По художественным меркам, «Триумфальная арка» — довольно слабое произведение писателя. Успех его объясняется, пожалуй, прежде всего тем, что Ремарку удалось передать в нем дыхание времени особенно проникновенным образом. Его герои отражают мироощущение поколения, которое осмысливает свое существование в собственном «я» — по ту сторону пафоса и «мировой идеи». Признаки этого явления были заметны уже в конце Первой мировой войны. Теперь, после такой войны на уничтожение, какой человечество не знало за всю историю своего существования, после того, как мир увидел то, что вершилось в нацистских концлагерях, придавать серьезное значение мыслящей, деятельной, бескорыстной личности просто не приходится.

Годы, прожитые по ту сторону Атлантики, сделали Ремарка «американским» писателем. Многие читатели ставят его новый роман в один ряд с произведениями Эрнеста Хемингуэя, Синклера Льюиса и Фрэнсиса Скотта Фицдже-

ральда. Ремарка роднит с ними не столько техника повествования, сколько та атмосфера, в которой действуют и мыслят его герои, та неотвратимая печаль, которой овеяно их существование, тот легкий цинизм, с которым они судят о человеческих поступках, об истории и политике, и, конечно же, ощущение одиночества.

А вот отзывы американских критиков были не только восторженными. «Высказывания Ремарка по смыслу их зачастую невыносимо правдивы, — писала «Нью-Йорк таймс», — по форме же, нередко излишне театральны». «В любом случае это одна из тех редких книг, которые, став бестселлерами, интересуют, волнуют и удовлетворяют также серьезного взрослого читателя, — говорилось в «Сатердей ревью оф литриче». — Характер Равика выписан с блеском. Это стоик XX века». Иного мнения придерживался критик литературного приложения к «Таймс»: «Стиль повествования у Ремарка текуч и театрален, горькие, усталые суждения с претензией на мудрость скорее пошловаты, а тональность их однообразна».

Отношение немецкой критики к первой публикации Ремарка на его родине после войны колебалось от сдержанности до откровенного неприятия. Рецензентам трудно было понять парижскую среду с ее бистро и борделями, неистовую мстительность Равика, «нигилистический» настрой протагонистов. Однако за предубежденностью эстетического порядка — иногда имеющей основания — явно скрывалась политическая предвзятость. «Как все-таки сообразуется с ментальностью нынешней Америки тот факт, — писала берлинская «Тэглихе рундшау», — что именно это во всех отношениях сомнительное и нигилистическое литературное творение числится там по разряду бестселлеров». Совершенно не понимая замысла Ремарка, критик возмущался тем, — и был при этом не одинок, — как в романе изображено убийство Хааке: «Месть свершается таким образом, что невольно возникает вопрос: а в чем, собственно, заключается разница между недочеловечностью фашистов и человечностью господина Равика?» В газете «Райнишер Меркур» — рупоре формирующейся в это время политически и католически аденауэровской Германии — ужасался д-р М. Г.: «Что же еще отделяет нас тогда от нигилизма? Какая-то малость в лирическом восприятии природы, в эстетическом наслаждении или нам не хватает философского постижения смысла жизни, чтобы защитить себя в конце концов от приступов отчаяния?»

Рецензент газеты «Швэбише цайтунг» смотрел на «Триумфальную арку» иначе: «Это разочарованная, горькая и не питающая иллюзий книга. Она бессонная, ясновидящая, знающая и старая». В коммунистической части Германии роман натолкнулся на идеологический скепсис. «Вельтбюне» порицает автора за «бегство в частную жизнь, которое не вознаграждается даже выдающимися художественными достоинствами». Почему в этой истории нет политических беженцев, спрашивает критик, сетуя, конечно же, на то, что и в этом романе не нашло отражения сопротивление, которое оказывали нацистам эмигранты коммунистических взглядов.

Голливуд был прыток и на сей раз. Экранизацией занялась Юнайтед Артистс, состав актеров был звездным. Ингрид Бергман и Шарль Буайе, обеспечившие в 1944 году триумфальный успех фильму «Газовый свет» (Бергман получила за исполнение своей роли премию «Оскар»), играли любовную пару Жоан и Равик, Чарлз Лоутон изображал нациста Хааке, а поставил фильм Льюис Майлстоун, на победном счету которого уже значился «На Западном фронте без перемен». Несмотря на прекрасные предпосылки, картина потерпела финансовое фиаско. Неприятие оказалось всеобщим. Авторы сценария свели все многообразие романа к сентиментальной любовной истории. Спасти картину не могли даже знаменитые актеры. «Фильм по роману Ремарка в Нью-Йорке провалился», — сообщала «Франкфуртер рундшау». 22 апреля 1948 года Ремарк записал в дневник: «Вышел фильм Т. А. От критики можно прийти в ужас. Встречался с Бергман и Буайе». В письме же примадонне он преисполнен нежности и восторга: «Странно, но увидев Жоан на экране, я понял, что никогда больше не смогу представить себе ее лицо. Отныне у нее всегда будет твое лицо».

Счастье улыбается Ремарку: с наступлением мира его труд увенчан мировым успехом. Его имя опять у всех на устах. За свои книги и их экранизацию он получает крупные гонорары, в коих весьма нуждается. В начале 1946-го он должен заплатить 60 тысяч долларов налога за прошлый год, а швейцарские власти требуют произвести платежи за все время его отсутствия. Иначе... «Сколько ни зарабатывай, все равно остаются крохи», — досадует он в дневнике. «Все эти месяцы не работал. Уйма времени потрачена на переговоры с адвокатами — о налогах, контрактах и пр.». Разобраться в массе проблем такого рода выше его сил, но у него

появляется умный помощник в лице Роберта Ланца, нового литературного агента, благодаря усилиям которого заключены блестящие договоры с Голливудом. На банковский счет писателя ложится очень большая сумма за ремейк фильма «На Западном фронте без перемен», ему гарантированы двадцать процентов от выручки за демонстрацию «Триумфальной арки». Богатые плоды приносит и дружба с переводчиком и редактором его произведений. Денвер Линдли переходит на работу в издательство «Эплтон-Сенчури», и вместе с ним туда уходит рукопись «парижского» романа. Адвокатом Ремарка становится Харриет Пилпел, которой явно удается мастерски защищать интересы клиента, каких бы налоговых и финансовых дел это ни касалось. Его имя появляется теперь не только на полосах «желтой» прессы, серьезным газетам и журналам он интересен теперь и как писатель, дающий содержательные интервью.

Вести, доходящие до него из Германии, глубоко волнуют Ремарка. В июне 1946-го из Лейпцига ему впервые пишет сестра Эрна, и он узнает, что отец жив, а Эльфрида казнена нацистами. Бедствующим родственникам и некоторым друзьям он тут же отправляет посылки с продуктами. Из Парижа ему сообщают, что машина, оставленная им там в 1939-м при бегстве из Франции, цела и стоит в гараже.

Физически он чувствует себя неважно. «По-прежнему невралгия. Не курю, почти не пью. Обхожусь без кофе. Мясо — очень редко». Он думает о «русском» романе, который с прошлого года лежит в столе. «В остальном: чтение, прогулки. Трудно начать работать, не куря». И — обращается к совсем другой теме. Начинает писать «Искру жизни» — книгу о концлагере и нацистском терроре.

Меж тем напряженность в отношениях с Наташей вновь возрастает. «Позавчера пришла Наташа. Как уже нередко бывало, — в нервном возбуждении. Забочусь о ней недостаточно и т. п. Старые истории. Не могут эти существа (в юбках) обходиться без того, чтобы меня не беспокоить, или принимаются капризничать, стоит человеку взяться за дело. Не выносят они этого». Как бы там ни было, а в середине ноября он все-таки сообщает, что роман о концлагере вчерне почти готов.

В декабре в Нью-Йорке появляется Дитрих. Не найдя счастья с Жаном Габеном, снова ищет контакта с Ремарком. «Позвонила. Приехала, хотела начать все сначала. Я не захотел. Когда собралась уходить, задерживать не стал». Однако после обильного воздействия как-то вечером он все-

таки поддается, и одну ночь они проводят вместе. Об этом узнает Наташа, легкий приступ ревности наблюдается и у Ютты. Он сетует на то, что не может собраться, называет свою жизнь «нерадивой», но ведь и он вносит свою лепту в довольно банальные, повседневные неурядицы.

В начале июля 1947-го Ремарк в очередной раз должен явиться на слушание, дабы доказать, что для получения американского гражданства его биография достаточно чиста. «Задавали вопросы о нацизме, коммунизме, партийной принадлежности; не нарушал ли комендантский час; потом — почему живу отдельно от *Петера*; и о Марлен. И т. д. Я вынужден отвечать на такие вопросы, хотя мне уже 49». Но он выдерживает госэкзамен на морально-политическую зрелость и 15 августа получает вместе с Юттой американское гражданство.

В середине 1947-го оба романа у него вчерне готовы, и он начинает переписывать «Время жить и время умирать». Одновременно продолжает изучать первые публикации о немецких концлагерях. И все чаще задумывается о поездке в Европу. «Хочется в Порто-Ронко. Но что делать, вечерами-то? Которых так много. Здесь никогда не было ощущения хотя бы некоторой безопасности. На тех берегах дело с этим обстояло немного лучше; только на немного... Здесь ты никогда ни в чем до конца не уверен. Всегда что-нибудь затевается. По части налогов, еще чего-нибудь... К тому же невозможно заработать столько, чтобы хватало на всех: на *Петера*, на себя самого, на отца, Эрну, на дом в Швейцарии — большая часть денег истрачена...»

Осенью Дитрих снова уезжает. «Только что здесь была Марлен — проститься. Трогательно, что бы там ни было. Медленное угасание. Неожиданно наступает возраст, когда то, что цвело возле тебя, начинает увядать, и ты с испугом спрашиваешь себя: перенесешь ли ты смерть тех, что еще окружают тебя? Многих уж нет... Пусто будет вокруг, уныло и безотрадно...»

На этой ноте заканчивается год. Наташа осыпает его упреками за чрезмерное пристрастие к спиртному и «непостоянство». Он хочет с ней расстаться, но — не может. Она меж тем выходит замуж за театрального продюсера Джека Уилсона, а Ремарк не собирается хоть в какой-то мере жертвовать своей независимостью. «Иногда сравниваю с пумским периодом, который, по-моему, был хуже». И последняя дневниковая запись 1947 года: «Надо бросить пить. Нельзя терять себя».

Новый год начинается с решения переписать роман «Искра жизни». («Займет больше времени; но иначе нельзя. Нельзя класть заплаты».) Крепнет желание поехать в Европу, Ремарк ведет переговоры с «Кольерс», «Геральд трибюн» и журналом «Космополитэн», очевидно, намереваясь присылать корреспонденции с другого берега Атлантики. Политику там определяют ветры холодной войны. В Чехословакии происходит успешный коммунистический переворот («Называют это демократией. Как же оболгано это слово»), на денежную реформу в западных зонах Советский Союз отвечает блокадой Берлина. Ремарк фиксирует развитие событий с нервным ожиданием будущего: «Живем в годы, когда history is in the making⁷⁵. Может быть, нам когда-нибудь позавидуют. Слишком много “history”. С тех пор, как начали думать. С 1914-го. 33 года. Немного покоя было бы благом». Он опасается, что посетить Европу сможет только в этом году. И тем не менее: «Хочется в Порто-Ронко. Хочется чувствовать себя в безопасности. Куда-нибудь приткнуться». В марте в доме на Лаго-Маджоре поселяется отец Ремарка.

У сына же проблемы с выездом. Ему хочется увидеть Германию, чтобы на месте почерпнуть впечатления для своего романа. Наконец он все-таки получает разрешение посетить Европу — за исключением оккупированной Германии. В мае он поднимается с Наташей — в «скорее угнетенном состоянии духа» — на борт «Америки»... Эмигрант и новоиспеченный американец возвращается в Старый Свет, который покинул девять лет тому назад.

⁷⁵ Делается история (англ.).

Глава восьмая

**«У РАЗУМНОГО — ПЕРСПЕКТИВЫ НЕТ»
(1948—1955)**

Ремарк возвращается на разрушенный континент. Экономически обескровлены и страны-победительницы. В Англии не хватает продуктов питания, Францию сотрясают правительственные кризисы, Европа расколота холодной войной. Восстановление народного хозяйства, которое финансируется главным образом Америкой и первые контуры которого начинают вырисовываться весной 1948 года, охватывает и западную часть Германии. Вокруг Западного Берлина сжимается кольцо блокады. Мир движется навстречу новой военной катастрофе.

Ремарк сходит на берег в Гавре и едет в любимый Париж. «Чувствую город, Европу, но не так, чтобы мурашки по коже». В начале июля — навестив Вальтера Файльхенфельдта в Цюрихе — Ремарк снова в своем доме на Лаго-Маджоре. «Все как оставил. Зубная паста; письма; карандаши; бумага — на том же месте... Сон Спящей Красавицы. Просыпаешься — прошло десять лет. Странное чувство. Трогательно и таинственно... по саду. Отец рядом... Пили кофе на террасе. Еще до этого старик зашел ко мне в спальню. Он бродил по дому. Предвижу сложности. Хочет, чтобы его занимали. Люди... Что делать с ним?» Отношения с отцом не ладятся. Ему уже за восемьдесят, ни к чему интереса нет, гордится сыном, но нервирует мастера пера, который начинает переписывать роман о концлагере в третий раз. «Ищу местечка для работы. Но пока не нашел. Повсюду сидит старик».

Свое пятидесятилетие Ремарк празднует тихо, погруженный в мрачноватые раздумья о приближающейся старости. Не выходит из головы вопрос: где же все-таки жить? «Жить здесь, как бы в точке исходов, в тиши? Наверное, не смог бы. Слишком привык к Нью-Йорку. Там привязанно-

сти. Пусть их и немного. Самая существенная: Наташа...» 11 июля он едет на несколько дней в Рим, где его уже ждет Наташа. Ссоры из-за мелочей. Женщина, с которой он не в силах порвать, уезжает в Палермо, он остается и — пьет. Связь, выматывающая все силы. Как с *Лумой*. Наташины упреки раздражают до крайности. Он ревнует, вовсе не будучи верным спутником жизни. Клянясь Наташе в письмах из Асконы в любви, он заводит в эти недели роман с Элен Янсен. Он, умеющий описать буржуазную жизнь с едким сарказмом в своих романах и дневнике, ведет себя в мучительных ночных пикировках с Наташей самым явным образом как мелкий буржуа. И она тоже. Флер свободной, щедрой богемной жизни, которым окружают себя Ремарк, Наташа и ее друзья, не предохраняет их в амурных и альковных делах от недостойного поведения. Подкупает, однако, та пронизательность, с которой Ремарк оценивает собственную роль и роль своих партнерш в этой раз за разом повторяющейся игре. Он трезво смотрит как на свою способность лгать, тайно следить, так и на свою неспособность принимать необходимые решения.

В августе он снова в Порто-Ронко. Хочет работать, но: «Вечера со стариком убийственны. По моей вине. Веду себя гадко. Писать все же пытаюсь; но он мне мешает и сбивает с толку».

Вести из Германии он воспринимает с растущим возмущением. Отпетые нацисты со стажем остаются на своих постах, в то время как узники концлагерей, выступающие в качестве свидетелей, вызывают в зале суда усмешку, — записывает он в дневник. Гневное настроение усиливается рассказами бывших узников концлагерей: одни приезжают к нему в гости, других он встречает в Асконе. В тему он погружается основательно, штудировать документальные материалы об адских условиях жизни в концлагерях, и то, что он узнает из них, может лишь усилить столь привычную для него меланхолию и породить желание обратиться к темам иного характера. «Важно: хочу, когда эта книга будет закончена, написать юмористический роман и — пару пьес».

В октябре он опять в Париже. Узнав о смерти Эмиля Людвига, посылает оставшейся в бедности вдове тысячу швейцарских франков. С 21 октября Ремарк снова в Нью-Йорке, отель «Амбассадор». Встречи с Дитрих, одинокой и печальной Юттой и, конечно, с Наташей. Всё как прежде.

В творческом плане — полный паралич. В довольно объемистом дневнике 1949 года только одна тема — отно-

шения с Наташей, приобретающие трагический характер... Страница за страницей размышления об этой женщине: что она говорит, как на то или иное реагирует, каким его поступком обижена, почему спит с ним или отказывает ему в этом удовольствии. «Мысли, как всегда, о Н. Не проходит почти ни секунды, чтобы был свободен от них. Поистине, почти ни секунды». После каждой размолвки он шлет цветы и небольшие подарки, клянет себя, зная, как губительно это отражается на работе. Ежедневные записи — способ преодолевать тлетворное воздействие этой связи на его психику. «Вчера вечером перечитал дневник с самого начала. Это меня в какой-то мере освободило; точно сняло с души камень. Жить так, как в этом году, больше не хочу...»

Уже в первой записи, сделанной в новом, 1949 году, он сетует: «Не работал целыми месяцами». Так будет продолжаться и дальше. Злясь и негодуя, он записывает в первых числах августа: «Эта стерва действительно месяцами не давала мне взяться за перо». Он не в состоянии соблюдать договоры с издательствами, публикация отрывков из «Искры жизни» в «Кольерс» срывается, «Космополитэн» отказывается дать незавершенный текст в продолжениях. Роман идет крайне трудно, раз за разом повторяющиеся нарушения кровообращения пугают его — видимо, психосоматическая реакция на разгульный образ жизни. Он бросает курить («чувство разочарования от некурения»).

В мае 1949-го он снова пересекает океан, видится с Наташей в Париже, но уже через две недели ищет прибежища в Порто-Ронко. «Все та же история. Вечерами убиваю время за рюмкой». В июле он спешит... в Рим, чтобы встретиться с любимой. Все кончается ссорой, Наташа уезжает на Сицилию, он, напившись, возвращается на Лаго-Маджоре, находя там утешение в объятиях двадцатилетней Эллен Янсен, которую делает своей секретаршей. Ютта просит разрешения пожить на вилле, он с досадой дает согласие.

Тягостные дни и недели. Ютта мешает ему, он пытается, как неверный супруг, скрыть от нее чуть ли не ежедневные телефонные разговоры с Наташей. Когда Ютта осенью уезжает, он вздыхает с облегчением: «Душевное равновесие и отрада. Мысли о том, а не поселиться ли тут навсегда, — не сделало ли долгое присутствие *Петера* дом неприятнее, — не поставить ли крест на Н.-Йорке? — Забавляться, но тут».

Летом он встречает в Асконе немецкую актрису Бригитту Хорни («Простая, ясная, сильная, здоровая жизнерадостность») и ее мать, психоаналитика Карен Хорни.

Знакомство с этими женщинами перерастет в ближайшие два-три года в искреннюю, ничем не отягощаемую дружбу, а беседы с врачом станут незаменимым движителем самоанализа.

В сентябре он едет в Цюрих, видится там с Вальтером Файльхенфельдтом и своим отцом. Оттуда — в Париж, а затем — после долгих колебаний, ибо он предчувствует, что его там ожидает, — он опять отплывает в Америку. 7 октября 1949 года вновь поселяется в своих апартаментах в «Амбассадоре». На сей раз год оказался для него действительно потерянным. С романом он почти не продвинулся, сомнения же в собственных творческих способностях еще более усилились. Правда, в конце августа в дневнике появляется важная запись: «Хотел бы написать историю человека (эмигранта), который вывозит из Германии свою жену; любовь, лагерь, смерть, Лиссабон, Иностраннный легион». Этот замысел будет жить в нем, и через двенадцать лет появится роман «Ночь в Лиссабоне».

Он читает Фрейда и Юнга, с огромным удовольствием «Улисса» Джойса («Очень потешная вещь, в самом деле! С юмором»). Новый год встречает в большой компании. Среди празднующих Лилли Палмер и ее муж Рекс Харрисон, Полетт Годдар и Наташа. Она вдруг куда-то исчезает. Гонимый ревностью, он начинает разыскивать ее в ночных барах. «Не помню, что же все-таки произошло».

Организм между тем бунтует. Первый приступ болезни Меньера. Эта связанная с головокружением, болями и временами с частичной глухотой болезнь уже не отпустит его... Появляются признаки диабета, нередко приходится соблюдать строгую диету, что дается ему нелегко. Постоянно беспокоит сердце.

Жизнь тем не менее все так же сумбурна. Ему уже за пятьдесят, а он высматривает по ночам, горит ли в доме любимой свет или она где-то с соперником; звонит, в сердцах кидает трубку; случается, дело доходит даже до легкого рукоприкладства, после чего он, по обыкновению, шлет цветы. Порочный круг. «Если бы уже закончил роман! А она мешает и мешает».

Чувства его особенно обостряются при встречах с другими людьми. Ему трудно сохранять спокойствие даже в общении со старыми, верными друзьями, такими как Вальтер Файльхенфельдт и его жена, когда они приезжают в Нью-Йорк и он ходит с ними на выставки, ужинает в ресторане. «Невыносима мысль о том, что еще раз целых

полгода рядом с тобой будет Н. И помнить об этих последних годах с ней невыносимо...»

События в мире, за которыми он опять следит более пристально, тоже действуют угнетающе, хоть и не в такой степени, как личные неурядицы. «Просмотрел кипу газет. От всей этой политики — глухое отчаяние. Национализм в любой форме (будь ты американец или добропорядочный немец) есть фашизм». У коммунизма, пишет он в начале 1950-го, в результате политики западных демократий «потрясающее будущее... Единственная инстанция, пока успешно препятствующая мировой революции, — Сталин и Политбюро. Делают все, дабы доказать, что хуже коммунизма в их трактовке ничего нет». 25 июня начинается наступление северных корейцев на южную часть полуострова: «Ответ русских типичен для них: “Виновата Южная Корея (которая почти разбита за четыре дня)”». Речи, произносимые в эти драматические дни президентом Труменом и другими членами правительства, Ремарк сопровождает скептическими комментариями: «Велик же соблазн войти в Историю!»

Поскольку роман все никак не напишется, возникают сложности и в отношениях с американским издательством. «Эпплтон считает наш договор расторгнутым, собирается выдать лишь половину аванса...» — сообщают Ремарку. И он пытается окончательно порвать с Наташей. «Есть желание работать. И оно более глубокое, чем когда-либо раньше. Идущее от жизни без Н. Что-то пришло в движение — будто моя жизнь стремится стать такой, какой она была тринадцать лет тому назад (прежде чем я обзавелся пассиями), будто она стронулась с места, чтобы взять новый разбег».

Его опять влечет в Порто-Ронко, Америки ему «на какое-то время» хватило. 20 мая он отплывает на «Иль де Франс» в Европу. Пытается привести себя в порядок в доме на берегу озера, продолжить работу над романом. По вечерам спасается от одиночества в тавернах Асконы. В начале июля приезжают мать и дочь Хорни, он встречается с писателем Робертом Нойманом, связь с Эллен Янсен нервирует его не меньше, чем шум с набережной, которую расширяют прямо под его участком. Наташа по-прежнему в его мыслях, думать о ней мучительно, разлуку он переживает как наркоман, лишенный привычной дозы.

Однако это лето отмечено и тесным общением с Карен Хорни, знаменуя собой целый период беспощадного само-

анализа. (Карен Хорни родилась в 1885 году в Гамбурге, жила до 1932 года в Берлине, затем эмигрировала в Соединенные Штаты. Самые известные работы — «Новые пути психоанализа» и «Невротик нашего времени». Представительница неофрейдизма.)

Бригитта Хорни приобретает широкую известность в 1930-е годы, снимаясь на киностудии УФА («Отель Савой», «Мюнхгаузен»), а после войны с успехом играет в западно-германских и австрийских фильмах («Мелодия судьбы», «Ночь над Готенхафеном»). Запоминается она зрителям как в телесериалах («Якоб и Адель», «Наследие Гульденбургов»), так и в женских ролях на театральных сценах Цюриха, Базеля и Гёттингена.

На Лаго-Маджоре Карен Хорни почти каждое лето после войны снимает дачу (вплоть до своей смерти в 1952 году). Знакомство перерастает в дружбу. Бригитта влюбляется в писателя, а он ценит в ней жизнелюбие и рассудительность. Связь, которая не свободна не только от вспышек раздражения, но и от легкости, всегда доставляющей ему удовольствие. «Уважаемая чародейка! — пишет он однажды после размолвки с Бригиттой. — Между нами явно пробежала черная кошка! Напряжением всех извилин заставил себя воскликнуть “Ха!” во время твоего последнего звонка! Не ощутила ли ты нелюбовь из-за того, что я сказал что-то о диктовке и секретарше? Несправедливая! Эллен Янсен ушла, задрав нос, со скандалом, — пришлось искать замену. Чтоб можно было писать важнейшие письма. Теперь этим занимается жена (59) сельского секретаря Амана, у которой какая-то должность в Локарно и пять детей... Как мне явиться пред очами твоей матери, мстительная Трина, если я не могу ничего сказать ей о тебе?»

«Мы с Бони еще больше подружились, — пишет мать дочери в августе из Асконы. — Он просто очарователен. Я послала ему верстку своей книги («Невротик нашего времени». — *В. Ш.*), подумав, что ему это может что-то дать. И смотри-ка, он не только ее читает, но и сказал вчера вечером — чуть ли не торжественно, — что сегодня особенный день: он кое-что понял в самом себе...»

Чтение словно электризует Ремарка («Важный, важный день!»). Чтобы глубже осмыслить прочитанное, он подолгу беседует с Карен Хорни. Рефлексия всегда была его спутницей жизни, свое поведение в обществе, свое отношение к женщинам, к работе, к алкоголю он постоянно и подробно анализирует в дневнике. Теперь же, как следствие

драматических отношений с Наташей и под воздействием умных комментариев психоаналитика, из подсознания вырывается то, что скапливалось там в течение всей жизни. В эти дни Ремарк доверяет дневнику мысли и воспоминания, помогающие понять его поведение в последние два десятилетия.

«Две вещи в моей жизни — казаться, вернее, желать казаться лучше, чем ты есть на самом деле, и почти “*morbid dependency in love*”⁷⁶ вкупе с чрезмерной чувствительностью, актерством, стремлением пустить пыль в глаза, быть светским человеком, кавалером, *home a femme*⁷⁷, а также ощущение, что ты плутоват и нескромен из-за желания прихвастнуть и что ты действительно таков; что никуда не годишься как писатель и что однажды тебя разоблачат, — всему этому (и многому другому) есть причина — мое детство. Первые три года, до смерти брата Тео. Слова матери о том, что я был очень ласковым ребенком, но меня обошли вниманием из-за того, что брат “умер через три года”. Отсюда: 1. Неуверенность, одиночество, уязвленное самолюбие и т. д.; 2. Ощущение, что я не “*lovable*”⁷⁸. И то, что соединяет обделенность любовью с одиночеством, миробоязнь, хаосом, безутешностью, сознанием бессмысленности существования, — чрезмерная гиперболизация любви, которая всем этим не является, в которой все это растворяется и с потерей которой все это опять тебе грозит: миробоязнь, хаос, бессмысленность бытия. Как следствие, привязанность к этому чувству, постоянные попытки вернуть утраченное, все, что выглядит скверным мазохизмом — извинения за поступки других, нарастающий отказ от самого себя и в результате неизбежная потеря другого человека... Целые дни просиживал на лестнице, проклиная своих родителей. Мечтал, как они разорятся, а я приезжаю из дальних стран разбогатевшим и показываю, что преуспел больше и спасаю их — с холодком удовлетворенного тщеславия. Дело не в том, что в детстве мне досталось *мало* ласки, а в том, что досталось ее *меньше*, чем *другому*: вот откуда могло многое пойти, наряду с прочими причинами... Моя критикомания — элемент невроза. Антипатия к людям. Сарказм. Неприятие... Колебания в принятии решений — из-за общей неуверенности. Снобизм. Тяга к знаменитостям со стрем-

⁷⁶ Болезненная зависимость от любви (англ.).

⁷⁷ Дамский угодник (фр.).

⁷⁸ Милый, привлекательный (англ.).

лением рядиться в чужие перья; похваляясь нынешним или былым знакомством с ними, доказать себе и всему миру, что ты “lovable”. Бравирование именами; хвастовство в разговорах; сознавая, что это даже неумно, и все же продолжая это делать: то же самое, то же самое».

Через три дня «человек, склонившись над своим прошлым», продолжает исследовать свое «я»: «...Годы пьянства, преднамеренная гульба после первой книги. Стремление принизить значение успеха и показать, что стал иным не благодаря ему, потакание судьбе (что, конечно, неверно). Сверхскромность, согласие с критикой, ощущение, что поднялся так высоко обманным путем. Пил, чтобы быть “не собой”...считал, что пью не с горя, а от наслаждения жизнью, — да, но чтобы как бы витать над ней и — над собой. Не углубляя себя жизнью... Нежелание трудиться; такое частое. Разрыв между вдохновением и исполнением. Неестественное протрезвление... Порой худосочное, стесняющее унижение. Чувство импотенции, боязнь импотенции в сексе. Попытки хитрить и там. Похоть поэтому обрачивается честолюбием и желанием работать».

Объясняет он себе и причины своей откровенной аполитичности, вызывавшей нареkania со стороны многих его критиков: «Отказ от любого участия в событиях международной жизни — внутренне и внешне. Видимая причина: недостаточные знания (и это так); знаю не больше, даже, пожалуй, меньше других. А также опасение, что могут вспомнить сделанные мною когда-то глупости... и использовать их против меня».

И наконец, резкая оценка отношения к родным: «Что дал ты, любвеобильный и щедрый, своей семье? Твоей сестры нет в живых; ее можно было бы спасти; ты не хотел, чтобы все жили за твой счет в Швейцарии. Ты стыдился своих близких. Ты сделал из отца капитана⁷⁹. Ты завышал их социальное положение. И мало заботился о них. Делал вид, что их нет».

Анализ, которому он подверг себя в эти дни, был радикален («Не от себя, а к себе»). Подвигли его на это Карен Хорни и ее книга, а также чтение работ Фрейда и Юнга за год до этого. Жизненный кризис, в который он ввергнут Наташей и серьезной заминкой в работе над романом, обо-

⁷⁹ Отец Ремарка был на флоте старшиной.

стряет восприятие того, что он читает и о чем дискутирует. Рефлексия всегда была у Ремарка частью мыслительного процесса, и потому семена психоанализа падают в его случае на благодатную почву.

Многое из того, что он пишет о себе и своем поведении, не так уж и ново в его дневнике. Но теперь, в конце длинного, неровного, разрушительного отрезка жизни оно становится горьким итогом. И все-таки нельзя не подчеркнуть его относительность. То, что Ремарк наблюдает в самом себе, характерно, по сути, для бесчисленного числа людей. Чувства вины перед семьей, возлюбленными, близкими друзьями — кто не знал их? Разве мы не догадываемся, что пускаем людям пыль в глаза, когда рассказываем им о своей жизни? Кто из знаменитостей этого мира пережил свою славу без потерь? Библиотеки полны книг о страхах, порождающих импотенцию, а алкоголизм стал во многих странах повальной болезнью. Ремарк же делает шаг, на который способны не многие: он прорывает кольцо блокады вокруг бессознательного и, не питая никаких иллюзий, объясняет себе, почему он страдает, слишком мало работает, слишком много пьет и, несмотря на постоянные унижения, не способен порвать с Наташей (как долго не мог порвать и с Марлен Дитрих). И потому цитируемые здесь записи из его дневника — с отсылками к годам детства, к поведению после публикации первого антивоенного романа, к увлечению «знаменитыми» женщинами — имеют, конечно же, исключительно большое значение для понимания того, как реально складывалась жизнь Ремарка.

Познать еще не значит изменить. Это относится и к Ремарку. Беседы с Карен Хорни улучшают настроение, придают бодрости, позволяют смотреть на разлуку с Наташей некоторое время более дистанцированно. В ноябре роман «Искра жизни» наконец почти закончен. Но потом его опять охватывает беспокойство, ему тесно в Порно-Ронко, и он уезжает в Париж, а оттуда 10 ноября — в Нью-Йорк. Снова «Амбассадор», снова Наташа — тут мало что может сделать самый беспощадный самоанализ.

Он посылает ей цветы, встречает красавицу на улице и светских вечерах, бывает у нее дома. И снова встает вопрос: «Неужели пойдет та же самая канитель?» Настроение падает. Повстречав Ютту на пути к ежедневному совместному обеду, он просто-напросто ошарашен: «Чуть ли не бежала по улице передо мной — и от меня. Каково видеть такое, когда тебе уже 52!» Карен Хорни живет в Нью-Йорке, он

часто приходит к ней в гости и пускается в размышления «о феноменах детства, успеха, о разного рода комплексах». Посетив одну из ее лекций, он слегка огорошен: какие же разумные, интересные люди окружают эту женщину! Это совсем иной мир — прямая противоположность миру голливудских звезд и ночных клубов.

В конце года ему крупно везет по части издания его произведений, в том числе будущих. Феликс Гутгенхайм хочет знать, можно ли рассчитывать на новое издание в Америке его первого антивоенного романа, и Ремарк обретает в нем очень надежного агента для ведения крайне важных переговоров в США и Европе.

Одно из пожеланий самому себе в канун 1951 года касается Наташи: «О, если бы освободиться от нее...» В апреле почти завершен окончательный вариант «Искры жизни». Несколько отвлекает интрижка с восходящей звездой Джипси Маркофф: «Полно шрамов от давней авиакатастрофы. Хорошенькая, глаза с раскосинкой, темноволосая, в белом и красном... Не перестаю удивляться: как же я был поработан, сам того не сознавая, — в мыслях, в чувствах, даже в языке. Ушел! Поджарим же барашка и ударим по струнам!»

30 апреля 1951 года, на прогулке, он встречается Полетт Годдар. Через три дня приглашает в ресторан, они видятся еще несколько раз, она дарит свое фото и вскоре, после совместно проведенного вечера, остается у него «до полудня», и Марлен Дитрих, нутром чуя, что тут завязывается, «заклеймила Полетт». Он еще не понимает, что в эти дни начинается его последняя большая любовь. Он, как всегда, полон сомнений и нерешителен, инициатива исходит от женщины. «Полетт вдруг решила, что в понедельник летим в Париж... На шею мягко ложится петля. Предпочел бы один ехать, быть, оставаться». Ремарк успевает просмотреть американский перевод своего романа о концлагере и отправляется в июне через Париж, насладившись там одной из картин своего собрания на выставке картин Тулуз-Лотрека, в Порто-Ронко — пока без Полетт.

Русская принцесса все еще занимает его воображение, но процесс отторжения начался и развивается стремительно. Возникают новые проблемы, но их не сравнить с тем, что он пережил за последние без малого четырнадцать лет. «Письма от Полетт. Опять как раньше: не полностью, не четко против, а как-то наискось, ускользя, уклончиво. Она хотела приехать; я уклонился. Потеряю ее; и буду жалеть об этом». 22 августа она приезжает в «Каса Монте Табор»,

дождь льет как из ведра, от ураганного ветра рухнули мосты, а для Ремарка наступают дни безоблачного счастья. Полетт простодушна, «поет и смеется», она «действует благотворно». «Откровенный человек, от которого веет теплом».

Полетт Годдар была на двенадцать лет моложе Ремарка. Когда они познакомились ближе, необычайно красивая женщина уже сделала в Голливуде блестящую карьеру. Путь вверх был довольно типичным для кинобизнеса. Выступала в танцевальных ревю, подвизалась на второстепенных ролях в кино, пока ее не заметил Чарли Чаплин. Под руководством гениального актера и режиссера, который был сначала ее любовником, а затем мужем, она стала звездой экрана. В «Новых временах» (1936) и «Великом диктаторе» (1940) Чаплин сделал ее своей партнершей. И расставшись с ним, Полетт Годдар сыграла множество главных ролей, заработала много денег и считалась одной из красивейших женщин в столице американского киноискусства. Тогда лишь неизвестной еще Вивьен Ли удалось в последний момент опередить ее при решении вопроса, какой же знаменитости достанется желанная роль Скарлетт в «Унесенных ветром».

Когда начался роман с Ремарком, Полетт Годдар шел сорок первый год, она три раза была замужем, среди покоривших ее сердце был известный мексиканский художник Диего Ривера. Zenit своей карьеры она прошла в 1950-х, имела солидное состояние и могла считать себя вполне независимой — интеллигентная, уверенная в себе женщина, жизнерадостная и остроумная. В Голливуде она принадлежала к тем деятелям искусства, которые придерживались либеральных — идущих от Чаплина — взглядов, как в годы правления Рузвельта, так и в конце 1940-х, когда сенатор Маккарти начал охоту на коммунистов.

Сушая находка для Ремарка. Ни собственнического эгоцентризма Дитрих, ни чуть ли не патологической нервозности Наташи Палей. Ремарк нашел наконец спутницу жизни, которая не только любила его, но и не скрывала этого, а издержкам меланхоличного, нерешительного, трудного характера противопоставляла ласку и улыбку...

Дневник, письма и воспоминания очевидцев подтверждают, что союз Эриха Марии и Полетт был счастливым. Они любили путешествовать, отдавая предпочтение Риму и Венеции, ценили роскошь и взаимную независимость. Полетт проводила большую часть года в США, Ремарк в это время работал в Порто-Ронко. В Нью-Йорке у них были собственные апартаменты: у нее — в Ритц Тауэр на Парк-

авеню, у него — в доме номер 30 на восточной части 57-й улицы. Полетт жила со своей матерью, Ремарку эта всегда блестяще выглядевшая пожилая дама тоже пришлась по сердцу. Полетт никогда не чувствовала себя в Порто-Ронко как дома. Она не принимала сколько-нибудь заметного участия в жизни селения, при всем нежелании выглядеть в глазах его жителей кинозвездой она оставалась ею, но последние годы своей жизни, после смерти Ремарка, провела именно там. Он гордился красотой своей жены, она восхищалась тем, что принесло ему всемирную известность. Полетт любила драгоценности и роскошные платья, он не скупился на подарки. Случались и размолвки, но не было выматывающих нервы, подрывающих здоровье драм.

Жизнь с Полетт изменила Ремарка. Депрессивность и склонность к мучительной рефлексии не исчезли, он продолжал пить. Но близость Полетт, возраст и недуги утихомирили его. Он чувствовал, что его любят, а не используют для каких-то целей, никто теперь не разжигал так легко вспыхивающую в нем ревность (небезосновательную в отношениях с *Пумой* и Наташей)... Как следствие Ремарк постепенно прекращает вести дневник, долгое время бывший островком в океане жизненных бурь. Он больше не нужен ему для обретения душевного равновесия.

Поначалу, когда Полетт приезжает к нему в Порто-Ронко в августе 1951-го, Ремарку трудно привыкнуть к новой ситуации. Наташа еще бродит призраком в его мыслях, а мать и дочь Хорни слегка разочарованы тем, что в Нью-Йорке у писателя завязался очередной роман. «В замешательстве от того, как выглядит Бригитта. По моей вине. Ощущаю, чего ей хотелось бы, но дать этого не могу и потому прихожу в замешательство». Не ладятся отношения и с издательством Шерц. Его хозяин отклоняет рукопись «Искры жизни», не стесняясь в выражениях. Не нравится роман и дамам, они призывают Ремарка переработать рукопись. «Шерц от книги в ужасе. Хочу порвать договор... Карен: зачем же так деструктивно. Бригитта: не отклонить роман значило бы ждать реакции от немцев. Ворошить их память нельзя. Убийцы обычно чувствительны».

Звонят журналисты, желают получить интервью. «...сперва умоляют, потом сразу же дерзят». Речь о трех репортерах журнала «Шпигель», на вопросы которых он все-таки согласился ответить. И реагирует нервно: «Назвали меня журналистом с писательскими амбициями. Правда, и Толстого тоже. Старый, добрый интеллектуализм все-

таки непотопляем. Думаю, что мое пребывание в Германии продлится недолго».

С результатом этого разговора и еще кое с чем немцы могут ознакомиться три месяца спустя. В январе 1951 года обложку гамбургского еженедельника украшает портрет знаменитого писателя, а темой номера избран рассказ о его личности под заголовком «Космополит вопреки желанию». Обеспокоенность Ремарка публикацией можно понять. Отвечая на вопросы, он погрузился в прошлое, подробно рассказывает о ранних этапах своей жизни, об Эрихе Пауле высказываются соседи по дому и бывшие одноклассники, правда и мифы образуют в тексте крутую смесь, муссируются все неприятные для него проявления «кичливости» и «позерства». И все же Ремарк представлен читателю как всемирно успешный писатель не без уважения, благожелательность сквозит в описании жилища писателя и его внешнего облика: «Большой камин в огромной и, тем не менее, весьма уютной гостиной и его пристрастие к старым свитерам придают бывшему оснабрюкскому семинаристу вид почтенного оксфордского профессора. Густые, резко изогнутые брови, этот фирменный знак Ремарка, хотя и утратили какую-то долю своей журнально-обложечной привлекательности, но с тех пор, как он больше не пьет граппу, его лицо вновь обрело черты цепкого, пожалуй, даже породистого бульдога». Простыми, бесхитростными словами он рассказывает о своем романе с Марлен Дитрих («Она самая великолепная женщина и самая лучшая повариха из тех, что я знал») и не скрывает своего восхищения достоинствами Полетт Годдар: «Самая современная из знакомых мне женщин и умна, как бес».

Небезынтересно вспомнить, какую оценку Ремарк дает в этом интервью своим романам. Его высказывания — если они точно переданы во врезке — свидетельствуют о слегка двусмысленной скромности, неизменно присущей ему при публичных рассуждениях о своем творчестве. Роман «На Западном фронте без перемен» он называет «своей лучшей книгой», «Трех товарищей» — «книгой маленькой, приличной, такую можно написать за один присест, и тебе не будет за нее стыдно», а вот при написании «Триумфальной арки» он «слегка переборщил, стараясь учесть то, чего публика ожидает от нашего брата там, в Америке». Реакцию немцев на «Искру жизни» он считает предсказуемой: «В любом случае я уверен, что атаки пойдут со всех сторон». Память о встрече с журналистами, которой он не желал, будет тревожить его,

пока материал не появится в «Шпигеле», что, конечно же, получит отражение в дневниковых записях с акцентом на недоверие к представителям второй древнейшей профессии.

В начале декабря Полетт уезжает в США сниматься в очередном фильме, а Ремарк берется за «Время жить и время умирать». Рукопись он отложил в середине 1947-го, решив пропустить вперед роман о концлагере.

Поездка в Германию откладывается. Он раздражен публикацией интервью в «Шпигеле», поведением издательства «Шерц», за событиями в западной части Германии следит с возрастающим недоверием. «Немного покорпел над новой книгой. Не ощущаю никакой пустоты — скорее наоборот: Европа приблизилась, пожалуй, слишком близко. Такие, как Шерц или “Шпигель”, журнал, собирающий на меня компромат и пытавшийся меня шантажировать (чтобы потом все же напечатать то, что ему выгодно), мешают мне больше, чем им полагалось бы». Ответный ход, который можно понять. В Германии о нем пишут с нескрываемой злобой. Например, «Пассауэр нойе прессе» от 5 июля 1951 года: «Даже французы дивятся тому, что Ремарк, подобно Томасу Манну, считает и сегодня еще необходимым сдабривать свои заявления за рубежом германофобскими замечаниями. (И он хотел бы вернуться? Нет, ему лучше не делать этого, ибо и он явно не меняется)». Статеек с такого рода выпадами появляется в эти годы в Германии множество, и Ремарк не единственный эмигрант, которого встречают здесь со столь откровенным неприятием. Летом 1951-го он намерен поехать в Германию, но движет им при этом не тоска по родине, а «желание увидеть отца...».

В январе 1952 года в американском издательстве «Эпплтон-Сенчури» выходит роман «Искра жизни» (Spark of Life) — за полгода до немецкого издания. Еще один знак того, что Ремарк отдает предпочтение американскому рынку, заключая сообразно этому договоры о правах. Он давно уже не немецкий писатель и мог бы быть — на фоне разборок с Шерцем — счастлив вдвойне.

«Искра жизни»

Действие его нового романа развивается на грани между вымыслом и действительностью — в немецком концлагере, и под пером Ремарка рождается текст, который можно смело отнести к его лучшим достижениям в прозе.

Произведение поистине выдающееся — как в художественном плане, так и в политическом. Сразу же после краха нацистской диктатуры Ремарк разрабатывает одну из самых запретных тем тогдашнего немецкого общества с его стремлением вытеснить из своего сознания позорное прошлое. «Автор начал работу над “Искрой жизни” в 1946 году и завершил ее через пять лет, — гласит запись, сделанная в 1950-х годах и найденная в архиве Ремарка. — Книга писалась с трудом... Многие из его друзей и родственников были убиты нацистами, и он был полон решимости поспособствовать тому, чтобы такое больше никогда не повторилось».

В первом, американском, издании роман посвящен памяти его сестры Эльфриды — тоже знак того, как волнует писателя, затрагивая его лично, эта тема. После первых аутентичных публикаций о преступлениях в нацистских концлагерях и тюрьмах Ремарк глубже и, главное, значительно раньше, чем большинство немцев, распознает чудовищную аморальность содеянного в гитлеровские времена. Поэтому с литературно-исторической точки зрения «Искру жизни» можно с полным правом поставить рядом с романом «На Западном фронте без перемен». Как и в конце 1920-х, Ремарк фокусирует свое внимание на явлении исторического масштаба и — вопреки неоднократным попыткам представить его сочинителем развлекательных вещей — в очередной раз доказывает свою замечательную способность реагировать на политические события, сотрясающие основы современных человеческих сообществ. Первая мировая война лишила европейцев страстно лелеяемой веры в прогресс и всемогущий разум, и именно Ремарк публикует через десять лет после Компьенского перемирия самый знаменитый антивоенный роман того времени. Совершенные в концлагерях преступления окончательно подорвали, казалось бы, непоколебимую веру человека в человека, и Ремарк вновь, раньше своих собратьев по перу, пишет потрясающий роман о страданиях людей в «лагерном аду». Описывая то, что и описать-то вроде бы невозможно, рассказывали о царившем в немецких концлагерях терроре Анна Зегерс, Примо Леви, Хорхе Семпрун. При этом книги Леви и Семпруна автобиографичны, их авторы были узниками лагерей смерти. В романе Анны Зегерс «Седьмой крест» жизнь и гибель заключенных в концлагере — только один из аспектов и исходный пункт истории о Георге Гейслере. В «Искре жизни» концлагерь сделан эпицентром действия, и автор романа его, что называется, «не прошел». Наряду с

темой, к которой обратился Ремарк, именно этот факт рассматривался как «нарушение табу», вызывая у немцев приступ яростного неприятия. Да, в «отсутствии присутствия» тоже причина того, что творчество одного из выдающихся немецких писателей XX столетия не нашло до сих пор признания в той мере, которой оно, несомненно, заслуживает. Мы еще коснемся других возражений, на которые натолкнулась «Искра жизни» после своего появления в Германии. Но уже здесь скажем, что воспоминания выживших узников концлагерей, опубликованные в более поздние годы и рассказывающие нам о поведении жертв и их палачей, подтверждают: Ремарк сумел рассказать о том, что творилось в нацистских концлагерях, с высочайшей степенью достоверности почти сразу же после окончания войны.

Ремарк прекрасно понимал, что он взялся писать на крайне взрывоопасную тему. Отбросив первый вариант, он берется в начале 1948-го за второй. Однако на сей раз сперва упорно и кропотливо исследует материал. Отличным подспорьем служит ему при этом книга Ойгена Когона «Государство СС», о которой Ханс Вернер Рихтер писал: «Внешнее устройство концлагерей, их внутренняя структура и организация, доставка узников, причиняющая им нестерпимые муки, работы, наказания, питание — все это описано с такой будничной деловитостью, включающей в себя отказ от дешевых эффектов, что ее следует назвать прямо-таки шедевральной...» Когон сам долго был узником Бухенвальда и дал своей книгой первый исторический анализ немецких концлагерей как системы. И, конечно же, Ремарк внимательно слушал рассказы людей, которые приезжали к нему, в Аскону, чтобы поделиться с ним воспоминаниями о пережитом в концлагере.

А вот родившийся в Голландии пианист Лео Кок жил в Асконе еще до войны. После нападения Германии на Францию он присоединился к Сопротивлению, попал в плен и оказался в концлагере Бухенвальд. Там он выжил, приехал снова в Аскону и держал там антикварную лавку, в которой любил бывать и Ремарк. Кок был человеком молчаливым, со следами страданий, причиненных ему в заключении. Но он раскрывался перед писателем, подробно рассказывая о лагерной жизни, о тех, кого там истязали, и о тех, кто истязал, вешал и расстреливал. Писатель внимал пианисту, так или иначе вработывая услышанное в свою историю.

Действие романа происходит в последние месяцы войны. В концлагере близ городка Меллерн вот уже десять лет

живет и страдает заключенный под номером 509. Он достиг самой низкой ступени здешнего обитания, обретается в Малом лагере, в последнем кругу Ада. Тому, кто переведен сюда из Большого (трудового) лагеря, не на что больше надеяться, его ожидает голодная смерть. «В конце концов иссякла и эта ненависть. Борьба за корку хлеба стала важнее, чем все остальное. Этому требовала и выстраданная истина: ненависть и воспоминания так же разрушают борющееся со смертью “я”, как и боль. 509-й научился уходить в себя, забываться и не думать ни о чем, кроме того, как продлить свое существование еще на полчаса, на час, на день»⁸⁰.

Роман начинается с описания первой бомбардировки Меллерна союзнической авиацией. С холма, на котором расположен лагерь, 509-й смотрит на пылающий город и отчаянно пытается погасить в себе вспыхнувшую надежду на то, что войне скоро придет конец, ведь надежда эта отбрасывает его назад, в «нормальную жизнь», которая в его положении слишком часто оборачивалась гнусным обманом. Вольтова дуга повествования возникает и сохраняется в следующих главах между неотвратимо приближающимся крахом гитлеровского режима и нарастающим сопротивлением, которое узники концлагеря оказывают команде свирепых эсэсовцев-охранников. «Наши жалкие крохи непокорности — это все, что у нас осталось».

Ремарку мало показать, каким изощренным и, следовательно, страшным телесным и душевным страданиям, пыткам, издевательствам, унижениям подвергается человек, оказавшийся во власти утративших человеческий облик, озверевших охранников. Обновляя гуманистический посыл своих антивоенных романов и романов об эмиграции, он доказывает, что достоинство человека остается неприкосновенным до тех пор, пока он не сдается, пока не прекращает его отстаивать. Имея в виду текст на обложку книги, он пишет в издательство «Кипенхойер и Витч»: «Считаю важным подчеркнуть, что книга не столько обвиняет, сколько утверждает волю человека к жизни, победу его духа».

Все то, о чем мы позже узнаем из воспоминаний выживших узников и исследований социологов, есть уже в изображении лагерной жизни у Ремарка: муки голода, отсутствие элементарной гигиены, переполненные бараки,

⁸⁰ Цитаты из романа «Искра жизни» приводятся в переводе Романа Эйвадаса.

груды трупов и омерзительный способ их удаления, зверские наказания, дарвинистская борьба за выживание. Есть «мусульмане», смиренно ожидающие своей смерти, есть героизм и «трусость» тех, кто истерзан и, кажется, лишен всех признаков человеческого достоинства. Будущее суживается до обладания коркой хлеба, вопрос о жизни или смерти решается в ближайшие секунды и минуты. Уже через пару лет после крушения Третьего рейха Ремарк проанализировал «организацию террора» (Вольфганг Софский) с ужасающей ясностью.

Рисуя образ садиста в эсэсовской униформе, Ремарк создает психограмму немецкого обывателя: с приходом к власти Гитлера наступил его «звездный час», он превращается в палача и убийцу.

«Ниманн протирал стекла очков. Они запотели. От тепла, которое он испытывал, читая в глазах заключенных страх смерти, страх, неумолимо гнавший их вперед, придававший им силы, подымавший их с земли, когда они падали, толкавший их дальше. Он ощущал это тепло желудком и глазами. В первый раз он ощутил его, когда убил своего первого еврея. По правде сказать, он совсем этого не хотел. Это случилось как-то само собой. Всегда чем-то печально озабоченный, затурканный, он сначала даже испугался мысли, что ему надо ударить еврея. Но когда он увидел, как тот ползает на коленях и со слезами на глазах выпрашивает себе пощаду, он вдруг почувствовал, что за одно мгновение стал другим — сильным и могущественным; он почувствовал, как гудит в жилах кровь; горизонт отступил вдаль, разгромленная четырехкомнатная квартира мелкого еврейского конфекционера — замкнутый мещанский мирок, уставленный мебелью с зеленой репсовой обивкой — превратилась в дикую азиатскую пустыню времен Чингисхана, а торговый служащий Ниманн стал вдруг господином над жизнью и смертью; в голову ударил дурман власти — безграничной власти! — и он все хмелел и хмелел от этого нового, неожиданного чувства, и сам не заметил, как нанес первый удар по мягкому, податливому черепу, покрытому скудными крашеными волосами».

Когда меч отмщения опускается на головы не знающих ни стыда ни совести, когда их города превращаются в груды камня и пепла, когда по дорогам текут потоки беженцев, а ряды германских армий стремительно редеют, тогда узник по имени Агасфер, слыша гул приближающегося фронта, произносит слова, звучащие с поистине библейской силой:

«Когда убили первого еврея и оставили убийц безнаказанными, они попрали закон жизни... Они смеялись. Они говорили: “Что такое несколько евреев по сравнению с великой Германией?” Они отворачивались. И Бог их сейчас карает за это. Жизнь есть жизнь. Даже самая жалкая».

С приближением фронта порядок в лагере нарушается, одному из узников Большого (трудового) лагеря удается передать 509-му пистолет, и тогда он, обреченный на верную гибель, чувствует прилив свежих сил. «Он вытравил из своей памяти все воспоминания — и то, что было в лагере, и то, что было до него. Он даже не хотел слышать своего имени. Он перестал быть человеком и не желал им больше становиться, иначе это сломало бы его. Он стал просто номером и хотел оставаться им и для себя, и для других. Молча сидел он во тьме, прижимая к себе оружие, и дышал, и чувствовал, как прорастают в нем все многочисленные перемены последних недель. Воспоминания нахлынули вновь, и ему казалось, будто душа его насыщается чем-то невидимым, каким-то живительным, сильнодействующим лекарством». Готовых к сопротивлению победить нельзя. 509-й гибнет в конце романа, но заключенный под лагерным номером вновь стал человеком и впервые за много лет называет себя подлинным именем. Он больше не номер 509, как того хотели нацисты, а Фридрих Коллер.

Десятки узников Большого и Малого лагеря сплотились, чтобы оказать сопротивление охранникам и организовать жизнь в лагере в первые дни после его освобождения. Ближайшая цель у них одна, но действуют и мыслят они далеко не всегда одинаково. 509-й знал, что «коммунисты составляли в руководстве подпольного движения лагеря самую жизнеспособную, сплоченную и энергичную группу. Они, хотя и работали вместе с другими, никому не доверяли полностью и преследовали свои собственные цели. Они помогали в первую очередь своим людям». Вокруг участия коммунистов в борьбе против фашизма в послевоенной Европе разгораются споры, и это тоже не ускользает от внимания Ремарка, которому претит любая тоталитарная идеология. Описывая диалог 509-го с его школьным товарищем-коммунистом, Ремарк прозревает будущее, давно ставшее суровой реальностью. «Скажи лучше, что будет с теми, кто против вас, если вы выиграете и возьмете власть? Или с теми, кто не с вами?» — «Тут есть много разных путей». — «Я знаю, каких. И ты тоже знаешь. Убийства, пытки, концентрационные лагеря — это ты тоже имеешь в

виду?» — «И это тоже. Но лишь по мере необходимости». — «Это уже прогресс. Ради этого стоило побывать здесь». — «Да, это прогресс... Это прогресс в целях и методах. Мы не бываем жестокими просто из жестокости — только по необходимости». Следуя такой диалектике власти, людей в восточной части послевоенной Германии стали помещать в концлагеря, пытаться там и убивать. Изменилась лишь униформа — места на сторожевых вышках заняли слуги новых господ.

Оставляя в стороне этот спор, скажем: «Искра жизни» стала книгой, в которой мысль о людской солидарности выражена сильнее и глубже, чем в других произведениях этого автора. Если в своих веймарских романах Ремарк славит — местами избыточно и не всегда удачно — нерасторжимость и бесценность уз товарищества, то теперь мы видим конкретную способность вступить за другого человека, сплотить вокруг себя людей, чтобы противостоять человеконенавистничеству и насилию со стороны сильных мира сего.

Ремарк написал в высшей степени злободневный роман. Бывшие нацистские чиновники сплошь и рядом возвращаются на свои посты, люди, служившие в концлагерях охранниками, нагло — и безуспешно — требуют назначения им пенсий или принимаются на службу в полицию. В парламентах федеральных земель и новых демократических массмедиа то и дело раздаются призывы к снисходительности и помилованию, требования об освобождении осужденных преступников, о замене смертных приговоров на тюремные заключения. О жертвах, о миллионах людей, уничтоженных в концлагерях, равно как и о тысячах чудом оставшихся в живых, в Германии почти никто не говорит. «Раскаиваться — не в правилах немца», — разъясняет в романе циничный и алчный комендант лагеря Нойбауер своему шоферу Альфреду. Слова, вложенные Ремарком в эти уста, станут для многих подданных послевоенной Германии фактически жизненным девизом.

Новая демократия опирается на старые, опытные кадры. «Для таких, как я, работа всегда найдется, — говорит в романе Ремарка коменданту лагеря Нойбауеру лагерфюрер Вебер, один из сотен тех, кто составлял опору кровавого режима. — Мы еще поднимемся, пусть даже под чужими именами. А по мне — хоть коммунистами. Пару лет теперь не будет национал-социалистов. Все станут демократами. Это не страшно. Я, наверное, где-нибудь когда-нибудь буду

работать в какой-нибудь полиции. Скорее с чужими документами. А потом все начнется сначала». В конце романа Вебер будет застрелен заключенным под номером 509, но в германской действительности послевоенных лет Веберы, как правило, не нуждались даже в чужих документах, чтобы иметь возможность продолжать свою работу. В 1950-е годы Ремарк будет с горечью указывать на реставрационные тенденции в аденауэровском государстве, и с этой точки зрения его роман о концлагере — это прежде всего книга, призывающая читателя не забывать никого и ничего. Соотечественники имели все основания крепко обидеться на него.

Заключенный Бухер и узница Рут Холланд встречаются бесчисленными и безутешными вечерами у лагерного забора и мечтают о жизни за пределами их узилища. С тоской глядят они на домик, белеющий на холме, по ту сторону от колючей проволоки, и кажущийся им олицетворением безоблачного счастья. Наконец нацистские оковы сброшены и они спешат к маленькому домику, чтобы провести там первую ночь на свободе. «Сад стоял в цвету. Но, приблизившись к дому, они увидели, что прямо за ним взорвалась бомба. Она разрушила всю заднюю часть постройки. Целым и невредимым остался лишь фасад. Сохранилась резная наружная дверь. Они открыли ее. Но она вела к груде обломков. Значит, он никогда и не был домом. Все это время...» Ремарк завершает роман строками о необходимости расставания с иллюзиями.

И наносит чувствительный удар по главному нерву послевоенных немцев. Рецензии на книгу ярко отражают состояние их психики. «Искра жизни» должна выйти в свет в швейцарском издательстве «Шерц». Ремарк заключил очень выгодный для себя договор, и Альфред Шерц надеется привязать автора бестселлеров к своему детищу надолго. «Нам кажется, что было бы крайне важно вновь сосредоточить все Ваши литературные произведения в одной издательской руке». В момент заключения договора Альфред Шерц не знаком с содержанием книги. И явно сильно испуган, держа в руках готовую рукопись. Два письма, отправленные Ремарку летом 1951 года, показывают, какие страхи испытывает издатель в преддверии дискуссии, которая, конечно же, разразится вокруг романа. «Задумывались ли Вы над тем, как будет воспринято — в настоящий момент! — немецкое издание в Швейцарии и в самой Германии? ...выпустив “Искру жизни” осенью или даже

будущей весной, мы рискуем вместе с Вами подвергнуться массированным атакам, которые приведут к бойкоту не только этой книги, но и всех Ваших произведений, а также всех подразделений нашего издательства, в результате чего Ваша новая книга может вообще лишиться какого-либо воздействия на читателя». А месяцем позднее Альфред Шерц ставит и вовсе позорную точку под затеянной им же историей: «Мы знаем, что действуем и в Ваших интересах, обращаясь к Вам с просьбой воздержаться пока от издания книги у нас на немецком языке». Приехав как-то раз в Мюнхен, Ремарк встречается с сотрудниками тамошнего филиала издательства. И 27 июля 1952 года записывает в дневник: «Таинственные переговоры об Sp.of L.⁸¹ Пытаясь оправдаться, они объясняют мне, что надо бы поправить, и подтверждают таким образом, почему они ее не приняли». В конце переписки с литагентом Ремарка Феликсом Гуггенхаймом оборотистый, но трусливый издатель находит еще одно красивое объяснение своему поведению: «При столь высоких размерах затребованного гонорара издательство исходило из того, что роман должен был бы идти среди швейцарской и немецкой читательской публики нарасхват. Однако это условие оказалось невыполненным сразу же после прочтения рукописи...» Весьма оригинальная, надо сказать, мотивировка по отношению к писателю с мировым именем!

В результате роман выходит в кёльнском издательстве «Кипенхойер и Витч». Сделав этот смелый шаг, его владелец, Йозеф Каспар Витч, приобретает в лице Ремарка постоянного автора. С Шерцем же продолжается тяжба по денежным вопросам, Ремарк возмущен трусостью швейцарского издателя и его попытками уйти от выполнения договорных обязательств с помощью разного рода трюков. За письмо своему агенту Феликсу Гуггенхайму он садится 15 декабря 1951 года в крайнем раздражении: «Меж тем отношения с Шерцем развивались так, как я и предполагал... Мы должны были бы с самого начала настаивать на наших правах и пригрозить предъявлением иска, что, не сомневаюсь, доставило бы Шерцу гораздо больше неприятностей, чем нам с Вами. Теперь нам придется почесть себя посрамленными и дать задний ход или действительно предъявить иск, ибо переписка закончилась ничем. Причем возбудить иск будет очень нелегко, поскольку Шерц вычитал из Ва-

⁸¹ Сокращенно от «Spark of Life» («Искра жизни»).

ших писем — не знаю, имел ли он на это основания или нет, — что мы хотим разорвать договор. Поспешно сославшись на это, он вернул мне рукопись... Даже по причинам личного свойства я хотел бы, чтобы Шерц вспомнил, что он годами бегал за мной с просьбой заключить договор, а также знал, что мне надоело слыть в глазах людей, благодаря его стараниям, чуть ли не обманщиком... Хотел бы далее сообщить ему, что он не обязан скрывать свою позицию, — наоборот, разные мои издатели, которым я изложил суть дела и приложил ряд его писем (подобно тому как он поступил с моей книгой⁸², знакомя с ней своих друзей), настойчиво испрашивали у меня разрешение использовать их в качестве документов, проясняющих истинное положение дел... Шерцу будет гораздо неприятнее выглядеть трусом, нежели нарушителем договоров».

Шерц оказался отчасти прав, ибо книга на языке оригинала действительно не идет нарасхват. В начале 1950-х немецкий читатель еще не готов к тому, чтобы разбираться с недавним прошлым своей страны.

Роман вызывает разноречивые отклики. «Это книга об ужасных вещах, случившихся при нашей жизни, — пишет Карл Корн во «Франкфуртер альгемайне», — книга, рожденная стремлением сказать правду и нести свою долю ответственности, книга нравственного самоочищения». «Горячее железо в полутеплых руках», — под таким заголовком отзывается о романе в штутгартской «Литератур» Генрих Бёлль. «Писать о бесчеловечном бесчеловечно — это неправильный путь», — утверждает он, упрекая автора (и зря!) в обильном использовании эсэсовского жаргона. И вот его вывод: «Книга Ремарка “Искра жизни” все же выполнит свою функцию — политически важную в правильный момент: она направит уставшее внимание на материал, который еще ждет своего художественного воплощения». Правда, молодому, но уже заявившему о себе писателю Бёллю энергично возражает в той же газете Хедвиг Роде: «Нет, горячее железо романа о концлагере, публикуемого в 1952 году, находится у Эриха Марии Ремарка в теплых, чистых руках. К теме он подходит с горячим сердцем и холодным как лед мужеством...» «Цайт», тогда еще в националистически окрашенном фарватере, заявляет лапидарно и достаточно лицемерно: «Это постыдная книга. Постыдная для автора — Эриха Марии Ремарка, постыдная для наших

⁸² Имеется в виду рукопись романа «Искра жизни».

писателей, которые еще не пытались хотя бы частично заглаживать нашу общую вину перед жертвами концлагерей более удачной книгой». Рудольф Кремер-Бадони, напротив, считает: «Во времена тайных судилищ мирового масштаба требуется сверхчеловеческое мужество, чтобы написать такую книгу».

Небезынтересно вспомнить, в какой — с гитлеровских времен слишком хорошо известной — тональности публикация комментируется в Оснабрюке, родном городе Ремарка. «Мы хотели вообще обойти его молчанием, этого господина и гуся по имени Ремарк, который родился в Оснабрюке, а теперь вот похваляется тем, что он американец, — пишет «Нойе тагеспост». — Но он бросил нам вызов. Недавно он посетил Германию, и где бы он ни появлялся, повсюду у него была плохая пресса. Дело в том, что в своей последней книге под названием “Искра жизни” он пишет о немецких концлагерях. Хотя сам никогда ни в каком концлагере не был. И хотя родился немцем. Да, Эрих Мария Ремарк похваляется этим, ибо чувствовал “потребность”, как сказал он на днях в Париже, внести свой исторический вклад в неслыханные зверства. В этом весь Ремарк!.. Поэтому мы рады, что он вновь покинул Германию. Будем надеяться, что он сюда не вернется!» Когда иссякает запас упреков в адрес второсортной литературы, которыми пестрят рецензии в немецких газетах, мишенью становится «осквернитель собственного гнезда».

За рубежом, напротив, роман встречают с большим одобрением⁸³. «Какой бы ни сложилась общая оценка, Ремарк возвращается в страну своего первого литературного успеха не адвокатом мести. Немецкий читатель поймет, чем озабочен Ремарк. И он займется этим, если опять поднимется до высот порядочности и человеческого достоинства...» — «Развертывая перед нами картину ужаса, книга прямо-таки невыносимо серьезна. Но мы продолжаем смотреть дальше, потому что не можем оторвать глаз от людей, чья воля к жизни и, что еще важнее, чья человечность и порядочность неистребимы. Это документально-художественное повествование, достойное автора романа “На Западном фронте без перемен”». — «Ни один оставшийся в живых узник не мог нарисовать картину жизни в концлагере с такой стра-

⁸³ Далее следуют отклики швейцарской газеты «Дер Бунд» и американских еженедельников «Геральд трибюн букс» и «Нью-Йорк таймс бук ревью».

стью и силой, как это сделал Ремарк в «Искре жизни». В США роману действительно сопутствует большой успех. Уже вскоре после выхода в свет он поднимается в списке бестселлеров на четвертое место. Актер Хосе Феррер собирается перенести действие романа на экран, но Ремарк колеблется, а вскоре и Феррер отказывается от своего замысла.

Интерес к роману «Искра жизни» за минувшие десятилетия нисколько не угас, но фильма, который был бы снят на его основе, пока не существует.

Впервые за много лет Ремарк встречает Новый год в одиночестве. Настроение приподнятое — из Испании позвонила Полетт. В уходящем 1951 году он прилежно работал над романом «Время жить и время умирать» и раздражен теперь поведением своих издателей. «Линдли хотел бы взяться за перевод новой книги, а Эплтон-Шустер попытался от ее издания увильнуть. Ну и плуты же эти издатели!» Его друг и переводчик снова сменил издательство, и Ремарк передает ему еще не готовый роман.

Неожиданно вновь просыпается желание заняться живописью. Он наслаждается долгожданным покоем. И тем не менее: «Скучаю порой по Н.-Й. Европа (Германия) подступает к тебе вплотную. Подобно охочему до сплетен, мелочному провинциальному городишке». А потому в середине апреля 1952-го он отправляется через Париж в Нью-Йорк и уединяется там в своих апартаментах. «Вечерами больше дома». Такого рода записи делались в дневниках прошлых нью-йоркских лет крайне редко. «Дожди, грозы, лазурь, облака перед окнами — как можно было так долго жить без перспективы? Глаза, интеллект, эмоции, дух, Бог». В эти недели он окружает себя книгами о йоге и дзен-буддизме.

В конце июня Ремарк и Полетт Годдар вновь поднимаются на борт океанского лайнера, едут в Роттердам, оттуда в Амстердам — музеи, картинные галереи, выставки, а затем — двадцать лет спустя — Ремарк снова в Германии. Бродит по Оснабрюку, бесстрастно фиксируя в мозгу и дневнике разрушения и перемены, навещает в Бад-Ротенфельде отца и сестру, предупредив их заранее письмом из Америки: «Прошу вас *никому* ничего не говорить о моем приезде, дабы у нас было дня три-четыре покоя. Не забудь сказать об этом и отцу». Пробыв там всего несколько дней, он летит из Ганновера в Берлин.

Свидание с городом его первого литературного триумфа действует не менее отрезвляюще, чем прогулка по Ос-

набрюку. Ремарк смотрит на своих бывших соотечественников острым, критическим взглядом. Никакой грусти или печали. Он явно не чувствует также сострадания к народу, который сам вверг себя в пучину бед и несчастий. «Как в спектакле по Гофману или Уоллесу. Будто под водой. Совершенно чужие люди. Зомби, но сторожкие, приносившиеся. Контакта нет. Что-то чужое, разыгрывающееся на чужой сцене. Всё будто во сне. Любое обращение, даже со стороны портье, кажется фальшивым — и по тону, и по сути, — все будто вот-вот превратится во что-то иное или исчезнет. Нет ощущения человеческого тепла, подлинности, искренности — все точно за невидимой стеной, будто на сцене, где к тому же неважно играют. Неоновый свет, тени от развалин; взгляд немца; в наружности многих что-то от хорька... Искалеченные бомбами души. Иссошенные приказами сердца. Перекошенные лица. Разговоры шепотом. Молчанье... Любезности, звучащие как команда... Начало без иллюзий».

Он спрашивает людей о их повседневной жизни при нацистах — материал для книги, над которой как раз работает, — навещает актрису Лотту Пройс, в которую был влюблен в годы молодости («все фальшиво и трогательно и славно до тошноты»), и едет дальше — в Мюнхен. Полетт, сопровождавшая его до Берлина, улетает в Париж.

В издательстве «Деш», которое напечатало «Трех товарищей» и отклонило роман о концлагере, он встречается с Эрихом Кестнером, Хансом Вернером Рихтером, Хансом Гельмутом Кирстом и Теодором Пливье. Разговор длится часа два-три, но сказать друг другу, по существу, нечего. «Странно, но держали они себя так, будто глотнули свежего воздуха. Все, пожалуй, чересчур серьезны, в глазах читаются безнадежность или разочарование». А в конце вздох облегчения: «Говорил по телефону с Полетт. Из всего, что услышал за много дней, только ее слова — без фальши». Германия стала ему чужой.

Пробыв два месяца в Порто-Ронко и попытавшись закончить роман, Ремарк едет с Полетт в Венецию, а с середины октября он опять в Нью-Йорке. «Решение: прекратить писать романы на злобу дня. Переключиться на романы о личностях, характерах, людях — с историческим фоном. Равик и т. п.». Он снова склоняется над рукописью «Теней в раю», делает наброски нескольких пьес, в которых мелькают мысли о «Возвращении Еноха Дж. Джонса». Ночная жизнь Нью-Йорка не манит его с прежней силой,

зато он любит театр (однажды сидел в театре в одном ряду с Наташей и позади Марлен Дитрих) и много времени проводит с Полетт. В одной из декабрьских записей появляется «мастерская бр. Фогт», а это значит, что возник замысел романа под названием «Черный обелиск».

Живет он уединенно, новой жизнью, посмеиваясь над ней: «Вечером П(олетт). Супы, газеты, ТВ — в чем еще искать приключений благонаправленным буржуа?» Работа над романом действует угнетающе. «Время летит... Отчаяние. Все в той же точке, что и год назад. Констатировал, что работал плохо». — «Ощущение, что карьера романиста кончилась; в полном изнеможении — хочется писать пьесы». За развитием политической ситуации он наблюдает с растущим раздражением, в ужасе от атмосферы охоты на ведьм, царящей в США в эпоху маккартизма («Выслеживая коммунистов, они топчут демократию»), не вызывает с возрастом у него оптимизма и то, что происходит на мировой арене: «Газеты. Старею? Становлюсь разумнее. Нетерпеливее? Подчас все это просто невыносимо. У разумного — перспективы нет. Торжествует не только глупость — победу празднуют реакция, эгоизм и примитивизм худшего пошиба, и повсюду под Disguise (маской. — *В. Ш.*) прогресса, гуманизма, борьбы за правду».

В начале года у него новый, тяжелый, неделями мучающий его приступ болезни Меньера. Тем не менее он полон в эти месяцы новых планов: намеревается писать пьесы, романы, камерную музыку, оперы, тексты к мюзиклам, и «разменяв восьмой десяток, — большие романы; лирику». Как бы он ни сетовал на недостаток таланта, жадность и робость издателей, высокие налоги, твердолобость большой политики, себялюбие людей близкого круга, в свои теперь уже пятьдесят пять лет он вернулся к серьезной писательской жизни. В дневнике, отражающем его настроения и душевное состояние, женщины и алкоголь не играют больше никакой роли. Теперь записи делаются рукой художника, упорно ищущего новый материал и новых героев. «Желание писать по-другому. Разделить себя: драматическим наполнить пьесы, романам придавать эпическое. Равняться на стиль Торнтон Уайлдера — плотнее, больше описаний, меньше эпизодов в пользу размышлений, — автору присутствовать, а не уходить в кусты, как это было до сих пор; непригодное для этого выплескивать в пьесах. То, что в романе (у меня) действует как сенсация, обретает на сцене силу. Экспериментировать».

В мае 1953-го он начинает работу над пьесой, которая останется единственной в его творчестве — под заголовком «Последняя остановка», извлекает из письменного стола текст «Возвращения Еноха Дж. Джонса» и делает набросок к «La Vassagole», которая должна стать комедией с Венецией в качестве места действия. Однако мечте утвердить себя в литературном мире еще и в ранге драматурга сбыться не суждено. «Последняя остановка» будет поставлена в 1956 году в Берлине с большим успехом, но известных сцен она не завоюет и канет практически в неизвестность.

В июле 1953 года Ремарк и Полетт Годдар вновь пересекают океан, сходят с лайнера на сушу в Роттердаме, затем едут в Бад-Ротенфельде к его отцу. Он увидит своего родителя в последний раз. Короткая прогулка по Оснабрюку, после чего он снова занят правкой текста в Порто-Ронко. Полетт покупает себе там роскошный «ягуар» и ставит его в гараж на набережной.

В декабре скорострительно умирает Вальтер Файльхенфельдт. Хотя в дневнике Ремарк зачастую отзывался о давнишнем друге нервно и несправедливо, — что вообще характерно для него сразу же после встреч с теми или иными людьми, — эту потерю он переживает очень тяжело. И проявляет в последующем трогательную заботу о вдове и детях.

Он вновь раздражен поведением издательства «Деш», которое без его согласия выпустило в свет укороченный вариант «Триумфальной арки», после чего отношения с господами из Мюнхена Ремарком прекращены. Но есть и нечто приятное: в начале декабря приходит уверенность, что новый роман в шлифовке больше не нуждается. «Настроение хорошее, — записывает он в конце года. — Работа. Желание немедленно взяться за новые вещи».

1954 год начинается с хорошей вести: «Кольерс» готов напечатать отрывки из романа «Время жить и время умирать», выплатив автору 30 тысяч долларов в качестве гонорара. Намучившись с правкой, Ремарк отдыхает некоторое время вместе с Полетт в Санкт-Морице и, прочитав новеллу «Смерть в Венеции», пишет о творении мало симпатичного ему коллеги: «Все-таки очень многословно и не шедевр классического искусства, каковым его многие считают». В апреле «Время жить и время умирать» выходит в английском переводе («A Time to Love and a Time to Die»), а в сентябре и в оригинале.

«Время жить и время умирать»

Ремарк начал писать роман за десять лет до этого, то есть еще во время Второй мировой войны. Это значит, что тема занимала его уже в те годы, когда все четче вырисовывались контуры холодной войны. Затем рукопись легла в стол, уступив первенство «Искре жизни». В 1951-м он занялся ее доводкой и завершил эту работу в конце 1953-го. Окончательный вариант романа родился, когда человечеству угрожало новое военное столкновение мирового масштаба. В 1951—1953 годах шла война в Корее, а в 1952-м США испытали первую водородную бомбу. В том же году правительство Аденауэра и западные союзники отклонили предложение Сталина провести общегерманские выборы, исключив возможность дальнейших переговоров на эту тему. В отношениях между супердержавами царил ледяной холод, атомная война грозила уничтожить на нашей планете все живое.

Роман «На Западном фронте без перемен» Ремарк писал, когда все признаки упадка веймарской демократии уже были налицо, а германские националисты требовали пересмотра Версальского мирного договора. Так что роман этот был не о мировой войне, а о ее последствиях для немцев. Не о мировой войне, второй по счету, говорилось и в романе «Время жить и время умирать». Как и два с половиной десятилетия назад, автор обратился к времени прошлому, чтобы сорвать маску с времени настоящего. Наступать на одни и те же исторические грабли опасно — вот к какому выводу подводит он читателя своим очередным романом.

Ремарк рассказывает о людях, сражающихся на русском фронте, и о людях, обитающих в разрушенных бомбами немецких городах, рассказывает о жертвах и палачах конкретного исторического процесса. В то время как в ФРГ нацистское прошлое сдается в архив, а консерваторы говорят о «преступниках-одиночках», безупречном поведении вермахта и о его верности добрым старым традициям, Ремарк выступает своим романом против этих реставрационных тенденций. Через сорок с половиной лет в воссоединенной Германии разгорятся жаркие споры о преступлениях, совершенных вермахтом в Польше и России на оккупированных территориях. Ремарк рассказал о них, так долго скрываемых и отрицаемых, уже в начале 1950-х годов. Вопрос о вине за эти преступления он делает в своем новом романе центральным. И ставит он его в тот момент, когда куются

планы по созданию новой германской армии, а СМИ стараются перещеголять друг друга, рисуя перед зрителем и слушателем образ нового врага.

Действие романа развивается в трех плоскостях: фронт — родина — фронт. Поражение немецкой армии в России не предотвратить. Битва за Сталинград проиграна. Дивизии вермахта уже давно движутся в обратном направлении — на запад. Роте, в которой служит Эрнст Гребер, главный герой романа, поручено расстрелять горстку партизан. «Каждый знал, что четверо русских могут быть партизанами, а могут и не быть, и что у них нет ни малейшего шанса на оправдание, хотя их допросили по всей форме и вынесли приговор. Да и что тут можно было доказать? При них якобы нашли оружие. Теперь их должны были расстрелять с соблюдением всех формальностей, в присутствии офицера»⁸⁴. В начале тут не было слова. Тут сразу же было преступление.

Гребер и его товарищи не отказываются выполнить приказ и становятся соучастниками преступления. Не такими, как эсэсовец и садист Штейнбреннер, который получает от участия в расстреле удовольствие, но и они убивают старика, двух молодых мужчин и женщину, «сильную, здоровую, созданную, чтобы рожать детей», без всякого сожаления. «Мы тогда внушали себе, что не хотим бросать отечество в трудную минуту, когда оно ведет войну, — говорит Людвиг Фрезенбург, друг Гребера, единственный человек, которому он вполне доверял, — а что это за война, кто в ней виноват и кто ее затеял — все это будто бы неважно. Пустая отговорка, как и прежде, когда мы уверовали, что поддерживаем их только ради того, чтобы не допустить худшего. Тоже отговорка. Для самоутешения. Пустая отговорка!»

Прибыв отпусником в родной город, находясь в гостях у бывшего одноклассника и услышав там рассказ о зверствах, что творились эсэсовцами в России («живые огнеметы»), Греберу захотелось встать и уйти, но «усилием воли он заставлял себя сидеть. И не только он, так же поступали сотни тысяч других, надеясь этим успокоить свою совесть. Он больше не хотел отводить глаза. Не хотел увиливать».

Посыл Ремарка читателям не только в ФРГ, но и в Америке двойного рода: книга его о виновности немцев, о преступлениях, совершенных их страной в период с 1933 по

⁸⁴ Цитаты из романа «Время жить и время умирать» приводятся в переводе Инны Каринцевой и Веры Станевич.

1945 год. Одновременно он призывает тех и других не отводить глаз и не молчать на фоне той угрозы, которую таит в себе политика сверхдержав, бряцающих с начала 1950-х годов атомным оружием. Фрезенбург скажет в конце романа: «Лучше постарайтесь, чтобы подобное никогда больше не повторилось. Ради этого я мог бы, пожалуй, снова взять в руки винтовку».

Сегодня трудно представить себе, в какую истерию впадали западные политики, внушая населению своих стран страх перед коммунизмом. В Соединенных Штатах судьба людей решалась маккартистскими комитетами «по расследованию антиамериканской деятельности», в Федеративной республике советскую империю ставили вровень с Третьим рейхом. Аденауэр и его паладины разъезжали по стране с проповедями, убеждая избирателей, что «лучше принять смертные муки, чем быть красным». Аппаратом федерального канцлера руководил статс-секретарь Ганс Глобке, комментатор пресловутых расовых законов. В судебных мантиях сидели люди, выносившие смертные приговоры уже в гитлеровские годы. В мае 1951 года бундестагом был принят закон, позволявший чиновникам с нацистским прошлым ставить себя на службу новому государству. Либеральные демократы потребовали, чтобы бывшие гестаповские чины получили право на пенсию. Не был отменен ни один из приговоров, вынесенных участникам Сопротивления, дезертирам из рядов вермахта, волонтерам, опекавшим тех, кто так или иначе подвергался преследованиям со стороны нацистского режима.

Книга Ремарка представляет собой диаметрально противоположность немецкой «неспособности скорбеть» (Александр и Маргарет Митчерлих). Ее автор не ограничивается описанием преступлений, совершаемых на фронте. Со страниц центральной части романа он обращается к своим соотечественникам с призывом к осознанию той цены, которую придется заплатить им, если они вновь не преодолеют в себе равнодушия и оппортунизма. Верден — за которым снова видится Оснабрюк — тоже давно стал прифронтовым городом. «Город уже ничем не напоминал той родины, к которой так рвался Гребер; скорее это было какое-то место в России». Раз за разом в ночном небе над городом появляются бомбардировщики союзников, воздух сотрясают мощные взрывы, и дома превращаются в груды развалин, погребая под собой женщин, детей, стариков. Очевидным становится тотальный характер Второй миро-

вой войны. Родной город Пауля Боймера со следами страха, смятения и голода на лицах его жителей, но лежащий вдали от полей сражений, больше не существует. Война Гитлера — это война на уничтожение, и ее жертвами становятся в конечном итоге и те люди, которые с ликованием приветствовали «фюрера», служили ему или молчаливо взирали на его преступления. Ремарк вопрошает с ясно различимой тревогой в голосе: какая судьба ожидает человечество, если безудержное накопление ядерных боеголовок приведет к третьей мировой войне?

Думать Эрнст Гребер начал, слыша грохот артиллерийских залпов, зная, что его полк раз за разом отходит на новые позиции. Участие в расстреле партизан добавило пищи для размышлений, а находясь отпусником в родном городе, он видит, как война бьет по тем, кто спланировал и развязал ее. Жизнь гражданского населения описана Ремарком с поразительной убедительностью. «Здесь, в тылу, война совсем иная, — подумал он. — На фронте каждому приходится бояться только за себя; если у кого брат в этой же роте, так и то уж много. А здесь у каждого семья, и стреляют, значит, не только в него: стреляют в одного, а отзывается у всех. Это двойная, тройная и даже десятикратная война». Вывод столь же прост, сколь и бесспорен: «Никогда ничего не поймешь, пока тебя самого по башке не стукнет». Гребер понимает, что его соотечественники все чаще оказываются в ситуации морального выбора: «Я знаю, что война проиграна и что мы все еще сражаемся только ради того, чтобы правительство, нацисты и те, кто всему виной, еще какое-то время продержались у власти и совершили еще большие преступления!» В разговоре с Польманом, своим бывшим, уволенным со службы учителем, Гребер задает главный, по мнению автора, вопрос: «Я хочу знать, в какой степени на мне лежит вина за преступления последних десяти лет... И еще мне хотелось бы знать, что я должен делать».

Ответ на свой вопрос Эрнст Гребер находит в любви к Элизабет Крузе — любви, у которой в хаосе жизни с пронзительным воем сирен и оглушительными разрывами бомб не может быть будущего. Ну а судьбоносное решение он принимает, вернувшись на фронт: отпуская переданных ему под охрану партизан, он убивает эсэсовца Штейнбренера, когда тот пытается помешать ему совершить благородный поступок. «“Убийцы”, — повторил он, имея в виду Штейнбренера и себя самого и всех тех, кому не было чис-

ла». Это не акт политически осознанного сопротивления: видя, что война носит со стороны немцев преступный характер, он не делает из этого вывода и не присоединяется к партизанам. Жизнь Эрнста Гребера обрывает пуля, посланная в него одним из отпущенных им на свободу русских, и это следствие его личного морального выбора.

И еще в одном пункте Ремарк противоречит духу ранних 1950-х годов. В то время как на деятельность КПГ в Федеративной республике накладывается запрет, читатель встречает в его романе солдата Иммермана, гуманного и весьма симпатичного коммуниста. К тому же Советский Союз не подвергается анафеме, наоборот, его военным действиям противопоставляются действия немцев. «Видишь, что мы там вытворяем? Представь себе, что русские то же самое устроят у нас, — что тогда останется?» Эта позиция рассказчика заслуживает особого внимания, поскольку Ремарк не приемлет ни марксистской идеологии («Этот чертов коммунист думает, что все люди равны. Больше нелепицы и придумать невозможно!»), ни сталинистской реальности в Восточной Европе.

Роман «Время жить и время умирать» получился мрачным. И если книга «Искра жизни» рассказывает о жертвах, то «русский» роман, став ее зеркальным отражением, знакомит нас с миром преступников. Их деяния описываются строго, без обиняков, и в солдатском языке здесь почти нет откровенной развязности и бесшабашности. Если же она и появляется в некоторых — редких — сценах, то производит тогда впечатление чужеродной и надуманной. И если первый антивоенный роман не лишен проблесков света, то тотальный характер Второй мировой и усилившийся пессимизм Ремарка больше не допускают их наличия.

О том, с какой силой Ремарк затронул своей книгой главный нерв молодой ФРГ, свидетельствует история ее публикации. В немецкоязычном издании 1954 года легко обнаруживались серьезные пропуски и изменения — в переводах их не было. Решившись издать «Искру жизни», Кипенхойер и Витч проявили мужество и доказали, что обладают издательским чутьем. В случае с романом «Время жить и время умирать» они успешно старались идти навстречу общему политическому настроению в Западной Германии. Витч действовал, сочетая оппортунизм с издательской заинтересованностью в прибылях.

«Хочу сказать Вам, не таясь, — пишет он автору, — что в издательстве были люди, считавшие неприемлемыми це-

лые пассажи романа, а также полагавшие, что Ваша новая книга не уступает по жестокости “Искре жизни”... Однако мы все сходились на том, что из романа должны быть удалены неправдоподобные или в описываемый Вами момент войны маловероятные поступки, высказывания и детали экипировки отдельных героев, — по меньшей мере в немецком издании, ведь у людей здесь все эти вещи еще свежи в памяти, а неправдоподобия замечаются даже в мельчайших деталях. Такими мелочами мы подбрасываем критикам, прежде всего злонамеренным, выступления которых после “Искры жизни” вполне ожидаемы, отличную приманку. Начало и конец романа — это, с немецкой, но не с сокрытой нацистской точки зрения, те его части, которые представляют собой наибольшую угрозу его распространению. Фигура Штейнбрэннера — так, как она обрисована в романе — не вписывается в тогдашнюю ситуацию». Обеспокоенный издатель ссылается в этой связи на собственный солдатский опыт. «Расовый вопрос не обсуждался и в вермахте». Солдат Витч, по-видимому, спал, когда перед строем его части зачитывались приказы, которыми гитлеровские генералы указывали своим подчиненным направление мысли и действия: «Еврейско-большевистская система должна быть уничтожена раз и навсегда».

Немного ниже Витч выпускает кота из мешка: «Еще одно возражение касается фигуры коммуниста Иммермана, который ведь, взятый в целом, является единственным, кто с самого начала ясно видит сложившуюся ситуацию... К тому же эти фигуры могут легко восприниматься в публикуемом сегодня романе как оправдание оккупационной политики 1945—1949 годов, при которой каждый коммунист слыл лицом, заслуживающим доверия, и которая пыталась выстроить демократические институты с помощью коммунистов... После всего, что Германия испытала, имея дело с коммунистами, политика которых является прямым продолжением националистического терроризма, едва ли кто-нибудь захочет и слышать что-то вроде поучения от коммуниста, кем бы он ни был, и принять его как поборника человечности».

Аргументация Витча в письме автору исключительно политическая. Будучи издателем, он покинул ГДР, в коммунистической Германии жилось ему несладко, и посему его личное отношение к роману можно, пожалуй, как-то понять. Но в остальном он, конечно же, голос идущей в Европе холодной войны. Однозначным доказательством тому

стала правка, предпринятая редактором в опубликованном тексте. «Коммунист» Иммерман превращается в «социал-демократа». Фраза, в которой Гребер называет себя и своих товарищей «убийцами», вычеркивается. Убийство Штейнбрэннера дополняется понятием «самозащита», а к заключительной сцене, в которой один из освобожденных русских стреляет в Гребера, добавляется фраза: «“Значит, это все-таки партизаны”, — подумал Гребер». Эти примеры показывают, что издательство вычеркивает или изменяет ключевые тезисы автора, стремясь таким образом решительно ослабить интенцию романа.

«Я был бы Вам благодарен, дорогой г-н Ремарк, если бы Вы ознакомились с нашими аргументами и правкой, так сказать *sine ira et studio*⁸⁵, — пишет Витч автору, — и если бы Вы вернули нам рукопись как можно скорее в желаемом Вами виде». Ремарк молчит. Никаких свидетельств личного ответа издательству нет, на этой стадии переговоров за автора пишет его секретарша, и она ни словом не реагирует на предлагаемую издательством правку. Никакой реакции не следует и на рукопись, готовую к печати, и в письме Витча уже звучит легкая угроза: «Пользуясь случаем, хотел бы также узнать, считаете ли Вы наши сокращения обоснованными или нет. Вы приняли их с таким отсутствием комментариев, что я чуть ли не со страхом думаю, уж не приняли ли Вы их нехотя».

Почему автор допускал такое вмешательство в свой текст? Ясного ответа на этот вопрос нет. Во время переписки с издательством он попал в автокатастрофу. Может быть, это притупило его внимание к собственному детищу. Меж тем время торопит издателей: сроки публикации романа в Германии вытекают из договоров о правах, проданных за рубеж. Как бы там ни было, а в дневнике он реагирует на предложения издателей со смесью презрения и отчаяния. Выслушав неумного Витча по телефону, он записывает: «Германские издатели пуше всего боятся чувствительности своих соотечественников. Этому народу лишь бы все время оправдываться». 27 марта: «Сообщение Кипенхойера о предложенной правке...; хотят превозносить вермахт; превратить (яснее видящего) коммуниста в социал-демократа; хотели бы изъять три последние главы и что-то. Тон наставника и еще кого-то: Вы ведь на войне не были; все же было иначе (и не так скверно)».

⁸⁵ Без гнева и пристрастия (*лат.*).

Однако вот запись от 16 апреля: «С молчаливым Disgust (отвращением. — *В. Ш.*) отредактировал немецкий текст для Кипенхойера». Может быть, эти слова и есть ключ к пониманию его поведения. Ремарк возмущен царящей в стране обстановкой, ведь она находит отражение и в письмах Витча. «Прочитал в “Тайм” от 12 апреля, — продолжает он вышеприведенную запись, — что судья Фриц Эйкхофф оправдал в Дортмунде 20 нацистских полицейских, которые обвинялись в том, что, колеся по варшавскому гетто, за один день застрелили 110 евреев, услышав от своего командира, что расходы на газ не оправдаются, если они не укошат хотя бы одного. Судья и шесть присяжных заявили, что подсудимые действовали по приказу и не понимали, вследствие недостатков в воспитании по части знания законодательства, “that they committed a misdeed”⁸⁶. Позывы к рвоте. Зато бодрый вид у прокуроров; они обвиняют, запрещают и т. п. Издательство, которое выпустило книгу с весьма ироничным взглядом на жизнь в боннской республике, вынуждено было заверить, что книга предназначена лишь для чтения в узком кругу, на другие языки не переводится и за рубежом не продается». Вольфганг Кёппен написал в начале 1950-х годов три блестящих романа о тогдашнем западногерманском обществе. Называя писателя и его книгу, Ремарк скорее всего имел в виду опубликованную в 1953 году «Теплицу».

Взаимосвязь обеих книг очевидна. Ремарку противно то, что происходит в Германии, и он избегает столкновения с Кипенхойером и немецкой общественностью. Он останется верен себе, отступает в сторону там, где другие сражались бы, машет на все усталой рукой. Можно было бы назвать это ошибкой, но именно такой всегда была его установка: лучше молчать, чем идти на баррикады. И потому первоначальный вариант романа «Время жить и время умирать» немецкий читатель увидит на книжных прилавках лишь в 1989 году. Реконструкция текста давалась с трудом, оригинал рукописи пропал бесследно. Сотрудники ремарковского архива готовили новое издание, опираясь на американский перевод, сделанный Денвером Линдли.

Совершенное в 1954 году вмешательство в текст не осталось незамеченным. Сообщения о различиях между немецким и переводными изданиями пришли сначала из Дании и Норвегии. Упреки были подхвачены немецкими газетами

⁸⁶ Что они совершали преступления (*англ.*).

и журналами. «Шпигель» ограничился беззубой констатацией: «При всей жесткости во многих местах немецкое издание ощутимо мягче иноязычных переводов». Не ясно, «была ли редакционная правка предпринята, чтобы пощадить читателя или автора...». В остальном сам издатель отвергал здесь, не жалеючи слов, все попытки обвинить его в употреблении цензуры. Более резким и требовательным был в своем суждении немецкоязычный писатель и публицист Ф.К. Вайскопф: «Если все обстоит именно так, то Эрих Мария Ремарк должен, конечно же, прервать молчание, столь стыдливо хранимое им до сих пор в этом деле. Отмалчиваться и дальше значит признать свою вину».

И как всегда, когда появляется новый роман Ремарка, раздается разно- и противоречивое, выходящее за пределы литературы эхо. В целом же рецензии гораздо позитивнее, чем ожидали владельцы издательства. Купированные места почему-то не волнуют критиков. Называя «литературные достоинства Ремарка... бесспорными», «Франкфуртер альгемайне» одновременно опускается до «сам-то он в войне не участвовал!». В чем, как мы знаем, упрекали и Фридриха Шиллера, о присутствии которого в лагере Валленштейна истории ничего не известно. По мнению «Вельт», это «меланхоличная, но исполненная драматизма книга», которая может стать в творчестве Ремарка даже «самой успешной». Автор не обнажает «реальных корней этого варварства и не открывает ни перед отдельным человеком, ни перед обществом в целом каких-либо перспектив», — сетует «Нойес Дойчланд», и тем не менее «этот роман дает нам больше, чем основная масса книг, приходящих сюда из Западной Германии». Обозреватель «Штутгартер цайтунг» романа не приемлет: «Пережитое на войне описано со второй руки... Все как-то косо и коряво». «Цайт» называет Ремарка представителем «заурядной литературы» и полагает, что новый его роман написан «без достаточной нравственной легитимации».

На шум, поднявшийся после публикации романа, живущий в это время в Порто-Ронко автор реагирует стоическим молчанием и привычными для него сомнениями: «Книга вышла 20-го. Отзывы довольно резкие. Самые плохие — в “Тайме”, где разгромили и “Искру жизни”. Может, и поделом. Так долго возился, сокращал, пытался как-то оживить и т. д.». Ремарк несправедлив к собственному творению. Среди произведений немецкой литературы, действие которых происходит в годы Второй мировой

войны, выделяются повести Генриха Бёлля и Альфреда Андерша, главы «Жестяного барабана» Гюнтера Грасса, «Урок немецкого» и «Краеведческий музей» Зигфрида Ленца. «Время жить и время умирать» можно смело поставить в этот ряд.

Роман экранизируется через три года после его публикации. Фильм под названием «Время любить и время умирать» ставит Дуглас Сирк, в главных ролях снимаются Джон Гэвин и Лизелотта Пульвер. Ремарк активно участвует в работах компании «Юниверсал Интернейшнл». Соглашается сыграть роль учителя Польмана (с чем, заметим заранее, справится замечательно) и берется писать сценарий. Только вот в этом деле успех ему не сопутствует. Орин Дженнингс полностью переписывает его наброски. Ремарк недоволен: «Мое мнение: сценарий, над которым я работал, так сильно изменен, вернее, переписан полностью, вплоть до деталей, что я не могу, да и не хочу, потребовать credits⁸⁷. Более того, я бы предпочел заявить, что не являюсь автором, а поскольку между тем широко распространилась весть, что я им будто бы являюсь, то мне хотелось бы найти способ расставить все точки над *i*». Съёмки велись в Германии, руины в Берлине воспроизводили вид разрушенного Вердена. Хороший получился фильм. В Соединенных Штатах (и не только там) он становится кассовым, в 1958 году — официальным вкладом США в программу Берлинского кинофестиваля и награждается там «дружескими аплодисментами».

В архиве Ремарка нашелся текст об этом фильме, опубликованный в одной из английских или американских газет. Фактически это небольшое эссе, написанное в 1958 году, известное нам под заголовком «Глаза-соблазнитель» и выражающее в какой-то степени точку зрения Ремарка на экранизацию его романов. «Если теперь я думаю о героях книги, — пишет Ремарк, оглядываясь на фильм «На Западном фронте без перемен», — то сначала передо мной всплывают лица актеров, игравших в фильме, и, только покопавшись в памяти, я вижу людей того времени, какими они были в действительности. Фильм живет. Глаза — сильные соблазнитель». Еще важнее, пожалуй, те пассажи в этом эссе, которые, касаясь киноверсии его последней книги, могут быть отнесены и к роману: «Разница между фильмом “На Западном фронте без перемен” и новым фильмом

⁸⁷ Здесь: аванса (англ.).

заключается главным образом в том, что в первом мы видим потрясающие сцены сражений, а в другом их нет. Во «Время жить и время умирать» нет ни одного вражеского солдата, зато разрушенного гораздо больше, чем в картине о Первой мировой. Враг невидим. Смерть так и сыплется с неба. Прошло время войны с линиями фронтов — фронты теперь повсюду. Прошло время солдатских войн — тотальная война целится в каждого из нас. Когда-нибудь в будущем какие-нибудь люди в каком-нибудь месте нажмут на какие-нибудь кнопки, и миллионы людей умрут страшной смертью». И книга, и фильм — это отклик на те события в мире, которые поставили его на грань ядерной войны.

О том, как роман воспринят американской критикой, Ремарк узнает в Порто-Ронко. Он приехал сюда подышать воздухом весны и поработать над новым романом. Под названием «Черный обелиск». Приходит из Америки и весть об аресте Роберта Оппенгеймера. Еще в 1943 году знаменитый физик возглавил группу ученых в Лос-Аламосе, работы которых привели к созданию и применению первой атомной бомбы. Идут годы, и в начале 1950-х Оппенгеймер отказывается участвовать в разработке уже «водородного» проекта. По соображениям морального порядка. На муки совести «ястребы» в Конгрессе отвечают обвинением в «непопулярном поведении». Ремарк взволнован и встревожен сообщениями из Штатов, ибо тема, которая вдруг вызвала там бурную дискуссию, это и его тема. «Ситуация прямо как в балладе об ученике чародея. Превосходный материал для драмы!» Не он, а Хайнер Киппхардт напишет ее в начале 1960-х.

9 июня 1954 года умер отец Ремарка. «Опечален. Почему не поехал раньше. По крайней мере, написал, что приеду. И у него все-таки было предвкушение радости от встречи. Странно: как будто части меня не стало». Он едет в Бад-Ротенфельде, принимает участие в похоронах, заказывает панихиды по умершему — отец был человеком верующим. Заезжает на несколько часов в Оснабрюк — последний раз в своей жизни. Никаких эмоций: «Прошелся по городу. Опять была луна. Заглянул на Хакенштрассе и Зюстерштрассе. На чем-то поставил точку. Навсегда». Через Париж и Милан он возвращается на Лаго-Маджоре.

Писатель Фридрих Торберг, с которым Ремарк связывает давняя дружба, предлагает в начале июня написать текст к фильму о последних днях Гитлера. Ремарк соглашается, едет в Мюнхен, встречается там с режиссером Георгом

Вильгельмом Пабстом, обговаривает с ним детали. Один из вечеров проводит с четой Ингрид Бергман и Роберто Росселлини («Не подходят они друг другу»), слушает прекрасную музыку на фестивале в Зальцбурге, в восторге от «Дон Жуана» и посвящает несколько дней отдыху в Санкт-Морице. Затем принимается писать текст к фильму.

Действие базируется на репортаже «Последний акт», написанном в 1950 году на основе обширного документального материала американским судьей Майклом Мусманно. Он председательствовал на процессе по делу эсэсовцев-членов «зондеркомманд», проходившем в Нюрнберге с сентября 1947-го по апрель 1948 года и закончившемся вынесением нескольких смертных приговоров. А прославился этот американец еще в конце 1920-х годов — своими пламенными речами в защиту Сакко и Ванцетти, двух рабочих-анархистов, приговоренных безжалостной американской Фемидой к смертной казни на электрическом стуле. Мусманно видел фильм «Процесс» австрийского режиссера Георга Вильгельма Пабста, он в восторге от того, как рассказана им история о еврейском ритуальном убийстве, которого на самом деле не было, и предлагает ему снять фильм на основе своего репортажа. В слегка наивном воображении Пабста возникают картины Древнего Рима в те дни, когда там под пером гениального Шекспира гибнет Юлий Цезарь, а в лице Карла Соколлы, работающего на студии «Космополь» в Вене, он находит продюсера, которому тоже нравится исполненная драматизма историческая параллель. набросок сценария делает австрийский писатель Фриц Хабек, а вскоре и Ремарк соглашается принять участие в создании фильма: с таким предложением к нему подступили Пабст и Соколл, тоже находящиеся под сильным впечатлением от «Искры жизни».

Фильм получился интересным, притом что в официальной оценке ему было отказано, — витиеватыми словами, за которыми слишком явно торчали уши политической мотивировки. Кавалера Рыцарского креста капитана Вюста сыграл Оскар Вернер, в Гитлера перевоплотился Альбин Шкода. За тем, как в бункере «фюрера» завершается существование Третьего рейха, мы следим глазами двух офицеров, не причастных к «великим решениям», и мальчика из гитлерюгенда. Пабсту удалось мастерски передать царившую там атмосферу, до предела насыщенную паникой и ощущением неотвратимого краха. Предчувствуя неизбежный конец, диктатор приказывает отправить в бездну —

вслед за ним — и его собственный народ, в ослеплении от нибелунгской верности генералы не перестают совершать преступления, хотя Красная армия уже стоит пред воротами бункера. Ремарк, режиссер, актеры и вся съемочная группа наполнили действие финала таким адским ужасом, что многие зрители и рецензенты пребывают в неверии: неужели немецкая действительность выглядела именно так? Но вот точно так и уходит в тартарары человек, вовлекший Европу в долговременную войну на уничтожение.

Премьера «Последнего акта» состоялась в 1955 году. Сегодня трудно представить себе, что значило в то время снять фильм, в котором Гитлер являлся во плоти и критически освещалась роль вермахта. В октябре 1954 года ФРГ подписала Парижские соглашения, заявив таким образом о своем намерении присоединиться к НАТО. «Ведомство Бланка» вело интенсивную подготовку к созданию новой немецкой армии, в парламенте и на партийных съездах все громче звучало требование реабилитировать нацистских генералов, получивших после войны реальные тюремные сроки. Настроение в стране было довольно однозначным: забыть, вытеснить из сознания, немцы и их генералы не несут ответственности за преступления, совершенные в концлагерях и на фронте. Ошибались разве что Гитлер и некоторые из его ближайших сотрудников, шли ложными путями, и, конечно, так нельзя было обращаться с евреями. Фильм «Последний акт» находился таким образом в том же злободневном контексте, что и роман «Время жить и время умирать».

Георг Вильгельм Пабст хотя и снял в Третьем рейхе один «прорежимный» фильм, но сохранил имя режиссера, создавшего в 1920-е годы фильмы социально-критической и пацифистской направленности («Западный фронт, 1918» и др.). Карл Соколл, участник сопротивления нацистскому режиму, майор австрийской армии, передал советскому командованию план обороны Вены, чтобы спасти город от разрушения. Ремарку с его романами и публичными выступлениями об одиозных тенденциях развития общественной жизни в ФРГ и вовсе не приходилось опасаться за свою антинемецкую репутацию. «Злопыхатели» были таким образом налицо, и битва началась еще в преддверии съемочных работ. Заголовок в «Шпигеле» украсил бы любой таблоид: «Не миновать нам и этой напасти — Гитлер умирает за кинокассy». Репортаж о пресс-конференции Ремарка в Вене начинался словами: «Как всегда пресыщенный,

высокомерный, Эрих Мария Ремарк сидел, потягиваясь, в один из дней последней январской недели на одном из изящных стульчиков в венском отеле “Захер” и рассуждал о их новом фильме: “В наше время, когда стать сотрудником министерства иностранных дел можно лишь, если ты был в свое время членом НСДАП, такой фильм необходим вдвойне. Опасность неонацизма — не выдумка глупца. Нам надо показать, что Гитлер сдох, как крыса в подвале”». Рецензент «Франкфуртер альгемайне» писал после премьеры: «Слушая на днях набросок сценария к фильму, я вдруг засомневался в том, что нам решили показать на экране в качестве самого рокового отрезка новейшей германской истории. В разговоре Ремарк освобождался от своих антигерманских аффектов таким образом, что это и смущало и ранило».

Ремарк вновь затронул острую тему, и в Германии закипели страсти. Редакции многих газет и журналов, не исключая «Шпигель» и «Франкфуртер альгемайне», напоминали в том году политическую сцену молодой демократии: немецкие националисты, бывшие офицеры, постаревшие нацистские чины снова заняли свои места.

Автор сценария, впрочем, знал, на что он шел: «Из-за фильма в немецком газетном лесу уже поднялся шум. Как я, завсегдагой голливудских ночных клубов, вместе с предателем Соколлом, посмел... И хотя, кажется, любому преступнику позволительно сотворить с Гитлером всё, что угодно, — ан нет, это все еще самая дорогая народу святыня!..»

Досаду вызывала и затяжка с одобрением сценария. «Фильм: наконец получил обратно сценарий; прочитал; многое изменил... надо что-то делать. Мне это осточертело, — придется опротестовать и поехать в Вену». Он действительно сдал не только подробное описание действия, но и «текст диалогов с режиссерскими указаниями, с разбивкой на эпизоды, с данными о декорациях и т.д.». В конце концов Пабст и Соколл договорились с Ремарком о том, что Фриц Хабек займется переработкой сценария — на основе ремарковского текста.

Ровно через двадцать лет от строк о фильме «Последний акт» в уважаемом кинолексиконе потянет прохладцей: «Рыхлость художественной формы и сочетание подлинных событий, снятых в как бы документальной манере, с элементами весьма невысокого качества, не позволяют провести глубокий критический разбор этого фильма с оценкой его нравственных и политических достоинств».

Наверное, каждый зритель сам решает, в какой степени приемлемо для него (или вовсе неприемлемо) нравственное и политическое содержание любого фильма. Нельзя, однако, не заметить, что из сценария фильма, о котором идет речь, не исчез центральный ремарковский мотив, звучавший уже во «Времени жить и времени умирать». Ибо в фильме рассказывается и история патриотически настроенного — и расстрелянного эсэсовцами — молодого кавалера Рыцарского креста, который — как и Эрнст Гребер в романе — приходит в конце концов к выводу, что война бессмысленна и преступна. Ремарк повторяет свое послание к немцам, предупреждая их об опасностях ремилитаризации.

В своих интервью Соколл не без гордости говорил, что «Последний акт» демонстрируется в 52 странах, став таким образом самым успешным немецким фильмом послевоенного времени. Картиной о последних днях Гитлера в августе 1955 года открывается Эдинбургский кинофестиваль.

В небольшой статье, написанной в 1956 году для лондонской «Дейли экспресс», Ремарк еще раз выскажется о фильме. И в очень острой форме подытожит свое личное отношение к Третьему рейху и трактовке его истории в Федеративной республике: «Так называемая легенда о Гитлере жила в Германии гораздо дольше, нежели посулы нацистов... Фильм “Последний акт” давал возможность окончательно развеять эту легенду. Достаточно было просто использовать документальный материал. Все этой уймы подлости, бесчувствия, жалости к самим себе, глупости, бездарности, пошлейшей сентиментальности, дилетантизма и трусости должно было хватить с лихвой, чтобы миф о фюрере и легенда о расе господ разом лопнули. Это было уничтожение идолов, а не гибель богов».

Сегодня немцы в большинстве своем нацистами не являются, пишет Ремарк, однако десятки и сотни примеров искупления вины перед жертвами, а также реабилитации преступников показывают, что немцы мало чему научились. «Фильм заканчивается призывом: “Будьте бдительны!”... Так нужно ли сохранять бдительность?»

У Ремарка дружеские отношения с заместителем главного обвинителя на Нюрнберском трибунале. Роберт Кемпнер родился во Фрайбурге, в 1933 году с государственной службы уволен, в 1935-м эмигрировал. От него Ремарк получает закрытую информацию о реставрационных процессах в Германии, и сведения эти усиливают его недоверие к тому, что происходило в Бонне и его обширных

окрестностях. «В ужасе от того, что творится в большой политике. — Люди в Америке и Англии негодуют: предоставить Аденауэру и немцам независимость, дать им армию и т.п., не замечать того, что нацисты опять вездесущи, а у самого Аденауэра душа — потемки! Вина: вытеснена из сознания, до сих пор не осмыслена, и потому в Германии нет признаков изменений к лучшему — скорее, нет уж, дудки! И вот уже упреки в адрес каждого, кто не хочет ничего забыть, и потому получает в свои 35—45 лет клеймо ненавистника и т. д. Статс-секретарь при федеральном канцлере комментировал закон, ставивший евреев вне германского общества. Первый начальник гестапо Дильс получает персональную пенсию... Все это якобы не имеет значения. Германию необходимо использовать в борьбе с коммунизмом — капиталисты-то ведь в панике. Тяжесть на сердце». Ремарк продолжает негодовать и возмущаться. И смотреть на страну, в которой родился, с недоверием.

Глава девятая

**«СЕРЬЕЗНОЕ СОПРИКОСНОВЕНИЕ
СО СМЕРТЬЮ»
(1955—1970)**

11 января 1955 года дневниковые записи Ремарка обрываются — без какого-либо комментария. На протяжении почти двадцати лет он вел наблюдение за своей жизнью, описывая ее с редкостным тщанием, ничего не утаивая перед собой, впадая в отчаяние, взирая на себя холодным взглядом, не страшась обвинить себя чуть ли не в смертных грехах. Это были два десятилетия творческого кризиса, пошедшего на убыль лишь после встречи с Полетт Годдар. Последние пятнадцать лет всецело проходят в трудах, хотя с 1963 года на всем укладе жизни писателя сильно сказывается резкое ухудшение его здоровья. За это время он закончит три романа, напишет пьесу и примет участие в создании сценария нескольких фильмов. Для прессы он остается желанным собеседником, в печати раз за разом появляются интервью с ним, но они необычайно бессодержательны, пестрят избитыми клише о его личной жизни и публичных выступлениях. Журналистам Ремарк гораздо интереснее как «бонвиван», то и дело переезжающий с одного берега Атлантики на другой, как любитель коктейлей, коллекционирующий восточные ковры, чем как писатель с его многообразным багажом. Ремарк этому не противится, не прочь разыграть из себя наивного автора бестселлеров, и ответы его столь же безобидны, как и вопросы интервьюеров. Его по-прежнему манят другие города и страны, но предпочтение он отдает теплому итальянскому Югу, часто бывает в Риме, а в 1966 году в последний раз приезжает в Нью-Йорк. Живя в Порто-Ронко, он, как и прежде, любит проводить ночи в баре «Нелли», вечера — в кафе «Вербано» и отпраздновать тот или иной праздник вместе с обитателями селения. Но в гульбе он все чаще знает меру. В Каса Серодине он не преминет полистать фолианты у Лео Кока

и, конечно же, заглянет в антикварную лавку Владимира Розенбаума: до войны тот слыл успешным адвокатом в Цюрихе, а с 1936 года жил в Асконе. Ремарку легко общаться с этими людьми, с ними можно говорить о древних книгах, о прекрасных творениях скульпторов, разбираются они и в «большой» политике.

Биографу приходится лишь сожалеть об отсутствии дневниковых записей. Контуры жизни героя вновь расплываются. Документов тоже мало, многие из них фрагментарны или утеряны. Правда, у последних лет жизни нет той динамики, какой были наполнены годы эмиграции. Болезнь, возраст, Полетт Годдар — Ремарк живет в это время спокойнее. Как художника его занимают темы и идеи, родившиеся в давние годы. И они требуют своего воплощения в новых романах. К их написанию и направлены теперь все его усилия.

В сентябре 1963-го, в Риме, у Ремарка тяжелый сердечный приступ, за ним, через несколько недель, уже в Порто-Ронко, следует инсульт. Как следствие — страхи, предчувствие смерти, угнетенное состояние духа. И тогда, чтобы противостоять этим напастям, он обращается к уже испытанному средству — начинает вести дневник. И ведет его с октября 1964-го по март 1965 года. Но больше уже никогда не возьмется за перо с этой целью. Неврозы и муки совести вновь отступили перед ощущением счастья, которое несет с собой присутствие Полетт. Мудрость почтенного возраста, успех его новых романов, растущее признание со стороны официальной Германии, сознание, что с тобой всегда рядом красивая, жизнерадостная женщина, — вопреки не отступающим недугам в его жизни прибавилось света.

В мире знаменитостей, любящих посудачить и посплетничать, Полетт Годдар представляли расчетливой, жадной до денег и дорогих покупок, мало заботящейся о стареющем муже. Не скупится на соответствующие цитаты и Джулия Гилберт, не без возмущения указывая на частые отлучки Полетт из Порто-Ронко с регулярным, длящимся месяцами пребыванием в Нью-Йорке. Но Годдар ведь действительно была звездой, предпочитая оставаться таковой и в те годы, когда ее карьера клонилась к закату. Не обходилось при этом и без эгоизма, а иному гостю она вполне могла показаться расчетливой. Но Ремарку она виделась другой. Он был в этом браке очень счастлив и до самой своей кончины писал ей письма — трогательные, исполненные любви

и восхищения. Находясь в очередной разлуке с Ремарком, Полетт чуть ли не ежедневно отправляла ему послания, проникнутые глубокой симпатией к человеку, который был для нее собеседником, советчиком, возлюбленным и, пожалуй, даже в какой-то мере отцом. (Отец Полетт покинул семью, когда она была еще ребенком.)

Не приходилось им скучать, и занимаясь своими делами. Для писателя работа приобретала все большее значение, и за перо он брался, если позволяло его здоровье, гораздо чаще и в более собранном состоянии, чем в прежние годы. Актриса по-прежнему снималась в художественных фильмах и играла на сцене, и местом ее профессиональной деятельности были США. Вынужденный отказаться от любых поездок из-за болезни сердца, Ремарк был слишком умен, чтобы попытаться как-то ограничить свободу Полетт. Напротив, он помогал ей находить новые маршруты для путешествий, радовался ее успехам и изливал свою тоску по ней в словообильных письмах.

Полетт Годдар не говорила по-немецки и, будучи американской еврейкой, не очень-то ценила немцев. Скучала, когда «задушевные разговоры» Ремарка с его приятелями — жившими в Асконе Хансом Хабе и Хайнцем Липманом — затягивались до рассвета. Могла сделать колкое замечание, а маленький городок на берегу озера не мог заменить ей ни Нью-Йорка, ни сверкающих витринами улиц Парижа, Рима, Милана. Случались размолвки и ссоры, супруги могли быть несносными в отношениях друг с другом и даже стоять в своем упрямстве до конца. Ремарк был склонен к сарказму, а хорошенько выпив, лишался своего прославленного обаяния.

Письма Ремарка, дневники, которые он вел в первые четыре года совместной жизни с Полетт, а также резкие перемены в образе жизни самого писателя позволяют, однако, сделать, по существу, один-единственный вывод: Полетт Годдар наполняла его более сильным ощущением счастья, нежели те три женщины, которые играли до поры до времени столь большую роль в его жизни. Наверняка объясняется это и его возрастом, и теми прозрениями, к которым он шел тяжким путем размышлений и сомнений, и, в конце концов, пришел к середине прошлого столетия. Начав рассказывать теперь о последнем отрезке жизни Ремарка, о его поздних романах и смерти, нельзя не видеть, что главную роль на этом этапе его земного существования играла Полетт Годдар и что играла она ее хорошо.

После премьерного показа «Последнего акта» в апреле 1955-го Ремарк очень энергично работает над романом «Черный обелиск». Между короткими поездками в Цюрих, Мюнхен, Берлин и ноябрьским визитом в Париж он — за письменным столом в Порто-Ронко. Летом 1956-го закончена пьеса «Последняя остановка». В сентябре он на последних репетициях в берлинском театре «Ренессанс». 20 сентября поднимается занавес, и мир знакомится с Ремарком-драматургом.

Место действия: Берлин, квартира в западной части города. Время действия: 30 апреля и 1 мая 1945 года. В то время как артиллерия Красной армии накрывает огнем последние опорные пункты немцев, узнику концлагеря по имени Росс удается избежать расстрела и найти прибежище у Анны Вальтер, ожидающей в своей комнате конца войны. Беглец только поначалу приводит в смущение миловидную женщину, так что ворвавшиеся сюда эсэсовцы не видят в нем того, кого готовы сразу же вздернуть на фонарном столбе. Спасает Росса и второй разыскиваемый беглец — по имени Кох. Он выпрыгивает из окна этой комнаты, понимая, что на допросе под пытками может сломаться и выдать товарища. После сообщения о самоубийстве Гитлера по радио звучит траурный марш из «Гибели богов». Обершарфюрер Шмидт, шедший по пятам за Россом, появляется на следующий день в комнате Анны в штатском, имея в кармане удостоверение узника концлагеря. Таким образом он надеется спасти себя, когда русские придут и в эту квартиру. На Россе в свою очередь мундир немецкого пехотного офицера, выданный ему еще накануне Анной, так что с появлением группы русских солдат возникает гротескная ситуация: узник концлагеря Росс выглядит в глазах победителей нацистским преступником, а эсэсовец Шмидт — жертвой палаческого режима.

Действие драмы развивается стремительно, диалоги лаконичны, полны ярких контрастов, местами подобны поединку. Мрачен фон последних дней Третьего рейха, светла человечность Анны и Росса, второстепенные фигуры олицетворяют типичного немца нацистского времени. Настроен ли он в середине 1950-х на то, чтобы окончательно разобратся в недавнем прошлом своей страны? Доходят ли до его слуха предостережения о пагубности желания предать это прошлое забвению? И где пролегает та граница, что отделяет готовность приспособиться и даже предать соседа от готовности пожертвовать собой в борьбе против коварства,

жестокости, тирании? Таковы кардинальные вопросы, которые Ремарк ставит перед своими соотечественниками.

Сосед по квартире Вильке доверял Анне, Анна доверяла своему мужу, а тот, спасая свою шкуру, рассказал в гестапо все, что знал об антифашисте Вильке. Анна и понятия не имела обо всем этом, потом узнала, старалась забыть, «и вот приходят такие как ты, говорит Анна Россу, — мученики, борцы за правду, расспрашивают, — и вновь растрavляют все!»⁸⁸. О ближайшем будущем, ожидающем страну, эсэсовец Шмидт высказывается у Ремарка с предельным цинизмом: «...не я один дал тягу. Несколько тысяч фанатиков-фашистов ушли на этой неделе в подполье. Через три дня официально не останется ни одного нациста. Кто во всем этом участвовал, тот лишь старался предотвратить худшее. Всех нас не расстрелять..., а найти будет трудно, об этом позаботились. Мы вернемся!» И потому у пьесы всего лишь мнимый хеппи-энд: «Мы не должны это забыть... По улице стелется дым. Сейчас — это смерть и пожарища..., но через несколько часов он снова станет ветром, напоенным запахами земли и растений. Так поверим в жизнь». По ходу действия в соседней комнате рождается ребенок, и оттуда слышится пение счастливой матери. «Поет для новорожденного, а там, внизу, плачут по умершим. Но ведь так оно, наверное, было всегда, не правда ли?»

Публика благодарит раскланивающихся перед ней автора и актеров горячими аплодисментами. Курт Майзель и Хайдемари Хатейер играют главные роли. Несомненный успех, но не прорыв. Рецензенты с похвалой отзываются о взрывной силе пьесы, отмечая, однако, что «действует она порой оглушительно». В театре «Ренессанс» пьесу дают еще тридцать раз, играют в Гисене, Восточном Берлине и Вене, показывают в берлинской постановке по телевидению, затем она надолго исчезает из репертуара немецких театров. В 1995 году ее поставят в Шлезвиге и Дюссельдорфе. Ремарк и Полетт Годдар надеются, что пьесой заинтересуется одна из американских театральных трупп, говорят даже о Бродвее — некоторые газеты спешат сообщить чуть ли не о премьере, — но сбыться этим планам не суждено. Лишь через долгие пятнадцать лет пьеса придет в США — в обработке, предпринятой Питером Стоуном. «Последняя остановка» очень популярна в Восточной Европе. В Москве

⁸⁸ Цитаты из «Последней остановки» приводятся в переводе Б. Кремнева и Н. Сереброва.

пьеса не сходит со сцены тринадцать лет. Долго играют ее также в Чехословакии и Польше. О том, сколь дорога она была сердцу автора, свидетельствуют его попытки редактировать ее вновь и вновь.

За десять лет до премьерного показа «Последней остановки» в Цюрихе поставлен спектакль по пьесе, действие которой происходит в Третьем рейхе и герои которой — немцы — пытаются вспомнить и осознать, как они жили и вели себя в условиях диктаторского режима. «Генерал дьявола» Карла Цукмайера считается одной из самых успешных театральных постановок 1950-х годов и играется до сих пор. В основу пьесы драматург положил историю жизни Эрнста Удета, второго по результативности летчика Первой мировой войны, получившего у Гитлера звание генерал-полковника. Немцы с радостью отождествляют себя с цукмайеровским генералом Харрасом, который хотя и служит нацистам долго и на высоком посту, но затем, когда вера в победу слабеет, дает им достаточно ясно понять, как, в сущности, презирает все то, что творит национал-социализм. «Кто стал в этом мире генералом дьявола и расчистил тому дорогу к власти бомбами, — говорит Харрас в финале спектакля незадолго до самоубийства, — тот должен обеспечить ему и место в аду». Смачные сентенции германского аса, конечно же, ласкают слух посетителей немецких театров. Ведь, если вдуматься, все они не хотели по-настоящему участвовать в неблагоприятных делах рейха и оставались людьми «приличными», как этот генерал, чтобы там ни говорили об убийствах генералов и о войне на уничтожение. Ремарковский же герой — всего лишь беглый узник концлагеря, и выводы, которые он делает из того, что происходило в гитлеровские годы, не позволяют зрителям обрести веские аргументы для освобождения от ответственности за содеянное преступным режимом. К тому же людей в «Последней остановке» освобождают русские, они же разрешают — в финале пьесы — конфликт между Добром и Злом. Не трудно представить себе, как это действует на западных немцев: на дворе 1956 год, и окружающий мир видится им только в черно-белом цвете.

В 1956 году Ремарк завершает работу и над пьесой, первый набросок к которой сделан еще в начале 1950-х. «Возвращение Еноха Дж. Джонса» — комедия с сильным зарядом сатиры. Повоевав в Корее и проведя пять лет в плену, американский солдат Енох Дж. Джонс возвращается в небольшой захолустный городок: здесь он жил до призыва

в армию. Родственники давно получили извещение о его гибели, жена — ее зовут Лолли — вышла замуж за Билла, лучшего друга и бывшего товарища Еноха. Возвращение человека «с того света» приводит жителей городка в ужас и смятение, и на протяжении четырех актов, в сценах, исполненных бурлеска и сарказма, Ремарк живописует быт и нравы мелкобуржуазной Америки 1950-х годов. Как и Эрнст Биркхольц, живущий после Первой мировой в своем родном городе, Джонс не может найти себя в мире, населенном придурковатыми репортерами, тщеславными бургомистрами и ура-патриотами со следами воинской выправки. В конце пьесы Джонс покидает свою семью и вместе с бывшей чешской партизанкой Лизой Равик (!), от зоркого глаза которой не скрыться ни лицемерию, ни самообману, направляется туда, где «зеленеют луга и цветут цветы». В пьесе много остроумия и обличения, но — в отличие от «берлинской» пьесы — немало и длиннот. Главным образом в третьем действии, когда Джонс и Билл, подобно Паулю Боймеру и его товарищам, начинают философствовать о войне и смысле жизни. И тогда в драматургии обнажаются разрывы, и пьеса теряет весомую долю комической живости и выходит из равновесия. Интересной тем не менее остается резкость, с которой Ремарк, шаржируя, передает настроение, охватившее многих американцев в те годы.

Хотя политическая карьера Маккарти, рьяного гонителя коммунистов, и пойдет к закату в середине 1954 года, но пост госсекретаря еще долго, то есть и в тот год, когда Ремарк завершит работу над пьесой, будет занимать Джон Фостер Даллес, антикоммунистические взгляды которого проявятся прежде всего во внешней политике США. «В фашизме есть много хорошего», — говорит, например, в одной из мизансцен пьесы суперпатриотично настроенный майор Айклз. Сам за себя говорит и такой диалог, как следующий, написанный в разгар холодной войны: «Репортер: “Вас кормили коммунистическими доктринами?” — Джонс: “Не больше, чем прежде капиталистическими”». В тексте пьесы множество таких острых, злободневных в ту пору, высказываний, и они вновь показывают, что Ремарк остается человеком, абсолютно независимым в своих политических суждениях. К любым идеологиям своего времени он относится с презрением и сарказмом. Но возможность увидеть себя в зеркале разума он предоставляет на сей раз не своим бывшим соотечественникам, а гражданам Америки. Правда, те об этом не узнали и не знают до сих пор.

Пьеса остается ненапечатанной. Впервые спектакль по ней сыграют в октябре 1988 года актеры оснабрюкского «Экспериментального театра».

Однако важнее этой пьесы и берлинской премьеры для Ремарка, несомненно, новый роман, который выходит в сентябре 1956 года — и снова в издательстве «Кипенхойер и Витч». Отсылая последнюю правку и испытывая душевный подъем, Ремарк пишет своему издателю: «Полагаю, что Вы знакомы с паблисити, вызванной успехом моей пьесы (более тридцати занавесов и очень хорошие рецензии), и думаю, что кое-что из этого может пойти на пользу и роману, если мы издадим его незамедлительно; к тому же репортажи с картинками из журналов Вы получите сразу же вслед за правкой». И он оказался прав, этот роман тоже стал бестселлером.

«Черный обелиск»

В противовес мрачному колориту двух последних романов новая книга дышит чуть ли не весельем. Ремарк возвращается в Оснабрюк... На дворе 1923 год, инфляция вот-вот достигнет своего апогея. И как тень Триумфальной арки витает над историей любви Равика и Жоан Маду, так и массивный черный обелиск, стоящий во дворе фирмы «Генрих Кроль и сыновья» и не подлежащий продаже, становится знаковой деталью повествования о «запоздалой юности».

В романе немало исторических аллюзий, пишет Тильман Вестфален в своем послесловии к новому произведению Ремарка. Отец братьев Кроль приобрел обелиск в 1863 году, когда прусский министр-председатель Отто Бисмарк приступал к объединению немецких княжеств и созданию Второго рейха. И потому нет ничего удивительного в том, что старейшее надгробие фирмы носит имя «железного канцлера». И, конечно же, совсем не случайно пронацистски настроенный Генрих Кроль опасается за сохранность обелиска «из драгоценного, первоклассного отполированного гранита марки СС». «Что же осталось — так, пожалуй, звучит вопрос автора послесловия — среди послевоенной разрухи, в мрачные дни суперинфляции от имперской идеи, обещавшей немцам сплотить их, возвысить над другими народами, обеспечить им невиданное до тех пор благосостояние?»

Следовательно, и в этом романе историческому фону отведена центральная роль. Во главу угла поставлена тема инфляции. Лапидарно рассказывается о людях, доведенных до нищеты и кончающих жизнь самоубийством. Вся скудость этого времени становится очевидной и тогда, когда Ремарк описывает демонстрацию инвалидов войны и вдов павших на ней, бесчинства первых штурмовых отрядов, словесные дуэли между людьми разных политических убеждений. Выигрывают дельцы и спекулянты, проигрывают прозябающие в бедности жертвы минувшей войны. Торгующий надгробиями Генрих Кроль и снедаемый ревностью мясник Вацек выступают в роли рьяных националистов: они обожают Гитлера, проклинают позорный Версальский мир, тоскуют по старому доброму времени, «когда всего этого просто и быть не могло», мечтают о «стальном» будущем истинного, нестигаемого германца. Когда в деревне Вюстринген происходит освящение памятника павшим воинам и один из ее жителей вывешивает из окна своего дома черно-красно-золотой флаг республики, то на него накидывается целая орава приспешников майора Волькенштейна, ярого монархиста и антисемита. Оголтелым лжепатриотам Ремарк противопоставляет приверженцев терпимости, человечности, исторической правды. На жизнь они смотрят скептически, понимают, что им не взять верх над теми, кто пропитан духом военщины и шовинизма, но в уныние от этого они не приходят. К людям такого склада принадлежит и Георг Кроль, фронтовой товарищ и начальник юного протагониста — Людвига Бодмера.

И все же это скорее роман воспитания, с игривостью и ностальгической оглядкой на собственную молодость повествующий о возмужании ищущего и любящего идеалиста. Причем явно не без воздействия флюидов, исходящих от «Волшебной горы». Перевоплотившись в викария Бодендика и доктора Гвидо Вернике, духовного и телесного целителей по профессии, Нафта и Сеттембрини сидят за стаканом вина в лечебнице для душевнобольных и пытаются убедить их молодого собеседника Бодмера, играющего там по воскресеньям на органе, так же, как когда-то Ханса Касторпа, в правильности своего представления о мире: церковь против науки. Оторвавшись от своих школьных и ресторанных дел, члены верденбрюкского клуба поэтов встречаются в гостинице «Валгалла», одни жители города не забывают посетить бордель, другие предпочитают пивную, третьим приходится биться с нацистами, а всем им —

за элементарную возможность выжить в условиях, когда курс доллара уходит чуть ли не в заоблачные выси. Наивного же протагониста занимают не столько успехи или неуспехи фирмы при сбыте надгробий, сколько поиски смысла жизни. «Каково Ваше мнение о жизни?»⁸⁹ — спрашивает он знакомых и незнакомых людей. Шутка, ирония и философский взгляд Ремарка на любовь и смерть — таков первый, отраженный в большинстве глав, аспект «Черного обелиска». «Так что в этой книге не много политики и не много трагизма и нет мертвецов, excerpt⁹⁰ одного или двух», — сообщает Ремарк издателю Витчу, пересылая часть рукописи и находясь в явно хорошем настроении.

На другой сюжетной плоскости романа располагается мир психически больных людей. В лечебнице, что стоит на небольшом холме среди густого парка, Людвиг Бодмер встречается со страдающей раздвоением личности Изабеллой, и «разум» замкнутой в себя и свои видения девушки пронизывает правду жизни сильнее, чем то, о чем говорят и спорят там, «снаружи». По-настоящему больны в этом мире люди здоровые, сеющие в нем семена зависти, злобы, войны и уничтожения. Те же, что бежали от жестокой реальности в сферы безумия, ведут себя мирно, любят тишину. «А может быть, они совсем ни о чем не думают, равнодушные, как море, как жизнь, как смерть. Ведь только мы одушевляем природу. А какая она сама по себе, может быть, известно только этим сидящим внизу душевнобольным; но тайны этой они открыть не могут. То, что они увидели, сделало их немыми». Изабеллу выпустят из лечебницы, признав ее здоровой, «но что именно они в ней уничтожили?». Нормальная жизнь, к которой возвращается молодая женщина, не знает очарования образов и мыслей, пронизывающих мнимую действительность жизни. Но во встрече с Изабеллой, в их разговорах о любви, страхах и смерти молодой искатель (смысла жизни) нашел ответ, который так и не получал ни от священнослужителя, ни от ученого: я живу, чтобы жить.

«Черный обелиск», несомненно, самый биографичный роман Ремарка. Захолустный Верденбрюк (Оснабрюк), поэтический кружок, фирма по установке надгробий, псих-лечебница, «запоздалая юность» рассказчика, его решение

⁸⁹ Цитаты из романа «Черный обелиск» приводятся в переводе Веры Станевич.

⁹⁰ За исключением (англ.).

отправиться в Берлин — все это взято из собственного прошлого. Автору под шестьдесят, со здоровьем неважно, реставрационные тенденции в аденауэровском государстве вызывают горечь и досаду. Он видел развалины родного Оснабрюка, он понимает, что никогда больше не будет жить в той стране, где родился, — в этом смысле роман можно воспринимать, пожалуй, и как ностальгическое прощание с Германией, с мечтами и надеждами юных лет.

При всей игривости, занятости и легкости повествования о юности и возмужании своего героя Ремарк уже в кратком вступлении к роману дает понять, что видит свою задачу вовсе не в том, чтобы доставить читателям удовольствие. «А потому не браните за то, что я решил вернуться в те сказочные годы, когда надежда развевалась над нами, как знамя, и мы верили в такие подозрительные вещи, как человечность, справедливость, терпимость, — и в то, что одной мировой войны вполне достаточно в качестве урока для целого поколения». Роман Ремарка — это предупреждение живущим в эпоху холодной войны и развязанной супердержавами бешеной гонки вооружений. «Черный обелиск» выходит за шесть лет до кубинского кризиса, поставившего мир на грань третьей мировой войны и атомной катастрофы. Пророчески звучат вступительные слова Ремарка: «Мир снова погружен в пепельно-серый свет апокалипсиса, еще не улетучился запах крови и не осела пыль от разрушений последней войны, а лаборатории и заводы опять работают на полных оборотах, дабы сохранить мир с помощью оружия, которым можно взорвать весь земной шар».

Флер беззаботности и плутовской романтики рассеивается как дым и в последней главе. В ней автор кратко сообщает о дальнейшей судьбе своих героев. Георг Кроль погибает в концлагере, питомец муз Ханс Хунгерман получает ранг оберштурмбаннфюрера и ведает у нацистов вопросами культуры, скульптор Курт Бах возвращается из концлагеря домой нетрудоспособным калекой и после краха Третьего рейха «все еще добивается маленькой пенсии, подобно другим бесчисленным жертвам нацистского режима. Он надеется, что ему наконец повезет и он будет получать семьдесят марок в месяц — около одной десятой той суммы, которую получает Хунгерман, равно как и около одной десятой того, что уже много лет получает от государства руководитель гестапо, организовавший тот самый концлагерь, где искалечили Курта Баха, не говоря уже о гораздо больших пенсиях и компенсациях, что выплачиваются всякого рода генера-

лам, военным преступникам и бывшим партийным чиновникам высокого ранга».

Рецензии преимущественно отрицательные. За небольшим исключением, их авторы обходят молчанием сказанное Ремарком во вступлении к роману и заключительной его главе, вольно или невольно отражая таким образом умонастроение тогдашних западных немцев. Ни слова об отношении Ремарка к тому, как в Бонне обходятся с нацистскими преступниками и их жертвами. Без каких-либо комментариев остается и проблема атомного вооружения. Старательно проигнорировано все, что, по мнению автора, связывало Германию начала веймарских времен с Западной Германией конца 1950-х.

Цитируя вступление к роману и признавая за ним актуальность, рецензент из «Франкфуртер альгемайне» тем не менее тут же делает вывод, не терпящий возражений: «Конец всему пришел уже в 1945-м». «Франкфуртер рундшау» параллели с современностью вообще неинтересны: «Автор не дал своим замыслам по-настоящему созреть, — считает газета, — и, как ни крути, книга получилась довольно слабой». Обозреватель журнала «Гегенварт» подсчитал фактические ошибки автора, указал, к примеру, на то, что в 1923 году штурмовики⁹¹ еще не носили «мундиров навозного цвета», но нитей, соединяющих роман с немецкой реальностью середины столетия, тоже не заметил. Критик газеты «Зюддойче цайтунг» читал предисловие («Не браните меня за то, что я решил заговорить о старых временах») не иначе как вполглаза: «...неожиданные оправдания всегда вызывают чувство неловкости и наталкивают на мысль о том, что автор в них нуждается». Литературные критики ФРГ явно согласны с тем, что происходит в руководимой Аденауэром стране, и только Фридрих Люфт высказывает в «Вельт» то, что думает большинство из них о стремлении Ремарка связать свой роман с современностью: «Ремарк заблуждается. Аналогия тут не проходит. Бонн — это не Веймар».

Голливуд на материал не среагировал. Телеверсию романа показал в 1988 году, к 90-летию писателя, Второй канал немецкого телевидения. Фильм снимал Петер Дойч, главные роли сыграли Удо Шенк (Людвиг Бодмер), Райнер Хунольд (Георг Кроль) и Карина Тэнталь (Изабелла). Действие получилось насыщенным и динамичным, зритель получал возможность окунуться в атмосферу начала

⁹¹ В романе речь о нацистах, гл. XXIV.

1920-х годов, первоисточник не пострадал. Но экранизировать романы — дело, как известно, трудное и рискованное. Так что мнения кинокритиков разделились и на сей раз. Говорилось о слабостях как в режиссуре, так и в игре актеров. Сравнив их с недочетами многих других фильмов по книгам Ремарка, скажем: следить за жизнью вокруг Черногоobelиска на экране стоит. Как стоит также попытаться проникнуть в авторский замысел.

После публикации романа Ремарк едет в США, где пробудет семь месяцев. В Лос-Анджелесе встречается с кинематографистами, которые готовят съемки фильма по роману «Время жить и время умирать», и соглашается сыграть в нем учителя Польшмана. Первые месяцы, однако, вновь обременены далеко не приятными обстоятельствами личной жизни. Он хочет развестись с Юттой. Дело это, как обычно при расставаниях, сложное. Подключены адвокаты, разногласия прежде всего из-за денег. Интересы Ремарка представляет Харриэт Пилпел, она и раньше консультировала его по юридическим вопросам. Получив предложение о разводе, Ютта пишет ему 16 июля письмо, высвечивающее еще одну острую грань их запутанных отношений. «Развод может прояснить ситуацию, но он не может мне помочь, время для этого ушло, удар по живому нанесен. Мне горько знать, что Ты воспринимаешь это длившееся годами состояние как недоразумение, и это после того, как Ты в 52-м году резко возражал против развода, мне же между тем пришлось расплачиваться за это моим здоровьем. Притом что всего этого можно было избежать. Каким же толстокожим надо быть, чтобы назвать эти долгие годы недоразумением!» Затем следуют жалобы на здоровье. Ютта Цамбона никогда не желала порвать с Ремарком, она отказывалась начать самостоятельную жизнь. Все эти годы она играла на его чувстве вины, жила за его счет и умела его разжалобить. Можно, конечно, осуждать ее за это, но ведь и Ремарк был совсем не прост. И все же не может не удивлять склонность Ютты осыпать его упреками за бессердечность, ссылаться на свои мнимые и реальные болезни и использовать его нерешительность и добродушие. А он из года в год посылал ей столько денег, чтобы на жизнь хватало с лихвой, старался поддерживать с ней постоянный контакт, женился на ней во второй раз, когда ей в конце 1930-х грозила высылка из Швейцарии. Он оплачивал счета за ее проживание в одном из роскошных номеров нью-йоркского отеля «Пьер», и не было за все эти годы случая, чтобы он не откликнулся на

зов о помощи добрым, мудрым советом. И пусть он пытался отвергнуть требования адвокатов Ютты о выплате ей очень крупных денежных сумм: Ремарк заранее позаботился о том, чтобы она ни в чем не испытывала нужды вплоть до ее кончины.

Развод оформляется 20 мая 1957 года в мексиканском городе Хуарес⁹² в отсутствие обеих сторон. В сентябре Ремарк четыре недели в Берлине на съемках фильма «Время жить и время умирать». Свое писательское отношение к кино он как-то высказал в интервью «Нью-Йорк таймс»: «Работать для кино — занятие интересное и полезное. Разница между написанием романа и киносценария подобна разнице в вождении грузовика и гоночного автомобиля. На экране все должно совершаться быстро. У фабулы должен быть мощный движитель, тогда все будет хорошо». Объяснение, может, и простоватое, но он любил в интервью несложную аргументацию.

К произведениям американской кинематографии в целом он относился с известной долей скепсиса: «Очень популярный за рубежом, американский фильм на какое-то время остановился в своем духовном развитии. Зачастую в Голливуде работают слишком шаблонно. Нет такого места, кроме Голливуда, где бы об искусстве больше говорили и меньше для него делали. Сочетание бизнеса, цензуры, сенсационности и искусства действует почти всегда смертельно — за редкими исключениями. Чисто технически американская киноиндустрия первоклассна». В то же время американскую литературу Ремарк высоко ценил и публично не раз с похвалой высказывался о творчестве Эрнеста Хемингуэя, Уильяма Фолкнера, Синклера Льюиса, Томаса Вулфа.

В середине ноября 1957-го Ремарк поздней осенью снова в Соединенных Штатах, встречается там с Полетт, которая разъезжает с группой актеров по провинции, играя в пьесе Ануя «Вальс тореадора». 25 февраля 1958 года они сочетаются браком в Бранфорде, штат Коннектикут. Приглашены лишь близкие друзья, папарацци о церемонии, видимо, не узнали. Знаменитая пара давно уже стала вождленным объектом любопытства для бульварной прессы. Интеллектуал и красавица — это всегда материал на потребу невзыскательного читателя. Полетт, внутренне и внешне оставаясь голливудской звездой, наслаждается ажиотажем;

⁹² Имеется в виду г. Сьюдад-Хуарес.

Ремарк спокойно сносит его. Он никогда не пренебрегал возможностью показаться рядом с этой красивой женщиной. Правда, в заголовках газет и журналов гораздо чаще мелькают имена другой пары аналогичной конфигурации: это Артур Миллер и Мэрилин Монро, они поженились в 1956 году и остаются вплоть до развода (в 1962 году) бесспорными любимцами охотников за сенсациями.

В Нью-Йорке у Полетт и Ремарка отдельные апартаменты. В них они будут проживать, приезжая в город-гигант на берегах Гудзона. Когда же Ремарк в Европе, в его апартаментах часто поселяется мать Полетт — Альта.

Добавим, что реакция Марлен Дитрих на сообщение о свадьбе отразилась, во всяком случае по свидетельству всезнающих современников, в возгласе: «Годдар — как нарочно!»

Летом 1958-го Ремарк в Порто-Ронко усердно пишет «Жизнь займы». В октябре несколько дней в Венеции, а с марта 1959-го опять довольно долго Нью-Йорк. Квартира, из окон которой открывается широкий вид на ярко освещенные небоскребы, украшена картинами Дега и Сезанна, увешана красивыми коврами. Вечера Ремарк проводит обычно дома, близость к Полетт, снимающейся теперь только на телевидении, действует живительно и благотворно. В июле 1959-го один из немецких иллюстрированных журналов начинает публиковать отрывки из романа «Жизнь займы». Если бы не постоянные сердечные боли и не невралгия лица, можно было бы говорить о счастливом периоде в жизни Ремарка.

В сентябре он участвует в переводе сценария фильма Стэнли Крамера «На берегу» на немецкий. Главные роли в нем играют Грегори Пек и Ава Гарднер. Работа не так уж и сложна, но, выполняя ее, Ремарк вновь прикасается к теме большого политического значения. Крамер показывает в своем фильме мир таким, каким он будет выглядеть после атомной войны. Удавшимся на славу фильм не назовешь, но тема волнует Ремарка. В своих интервью он не устает указывать на опасность развязывания новой мировой войны, которая неизбежно привела бы человечество к самоуничтожению.

Это не единственная его работа в кино в эти годы. Достоверно известно, что в период между 1953 и 1963 годами он участвовал в создании восьми фильмов. Некоторые из них пользовались у зрителя большим успехом. Такие, например, как «Пушки острова Наварон», «Самый длинный

день» и «Исход». Исчерпывалась ли при этом его роль только задачами консультанта по новейшей истории, сказать трудно.

Новый год Ремарк встречает в Нью-Йорке, а в марте 1960-го он в Риме. Итальянская столица притягивает его с каждым годом все сильнее. В ней он будет жить месяцами, наслаждаясь теплым климатом, неувядающей красотой Вечного города, его уникальной архитектурой. Бывать там вместе с мужем любит и Полетт. А Нью-Йорк становится все недоступнее. Проблемы с сердцем больше не позволяют ему летать, врачи предупреждают о возможных нехороших последствиях, так что свидеться с городом, доставившим ему так много радостных и горестных минут, удастся еще только раз — летом 1966 года.

Внося последнюю правку в историю о Клерфэ и Лириан Дюнкерк, Ремарк склоняется над новой рукописью. Снова — эмигранты, и снова — Оснабрюк. Ремарк пишет «Ночь в Лиссабоне».

В феврале — марте 1961 года роман, уже известный нам под названием «Жизнь взаймы», появляется в Америке на страницах журнала «Домоводство» в сокращенном виде под заголовком «Небеса не знают любимчиков», а в Германии выходит отдельной книгой — после еще одной серьезной авторской правки.

«Небеса не знают любимчиков»

Ремарк обращается в этом романе к одной из тем, которые давно ему по сердцу. Действие его третьей книги — «Станция на горизонте», — как и рассказа «Трофей Вандервельде», уже происходило в мире автогонок, вновь возникает здесь и имя главной героини. И уже нет сомнений в том, что мостки к рассказанным в 1920-е годы историям автор перекидывает вполне сознательно. Заметим также, что только в этом ремарковском романе действие происходит после Второй мировой войны. А если точнее, то в начале 1950-х годов, когда в Германии появляются первые признаки «экономического чуда», а в политической жизни царит дух реставрации. Только вот автор не ведет читателя в Федеративную республику этих лет, а завлекает его в Швейцарию, Францию, Италию. Не находят отражения в романе и важнейшие события тех лет, если не считать нескольких саркастических замечаний о забывчивости

немцев, вдруг влюбившихся в демократию, и о их нежелании разобраться наконец со своим «проклятым» прошлым. «Мы базельские Геринги», — говорит, например, паренек на заправке, случайно носящий фамилию одного из палатинов Гитлера. «Если бы я был из тех, мне не пришлось бы качать бензин. Мы получали бы жирную пенсию». «Не мешало бы к этому привыкнуть, — говорит главный герой романа своей спутнице, когда они проезжают через Сен-Готардский тоннель, один из самых длинных в Европе. — Судя по тому, что слышишь и видишь, мы скоро будем так жить. Сперва в бомбоубежищах, а потом в подземных городах». В остальном — самый аполитичный из тех романов, что были написаны Ремарком после трех ранних. Побочный продукт.

Это книга о смерти. При всей легкости повествования действие остается овеванным сумраком неизбежности. Навещая в швейцарском санатории «Бела Виста» своего заболевшего товарища, стареющий автогонщик Клерфэ встречает там молодую красавицу Лилиан Дюнкерк. Вот уже три года как живет она в узком, пропитанном запахами лекарств мирке, уставшая, отчаявшаяся, знающая, что победить чахотку невозможно. И тем не менее еще раз предпринимающая попытку вырваться отсюда. Презрев советы врача, садится в машину к Клерфэ и устремляется к равнинам теплого Юга — прочь от стужи, снега и равнодушия прекрасных гор. «Ибо здесь и умелец станет неумехой, а ученый человек — неучем... Не прожив тут и двух-трех лет, ты к жизни в городе уже непригоден»⁹³. Но и под мрачной сенью смерти рождается чувство, завяжется любовная история. И тогда Ремарк наполняет ее своими раздумьями о жизни. У Клерфэ, не подозревающего, что его спутница неизлечимо больна, аргументация оптимиста, он хочет жениться, построить дом, не жить больше «от гонки к гонке», обрести себя в новой профессии. У Лилиан будущего нет, и понять своего возлюбленного она не может. «Он стремится привязать меня к себе и запереть, — думала Лилиан, — и с гордостью называет это браком, заботой, любовью...» Она с ненавистью посмотрела на маленькую виллу, на дорожки, посыпанные гравием. «Неужели я бежала из санатория только ради того, чтобы кончить свои дни именно здесь?» Так из прямо противоположных точек зрения на жизнь

⁹³ Цитаты из романа «Жизнь взаимы» приводятся в переводе Людмилы Черной.

рождаются под пером Ремарка страстные, мучительные диалоги о том, чего и представить себе нельзя, — о смерти, не желающей признавать никакой логики. Ибо именно Клерфэ вырывает она из мира его мечтаний и надежд. Ранения, полученные им при столкновении болидов, окажутся смертельными. «Клерфэ, а не я... Почему так случилось? Весь мир сошел с ума. Умереть должна была она, а не он. Какая жуткая ирония судьбы!» Жизнь остается необъяснимой. «Из Брешии — в Брешию» — по кольцу со стартом и финишем в этой точке пойдет тысячекилометровая гонка, и в ней будет участвовать Клерфэ. Для Лилиан же она — символ бессмысленности, жизни по кругу, лишенной разумного начала. Она возвращается в санаторий и умрет там через шесть недель.

Ремарк рассказывает историю очень просто, без прикрас, но стиль изложения порой недостаточно элегантен, несколько неуклюж. И поспекает за вполне динамичным действием только с большим трудом. В итоге получилось то, что проходит обычно в развлекательной литературе, но сделано рукой опытного мастера. Не больше, но и не меньше. Местом действия избран большой мир вкупе с высшим светом, со смаком описанный Ремарком уже в ранних его произведениях. Немыслимый как без казино, аристократа а-ля Оскар Уайльд, таинственной Венеции, красот Парижа, так и без величия Швейцарских Альп и той местности, в которой живет сам писатель, то есть без Тессина. История столь ясна и прозрачна в своей рефлексии и размышлениях о жизни, что будь она рассказана лучше, то могла бы показаться венчающей все его творчество.

Впрочем, «Небеса не знают любимчиков» — не что иное, как своего рода калька со сценария, написанного Ремарком в 1941 году для Дитрих под заголовком «Beyond»⁹⁴. В фильме «The Other Love»⁹⁵, снятом в 1947 году, тоже легко угадывается попытка воссоздать атмосферу «Волшебной горы» Томаса Манна. Появление Лилиан Дюнкерк предвосхитила Карен Дункан, сыгранная Барбарой Стэнвик. В санаторий она приезжает знаменитой пианисткой. Влюбленный в нее мужчина не автогонщик, а врач в исполнении Дэвида Нивена, есть и сеющий смуту в сердцах плейбой и автогонщик (Ричард Конте). Все очень трогательно, перед смертью между дамой и ее бескорыстным целителем

⁹⁴ За пределами, вдали (англ.).

⁹⁵ «Другая любовь» (англ.).

заключается брачный союз. От идеи Ремарка осталось немного, не получила обещанной роли и *Пума*.

Критики в большинстве своем оценивают роман отрицательно. «В целом, — пишет «Рейнишер Меркур», — невыносимое месиво из духов и смерти, экстравагантности и тлена, и это при такой серьезности и подлинности тематической первоосновы <...>, что крайне затруднительно ответить на вопрос: написал ли Ремарк на сей раз бестселлер благородных кровей или это все-таки попытка создать некое подобие литературы?» Марсель Райх-Раницки говорит в «Цайт» о шумном успехе в двух шагах от смерти и приступает к казни: «Стиль постыден, сентиментальность ужасна, рутина отвратительна». Менее резок в своей оценке Йоахим Кайзер из «Зюддойче цайтунг»: «Блестящие прозрения, элегантные взаимосвязи, богатый жизненный опыт <...> соединяются, образуя новый роман старой школы, которому, наверное, нельзя отказать в уважении и восхищении только потому, что читался он слишком охотно и слишком легко». Известный американский критик Орвил Прескотт хотя и отмечает в «Нью-Йорк таймс» «остроту зрения прирожденного рассказчика», однако читать ««Небеса не знают любимчиков» утомительно, никакого иного ощущения, кроме пустоты, роман не оставляет».

Ремарк явно не доверяет своей интуиции, позволяя своему агенту заключить договор, по которому право на публикацию отрывков из романа получает шпрингеровский «Кристалл». Находясь в Нью-Йорке, он лично отправляет в редакцию первые три главы, не без гордости подчеркивая, что «роман получился правильный, добротный». По другой версии, редакция сама просила Ремарка дать ей что-нибудь для публикации. Писатель предложил сценарий «The Other Love», а затем завершил работу над куда более объемным текстом — «Небеса не знают любимчиков». Как бы там ни было, но «Кристалл» не принадлежит в 1950-е годы к числу солидных иллюстрированных журналов и не пользуется репутацией покровителя большой литературы. История о Клерфэ и Лилиан Дюнкерк приходит к читателю на его страницах, начиная с лета 1959 года в 12 продолжениях под заголовком «Жизнь взаимы» и в сильно сокращенном виде. Надеясь удержать убыточный журнал на плаву, хозяева издательства украшают огромные рекламные полосы словами Ремарка: «Думаю, этот роман станет в моем творчестве одним из главных». О чем свидетельствует это заявление? Как минимум о том, что Ремарк обладал острым коммер-

ческим чутьем. В 1968 году он отзовется о романе гораздо реалистичнее, назвав его своей «самой слабой книгой». Правда, еще во время публикации он догадывается, что критики обойдутся с ним не очень ласково. «Придется ведь считаться с отрицательными оценками, — пишет он своему издателю, — поскольку книга отклоняется от привычного мне курса и поскольку некоторые критики чувствительны к вещам, действие которых происходит в Ритце и дорогих ресторанах». Это, пожалуй, единственный случай, когда Ремарк несправедлив к рецензентам.

Вновь стучится в дверь и Голливуд, и Ремарк заключает предварительный договор. Но до съемок фильма дело доходит лишь в 1977 году. Состав группы звездный: режиссер — Сидней Поллак, в роли Клерфэ, превратившегося в Бобби Дирфилда, — Аль Пачино, образ Лилиан создает Марта Келлер. Фильм получился симпатичным, незатейливым и актуальным. Общего с книгой, однако, совсем немного, и почему картина названа по имени главного героя, остается секретом авторов сценария.

О заинтересованности Ремарка в успешной рекламе и продаже его книг говорит, между прочим, письмо, отправленное им Йозефу Витчу вскоре после публикации романа. «Я действительно был огорошен сообщением о скором выходе “любимчиков”, — пишет он, не скрывая своего возмущения, — столь же огорошен, как и после других анонсов в Вашем фирменном журнале, всегда производивших такое впечатление, что фигурирую я у Вас под “и другие”. Считаю это плохой publicity. Странно, что такая недоля не выпадает мне у других моих издателей, а выпадает только у Вас».

В последующие месяцы 1961 года Ремарк заставляет себя отдыхать. Живет в Порто-Ронко, пишет новые произведения об эмиграции — «Тени в раю», «Земля обетованная», круг друзей сужается. По соседству живут Рут и Хайнц Липман, с которыми вскоре устанавливаются товарищеские отношения. Рут Липман, еврейка и коммунистка в свои ранние гамбургские годы, пережила нацистские времена в Голландии и становится после войны успешным литературным агентом. Хайнц Липман писал романы (его «Отечество», один из первых «документальных» романов о национал-социалистической Германии, вышел в 1933 году и был переведен на 17 языков), после прихода Гитлера к власти эмигрировал, жил в Нью-Йорке, работал журналистом.

В 1947 году вернулся в Гамбург, не принял царившей в Германии атмосферы и переселился в 1961 году в Швейцарию. Следовательно, с Ремарком его связывает очень многое, не в последнюю очередь, пожалуй, и то, что он тоже родился в Оснабрюке. «Хайнца он всегда называл своим единственным другом, но это наверняка было типичным ремарковским преувеличением».

Хайнцу Липману Ремарк дает осенью 1962 года интервью, опубликованное в «Цюрхер вохе» и «Вельт ам зонтаг» и вызвавшее интерес у широкой общественности. «Правительство ФРГ, — говорит он (так цитировала его одна из восточногерманских газет), — предъявило мне своего рода ультиматум: вновь принять западногерманское гражданство или остаться “высланным” из Германии. Это недоразумение или несусветная чушь. Лишили меня гражданства нацисты, и, насколько я знаю, это решение никогда не пересматривалось. Тогда меня сделали гражданином мира против моей воли. Теперь я — гражданин мира по своей воле». Отвечая на вопрос, какой ему видится сегодняшняя, начала 1960-х, Германия, Ремарк говорит: «Конечно, я обеспокоен. Разве может нация кардинально измениться за двадцать лет?.. Старого нацистского духа, по моим наблюдениям, больше нет, но временами он дает о себе знать...» Свое отношение к Берлинской стене, возведенной годом раньше и все еще будоражащей общественное мнение, он выражает тоже недвусмысленно: «Это трагедия и ужасная глупость. Страна, решившая оградить себя колючей проволокой, чтобы собственные граждане не бежали из нее, сама вынесла себе приговор».

И в 1960-е годы Ремарк занимает независимую позицию, не дает использовать себя в политических целях ни восточным, ни западным немцам. Любая форма диктатуры по-прежнему вызывает у него стойкое неприятие. Запрет на издание его книг был наложен и в Советском Союзе, но теперь они выходят там миллионными тиражами. Именно там Ремарк становится, пожалуй, самым влиятельным немецким писателем XX столетия.

В октябре 1962 года он пишет издателю, торопящему его со сдачей рукописи романа «Ночь в Лиссабоне»: «Дорогой господин Витч, готовы 310 страниц. Продолжаю писать. Ваша Angoisse⁹⁶ относительно сроков сдачи рукописи мне понятна, и я Вам сочувствую. Книги, над которыми в

⁹⁶ Тревога (фр.).

последнее время работал до предынфарктного состояния и приступов отчаяния, сдавал с опозданием в два года. Именно поэтому не оговаривал точных сроков. И вот попал как кур в ощип...» Роман должен выйти в популярной серии «Книги девятнадцати», совместно выпускаемой крупнейшими западногерманскими издательствами, отсюда — цейтнот и спешка. Но Ремарк все же успевает уложиться в срок, и в декабре книга на прилавках.

«Ночь в Лиссабоне»

«Ночь в Лиссабоне» станет последним романом, который Ремарку удастся завершить и высказаться в нем по темам, глубоко волновавшим его как художника на протяжении трех последних десятилетий: эмиграция, смерть, любовь, одиночество индивидуума. Хотя история, которую Иосиф Шварц рассказывает лиссабонской ночью, и развивается на фоне исхода европейских беженцев и триумфальных побед нацистов в первые годы войны, описанию политических событий здесь придано меньшее значение, чем в «Возлюби ближнего своего» и даже в «Триумфальной арке». И в общем-то ясно почему: Ремарк воодушевлен желанием показать трагедию отдельной человеческой личности, порожденную таким временем, когда на людей идет откровенная охота, а жизнь их и гроша ломаного не стоит. В сущности, Ремарк прибегает к форме новеллы. Иосиф Шварц, чудом получивший паспорт и фамилию умершего человека, обещает подарить такому же страдальцу, как и он сам, визы и два билета на корабль, уходящий в Америку, если тот согласится выслушать его историю — в течение тех немногих часов, что остались до отплытия парохода. Товарищи по несчастью бродят по ночному Лиссабону, перебираются из бара в бар, и Шварц рассказывает: о побеге и возвращении, о вновь обретенной любви, о счастье и о смерти.

После долгих лет жизни на чужбине Шварц тайно едет в родной город, чтобы увидеть свою жену. Он никогда не писал ей, любая весть от него могла привести к ее аресту и к пыткам в застенках гестапо. Не вышла ли она замуж, забыв его? Жива ли она вообще? Елена жива, они встречаются, и она принимает решение бежать из страны вместе с ним. Ее брат, Георг, — эсэсовец, фанатичный приверженец теории господ и рабов, это он сочинил в свое время донос на Шварца, это он приказал арестовать и пытаться его. Шварц и Елена

попадают сначала в Швейцарию, а затем и в Париж. Они чувствуют, как возрождается их любовь, почти угасшая в мещанских буднях преднацистского времени. «Ну что было бы из нас? Скучная, посредственная пара, которая вела бы в Оснабрюке скучное, посредственное существование с посредственными чувствами и ежегодными поездками во время отпуска...»⁹⁷ Вермахт оккупирует пол-Франции, они бегут дальше, в Марсель, где их обнаруживает брат Елены и пытается вынудить сестру к возвращению в Германию. Шварц убивает его, и они перебираются в Лиссабон. Незадолго до отплытия в Америку Елена умирает от рака.

История о любви с трагическим исходом. Повесть о потерянности человека перед лицом смерти. Воспоминание о том, куда завел Германию национал-социализм. Картина провинциального города, в котором царят страх, приспособленчество и насилие. Предупреждение о неприемлемости обстоятельств, при которых человек лишается родных корней, теряет свою идентичность, и судьбу его решает в конечном счете наличие паспорта или визы. Ремарк вновь рассказывает о том страшном времени, когда мораль, доброта и человечность проиграли сражение с силами зла и тирании.

Действие романа охватывает годы с 1939-го по 1942-й, примыкая таким образом по времени к событиям, описанным в «Триумфальной арке». Город, из которого вынужден бежать Иосиф Шварц, совпадает по своему названию с Оснабрюком, в котором, как мы давно уже знаем, родился Ремарк. Главный герой романа появился на свет 22 июня 1898 года, и в тот же день того же года родился Эрих Мария. Повествование в его романах об эмигрантах впервые ведется от первого лица. В книге целая россыпь примет собственной биографии, автор сознательно отождествляет себя с фигурой рассказчика. «Быть может, когда-нибудь наш век назовут эпохой иронии... Конечно, — не той, прежней, возвышающей душу иронии восемнадцатого столетия, но иронии подневольной, нелепой, большей частью зловещей, отмеченной печатью нашего пошлого времени с его успехами техники и деградацией культуры», — говорит Иосиф Шварц. Этими словами выражено, конечно же, и кредо самого Ремарка — по прошествии двух мировых войн с десятками миллионов убитых и миллионами искалеченных физически и духовно. Взирая на историю глазами пес-

⁹⁷ Цитаты из романа «Ночь в Лиссабоне» приводятся в переводе Юрия Плашевского.

симиста и не без кивка в сторону тех, кто занят в ФРГ преодолением позорного прошлого, он скажет: «Лет через сто, когда смолкнут вопли отчаяния и боли, ловкий историк опишет все это с восторгом — как явление, которое питало и развивало культуру, более того, несло ее в массы».

Находясь в Оснабрюке и скрываясь от недреманного ока полиции, Иосиф Шварц наблюдает картину, в которой, как в капле воды, отражается звериная сущность любой диктатуры и смешанная с ужасом полная беспомощность отдельного человека, столкнувшегося с ней лицом к лицу. Двое эсэсовцев толкают перед собой еврея, изо рта которого и по подбородку сочится струйка крови. «Проходя мимо, эсэсовцы смерили меня бешеным, вызывающим взглядом; глаза пленника на секунду задержались на мне, словно он хотел и не решался попросить о помощи. Губы его задвигались, но он ничего не сказал. Вечная сцена! Слуги насилия, их жертва, а рядом — всегда и во все времена — третий зритель, тот, что не в состоянии пошевелить пальцем, чтобы защитить, освободить жертву, потому что боится за свою собственную шкуру. И, может быть, именно поэтому его собственной шкуре всегда угрожает опасность».

Конец романа трагичен для индивидуума по имени Иосиф Шварц, однако автор предлагает читателю смотреть все-таки в будущее: Шварц поступает на службу в Иностранный легион. «...пока есть еще на свете такие люди, как тот красавчик (заплечных дел мастер в униформе гестаповца. — *В. Ш.*), было бы преступлением самому лишать себя жизни, которую можно отдать борьбе против этих варваров».

Давая общую оценку романам Ремарка в небольшом тексте, написанном к его 70-летию, Курт Рисс заметил то, что, пожалуй, наиболее точно характеризует «Ночь в Лиссабоне»: «Не желал бы ошибиться, говоря о писательском рейтинге. Со всей определенностью можно, однако, сказать, что место, занимаемое в немецкой литературе Ремарком, очень почетно и редко было занято человеком более достойным. Столь часто встречаемое нами искусственное различие между литературой серьезной и развлекательной снято во всех его книгах. И, как следствие, именно ему и его произведениям присуще нечто англосаксонское, вернее, то англосаксонское, которое достигается нами с огромным трудом. Нам следовало бы наконец считать себя счастливыми тем, что мы нашли его у Ремарка». Даже повторяя многое из того, что изображено и тематизировано Ремарком в его предыдущих романах об эмиграции, «Ночь

в Лиссабоне» обрела все черты книги удавшейся, добротной выстроенной и читаемой с захватывающим интересом.

В 1970 году командой Второго канала немецкого телевидения по роману был снят фильм. Посмотреть и оценить его Ремарку было просто не дано: писатель умер в Асконе на десятый день после начала съемок. Руководил ими Збынек Бриних, он же написал сценарий, главные роли исполнили Мартин Бенрат (Иосиф Шварц), Эрика Плухар (Елена) и Хорст Франк (Георг). После «All Quiet on Western Front» получилась картина, которую, пожалуй, можно назвать лучшей среди фильмов, снятых по другим романам Ремарка. Спокойная камера, тонко прочувствованные ретроспективы и прежде всего Мартин Бенрат, в высшей степени убедительный в роли Иосифа Шварца, создали атмосферу, вполне сравнимую с той, что пронизывает сам роман.

А отклики на него разные: они и доброжелательны, и отрицательны. «Роман Ремарка — это притча о людях, положение которых в условиях диктатуры абсурдно», — пишет «Дойче цайтунг». «Этот материал прямо-таки сопротивляется любой попытке уложить его в придуманную фабулу». Немецкоязычный нью-йоркский «Ауфбау» отмечает «поэтическую красоту» романа, а Курт Рисс восхищается «легкостью и простотой — в хорошем смысле — обращения с материалом, которым автор потчует нас на сей раз». Роман очень хорошо принимается американскими рецензентами. Альфред Антковяк подходит к его оценке опять же с марксистских позиций: «Тема антифашизма раскрывается в основном в форме субъективного переживания. Фактически Шварц не обладает четко выраженным сознанием». Не было его, как известно, и у «буржуазного» автора этого романа.

Закончив лиссабонскую историю, Ремарк принимается писать еще один роман об эмигрантах: первые наброски к нему сделаны еще в 1950 году. За семь лет будет создано несколько вариантов, но книга останется незавершенной. Один из этих вариантов будет назван окончательным и выпущен в свет под заголовком «Тени в раю». Так через год после смерти писателя будут грубо нарушены элементарные правила издательской этики. А ведь он бился над рукописью из последних сил. Мучимый тяжелыми недугами, надеялся довести дело до конца.

В сентябре 1963 года инсульт приковывает Ремарка к постели. Временами отнимается половина тела, нарушается речь, неделями не слушается рука. В январе 1964-го он сообщает матери Полетт: «Это мое первое письмо после

двух месяцев бездействия... Как видишь, огрехов хоть отбавляй. Врач, однако, считает, что нужно просто время, со временем мне станет лучше». Полетт, находящаяся в Нью-Йорке, получает в феврале 1964-го такую весточку: «Здравствуй, моя маленькая рубиновая принцесса! Тихонько сижусь здесь и пишу Тебе очень нетвердой рукой... Попробуй-ка найти ласковые слова, когда перо скользит так медленно и ты того и гляди налепишь ошибок. А в сердце у меня только Ты, мой маленький шимпанзенок!» Ремарк понемногу поправляется, однако болезнь круто меняет его жизнь. Находясь в октябре 1964-го в Венеции и Флоренции, он опять начинает вести дневник, но занимается этим недолго. Сколь тяжело жилось ему в те недели, показывают и обе следующие записи: «Все умерло в первой половине 1964-го — во время продолжительной депрессии. Зачем? Так стоял вопрос. Ради тех немногих дней, что еще оставались? Первое серьезное соприкосновение со смертью — собственной смертью». «Еще летом 64-го не верилось, что захочется коллекционировать и дальше. Мне казалось это больше не нужным... Действительно, зачем? Ведь скоро все пройдет. Гнетущее чувство оттого, что остаток жизни приблизился так неожиданно. Депрессия была долгой, вызванной отчасти неясностью в денежных вопросах. Но в гораздо большей степени — болезнью, к симптомам которой она якобы относится. А также, пожалуй, озабоченностью: не снизилась ли работоспособность?»

Большую часть года Ремарк проводит в Порто-Ронко, Полетт уезжает — сперва в Нью-Йорк, потом в Париж. Для нее это тоже нелегкая ситуация. «Не ладится с П. Ей тяжело — что ей, собственно, тут делать? В одиночестве, я немногословен, знакомых у нее почти нет, тишь да глушь, говорящих по-английски не сыскать, а все время читать невозможно... Чем я могу помочь? Путешествовать пока не в состоянии. Лекарства притупляют ум. Бедняжка П. В ней столько задора и природной резвости! Здесь же она точно стреножена». Ремарк пишет эти строки, пережив в начале 1965 года в Милане еще один сердечный приступ и пролежав около месяца в клинике.

Из Оснабрюка приходит весть об оказанных ему почестях. Хотя и с большим опозданием, но его родной город все-таки начинает вспоминать о своем самом знаменитом сыне. В декабре 1963 года Ремарка награждают медалью

Мёзера. Поскольку поехать в Оснабрюк, чтобы принять награду на месте, он не может (или не хочет), то через год, серым дождливым ноябрьским днем, делегация города отправляется в Тессин и посещает лауреата в его доме на Лаго-Маджоре. С добрыми намерениями, конечно, но хозяину дома этот визит не доставляет удовольствия. Есть в этом что-то трагикомическое: «Вчера утром делегация из Оснабрюка; обербургомистр Кельх, городской голова Фосскюлер, пять сенаторов и муниципальных советников, фотограф, журналист с радио, репортер, Ханс-Герд Рабе в качестве репортера — всего одиннадцать человек, члены муниципального совета — в полосатых брюках и пиджаках цвета маренго. Произнося короткие речи, вручают памятную медаль со свидетельством, дарят старинную карту (Оснабрюка). Трогательно и скучно. Что делать с людьми, если с ними не о чем говорить? Попотчевали их гусиной печенкой, семгой и шампанским». Пришлось дать еще и ужин, только тогда вздох облегчения: «Был очень рад, когда все кончилось...»

Тем не менее Ремарк направляет оснабрюкцам теплое благодарственное письмо. Вообще же говоря, складывается впечатление, что новое поколение подросло и на берегах Хазе. Еще за год до появления делегации, в письме своему другу Хансу-Герду Рабе, вскоре после того, как ему исполнилось шестьдесят пять, Ремарк иронизировал: «Странно все-таки, сколь осторожны отцы города Оснабрюка, опасаются опростоволоситься — в отличие от премьер-министра Ганновера и бургомистра Берлина, эти взяли да и поздравили...» И вот теперь все-таки медаль, а в 1968 году одной из улиц города присваивается имя Эльфриды Шольц, казненной нацистами сестры писателя. Брат действительно растроган и радуется: «Я глубоко взволнован этим щедрым и благородным жестом, пишет он муниципальным советникам, — и благодарю Вас за это от всей души». Пройдет, однако, еще какое-то время, прежде чем родной город действительно одумается, присвоит одной из улиц имя писателя и выделит средства на создание музея и архива, дающих представление о его жизни и творчестве.

Между тем признание его заслуг и достоинств продолжается. В стране меняется политический климат. Консерваторы во главе с Людвигом Эрхардом хотя и побеждают на выборах 1965 года, но уже год спустя они вынуждены поделиться властью с СДПГ. В бундестаге возникает Большая коалиция, экс-эмигрант Вилли Брандт становится вице-

канцлером и министром иностранных дел, замшелые врата власти поскрипывают под ударами молодых бунтарей. Они заставляют отцов, долго делавших вид, будто германская история ничем особенно дурным себя не запятнала, взглянуть на нее с неприятной стороны. Поначалу это только вопросы, однако вскоре они выливаются в небольшую культурную революцию. Историки прекратят ссылаться на превратности судьбы и исключительность ситуаций, им придется писать о путях, приведших немцев к Гитлеру, а литературоведы вспомнят, что элита немецких писателей и поэтов жила в эмиграции.

В 1967 году Ремарк награждают Большим крестом за заслуги перед Федеративной Республикой Германия. В Порто-Ронко происходит скромная церемония вручения. Присутствуют Полетт и близкий друг Роберт Кемпнер. Только вот грамота, сочиненная в администрации президента, — истинный перл по скудости лестных слов в адрес виновника торжества. Причислить Ремарк к немецкоязычным писателям, наиболее читаемым в мире, — вот все, на что способны боннские бюрократы... В июне 1968 года его избирают членом-корреспондентом Немецкой академии языка и литературы в Дармштадте. Общины Ронко и Асконы неожиданно присваивают ему в том же году звание почетного гражданина, что, возможно, радует его не меньше высоких регалий. К 70-летию писателя президент ФРГ шлет поздравительную телеграмму. «Весьма тронут человеческим вниманием, которое Вы проявляете ко мне и к моим сочинениям... — отвечает Ремарк главе западногерманского государства. — Хотя я давно не был в Федеративной Республике, но тем не менее принимаю живое участие в ее судьбе и становлении, ибо как нельзя навеки предать анафеме страну из-за ее кровавого прошлого, так невозможно и напрочь забыть ее».

Литературной премии «народ поэтов и мыслителей» не удостоил всемирно известного автора и в последние годы его жизни. Важнее, однако, другое: роман «На Западном фронте без перемен» вошел с середины 1960-х годов в Германии в круг школьного чтения. То, что издательство «Ульштейн» уже в 1930 году с удовлетворением констатировало в отношении Веймарской республики, стало затем фактом в Федеративной республике: едва ли сыщется школьник или студент, не читавший эту книгу или, по крайней мере, не слышавший о ней. А чего еще желать писателю?

Кстати, о современной немецкой литературе Ремарк

в 1960-е годы почти не высказывается. В его интервью не встретишь имен Генриха Бёлля, Гюнтера Грасса, Зигфрида Ленца, Мартина Вальзера. «Видите ли, — говорит он в 1963 году в телебеседе с Фридрихом Люфтом, — ныне живущие немецкие писатели, по сути дела, в уникальной ситуации. Предыдущего поколения, к которому отношу и себя, уже не существует. Эмигрировав, оно по-настоящему так и не вернулось в Германию. Так что перед ними широкое пустое поле, где каждого сразу можно заметить. Тем не менее — всходы невелики. Как вы думаете: может быть, это объясняется подспудным страхом высказать все, что хотелось бы, или такого страха уже нет?» Заметим на полях: употребляя глагол «эмигрировать» и в этом интервью, Ремарк вновь выражает свое саркастическое отношение к недавнему прошлому своей родины.

Спустя два года он снова выскажется на эту тему — в рецензии, написанной по просьбе журнала «Шпигель» и, заметим, единственной в этом жанре во всем его послевоенном творчестве. Критическому разбору подлежит роман Ханса Фрика «Брайнитцер, или Другая вина». Бывший врач в одном из нацистских концлагерей, а ныне пенсионер в стране «экономического чуда», испытывает столь сильные муки за совершенные им преступления, что решает добиться суда не только над собой, но и над двумя сообщниками, один из которых теперь сутенер, а другой — начальник городской полиции. Но суд отвергает иск правдоискателя: они устали заниматься делами такого рода. «Брайнитцеру каяться не положено», — пишет «Шпигель» в краткой аннотации к рецензии Ремарка, а один из литературных критиков назовет ее «гимном» в честь молодого автора, заставляющего своим первым произведением вспомнить о кафкианских прозрениях. Ремарк обменивается письмами с Хансом Фриком, знал он и его отца, тоже обретавшегося в конце 1930-х за океаном.

Почти не касаясь художественных достоинств книги, Ремарк подчеркивает злободневность ее содержания. Не избегает при этом суждений о послевоенной немецкой литературе. «Можно было бы предположить, что чудовищное изобилие совсем недавно пережитого, из которого раньше одного дня хватило бы на всю писательскую жизнь, раскроется с огромной силой, — произошло же обратное: неожиданно соскользнув в прошлое, это пережитое на какое-то время стало странно нереальным...» После Первой мировой войны воображение людей потрясали драмы, стихотворе-

ния, романы Вальтера Хазенклевера, Эрнста Толлера, Леонгарда Франка, Франца Верфеля, экспрессионизм, новая живопись. «Последствия второй такой же войны были иными. Она не привела к взрыву возмущения, к вскрику, к революции. Это была тотально проигранная война — проигранная не только в разбомбленных городах, но и в разбомбленных головах и сердцах». И в этом, по мнению Ремарка, причина того, что немецкая литература молчала, слишком долго для нетерпеливого читателя, и двигалась потом вперед медленно и разрозненно, скорее благодаря отдельным достижениям».

Правда, в наличии были уже ранние романы Генриха Бёлля, превосходная проза Вольфганга Кёппена, монументальные эпосы Ханса Хенни Янна, книги Альфреда Андерша, «Жестяной барабан» Гюнтера Грасса. Лично Ремарк был, несомненно, разочарован: с его точки зрения, тема войны, нацистских преступлений, изгнания и эмиграции мало интересовала более молодых писателей. Гражданин мира, живший в Америке и соседних с Германией государствах, не мог не видеть, с каким неверием, гневом и презрением люди взирали там на то, что творилось в его родной стране на протяжении двенадцати лет — с зимы 1933-го до весны 1945 года. Там еще ничего не забыли и простили лишь какую-то малость. Своими деликатными замечаниями о работе более молодых коллег Ремарк затронул еще одно важное явление литературной жизни. В середине 1960-х годов новая немецкая литература не пользовалась мировым признанием. Томас Манн, Лион Фейхтвангер и Эрих Мария Ремарк оставались и в первые два десятилетия после 1945 года немецкими писателями, новые сочинения которых сразу же переводились и издавались в западном зарубежье, именно они — из когорты еще живших немецких романистов — представляли словесность своей страны в послевоенном мире. Положение начало меняться в 1970-х, но и тогда прорыв удался лишь небольшому числу произведений. Германия утратила имидж литературной державы.

Вообще же, завзятый книгочей Ремарк рецензий на новинки художественной литературы не пишет. Да и заказов из газет, по-видимому, не получает. Читал ли он романы молодых коллег оком литературного критика? Неизвестно. Ведя дневник, обычно записывает, кого и что в данный момент читает. Наряду с классиками — современных американцев, некоторых французов, а также свежие вещи немец-

ких товарищей по эмиграции из его поколения. Ни одно из произведений, написанных немецкими прозаиками в первое десятилетие после войны, не упоминается. (В 1955 году Ремарк, как мы уже знаем, прекращает вести дневник.)

Рецензии на книги Ремарк любил писать в 1920-е годы. Став знаменитым, высказываться о произведениях других писателей перестал. В 1962 году на нескольких страничках изложил свои мысли о книге Роберта Кемпнера «Эйхман и сообщники»: опубликованы заметки эти будут много позднее — через тридцать с лишним лет. И в данном случае это размышления о событиях недавнего прошлого. Писать вещи, воспринимаемые им как второстепенные, ему явно в тягость. И потому он пишет своему другу Кемпнеру: «Дорогой Дон Роберто, я заставил Вас ждать мой Review⁹⁸ Вашей книги бесконечно долго. Хотя работа у меня спорилась, и я наверняка написал бы с десяток таких обзоров. Всякий раз чего-то не хватало, не хватает и сейчас, но я знаю, что рецензент обязан укладываться в определенный объем... Тем не менее постоянно хочется чего-нибудь добавить, что-нибудь улучшить, в общем, хочется править, так что вся эта канитель может тянуться еще долго...»

Книга Кемпнера была опубликована во время судебного процесса над Адольфом Эйхманом, проходившего в Иерусалиме и получившего широкий международный резонанс. Архитектор геноцида европейских евреев был приговорен к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение в ночь с 31 мая на 1 июня 1962 года. В своих лапидарных заметках о книге Кемпнера Ремарк высказывает мысль, с которой мы уже встречались в его романах, знакомясь с образами тех или иных нацистов. «Они не аттилы и не чингисханы, — они старательные, раболепные, заикленные на своей карьере управленцы, денно и нощно стремящиеся превзойти друг друга в смертоубийствах, дабы выглядеть в глазах начальства еще более умелыми и прилежными; партийцы, имеющие право на получение пенсии, отцы семейств, работающие на благо отечества и не страдающие бессонницей; верные своему долгу мужи, со спокойной душой, в четырех копиях, подписывающие распоряжения, на основании которых должен быть истреблен целый народ, — хладнокровно, сообразно морали палачей и холопов: приказ есть приказ...» Зло банально, утверждает Ханна Арендт, но оттого, добавим от себя, не

⁹⁸ Обзор, рецензия (англ.).

менее ужасно. Антибуржуазные настроения Ремарка находят после Второй мировой войны гораздо более серьезную опору, чем в те годы, когда он с позиций юного ценителя искусств выражал свое возмущение поведением чванливого истеблишмента.

«Крохотки», которые Ремарк пишет наряду с романами, его суждения о современной ему немецкой прозе показывают, что и в последние десять лет своей жизни он с живейшим интересом следит за текущими событиями в мире, продолжая осмысливать историю Третьего рейха и последствия нацистской диктатуры.

Ремарк и на склоне лет остается *homo politicus*.

Неудивительно, что его творческие усилия во второй половине 1960-х годов вновь сконцентрированы на романе об эмигрантах. Он работает над ним, отправляя в корзину одну за другой готовые рукописи, и отложит перо лишь за несколько недель до смерти. Роман «Земля обетованная» остается незаконченным...

«Земля обетованная»

Снова повествование о тех, кто словно после кораблекрушения выброшен океанской волной на берег. Тема, не оставлявшая Ремарка до последних дней жизни. Он вновь обращается к судьбам людей, лишившихся родины, мучимых воспоминаниями о бегстве, борющихся за выживание. Но теперь он меняет место действия, перенося его в Америку. Драматургически, таким образом, иная точка зрения, нежели в предыдущих романах об эмиграции: изгнанники не живут более в мире, где под вопрос поставлено само их существование. Война идет в Европе и Азии — не в США. Здесь над тобой покуражится крючкотвор-бюрократ, тут могут посадить за решетку, но не грозят депортация, пытки, смерть. Щупальца гестапо не достают до Нью-Йорка. И хотя у тебя нет ни гражданства, ни гарантированного куска хлеба, ты — в стране, которую можно назвать «обетованной».

Не найдя прибежища ни в одной из европейских стран, капитулирующих под натиском гитлеровского вермахта, еврей Людвиг Зоммер — таковым он значится в паспорте, доставшемся ему в Париже после смерти владельца-антиквара, — оказывается в Нью-Йорке. Живет в дешевом отеле вместе с товарищами по несчастью, перебивается случай-

ными заработками. Нескончаемые разговоры о превратностях жизни, меланхолия, водка, снотворное, кошмарные воспоминания о гестаповских застенках и свирепых, коварных гонителях, нестерпимая горечь потерь, образы убитых жен, детей, друзей... Романом «Возвращение» Ремарк хотел показать читателям Веймарской республики, как война изменила тех, кто вернулся домой, уцелев в огне сражений. «Землей обетованной» он напоминает немцам о трагедии людей, которые, подобно Эрнсту Биркхольцу и его товарищам, не могут жить повседневной жизнью — так, будто с ними ничего не произошло.

Зоммер прибывает в Америку в середине 1944 года, и его рассказ о жизни в Новом Свете совпадает по времени с освобождением все новых и новых частей Европы от гитлеровских оккупантов. Людвиг Керн, Йозеф Штайнер («Возлюби ближнего своего»), Равик («Триумфальная арка») живут только настоящим, каждую минуту им грозит арест и неминуемая гибель. Зоммер же заглядывает вперед — в послевоенную Германию: «Мы им вовсе не нужны». И у Роберта Хирша, друга, наставника и спасителя Зоммера, есть все основания скептически смотреть на то, что ожидает реэмигрантов в поверженной Германии: «Вернуться! Они мечтают об этом. Мечтают как о некоем торжестве справедливости. Даже если никогда не признаются себе в таком желании. Оно не дает им пасть духом. И все же это — иллюзия! На самом деле они не верят, что вернуться. Питают только слабую надежду. А если все-таки вернуться, то никто о них и знать ничего не захочет. В том числе и так называемые хорошие немцы. Одни будут по-прежнему ненавидеть их, не скрывая этого, другие — тайком, из-за укоров совести».

Герои романа предвидят и умонастроения, которые будут господствовать в ФРГ в 1950—1960-х годах: «Когда эта война кончится, никаких нацистов не будет. Будут лишь порядочные немцы, спасавшие евреев». Стареющий и больной Ремарк пессимистически смотрит на свой век: «За последние тридцать лет много чего случилось, Людвиг. Праведного суда над этим кровавым прошлым не было и не будет. Иначе пришлось бы уничтожить полмира. Поверь старику...»

Роман обрывается на XXI главе. Людвиг Зоммер раздумывает, не поискать ли ему работу в Голливуде. Последние слова прозаика Ремарка звучат так: «Отправимся же, чтобы перезимовать, на фабрику грез, на карнавал безумного мира, картины мы там не испортим...»

Зимы и весны последних лет жизни Ремарк проводит в Риме. Он любит этот город, мягкий климат действует на него благотворно. Не исключено, что на длительном пребывании в Вечном городе настаивает и Полетт — в означенные времена года в Асконе тихо и пустынно. Сама она часто навещается в Нью-Йорк, Ремарк же отправится туда еще только раз. Когда в конце апреля 1966 года «Раффаэло», выйдя в очередной раз из геновской гавани, возьмет курс на запад, самым именитым пассажиром на его борту будет Ремарк. Лететь врачи запретили. И вот перед ним город, в котором он подолгу жила и страстно любил. Прощание с Метрополитен-музеем и театрами, ночные клубы перестали манить его уже давно. Удастся немного поработать над рукописью «Земли обетованной», к тому же ведь действие романа происходит в Нью-Йорке.

Вернувшись осенью в Порто-Ронко, он посылает своему другу Хансу-Герду Рабе письмо с объяснением в любви к городу, ставшему для него по-настоящему родным: «Я слишком долго жил в сельской тиши на Лаго-Маджоре, а Рим, Флоренция, Венеция не отличались, по сути, от этой идиллии, но Нью-Йорк! Город без меланхолических, удручающих чар прошлого! Кипение жизни! Будущее. Наверное, Нью-Йорком тоже можно пресытиться и опять затосковать по лачугам и мебели XVIII столетия — но я пробыл там два упоительных месяца».

В августе 1967-го — снова инфаркт. Через два месяца — острый сердечный приступ. Ремарк вынужден лечь в больницу Святой Агнессы в Локарно. Поздравляя Полетт с Новым годом, он пишет строки, пронизанные мужеством и благодарностью: «Капитанша моя разлюбезная, спасибо Тебе за то, что Ты твердой рукой провела утлое суденышко Твоего мужа через рифы минувшего года. Он был чудным, полным милых сюрпризов и теплых чувств. Ты даришь их мне, я же не могу ответить так, как хотелось бы».

Семидесятилетие приносит ему звание почетного гражданина Асконы и Ронко, Кипенхойер и Витч сочинили приветственный адрес, отклики в газетах Федеративной республики немногословны и суховаты. Как правило, они схожи с тем, что выжала из себя «Франкфуртер рундшау»: «В течение своей жизни Ремарк написал очень много и различного качества — более двадцати (!) романов и несколько пьес. Фильмы по его романам снимались так часто, что его стали называть “королем Голливуда”. В тридцатые годы он стал работать только в жанре детективно-развлекательно-

го романа, не отказываясь от намерения писать и на злобу дня». Ему самому никакая «шумиха» не нужна. «Если Ты узнаешь, — пишет он своему другу и соседу Хансу Хабе, — что кто-то задумал петь мне принародно дифирамбы, сделай, пожалуйста, все возможное, чтобы этого не произошло. Захотят это сделать, конечно же, от чистого сердца, но мне-то это будет не по душе». Так что все почести сведутся к Большому кресту за заслуги перед ФРГ и членству в Дармштадтской языковой академии.

В октябре 1968 года мать Полетт отмечает в Нью-Йорке свое 80-летие. Испытывая к ней глубокое уважение, Ремарк надеется прибыть на торжество и все же вынужден отказаться от приглашения. Работает над романом, едет с Полетт в Венецию. Они заходят в антикварные лавки, любят живопись в галереях, бродят по просторным площадям и вокруг омываемых морем дворцов того времени, которое он иногда ностальгически противопоставлял жестокому XX веку. Сердечные приступы повторяются, хотя и в более легкой форме, пока в августе 1969 года состояние здоровья резко не ухудшается. Снова приходится лечь в больницу. Совсем ненадолго он возвращается в «Каса Монте Табор». Потом — конец. «Сердце сдавало все больше и больше, — пишет Курт Рисс в своих воспоминаниях. — Стенокардия сопровождалась ужасными болями и приступами страха». Эрих Мария Ремарк умер в Локарно 25 сентября 1970 года. Заключение врачей: аорта, главная артерия, так расширена, что жизнь должна была неминуемо оборваться.

ЭПИЛОГ

Последний приют он нашел поблизости от дома, который приобрел сорок лет тому назад. Отсюда, с высоты холма, видны крыши селения и открываются необъятные дали озера. Панихиду служили в старой деревенской церкви в Ронко. Знаменитостей не было. Была, конечно, Полетт, из Германии приехала сестра, из Цюриха — Марианна Файльхенфельдт. Ни одного официального представителя страны, в которой он родился и на языке которой творил. Правда, соблезнование вдове выразил телеграммой Густав Хайнеман, президент ФРГ. Стоял возле гроба и друг умершего, Ханс Хабе: «Погребальный обряд прошел тихо, среди обилия цветов, без речей. Священник читал заупокойную молитву на итальянском — языке, которого Ремарк, проживший в Тессине более тридцати лет, так и не выучил. Из писателей не присутствовал никто, не было представлено ни одно правительство, впрочем, какое это могло быть — германское, американское или швейцарское? Тем не менее процессия, двигавшаяся за катафалком вдоль по-осеннему расцвеченной каменной ограды к погосту над Асконой, оказалась длинной. Были тут все ремесленники местечка, ученик пекаря, галантерейщик, юные продавщицы из лавочек, аптекарь, хозяйка питейных заведений... Красивые были похороны, говорили они потом, никто и не задумывался над тем, что провожают в последний путь большого немецкого писателя».

Сообщение о его смерти облетело весь мир, в бесчисленных некрологах воздавалось должное его личности и творчеству. Авторы откликов в Германии в большинстве своем так и остались в рамках привычных клише. Хотя звучали при этом и нотки сожаления: мол, почестей писателю, чьи книги переводились и читались на всех континентах,

было при жизни его явно недодано. «Немецкий народ, некоторые немецкие правительства, немецкая литературная критика и многие немецкие писатели, причислявшие к литературе более слабых “писателей”, а его вовсе и замечать не желавшие, поступали с ним не по справедливости», — писал во «Франкфуртер рундшау» Герман Кестен. В еженедельнике «Цайт» не скрывал своего изумления Марсель Райх-Раницкий: «Для своих книг он и в самом деле с поразительной последовательностью выбирал материал, считавшийся непопулярным и ни к чему не пригодным...» И почти сразу же приходил к весьма двусмысленному выводу: «Сильнейшей стороной писателя Ремарка оказался его вкус. Ибо это был вкус миллионов. Не правы те, кто утверждает, что он хотел идти навстречу читателям или польстить им. Он никогда в этом не нуждался. Его проза не знает уступок. Он всегда писал только о том, что и как ему нравилось. А публика именно это и хотела читать». «Давайте не будем заблуждаться, — сетовал во «Франкфуртер альгемайне» Эрнст Йоханн. — Ремарка не считают у нас субъектом литературы... ее немецкому цеху Ремарк неинтересен и безразличен, в каком месте политического спектра он бы ни находился, — слева, в центре или справа». Фридрих Люфт хотя и назвал его в газете «Вельт» «талантом с явно ограниченными возможностями», но критиковал и его собратьев по перу. Они обижались на него за то, «что он был Ремарком», а не Томасом Манном и не Дёблином и не Хемингуэем. Ремарку пришлось расплачиваться за свой успех и за то, что успеха он добивался своими средствами. Зачастую натужно ища оригинальную точку зрения, некрологи в целом только лишний раз показали, сколь подозрительным выглядел этот автор в глазах немецких критиков. Имидж «злопыхателя», закрепившийся за ним после сенсационного успеха в конце 1920-х годов, призраком бродил в их головах и после его смерти. У правды горький вкус, и тому, кто решается называть вещи своими именами, уготована судьба маргинала.

Роберт Кемпнер напомнил в небольшой заметке о конфузах, которыми сопровождалась те немногие почести, что были оказаны Ремарку его родной страной: «Ждать награды в виде Большого креста за заслуги Ремарку пришлось до 1967 года, а ведь он был уже серьезно болен... Хотя за такую награду высказались Вилли Брандт и издатель Витч, решение присудить ее откладывалось с года на год — из-за постыдного “дипломатического” рапорта, согласно кото-

рому после войны Ремарк не поддерживал отношений даже с тессинскими имперскими немцами».

В 1971 году имя Ремарка вновь появляется на газетных полосах. В издательстве «Дрёмер-Кнауэр» выходит шумно разрекламированный роман «Тени в раю». Полетт Годдар продала мюнхенским изготовителям читыва права на издание (фактически на торгах) по максимальной цене, и они спешат выбросить книгу на рынок. Издательство и вдова действуют не только небрежно, но и против воли автора. Ибо публике преподносится одна из более или менее произвольно выбранных версий. Исследуя рукописи романа, оставшегося незавершенным, Марк Вильгельм Кюстер доказал, «что существующий роман основан на забракованной Ремарком рукописи и появился не только без его авторизации, но и вопреки воле автора». «Единственной причиной, побудившей Дрёмера-Кнауэра выбрать именно этот текст, было желание сделать бестселлер...» Опираясь на ряд различных рукописей и машинописей, плотно стыкующихся друг с другом по времени и находящихся в архиве писателя, Кюстер показал, что Ремарк создал новую концепцию романа и переписал его. И так он работал над всеми романами, опубликованными при его жизни. Последняя, написанная рукой Ремарка версия эмигрантской истории была опубликована в 1998 году под названием «Земля обетованная» — и тоже как один из возможных вариантов.

Противореча самим себе, Полетт и душеприказчик Феликс Гуггенхайм утверждают сразу же после публикации романа: «И в свои семьдесят два он до последнего часа... правил и шлифовал роман (так оно и было. — *В. Ш.*). Мы нашли не менее шести версий, последняя из которых была напечатана (этого как раз и не было. — *В. Ш.*)». Деловитая вдова и мюнхенское издательство достигают своей цели: книга производит впечатление литературной сенсации и раскупается очень хорошо.

Критика, не имевшая, правда, понятия о ситуации с рукописями, роман не приняла. «Цайт»: «Можно пожалеть хозяина виллы в Ронко, богатого, бедного Ремарка. Нельзя не пожалеть немецких читателей, продолжающих читать эту смесь из авантюрного и начитанного, из утонченного образа жизни и незамысловатой психологии, из трехзвездного коньяка и трехгрошовой философии...»; «Франкфуртер рундшау»: «Там происходит просто слишком много незначительного...»; «Шпигель» (в котором Роберт Нойман в

общем-то старается писать о последней вещи бывшего соседа в дружеском тоне): «Автобиография, удешевленная до романа. Это все то же удешевление, что всегда было секретом ремарковского успеха»; «Зюддойче цайтунг»: «У романа Ремарка, прежде всего в начале, вкус испитого чая...»

Постепенно имя покойного перестает тревожить общественность. Правда, в родном городе писателя разыгрывается фарс с участием всех его обитателей. В марте 1971-го магистрат решает переименовать Паркштрассе в Эрих-Мария-Ремарк-штрассе. Что вызывает возмущение у некоторой части населения. «Фирма “Зайфенплац” даже пригрозила перенести сферу своей деятельности из Оснабрюка в другое место». Опасаясь потерять исправного налогоплательщика, отцы города принимают 15 мая того же года другое решение. Карлсринг должен теперь называться Кольцом Эриха Марии Ремарка. Тут же опять раздаются голоса протеста, выливаясь и на полосы газет. Разгорается нешуточный спор: кого же должен вытеснить из списка улиц блудный сын города — Карла Великого или Иоганна Карла Штюве? К чести большинства оснабрюкцев именем своим жертвует последний. Но и это мало что меняет: «А кто он, собственно, такой, этот Э. М. Ремарк? Неужели он так знаменит как уроженец Оснабрюка, что ради него должен отдать свою кровь, а то и умереть столь же знаменитый, если не еще более знаменитый сын города?» С присущей немцам основательностью дело рассматривается в суде, а в сентябре 1975 года его решение утверждается магистратом. Так в Оснабрюке появляется улица, именуемая Э.-М.-Ремарк-ринг.

Полетт Годдар старалась соответствовать своей роли в качестве управляющей наследством. Правда, не всегда с необходимым чувством такта, как показала публикация романа, оказавшегося частью наследия.хлопотала, и не без успеха, о том, чтобы «Последняя остановка» была поставлена и на американской сцене. В 1973 году премьера состоялась в театре Эйзенхауэра в Вашингтоне, а вскоре и в «American National Theatre and Academy» в Нью-Йорке. В обработке известного сценариста Питера Стоуна пьеса получила название «Full Circle», да и ставил ее не кто иной, как Отто Премингер. «Это доброжелательный, но суровый урок потомкам, которым надо учиться испытывать страх перед сорвавшимися с цепи бесами, этими порождениями дьявольской мании величия...» — писала «Нойе цюрхер цайтунг». Американская пресса хвалила и пьесу, и инсце-

нировку, и игру актеров. Проблемы у критиков по ту сторону Атлантики были лишь с оценкой действий русского офицера, спасающего беглого узника-еврея и разоблачающего хитроумного эсэсовца: у Ремарка он был однозначно положительным героем.

В 1977 году под названием «Бобби Дирфилд» вышел фильм, снятый по роману «Жизнь взаймы», в 1979-м Делберт Манн сделал римейк «На Западном фронте без перемен», а Энтони Хопкинс сыграл в 1984 году роль Равика в новой экранизации «Триумфальной арки». К этому добавились две работы мастеров немецкого телевидения: «Ночь в Лиссабоне» в 1971-м и «Черный обелиск» в 1988 году.

Вдова продала часть картин из собрания Ремарка и — в 1976 году на аукционе «Сотбис» — более тридцати дорогих восточных ковров. Она по-прежнему подолгу жила в Нью-Йорке. В 1975 году у нее обнаружили рак груди. Тяжелая операция изменила жизнь этой красивой женщины. В последние годы она часто уединялась в Порто-Ронко, страдала от сильных болей, много пила. Гостей принимала редко... Полетт Годдар встретила смерть 23 апреля 1990 года в доме Ремарка. Ее похоронили на том же кладбище, где покоится прах писателя и ее матери.

Все наследство писателя и мировые права на издание его сочинений она поместила в фонд, управляемый Нью-Йоркским университетом. Дом был продан, власти Тессина потребовали ликвидировать многомиллионную задолженность по налогам, и ответчиком оказалось высшее учебное заведение.

Ютта Цамбона, получившая по завещанию Ремарка 50 тысяч долларов, умерла в 1975 году в Монте-Карло. До 1971 года она жила в Италии и благодаря заботам Ремарка никогда не испытывала после развода материальных трудностей. Наташа Палей скончалась в декабре 1981 года в Нью-Йорке. Марлен Дитрих пережила их всех. Она умерла в 1992 году в Париже.

В 1975 году издательство «Кипенхойер унд Витч» приобрело права на издание «Трех товарищей», «Возлюби ближнего своего» и «Триумфальной арки». Таким образом, права на издание произведений Ремарка в немецкоязычных странах оказались в одних руках. В 1980-х годах все романы — за исключением ранних — были переизданы... За рубежом сочинения Ремарка постоянно выходят и в новых переводах. Общий годовой тираж, по приблизительным оценкам, выражается цифрой в несколько миллионов.

И спустя почти полстолетия после смерти писателя он не забыт, его читают во всем мире.

Пусто в доме на Лаго-Маджоре. Нет на стенах великолепных картин и ковров. Проникая сквозь щели в закрытых ставнях, по большой комнате с камином грустно скользят лучи средиземноморского солнца. Широкая терраса покрыта глубокими трещинами, сад одичал. Легкий осенний ветерок доносит с набережной и озера приглушенный шум моторов, веселые детские голоса... Но человек, зашедший в дом, не слышит их. Он слышит голоса минувшего. Печальные голоса людей, рассказывающих о жизни с ее нескончаемыми тяготами и ужасами, об иллюзорности счастья, о женщинах и мужчинах, о неизбежности конца... «Одиночество, — думает Равик, — извечный рефрен жизни».

БЛАГОДАРНОСТЬ

При работе над этой книгой мне была оказана помощь со стороны целого ряда замечательных культурно-исторических учреждений. С чувством глубокой благодарности я думаю о сотрудниках Центра Эриха Марии Ремарка при Оснабрюкском университете, Фейлской библиотеки в Нью-Йорке, где хранятся рукописи и дневники писателя, архива Марлен Дитрих в Берлине, Немецкого литературного архива в Марбахе, Немецкой библиотеки Франкфурта-на-Майне с находящимся в ней Архивом немецкой эмиграции.

Мне бесконечно дороги советы, которые я получил от людей, знавших Ремарка лично. Рут Альбу, Марианна и Вальтер Файльхенфельдт, Фриц Хугельман, Рут Мартон и Мария Рива рассказывали о своих встречах с ним с необыкновенной откровенностью.

Особой благодарности с моей стороны заслуживает д-р Томас Ф. Шнайдер — за его бесчисленные советы и критические замечания. Не было такого вопроса о жизни и творчестве Ремарка, на который он не смог бы ответить. Не было и такого документа, место нахождения которого он не мог бы определить. Умной и заботливой спутницей автора была в ходе работы над книгой моя дочь — Юдит фон Штернбург. Ее дельными советами книга обогатилась, благодаря предложенной правке приобрела более внушительный вид. Полную же ответственность за содержание и качество текста несет, разумеется, его автор.

*Висбаден, март 1998 года
Вильгельм фон Штернбург*

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ЭРИХА МАРИИ РЕМАРКА

- 1898, 22 июня — в семье книжного переплетчика Петера Франца Ремарка и Анны Марии Ремарк родился второй ребенок — Эрих Пауль.
- 1904 — Эрих поступил в церковную школу.
- 1915 — начало обучения в Католической учительской семинарии.
- 1916, 21 ноября — Эриха Пауля Ремарка призывают в армию.
- 1917, 17 июня — отправка на Западный фронт.
31 июля — будущий писатель получает многочисленные ранения — в руку, ногу и голову, остаток войны проведя в военном госпитале.
- 1919 — начало работы учителем.
- 1920 — публикация первого произведения — «Приют грез».
- 1921 — устраивается редактором в журнал «Эхо Континенталь», впервые подписывается именем Эрих Мария Ремарк.
- 1925, октябрь — женитьба на Ильзе Ютте Цамбоне, бывшей танцовщице.
- 1929 — в свет выходит роман «На Западном фронте без перемен».
- 1932 — писатель переезжает в Швейцарию.
- 1936 — написаны «Три товарища».
- 1937, весна — знакомство с Марлен Дитрих.
- 1939 — переезд в США.
- 1943, 30 декабря — казнь сестры писателя Эльфриды Шольц за антивоенные и антигитлеровские высказывания в Германии.
- 1951 — знакомится с Полетт Годдар.
- 1956 — из печати выходит «Черный обелиск».
- 1957 — официальный развод с первой супругой.
- 1958 — писатель женится на Полетт Годдар и возвращается в Швейцарию.
- 1963 — первый инсульт.
- 1967 — немецкий посол в Швейцарии вручает Ремарку Большой крест за заслуги перед Федеративной Республикой Германия. Прямо на церемонии у писателя происходит очередной сердечный приступ.
- 1970, 25 сентября — Эрих Мария Ремарк скончался на 73-м году жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава первая.</i> «Я ПОСТАРАЮСЬ ПИСАТЬ ПРАВДУ!» ...	5
<i>Глава вторая.</i> «НЕВОЗМОЖНО БЫЛО ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЯ В БУДУЩЕМ...» (1898—1917)	30
<i>Глава третья.</i> «ЖИЗНЬ — ЭТО ВСЁ» (1917—1924)	69
«Приют грёз»	80
«Гэм»	104
<i>Глава четвертая.</i> «ПРОПОВЕДОВАТЬ КАКОЕ-ЛИБО УЧЕНИЕ Я НЕ НАМЕРЕН» (1925—1928)	115
«Станция на горизонте»	120
«На Западном фронте без перемен»	125
<i>Глава пятая.</i> «Я БЕГУ ОТ ЛЮДЕЙ» (1929—1931)	154
«Возвращение»	170
<i>Глава шестая.</i> «КОГДА ЕВРОПЕ ПРИДЕТ КОНЕЦ?» (1932—1939)	196
«Три товарища»	214
<i>Глава седьмая.</i> «ЧЕЛОВЕКУ НУЖНО ИМЕТЬ СИЛЬНОЕ СЕРДЦЕ...» (1940—1948)	245
«Возлюби ближнего своего»	253
«Триумфальная арка»	279
<i>Глава восьмая.</i> «У РАЗУМНОГО — ПЕРСПЕКТИВЫ НЕТ» (1948—1955)	291
«Искра жизни»	304
«Время жить и время умирать»	319
<i>Глава девятая.</i> «СЕРЬЕЗНОЕ СОПРИКОСНОВЕНИЕ СО СМЕРТЬЮ» (1955—1970)	335
«Черный обелиск»	342
«Небеса не знают любимчиков»	350
«Ночь в Лиссабоне»	356
«Земля обетованная»	366
Эпилог	370
Благодарность	376
Основные даты жизни и творчества Эриха Марии Ремарка	377

Вильгельм фон Штернбург

Ш 90 Ремарк. «Как будто всё в последний раз» / Вильгельм фон Штернбург; пер. с нем. А. С. Егоршева. — М.: Молодая гвардия, 2018. — 378[6] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1744).

ISBN 978-5-235-04143-1

Эриха Марию Ремарка можно смело назвать летописцем немецкой истории первой половины XX столетия. Начав с книги, принесшей ему мировую славу, он, подобно Эмилю Золя, нарисовал в своих романах грандиозную картину нравов своего времени — той совсем не далеко отстоящей от нас эпохи, которая оказалась отмеченной двумя мировыми войнами, террором, насилием, изгнанием людей с их родных мест, ложью и презрением к таким вроде бы неизменным человеческим ценностям, как любовь и дружба. В грозовой атмосфере тех лет складывалась и протекала личная жизнь Ремарка — с его преклонением перед женской красотой, с его тягой к комфорту и полотнам старинных мастеров, с его пристрастием к алкоголю.

Известный историк и публицист Вильгельм фон Штернбург решил выступить первопроходцем и рассказать нам о писателе, чьи книги издавались миллионными тиражами и неоднократно экранизировались, но давали лишь смутное представление о его собственной жизни. А она была, как выясняется по мере чтения этой биографии, противоречивой: яркой и мучительной, целеустремленной и сумбурной, праздной и полной тяжкого труда.

Вильгельм фон Штернбург сумел соединить очерки исторической обстановки, размышления над романами, отрывки из писем и дневников, а также собственные оценки взглядов и поступков Ремарка в такое жизнеописание, знакомясь с которым возникает неодолимое желание читать самого Ремарка — читать его романы, рассказы, пьесы, стихотворения, эссе, интервью, письма, дневники. И ощущать при этом горечь одиночества, сердечное тепло и необоримость человеческого духа.

УДК 821.112.2.0(092)
ББК 83.3(4Гем)

знак информационной
продукции

16+

Вильгельм фон Штернбург

РЕМАРК. «КАК БУДТО ВСЁ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ»

Редактор А. Ю. Сергеева-Клятис

Художественный редактор А. В. Никитин

Технический редактор М. П. Качурина

Корректор Т. И. Маляренко

Сдано в набор 07.03.2018. Подписано в печать 13.04.2018. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 20,16+1,68 вкл. Тираж 4000 экз. Заказ № 1805930.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-04143-1

ISBN 978-5-235-04143-1

9 785235 041431 >

М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я